

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ  
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ  
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

# Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ  
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

**29-том**

МАҚАЛАЛАР, ЗЕРТТЕУЛЕР,  
ӘДЕБИ СЦЕНАРИЙ, ӘНГІМЕЛЕР, ПЬЕСА

1947–1950

“ДӘУІР”  
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ  
2014

УДК 821.512.122  
ББК 84 Қаз-7  
Ә 82

*Қазақстан Республикасының Мәдениет министрлігі  
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»  
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Редакциялық кеңес:  
Кеңес төрағалары – *М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов*

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,  
филология ғылымдарының докторы *У. Қалижанов*

Кеңес мүшелері:  
*Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С.,  
Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағауин М., Мұртаза Ш.,  
Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.*

**Әуезов М.**

**Ә 82** Шығармаларының елу томдық толық жинағы. –  
Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

29-том: Мақалалар, зерттеулер, әдеби сценарий,  
әнгімелер, пьеса. 1947–1950. – 432 б.

**ISBN 978-601-294-171-5**

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академия-  
лық толық басылымының 29-томына “Стойкое племя” пьесасы, “Асыл  
нәсілдер” әнгімесінің екінші нұсқасы, “Степной батыр” әдеби сценарийі,  
“Манас” – киргизская народная героическая поэма”, “Әбділда Тәжібаев”  
сынды мақалалары мен зерттеулері енді.

Кітап ғылыми жұртшылыққа, қалың оқырман қауымға ұсынылады.

**УДК 821.512.122**  
**ББК 84 Қаз-7**

ISBN 978-601-294-171-5 (29-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет  
ISBN 978-601-294-142-5 және өнер институты, 2014

**Мақалалар,  
зерттеулер**





## **“МАНАС” – КИРГИЗСКАЯ НАРОДНАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА**

### **Сказители. Сюжет. Стыль**

Великая Октябрьская социалистическая революция за- стала период угасания, постепенного отмирания больших эпических традиций в киргизском народном творчестве. Только благодаря совершившемуся социалистическому перевороту удалось вовремя произвести первые записи народного сокровища в полном его объеме. Записи эти были сделаны, как известно, от сказителей “Манаса” Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева<sup>1</sup>.

Не всякий певец, носитель мелких форм устного творчества, таких как “Секетбай”, “Куйгон” и т.п., знающий отрывки из “Манаса”, может назваться манасчи. Настоящие былинные певцы, иначе — жомокчу, не были исполнителями этих мелких песен.

Особый репертуар и даже жанр передачи отличали настоящих исполнителей эпических песен от певцов типа казахских акынов, которые наряду с лирическими и обрядовыми песнями пересказывали и отрывки из былинного эпоса.

Распространенный тип киргизского “ырчи” предреволюционных лет представлял собой исполнителя “кошока” (причета-плача) и разных увеселительных песен, сменяющего иногда, по желанию аудитории, эти песни заученными отрывками или даже целыми эпизодами из “Манаса” или “Семетя”.

Слушатели, в большинстве своем не знакомые с полным текстом “Манаса”, исполнявшимся настоящими жомокчу, не жалели похвал певцу, заучившему лишь незначительные отрывки. А Сагымбай со своим текстом “Ма-

наса”, который он не мог исчерпать даже в течение трехмесячного исполнения, конечно, не был доступен большинству любителей устных сказаний. Поэтому неискушенные слушатели в каждом районе называли ряд имен якобы отличившихся манасчи. На самом деле большинство этих сказителей знали из “Манаса” только два-три эпизода, актуальных по тематике или с этнографическо-бытовой стороны, таких как “Поминки по Кокетаю” (“Кокотайдын ашы”), либо наиболее интригующую героиню прошлого – “Великий поход” (“Чон казат”), либо эмоционально действующую любовную лирику – “Ай-Чурек” из “Семетея”. Вот самые популярные и характерные для репертуара этих певцов “ырчи” песни из “Манаса” и “Семетея”. Исполнение “Манаса” теперь сводится к сказанию популярных эпизодов или сокращенной редакции, составленной из наиболее актуальных отрывков. Изменившиеся со времени Октябрьской революции социально-экономические условия привели к смене вкусов и запросов вновь формирующейся слушательской среды. Генеральная линия в устном творчестве стала определяться количественным и качественным ростом новых жанров фольклора. Однако это не повлекло за собой отмирания “Манаса”, напротив, популярность его непрерывно растет; больше того, произведение узко киргизского фольклора – “Манас” – стало достоянием всего советского народа.

## Сказители эпоса

Наше ознакомление с киргизской героической эпопеей начнем с вопроса о ее сказителях.

Как ни странно, в народной памяти и в устах жомокчу не сохранилось ни одного имени древнейшего сказителя “Манаса”. Правда, в варианте Сагымбая упоминается поэт-дружинник Джайсан ырчи, который

Жалан уйдун борымын,  
Жарым кундей ырдаган.

Одно украшение юрты  
Воспевал полдня.

Но это упоминание о мифическом поэте, якобы современнике Манаса, не дополняется никакими новыми сведениями или хотя бы косвенными упоминаниями о нем в других случаях. Так что только в виде предположения можно говорить о создании первых песен “Манаса” этим поэтом.

Почему же не сохранилось ни одного имени древнего исполнителя эпоса? По крайней мере, певец, унаследовавший традицию предшественников, мог бы сохранить кое-какие из имен, как это бывает сплошь и рядом в эпосе других народов. Очевидно, в киргизском эпосе традиция была иная. Здесь каждый певец как будто бы сознательно замалчивает вопросы возникновения и передачи исполняемой им песни. Так поступает Сагымбай (за исключением вышеприведенного случая). Исполнители-предшественники, от которых непосредственно последующий поэт воспринял материал, им не упоминаются.

Эпическая песня, устный сказ всегда ведутся от лица анонимного рассказчика. Поэт — только сказитель, только передатчик того, что по фабуле известно слушателям и что он лишь пересказывает своими словами. Лирическим отступлением, личному вмешательству сказителя не остается места. Нарушение эпического спокойствия, хотя бы даже к стати введенными лирическими излияниями, равносильно нарушению законов жанра, устойчивой канонической традиции. Если исходить из этой точки зрения, можно сказать, что киргизский эпос сохранил чистоту жанра почти до последнего момента, не включив в свой текст ни одного имени предшественников Сагымбая. Во всяком случае, в раннюю пору возникновения былины эта традиция, по видимому, держалась прочно, и в ней-то надо искать первопричину, в силу которой преданы забвению имена древних сказителей.

Но наряду с этим положением возникает и другой момент — специфический на киргизской почве и, по-нашему, не менее значительный для объяснения того же самого вопроса. Дело в том, что в среде киргизских жомокчу существовала и в известной мере продолжает существовать вера в наитие (дааруу). Поэтому настоящие певцы “Манаса” выдавали свой вариант за нечто внушенное им свыше,

объясняли его вмешательством сверхъестественных сил, якобы призвавших их к этой роли и вселивших в них сразу, как в избранников, знание “Манаса”.

Неимоверный объем эпоса способствовал распространению и укреплению этой веры в среде слушателей. Возможность заучивания всей песни от предшественников исключалась. Исключалась и шепетильность по отношению к поэме как созданию одного определенного автора. Возможные совпадения не случались. Никто не имел намерения разоблачать “избранников муз”. Хотя у Сагымбая, Тыныбека и Акылбека, как передают помнящие их исполнители старики, были общие места, однако каждый из сказителей “Манаса” утверждал, что его вариант самостоятельный, что он ему диктуется свыше. Впоследствии это утверждение стало профессиональным приемом, и ни один жомокчу не избегал его. Не составлял исключения и Сагымбай. Бывали, правда, случаи, когда искусство сказывания “Манаса” переходило от отца к сыну, от одного родственника к другому, но и тогда манасчи твердили о своем наитии. Для нас важен факт этой веры в сверхъестественное. Она-то и исключала возможность упоминания имен предшествующих поэтов. Память о наиболее выдающихся сказителях сохранялась только в поколениях непосредственных слушателей. А каждый новый поэт упоминал только свое имя. По крайней мере, так обстоит дело в отношении сагымбаевского варианта. Здесь имя и фамилия сказителя упоминаются не однажды в каждом цикле. Поступали ли прежние поэты так же, как Сагымбай, прибегавший даже к некоторой саморекламе, сказать трудно.

Возможно, что в лице Сагымбая мы застаем уже первого былинного певца, осознавшего роль индивидуально творчества. А может быть, Сагымбай — не первый сказитель былины, до сознания которого дошел вопрос об авторском праве и соблазнил его. Поэтому он спешит сказать, где это кстати, о Сагымбае, “наделенном высшими дарами”.

С этой стороны интересно упоминание в сагымбаевском варианте о Жайсан ырчи. Слово “жайсан” в казахском употреблении означает “богатство, обилие” (каска жайсан). Возможно, то же самое означало оно и в киргизском употреб-

лении. Тогда “жайсан” и в “Манасе” есть не что иное, как эпитет к имени анонимного певца, подобно “Кемель акыну” в “Козы-Корпеш и Баяне” или “вещему Баяну” в “Слове о полку Игореве”. Насколько можно судить по данным других поэм, действительные имена поэтов в контекст никогда не включались. Впоследствии, когда сказителям “Манаса” приходилось, как передают старые слушатели, выдерживать натиск со стороны фанатических мулл и защищать свою профессию, они вынуждены были ссылаться на “высокое покровительство” их искусству, на вмешательство “сверхъестественных сил” — духов предков и самого Манаса.

Прежде чем перейти к роли сказителей в формировании эпической песни, остановимся на сохранившихся многих именах, дошедших до нас по устным рассказам.

К самому старшему поколению принадлежит Кельдыбек из рода Асык. Родился он, как утверждают, в пятидесятых годах XVIII столетия. В устном предании говорится, что он начал исполнять “Манас” уже будучи в зрелом возрасте. Вообще о Кельдыбеке знают сейчас немногие. Несмотря на сравнительную недавность времени, когда он выступал, народная память о нем уже успела потускнеть. Сохранили его имя только отдельные старики и специально интересующиеся этим вопросом люди. Кто исполнял “Манас” до Кельдыбека, неизвестно. Рассказывают только, что исполняли его еще во времена набегов киргиз-казахского хана Аблая в 1776 г. Промежуток между выступлением Кельдыбека и этим историческим событием незначительный.

О Кельдыбеке по киргизским преданиям мы знаем очень немного. В рассказах о нем есть примесь фантастического элемента. Говорят, что когда пел Кельдыбек, то дрожала юрта, в которой он сидел, “силой своего пения он потрясал стихии, на аул неожиданно налетал ураган, и среди этой бушующей стихии наезжали неведомые всадники, от топота их коней содрогалась земля”. Упоминание о всадниках не случайно. Эти всадники не кто иные, как Манас и его “кырк-чоро” (сорок соратников): намек на высокое покровительство самого Манаса, который, по верованиям всех жомокчу, лично избирает певцов, являясь к ним во

сне и требуя распространения песни о нем среди потомства. Кельдыбек, согласно сегодняшним преданиям, отличался от остальных поэтов тем, что обладал настоящей магией слова, чудодейственной силой, которой были подвластны и природа, и духи предков, каждый раз удостаивавшие необыкновенного своего избранника личным присутствием”. Такой легендой окружила имя Кельдыбека народная фантазия. А со дня его смерти прошло не более 135–140 лет.

Поэтов-сказителей последующих поколений предание помнит уже без примеси фантастики, в обыкновенном, человеческом виде. Преемником Кельдыбека является известный и сейчас в широких кругах Балык. Он выступал немного позднее Кельдыбека и в первой половине прошлого столетия стяжал славу большого жомокчу. Несомненно, что он застал Кельдыбека и, вполне возможно, многое воспринял от него. Хотя биографических сведений о Балыке не имеется, но, принимая во внимание побочные сведения о привычке начинающих сказителей “Манаса” подолгу пребывать около какого-нибудь известного жомокчу, можно допустить, что Балык был продолжателем Кельдыбека, или, по крайней мере, воспринял от него кое-что.

В своем исполнении Балык стал новой знаменитостью и начал затмевать собой славу своего предшественника. При этом, как водится во всех подобных случаях, представители старшего поколения, непосредственные слушатели Кельдыбека, перевозносили имя этого последнего, продолжали жить под гипнозом его дарования. А молодое поколение противопоставляло ему своего представителя, чтобы передать потомкам его имя как поэта, непревзойденного в прошлом и не могущего быть превзойденным в будущем. А когда почитание Балыка, внушенное старшими, упрочилось среди младшего поколения, ему стали иногда приписывать качества, ранее присваивавшиеся его предшественнику. Так, мне пришлось слышать среди киргизов Пржевальского района похвалы Балыку, выражаемые приблизительно в той же форме, что и Кельдыбеку.

Балык — поэт сравнительно недавнего времени, и воспоминания о нем, слегка приукрашенные фантастикой, могли быть основаны на реальных фактах. Это имя гораз-

до меньше покрыто толщей исторической пыли, чем имя Кельдыбека. Дар Балыка наследовал его сын, не менее популярный поэт Найманбай. Таким образом, начиная с Балыка уже можно проследить традицию в передаче и наследовании “Манаса”. И здесь, вопреки ссылкам самих поэтов на сверхъестественное, обозначаются линии передачи эпоса от одного исполнителя к другому. Так, например, от Балыка сказание перенял Найманбай – переход от отца к сыну, от старшего брата Али-Шера перенял Сагымбай – переход тоже по линии родственной. Это напоминает потомственную преемственность поэтов Древней Греции, семей карело-финских певцов рун и русских сказителей из б. Олонецкой губернии.

Мы не знаем, какие родственные связи существовали между киргизскими поэтами Акылбеком, Тыныбеком и другими, жившими после Балыка и Найманбая, но известно, что одни из них являются современниками Найманбая, другие – люди последующего поколения, т.е. почти все жили в одно и то же время. Старший из них раньше приобретал известность, младший часто слушал его исполнение, сталкивался с другими жомокчу и рядовыми ырчи, запоминал и заучивал новые общеизвестные отрывки и таким образом постепенно расширял рамки своих знаний.

Конечно, когда речь идет о настоящих, признанных жомокчу, безусловно нужно говорить и о их собственном творческом участии. Жомокчу – аэд, тогда как ырчи родственны древнегреческим рапсодам. Преуменьшать долю участия аэда в формировании былины, порой, быть может, весьма значительную, мы отнюдь не намерены. Напротив, начиная нашу работу главой о сказителях, мы считаем необходимым раскрыть и оценить их решающую роль. Несомненно, как древнегреческие поэты, так и киргизские, заучивая, воспринимая известный вариант от своего предшественника, они многое переделывали, добавляли и сокращали, в соответствии со своим настроением, пониманием и оценкой отдельных эпизодов. Как уже указывалось выше, в исполнении разных поэтов было очень много общих мест. Это – основной сюжетный стержень, борьба, коллизии обстоятельств со всеми перипетийными переломами, в общем, все динамические темы, актуальные мотивы

вы, из которых складывалась повествовательная сторона эпической песни. И во всех эпизодах поэмы, как можно судить по рассказам стариков, выступали одни и те же герои в одних и тех же ролях, с приблизительно общей характеристикой их личности и деяний. Поэтому-то старики, слушающие различных жомокчу, утверждают, что и ранние, и поздние поэты рассказывали почти одно и то же. К этим утверждениям нужно добавить, что у одного сказителя, как у Каралаева, мог преобладать интерес к героическим сценам и боям, у другого — к быту, нравам и иным описательным моментам.

Говоря об общей канве поэмы, следует сказать, что если верить старым слушателям, то и Найманбай, и Акылбек, и Тыныбек начинали свою повесть с рождения Манаса, в одной и той же последовательности излагали рассказы об Алмамбете, Кошое, Джолое, в таком же порядке описывали поминки по Кокетаю, Великий поход и ряд других эпизодов. Как у Сагымбая, так и у прежних певцов встречалось очень много географических наименований, названий неизвестных нам народов, имен их богатырей и ханов. Причем все певцы будто бы называли почти одни и те же имена даже эпизодических фигур, второстепенных персонажей.

Это позволяет говорить о безусловном заимствовании, но заимствовании фабульном, об усвоении приблизительно одной и той же сюжетной канвы. Однако отсюда еще не следует, что один поэт заучивал текст от другого.

Все сказанное здесь, между прочим, надо отнести к исполнению сказителей какой-то определенной школы. А этих школ, видимо, было несколько. Мы застали явно различающиеся две школы — нарынскую и каракольскую (пржевальскую). Представитель первой — Сагымбай, второй — Каралаев. Сопоставляя исполнение представителей этих школ, уже можно обнаружить заметные расхождения относительно второстепенных сцен, эпизодических персонажей, в мотивировке и обрисовке действий, поступков или даже в целом цикле песен о некоторых крупных событиях. Встречаются также расхождения в порядке отдельных повествований, в чередовании событий. Имеющееся значительное сходство в исполнении представителей одной

школы может совсем не иметь места в другой школе или, в крайнем случае, слабо совпадать с исполняющимися в ней вариантами.

А когда мы говорим о поэтическо-стилистическом сходстве вариантов представителей одной школы, то не принимаем во внимание застывшие эпитеты, навсегда прикрепленные к отдельным именам, встречающиеся у всех известных нам сказителей “Манаса” и попадающиеся в устах даже не сказителей. Кроме указанных выше случаев, наблюдаются общие рифмы, иногда — одинаковые тирады. Наконец, встречаются общие места, например, в “Великом походе” (глава о походе на Пекин) и в других песнях о битвах. Это — весьма популярные стихи, которые стали достоянием не только всех сказителей, но и широких масс. Такие места, несомненно, заучены и жомокчу, которые в необходимых случаях вставляют их в общий поэтический текст как готовое клише. Безусловно, общим для всех сказителей является единый ритм с 7–8-сложным стихом.

Что касается заучивания, то оно для различных певцов имело различное значение. Сказители, обладающие большим импровизаторским талантом, поэтическим пафосом и способностью вдохновляться в момент исполнения, несколько видоизменяют заученные отрывки, дают им свою мотивировку и необходимое оформление. Другие повторяют, передают только то, что слышали и заучили. Как бы то ни было, у огромного большинства сказителей — аэдов не все стихи “Манаса” являются продуктом их собственного творчества. Напротив, можно с уверенностью сказать, что даже среди жомокчу нет ни одного, который не заучил бы, кроме общей сложной канвы, еще некоторые известные стихи из отдельных, ранее разработанных глав. Это дает повод говорить о наличии приблизительно постоянного, канонического текста в отдельных песнях, хотя и сейчас, при первоначальном анализе “Манаса”, установить их точно нам не удастся. Но все же, с нашей точки зрения, существование даже в сегодняшних сагымбаевском и каралаевском вариантах старых, прошедших через уста и Балыка, и Кельдыбека, и многих их предшественников стихотворных текстов, несомненно. Между прочим, это положение подтверждается фактами, сообщенными Ленротом

в отношении передачи и наследования отдельных рун в финской “Калевале”.

Вот что сообщает Ленрот: “Певец запоминает сущность содержания прежде, чем его дословный текст. Те места, которые не помнит дословно, он споет своими словами. Кроме такого способа передачи и сохранения рун, существует и другой, более обеспечивающий неизменяемость слов в рунах, а именно, когда родители передают руны детям”. Ленрот допускает постоянство текста вплоть до неизменяемости слов в отдельных рунах. Поэтому нам кажется несколько рискованным утверждение академика Радлова<sup>1</sup> о якобы бесконечной изменчивости и текучести поэтического текста в устах киргизского былинного сказителя.

Приведенные выше свидетельства о формах исполнения старыми жомокчу принадлежат отдельным слушателям, верившим в таинственный дар певцов-сказителей. Сами певцы не переставали внушать массам веру в сверхъестественную, магическую силу своего песнопения. Менялись лишь с течением времени способы внушения этой веры. Нам известно, как в свое время Кельдыбек и его предшественники объяснили моменты первоначального посещения их музой и мистического посвящения к сонму “избранников”. Но судя по высказываниям последних жомокчу, Кельдыбек и его предшественники должны были говорить о неожиданном прозрении в каких-нибудь необычайных условиях жизни. Так, например, Тыныбек, один из популярных предшественников Сагымбая, момент посещения его “таинственными силами” мотивирует сновидением.

Непосредственные слушатели Тыныбека встречаются еще и сейчас. Записавший вариант Сагымбая учитель Ыбрай Абдрахманов рассказывает мне, что Сагымбай вспоминал, как он в молодости много раз слушал исполнение Тыныбека. Последний исполнял “Манас” до конца своей жизни и в кратковременном пении по частям, и очень часто в многомесячном пении всего текста. Некоторые детали его “знаменательного”, по убеждению слушателей, сна настолько характерны, что мы позволим себе привести здесь этот сон.

Будучи в молодости своей аульным старшиной, Тыныбек поехал однажды в Каракол, а там за несвоевременный

взнос покибиточного налога был оштрафован начальством и посажен на неделю под арест. Отбыв наказание, он выпросил у знакомого лошадку (“байтал” – трехлетку), чтобы доехать до своего аила. В дороге он вынужден был остановиться в безлюдном месте на урочище Тосор и, утомленный ездой, уснул. И вот он видит сон. К нему подъехала большая группа всадников – Манас на своем светло-саврасом коне Ак-Кула и его кырк-чоро. Всадники расположились на привал возле Тыныбека. Манас сел отдельно, а его спутники разделились на четыре группы. Во время еды Манас приказал своим слугам подать пищу и Тыныбеку. Слуги поднесли ему мед (между прочим, Тыныбек никогда раньше не пробовал меда и впоследствии, наяву, когда ему пришлось есть мед на самом деле, он якобы заявил, что именно этим и угощали его слуги Манаса). От слуг Тыныбек узнал, кто такие всадники и их предводитель. Когда он, опомнившись, собрался подойти к ним, они быстро снялись с мест и стали удаляться. Тыныбек долго гнался за ними, но безрезультатно.

Уже во время этой погоны во сне он стал петь о Манасе. А проснувшись, неожиданно для себя обнаружил прилив бесконечно длинных, прекрасных песен о деяниях Манаса. Байтал его, до того времени едва волочившая ноги, понесла во весь дух. Прозревший Тыныбек пел всю дорогу. По приезде в аил он остановился у молодой жены (у него их было две), но даже на ее ложе не мог он оторваться от навеянных видением напевов и пел целую ночь. Так, по свидетельству современников Тыныбека, вселился в него дивный дар песнопения.

По-видимому, не один Тыныбек, но и многие другие сказители “Манаса” рассказывали о себе нечто подобное, непременно виденное во сне. Возможность “вещих снов” допускалась и муллами, которые часто сами распространяли аналогичные рассказы о сновидениях. С другой стороны, со времен принятия киргизами ислама сказители должны были объяснить наитие каким-либо приемлемым, дозволенным с религиозной точки зрения мотивом. Объяснение, противоречащее духу ислама, усилило бы массовое возмущение среди мулл, ишанов, влиявших на родовые манапские верхи гораздо больше, чем кто-либо другой. Фанати-

ческие муллы вообще навязали сказителям “Манаса” много наносного, чуждого трезвой, глубоко народной первоначальной основе поэмы, внесли много от своего ограниченного мировоззрения, своей классовой идеологии. Очевидно, эта идея “избранничества”, осложненная рассказами жомокчу о том, что ему во сне является Манас со своими кырк-чоро, была очень распространенным явлением. После подобного сна начинали петь якобы доселе не имевшие никакого отношения к поэзии “избранники”.

Не обошлись без сна Сагымбай и даже Каралаев. Общность схемы, приблизительные фабульные совпадения раскрывают традиционность, каноничность даже самих этих снов. Можно предположить, что жомокчу не видал никакого сна, но чтобы внушить к себе уважение, должен был по обычаю предшественников объяснить свой поэтический дар сверхъестественным происхождением.

В интересах жомокчу было сохранить в тайне реальный процесс восприятия текста от своего предшественника, поэтому он тоже ссылаясь на Манаса. Однообразие сновидений никого не смущало: всех жомокчу избирал, якобы, сам Манас, поэтому он должен был явиться каждому во сне. В итоге отрицания факта заучивания забывались, как было сказано выше, имена многих не только древних, но и недавних даровитых сказителей. Сейчас из известных жомокчу можно назвать лишь Кельдыбека, Балыка, Найманбая, Тыныбека, Дыкамбая, Акылбека и Сагымбая.

От снов и каких-либо иных мотивировок были свободны только заучивавшие текст поэмы певцы-ырчи. Они и сами не претендуют на большее, чем на роль декламатора. Ырчи обычно исполняют “Манас” в заученной сокращенной редакции, а если и делают вставки, то они не сливаются с общим ритмически стройным словесным потоком песни. Искушенный слушатель отличает такого “ырчи” от настоящего “жомокчу” по объему заученных им песен и по оригинальности исполнения. Время, в течение которого певец может петь, определяет и объем его знаний, и степень одаренности. Ырчи, исполняющий всего “Манаса” в течение недели или десяти дней, — не настоящий манасчи.

Размер песни определяет ее стиль. Большая форма жила долго. Нарушение традиции разоблачало непродуктивность,

убожество фантазии поэта. Поэтому когда в последние десятилетия перед Октябрьской революцией стали распространяться сокращенные варианты, слушатели начали предъявлять настоящим певцам требования исполнить один эпизод, но подробно, не комкая всего “Манаса”, как это сделал исполнитель варианта, записанного в 1860 г. В.В. Радловым, а так, как в течение ряда лет поет Каралаев, повествуя только о “Великом походе”.

Общая роль заучивавших текст певцов-рапсодов заключается в популяризации отдельных эпизодов среди широких слоев населения. Такие рапсоды встречаются сейчас, были они, конечно, и раньше. Их роль в возникновении и формировании эпической песни незначительна.

Переходя к основным вопросам формирования былины и наслоений позднейшего времени, приходится говорить о решающей роли только жомокчу-аэдов, творческое участие которых определило форму, размер, характер трактовки сюжета, в общем, весь стиль героического эпоса.

Здесь следует сказать об особой обусловленности творчества аэдов, находящихся в непосредственном общении со слушательской аудиторией. Писатель и читатель разобщены печатным текстом, книгой, а певец и слушатель поставлены лицом к лицу. Связь между ними гораздо теснее, взаимные влияния безусловны. Устная поэзия немыслима без слушательской аудитории почти в такой же степени, как немыслима она без поэта-певца, выражающего мысли, чувства и настроения этой среды. Отсюда в устной поэзии наблюдается более действенное влияние окружения на весь облик исполняемого. Слушатель — не пассивный читатель. Он непосредственный свидетель творческого процесса. Он же — ценитель созданной вещи. Во всех компонентах эпической песни находят одинаковое отражение как его одобрение, так и осуждение. Он активно участвует в формировании былины. Сказанное составляет общую особенность устной поэзии. Такова ее судьба.

Поэтому оказываются очень сильными наслоения многих времен, как отпечаток различной социально-классовой среды на первоначальную народную основу эпоса, бытовавшего во все времена только в устном виде. Порой даже в отдельных исполнениях эти наслоения позднейших вре-

мен определяют собой сильно измененную классово-искаженную идейно-сюжетную направленность того или иного варианта.

Как явствует из преобладающих во всех вариантах основных элементов эпоса, данное произведение первоначально являлось, несомненно, созданием самого народа, хотя бы в лице певцов, выражавших настроения и чаяния родового коллектива. Народ создал героическую повесть и сгущенно концентрированные образы его собственных представителей — носителей героических черт народа.

Касаясь вопроса о сказителях, выше мы говорили, что творческая роль принадлежала только жомокчу-аэдам. А их квалификацию действительного эпического певца определяла плодотворность их фантазии или длительное исполнение, широкое развертывание сюжетной канвы былины. Понятно, что полный вариант “Манаса” в позднейшем шестимесячном исполнении его бывал доступен не всем. Сама действительность исполнения, постепенное нанизывание одного эпизода за другими, без повторения уже сообщенных ранее, требует постоянного состава аудитории. Если бы певцу приходилось исполнять при меняющемся составе слушателей, он вынужден был бы повторять более популярные эпизоды по своему выбору или по желанию слушателей. Но когда перед ним слушатели, которым исполненные ранее отрывки известны уже до деталей, тогда он должен обновить песню, развернуть перед аудиторией новые эпизоды. В раннюю пору бытования поэмы такую аудиторию составляли люди из народа, выходцами из которого были по преимуществу и певцы — жомокчу. Во всяком случае до сих пор ни предания, ни история не знают ни одного жомокчу из среды манапства. А народ в своих толщах носил традиции прошлого искусства, хранил любовь к героике и поэтическому слову, нашедшим полное и талантливое воплощение в героической поэме. Позднее, когда на почву киргизской истории вступил фанатический ислам, он в лице классово и духовно ограниченных мулл, ишанов и особенно усилившихся феодалов-манапов стал навязывать народу религиозно-фанатические песни, вирши о распространении ислама. Естественно, что народ не принимал этого чуждого ему по духу, наносного и бездарного

внешнего влияния. Тогда господствующие верхи стали преследовать популярных жомокчу, объявляя исполнение и слушание “Манаса” греховным делом. Дар певца они окрестили “наваждением сатаны”. Но, несмотря ни на что, народ не расставался со своими певцами и с драгоценным наследием прошлого. Вынужденные приспособляться к этому, манапы и духовенство стали слушать “Манас”, но теперь уже навязывали жомокчу свои воззрения, свою идеологию.

Слушательская среда такого типа, несомненно, внесла чуждые первоначальной основе элементы, такие как панисламизм (“походы-казаты – искаженное “газават”), пантюркизм и др.

Еще позднее отдельные манапы держали в своем тесном кругу некоторых талантливых жомокчу и видоизмененный ими вариант объявляли самым лучшим, популяризируя среди слушателей хотя бы отдельные отрывки из него. Для жомокчу постоянную аудиторию стали составлять сами манапы.

Нужно сказать, что “Манас” своим размером обязан не какому-нибудь одному творцу. Он увеличивался, развертывался в веках постепенно, при коллективном участии аэдов различных поколений. А созданное одним поэтом тоже не зародилось само, в какой-то определенный краткий промежуток времени. Каждый поэт, в связи с необходимостью постоянно выступать перед одними и теми же слушателями, должен был по мере сил, в зависимости от степени одаренности изобретать новые ситуации, новые перипетийные переломы, вообще новые эпизоды. Когда исчерпывались запасы воображения, он прекращал исполнение. А затем, на досуге, может быть, месяцами или годами задумываясь над расширением сюжета былины, создавал новые положения.

При обычном исполнении какого-либо отрывка певцы разделяют весь эпизод на песни приблизительно таких же размеров, как песни “Илиады”, “Одиссеи”, как руны в “Калевале”, составленные для речитации в течение одного вечера и рассчитанные на то, что каждая будет исполняться отдельно. В пределах каждого цикла “Манаса” имеются такие же песни. Весьма возможно, что первоначально вся героическая былина состояла только из одного цикла

с небольшим числом песен. А затем слушательская среда, как из народа, так и из манапства, в лице постоянной аудитории, увеличивая свои запросы, побуждала аэдов расширять, разнообразить основную, всем известную фабулу, придумывать второстепенные сцены, основанные уже на данных ситуациях, и соединять их со сценами первоначальными. Итак, только постоянная аудитория требует обновления, расширения сюжета. Характерной аналогией этому служит исполнение Демодока в VIII песне “Одиссеи” (тоже разнообразящего свое выступление перед постоянными слушателями в пиршественном зале дворца Алкиноя). Это объяснение, по-нашему, вполне разрешает проблему, поставленную Радловым в вопросе о формировании былины и наслоениях вообще.

Разнообразная слушательская среда из различных социально-классовых слоев, несомненно, оказывала влияние на эпос даже при одном его исполнителе. Естественно также и то, что в одном варианте может быть заметнее влияние манапской верхушки, а в другом, в более последовательном виде, может преобладать трезвая народная окраска.

Из имеющихся двух основных вариантов большему влиянию манапства подвергся, к сожалению, тот, который полнее, т.е. вариант Сагымбая. У него религиозность и иные подобные наслоения пронизывают значительную часть эпоса. Каралаевский вариант, тоже не свободный от элементов религиозной идеологии, все же гораздо яснее и глубже раскрывает свою связь с первоначальной чисто народной основой. В этом отношении у Каралаева характерно, например, воспоминание Манаса об избииении им в молодости ходжей и ишанов или об употреблении им бузы, несмотря на запрет муллы. Избивает ишанов и молодой герой Койон-Алы. Столь же объективно описано у Каралаева деспотическое, тягостное для масс управление Манаса и его ставленников в покоренном им Чет-Бейджине (Малом Пекине).

Конечно, разница в вариантах не говорит только о разнице исполнений. Вполне допустимо, что в этом явлении есть признаки существовавших различных школ. Отсюда могли быть и различные обрисовки центральных образов и различное к ним отношение. И весьма характерно также

возникновение незадолго до революции в племени Ботугур пародии на вторую часть эпоса “Семетей” под названием “Кол Семетей Ботугура” (“Доморощенный Семетей”).

Все эти факты свидетельствуют о том, что эпос пре-терпевал значительные влияния и изменения. Каждая социальная среда старалась преобразить и представить себе Манаса соответственно своим чаяниям. Это касалось не только общеидеологических моментов; отдельные манапы использовали “Манас” для популяризации своего собственного имени. Исполнение всего “Манаса” в течение нескольких месяцев, в долгие зимние вечера, в аиле какого-нибудь манапа приносило ему большую известность. Популярное имя жомокчу привлекало в аил многих любителей эпической песни. Но манап выбирал из их среды только своих приятелей и влиятельных родственников, заранее оповещая, когда должно начаться исполнение. Аил соответственным образом готовился к приему певца и постоянных слушателей. Прослушать всего “Манаса” стоило значительных средств, и такую затрату могли позволить себе только манапы, безраздельно господствовавшие над родом, часто имевшие право даже облагать его налогами для своих личных потребностей и развлечений.

Манап — родовой авторитет в патриархальном прошлом киргизского аила. Экономическое и правовое господство манапства как родовой аристократии сохранилось до самой Октябрьской революции. Правда, социально-экономическая сущность манапства с каждой новой эпохой менялась. Имевший в эпоху натурального хозяйства неограниченную власть над своими подчиненными, манап-феодал впоследствии, в начальную эпоху принятия русского подданства, в эпоху возникновения товарно-денежного хозяйства сменился манапом чиновным. Вторжение торгового капитала сильно поколебало устои родового общества. Разложение рода влекло за собой гибель родового авторитета. Манапство разлагалось и становилось все более тягостным для народа балластом. Находились, правда, отдельные жизнеспособные элементы, которые сумели приноровиться к новым условиям и войти в ряды торгового сословия. Но как социальная прослойка, порожденная патриархально-родовым строем, манапство через века протаскивало свою

старую идеологию господствующей группы и этим тормозило развитие народа.

Отдельные жомокчу из числа известных исполнителей “Манаса”, будучи сами не манапского происхождения, все же обслуживали аристократию, имея нередко главными потребителями своей продукции власть имущих манапов. Таким образом, первоначально возникшая в народных массах эпическая песня в своем дальнейшем расширении, сюжетно-идеологическом осложнении и разрастании в каких-то вариантах, отдельных исполнениях невольно становилась достоянием и верхней прослойки. Заново отделанный, перерожденный “Манас”, не ограничиваясь только средой феодально-родовой верхушки, распространялся, хотя бы в отрывках, среди слушателей, используя верха как классово-идеологическое орудие для внедрения идеологии господствующего класса в народные массы.

С течением времени изменения и наслоения в одном варианте влияли на другие, более народные варианты. Навязанные манапством и духовенством новые тенденции становились постепенно обязательными для всех крупных жомокчу. Последние вынуждены были приспособиться к требованиям верхов, иначе им угрожали бойкот, преследование и даже запрещение выступать. Поэтому-то во всех дошедших до нас вариантах мы наблюдаем заметный, а порой даже очень сильный налет религиозности. Касаясь наслоений, возникших в результате непосредственного влияния манапской слушательской среды, надо подчеркнуть, что они составляют наиболее слабые сюжетно, не реальные и художественно малоценные части поэмы. В этих почти искусственно навязанных элементах и красках выражены мечты и чаяния манапства, их идеал беспредельного господства над родами. Всякие громкие названия, как “казат-газават”, “страдания за веру”, являются внешним, совершенно неубедительным налетом на всей мощно сложенной и в таком виде сохранившейся народной основе каждого варианта. Гораздо большей правдивостью, чем эти посторонние элементы, отличаются мастерские описания боев и быта, многосторонне и художественно очерченных правдоподобных взаимоотношений героев-персонажей.

Слушая видоизмененные варианты и описания мусульманского облика Манаса, народ чтит не Манаса, всевластного хана, тирана или поборника ислама. В массе своей киргизский народ не был ни фанатичным, ни даже религиозным. В старинной поэме, изображающей в главных и неизменных основных сюжетных положениях легендарно-героические деяния богатырей полуфантастического далекого прошлого, народ чтит героиню своей истории и поэтическое мастерство талантливых жомокчу-певцов, вышедших из среды народной, излагающих свои мысли и чувства языком самого народа. И Манас, взятый как собирательный, сгущенный образ богатыря, воспринимался только как богатырь — носитель героических черт в характере народа. Поэтому во всех вариантах эпоса воспринимается, главным образом, только такой образ Манаса. Такого батыра и делают единственным героем поэмы. Такой Манас и был популярен в киргизском народе.

Дальнейший анализ содержания и формы эпоса должен полнее раскрыть собирательно-сгущающую особенность поэмы и обрисовки главного героя и его окружения.

### **Условия записи сагымбаевского варианта**

Переходя к заключительной части наших общих замечаний о поэме, сказителях и слушательской среде, считаем необходимым дополнить приведенные выше положения фактами, касающимися биографии Сагымбая Орозбакова и условий исполнения им поэмы. Здесь небезынтересны обстоятельства, сопутствовавшие последнему исполнению и записи. Из них складываются те личные и общественные мотивы, те бытовые детали, которыми было окружено и обусловлено последнее, необычайное для сказителя четырехлетнее исполнение поэмы. Иногда осложнено, а иногда и непосредственно эти обстоятельства влияли на весь ход творческого процесса исполнения.

Трудно вообще предположить, чтобы столь длительный творчески-исполнительный акт протекал при одном настроении поэта. А приводимые ниже факты из истории записи свидетельствуют о многих скрещивающихся, сложных данных, повлиявших на судьбу и характер текста. Сюда

входят различные факты личной, семейной жизни поэта и условия, в которые были поставлены сам поэт и записывавший учитель во время их совместной работы.

Особенно важно упомянуть здесь о заказе Орозбакова со стороны засоренных националистами киргизских научных учреждений и специально уполномоченных ими лиц. Они неоднократно беседовали с Сагымбаем о совершенно новых, доселе неведомых жомокчу задачах предстоящего исполнения, попутно снабжая его в своей интерпретации многими разнохарактерными сведениями из прошлого и настоящего. Как видно из дальнейшего, эти встречи и беседы с разными лицами — заказчиками — не оставались без последствий почти для всех частей поэмы. Но вначале вкратце остановимся на биографических данных Сагымбая и фактах, приводимых Ыбраем Абдрахмановым, который вел всю запись текста.

Сагымбай — киргиз Нарынского района из рода Саяк, колена Мойнок. В 1922 г. ему было 55 лет. Отец его, Орозбак — очевидец и участник многих важных исторических событий, предшествовавших и сопутствовавших завоеванию края русскими. Он не был участником международных распрей за гегемонию в районе Иссык-Куля. Орозбак состоял трубачом у известного манапа из рода Сарыбагыш — Ормона. Рассказывают, что он был очень талантливым кернейчи (музыкантом), исполнителем киргизских старинных кюев (сложных инструментальных мелодий).

Сын его, будущий жомокчу Сагымбай, родился на берегу Иссык-Куля. Сагымбай рано начал увлекаться ролью исполнителя жомокчу. Наделенный от природы недюжинной памятью, молодой человек вначале собирал и заучивал различные обрядовые, лирические, свадебные песни, запоминал интересовавшие его отрывки из эпоса, выступал как ырчи на многих семейных вечерах, тоях (пирах) и увеселительных многолюдных торжествах. Посвящению его в жомокчу способствовал, как объяснял он сам, тоже “знаменательный сон”. До этого момента репертуар Сагымбая состоял, по-видимому, из самых разнообразных песен преимущественно мелких форм. Постоянный участник вечеринок, юноша был неутомимым, неисчерпаемым импровизатором всяких лирических, любовных, игровых песен,

которыми обычно сопровождаются многие развлечения киргизской молодежи. Многие из этих песен, такие как “се-кетбай”, “кыз обыш” и подобные им, сохранились в его памяти до старости.

По воспоминаниям современников, начальный и последующий периоды выступления Сагымбая как жомокчу замечательны появлением целой плеяды талантливейших исполнителей “Манаса”. К числу их относятся Балык, Найманбай, Тыныбек, Акылбек, Дыкамбай и другие. В личных воспоминаниях Сагымбая первым видным исполнителем “Манаса”, из уст которого он впервые прослушал всю поэму, был Тыныбек. Но Тыныбек, Найманбай, Акылбек — почти все сверстники, современники Сагымбая. Из поэтов старшего поколения он застал только Балыка, которого тоже слушал в молодые годы. Родной брат Сагымбая Али-Шер также был исполнителем “Манаса”, хотя и не очень популярным, но с именем жомокчу, а не ырчи. Из указанной группы поэтов только один Балык был малодоступен Сагымбаю вследствие разницы в годах, остальные же составляли поэтическую среду будущего манасчи. Являясь многообразным источником для фантазии пытливого юноши, эта группа поэтов в своих исполнениях представляла, вероятно, различные школы аэдов предшествовавших эпох. Вопрос о школах, объеме и порядке изложения сюжета поэмы в исполнении Сагымбая возникает даже при самом беглом знакомстве с сегодняшним текстом в связи с вопросом о наслоениях.

Когда Сагымбай становится признанным жомокчу, он приобретает облик профессионального певца, и его дальнейшая деятельность протекает уже не только в родном аиле, среди сородичей, но и в кругу слушателей из масс. Как многие популярные певцы, он попадет в среду слушателей из манапов и влиятельных, родовых богачей. Например, он исполнял свой вариант у таких известных в свое время манапов, как Мамбет-Али, Дюр, Тезекбай, Чолпонкул.

В исполнении поэмы перед разнообразными аудиториями протекали десятки лет его жизни, не внося никаких диссонирующих мыслей, идей и чувств в установившийся круг его воззрений и мироощущения. Таким застало его в

начале 20-х годов поручение сперва Туркестанской научной комиссии, а впоследствии Кирнаркомпроса продиктовать всю поэму специально приехавшему к нему учителю (Абдрахманову). При организации этой записи вначале захватил инициативу в свои руки известный киргизский националист-пантюркист Ешеналы Арабаев. Он решил поселить Сагымбая и Абдрахманова на все время работы в семье манапа Нарынского района Абдылды, который согласился на это, очевидно, не без расчета. Свидетельством тому являются неоднократные упоминания об этом манапе мугаллима (учителя) и самого Сагымбая, в последующие периоды их работы, когда им приходилось письменно обращаться в Наркомпрос. У Сагымбая имя Абдылды попадает также два-три раза в текст самой поэмы и в запев, и в заключительную часть двух-трех циклов песен (т. VI) с лестными отзывами о нем.

По свидетельству Абдрахманова, Сагымбай приступил к исполнению с большим воодушевлением, продиктовав за первые летние месяцы весь первый “цикл” — один из наиболее талантливо исполненных разделов поэмы. Этим же летом он продиктовал и второй “цикл”, всего, приблизительно, около 1000 страниц, доведя исполнение до “второго казата” — третьего “цикла”. Сагымбай и Абдрахманов выполнили эту работу на джайляу, перекочевывая вместе с айлом Абдылды. Данные два тома и последующий третий исполнены с творческим энтузиазмом, при одинаковом приблизительно настроении сказителя, одинаковом отношении его к своей задаче.

Но, начав дело, Туркестанская научная комиссия и уполномоченные ею лица вскоре забывают и об эпосе, и о занятых записью его людях, предоставив их самим себе. Неоднократные письменные обращения Абдрахманова в центр остаются без ответа. Вынужденный заботиться о семье, Сагымбай начинает беспокоиться за ее судьбу. Обстоятельства вынуждают его часто уезжать домой, изыскивать средства на пропитание семьи. Нарушаются первоначальные темпы работы. Напряженность творческой фантазии ослабевает, снижается продуктивность. Теперь Сагымбай диктует гораздо медленнее, со многими перерывами. Невнимание со стороны инициаторов записи нерви-

рует и разочаровывает поэта. Дальнейшее пребывание в аиле Абдылды становится Сагымбаю и Абдрахманову в тягость. Они разъезжаются по домам, прервав работу на неопределенный срок, но вскоре начинают работать снова, проживая уже то в одном, то в другом месте. Часто учителю приходилось жить и в семье Сагымбая, расходуя иногда его личные средства.

Все это не остается без последствий. С конца третьего цикла, в начале и в конце почти каждой из последующих книг Сагымбай диктует своему писцу пространные послания в стихах, адресованные интеллигенции и правительству. То укоризненный, то возмущенный жалобный тон этих посланий свидетельствует, прежде всего, о самом искреннем, добросовестном отношении поэта к порученной ему миссии. Но он же говорит и о недопустимых условиях, в которые был поставлен исполнитель. В одном из таких посланий Сагымбай вынужден был даже сообщить о количестве баранов, чая и муки, израсходованных из его личных запасов. Правда, он говорит об этом иногда и в шутовском тоне, упоминая одновременно и о своих двух женах, которые раньше ежегодно рожали детей, а теперь будто бы становятся бесплодными. Как бы то ни было, нарушение нормальной деловой работы затянуло запись “Манаса” почти на четыре года. Причем, по сообщению Абдрахманова, из этих четырех лет фактически он проработал над всем “Манасом” только год с лишним. Остальное время ушло на частые перерывы по указанным выше обстоятельствам и один раз по болезни Сагымбая, когда тот сломал себе руку, упав с лошади. Кроме того, начиная с записи седьмого тома, у Сагымбая появляются признаки психического расстройства, повлекшие за собой забывчивость. Это объясняется, очевидно, переутомлением от необычайного для него напряжения и непривычной работы – скучной диктовки в течение ряда лет одному писцу.

Все прежние исполнения Сагымбая протекали при многолюдной аудитории энтузиастов-слушателей, при напевном, отчасти игровом (жестикуляция, мимика) исполнении. Там он сливался в одно целое с поклонниками, одобрявшими его возгласами и восхвалениями, как бы созерцая героические сцены им же самим раскинутого полотна. Он

ощущал как материал, так и его оформление во всей полноте и эмоциональной действенности для слушателей и для себя, пел обычно до тех пор, пока не истощались силы. В таких условиях почти каждое исполнение являлось вдохновенным пением. Эти условия были привычными, законными для полета творческой фантазии.

Последнее исполнение в необычайной обстановке повлекло за собой крайне нервное переутомление. К тому же националисты, часто встречавшиеся тогда с певцом, как рассказывают свидетели, спаивали его, якобы с целью держать сказителя постоянно в экстазе для описания героических сцен поэмы. Этот факт главным образом и содействовал психическому расстройству певца.

Однако все приведенные здесь обстоятельства относятся к моментам чисто внешним, обуславливавшим то или иное настроение, степень продуктивности, эмоционального волнения, энтузиазм поэта. Безусловно, их влияние и на судьбу текста, в конечном счете, должно было быть немалым, порой даже весьма значительным. Но помимо них были и другие обстоятельства, которые отразились уже на внутреннем содержании поэмы, на характере и тенденции творчества, на идеологической окраске отдельных моментов сюжетной канвы эпоса. К таким обстоятельствам относятся встречи с рядом работников-киргизов, длительные беседы с ними.

При знакомстве со всем записанным вариантом особенно ярко выделяется один слой, в виде непосредственного отражения заразивших поэта идей пантюркизма со ссылками на отдаленное и недавнее историческое прошлое многих тюркских племен. Упоминаются почти с полнейшей точностью многие географические названия, приводятся факты из истории соседних нетюркских народностей. Неоднократно и настойчиво подчеркивается и необходимость родового объединения всех тюркских племен. Особо выделяется поэтом историческая роль киргизского народа, якобы сохранившего в языке, в быте, образе жизни все подлинно тюркское самобытное, не затронутое чужеземными влияниями.

Для Сагымбая “Манас” – не продукт фантазии, не результат творческого процесса, а как бы реальный образ

“тюркского национального героя”, какими, якобы, были прежние вожди племен или какими должен быть теперешний объединитель родов. Это — идеал “народного вождя”, основателя новой государственности, восстановителя прежнего могущества тюрков. Причем историческая миссия собирания, образования мощного ядра и безусловное господство внутри этого объединения падает на долю киргизского народа или “Алаша” в целом, с неменьшим правом и значением казахского народа, носящего совместно с киргизами название “Алаш”. Здесь налицо несомненное влияние контрреволюционной программы Алаш-Орды и пантюркистов.

Исходя из этой продиктованной тенденции, идущей от новых заказчиков — контрреволюционных националистов, — Сагымбай прежде всего должен был решить о происхождении самого Манаса. Прежние исполнители, как можно судить по дошедшим данным, упоминая предков Манаса, выводили его из рода Ногай. Отсюда допустимо было причисление Манаса к героям из ногайцев. Но Сагымбай в последнем своем исполнении заранее предупреждает возможность такого рода догадок и дает разъяснение, по-видимому, просто от себя, относя Ногая к ближайшим предкам Манаса, как ничего общего не имеющего с ногайским племенем. В исполнении Сагымбая Манас — киргиз и должен быть таковым. Здесь проглядывает не примитивная обработка случайно попавших в круг ведения певца отрывочных исторических сведений и легендарных данных, а несомненно определенное мировоззрение, если угодно, политическая программа пантюркизма, джадидской, националистически настроенной группы интеллигенции. Исторически опровергнутая, опрокинутая всем ходом революционного развития национальных окраин, среднеазиатской части Советского Союза, эта политическая “теория” продолжала жить в сознании отдельных представителей местной интеллигенции — националистов. Через частые встречи, беседы, настойчивые напоминания сказителю заказы их передавались поэту и дали свои плоды в отдельных моментах записанного варианта поэмы. Эти встречи добавили к прежнему запасу имен, которыми вообще изобилует поэма, массу новых, исторически зафиксированных имен,

географических названий, кратких, отрывочных сообщений из истории культуры, экономики, географии и фольклора отдельных народностей, причем в классово узкой, односторонней и реакционной, по сути, трактовке.

Конечно, эти наслоения, легшие на “Манас”, получили в него доступ только через организаторов записи. Частью они могли дойти до жомокчу еще несколько раньше, в годы, предшествовавшие Октябрьской революции, когда в числе слушателей “Манаса” появились отдельные лица, читающие татарские и казахские газеты и журналы. Черпая из них некоторую сумму знаний, они почти всегда делились впечатлениями с людьми своего круга, а иногда и с талантливыми жомокчу. Ведь известно же хотя бы по радловскому варианту, как сравнительно давно проникся “Манас” религиозными тенденциями в духе панисламизма. Конечно, это результат влияния ишанов и мулл на манапскую среду, которое сказалось и на “Манасе” особенно ярко. Между прочим, усилению религиозного момента способствовала также набожность некоторых жомокчу: “У набожного сказителя и герои набожны”. Набожностью отличался и Сагымбай. Помимо этого чуткость и отзывчивость поэтов в отношении всего нового, что попадало в круг сведений по преимуществу манапской среды, были изумительны. Элементы, обновлявшие уже установленный вид повествования, иное освещение, новая мотивировка тех же событий составляли органическую потребность поэтов-сказителей. Освещение материалов какими-нибудь новостями являлось традицией далекого прошлого.

Услышанное Сагымбаем от отдельных лиц из числа киргизской интеллигенции, естественно, показалось ему неопровержимо верным, ценным и малоизвестным преждему кругу его слушателей. И он начал испещрять свое исполнение разнообразными сведениями, мелкими и значительными, какими пичкали его собеседники, имевшие в виду привычку и особенности психологии профессионального певца, преследуя при этом конкретную политическую цель.

Поэт определил свою новую задачу применительно к вышесказанному воззрению своих собеседников. Взамен прежней слушающей аудитории он находит иную, ориентируется на ее вкусы. Ее требования он понимает, как тре-

бования новых слушателей-читателей, считая, что устами его собеседников передаются новые установки. Среди обстоятельств, повлиявших на судьбу текста поэмы, эти факты занимают совершенно особое место. Но из всего сказанного здесь нельзя, конечно, заключить, что встречи и беседы Сагымбая с указанными лицами совершенно перевернули все представления поэта или все сюжетно-образные, прежние основы поэмы. Например, толкование своего дара, источника плодотворного поэтического воображения у Сагымбая остается традиционным, архаичным. Мало того, веря сам в наитие во время сна, он сумел внушить эту веру и своему писцу Абдрахманову. В одном из писем, приложенных к первой книге поэмы, переписчик сообщает, что после сновидений поэт становится заметно продуктивнее, черпая сказания из необычайных, сверхъестественных источников. Когда духопокровители перестают на время посещать Сагымбая, он как бы исчерпывается, и в такие моменты их работа подвигается очень медленно.

Очевидно, это же самое Сагымбай говорил и заказчикам, но те отнеслись к сказанному недоверчиво и позволили себе пошутить над капризными духами, которые “куражатся почему-то, когда их посещения теперь важнее, чем когда бы то ни было”. В конце одного тома Сагымбай ответил на эти шутки весьма серьезными стихами. Он обвиняет заказчиков в дерзостном отношении к духам предков и говорит, что из-за этой шутки вынужден был прервать свое исполнение ровно на 17 дней, так как оскорбленные духи-покровители оставили его без песен на все эти дни и к дальнейшему исполнению он смог приступить лишь после долгих раскаяний и мольбы о прощении за нечаянно прорвавшиеся чужие слова.

Так Сагымбай вынужден верить в наитие всех, с кем ему приходилось сталкиваться.

Но помимо объяснений своей творческой “тайны”, жомокчу иногда делился с Абдрахмановым и замечаниями по поводу исполненного. В этом отношении характерны несколько справок, данных им относительно первых и некоторых других циклов. Считая весь рассказанный им вариант внушенным ему во время болезни в молодые годы, он

говорит, что услышанное во сне он несколько дополнил и переработал, прослушав Тыныбека, Акылбека, а также прибавил от себя большую вступительную главу о рождении и детстве Манаса. Этим была закончена его обработка поэмы, и в дальнейшем он, якобы, ни разу не изменял и не обновлял ее.

Но, очевидно, кроме полного “Манаса”, у него был ряд сокращенных вариантов и популярных отрывков, которые он обычно исполнял на случайных, непродолжительных выступлениях. К такому заключению нас приводит, помимо всего прочего, одно его замечание, когда он предупредил Абдрахманова, что первые части будет диктовать подробно, для того чтобы сказывание было основательным, а не случайным исполнением. Поэтому начало поэмы, обычно краткое у других исполнителей, развернулось у Сагымбая почти в две книги до 1000 страниц. По сообщению Абдрахманова, эти первые тома были продиктованы без затруднений и задержек. Так же шла запись “Поминок по Кокетаю” (7-я книга) и “Великого похода” (9-я книга), несмотря на то, что во время записи этих частей Сагымбай уже был нездоров. По яркости и талантливости исполнения они выделяются как самые занимательные и художественно-цельные циклы. Легко исполнялись они, несмотря на болезненное состояние поэта, очевидно, потому, что Сагымбай, как и все другие жомокчу, выступал с ними гораздо чаще, вызывая всегда огромный интерес у слушателей.

Зато самым трудным, даже тягостным было для поэта исполнение последнего, десятого цикла. Абдрахманов рассказывает:

“Над ним работали, живя у самого Сагымбая, и часто бывало так, что, едва продиктовав 5–6 страниц, он просил перерыва и тут же засыпал. В этот период жизни Сагымбай стал почти невменяем: забывал то, что говорил совсем недавно, постоянно менял свои решения, совершенно не помня, что не дальше как вчера или сегодня утром высказывал обратное, часто просил перечитывать только что записанное. Вообще было видно, что дальнейшее исполнение становится уже в тягость для него”.

Справедливость сказанного подтверждается и текстом десятой книги, из которого видно, до каких крайних пре-

делов дошло напряжение поэта. Заметно, как иссякает воображение, исчерпывает все свои источники песня, слабеет стихотворное речетворчество. Резко бросается в глаза множество повторений не только типических, вообще характерных для эпоса мест, но и целых положений, сцен, ситуаций. Многие просто механически втискиваются как готовое клише, которое раньше было использовано в убедительном, художественно-правдивом и действенном окружении сопутствующих картин.

Сам Сагымбай во время работы над этой частью признался Абдрахманову, что вследствие забывчивости у него пострадали бы и “Великий поход”, и “Поминки по Кокетаю”, провалилось бы все исполнение, но положение спасло только прежнее многократное сказывание их. И, конечно, как он пояснил, в не меньшей степени помог “дух Семетея”, не покинувший своего поклонника и почитателя до самых последних его усилий”. Сагымбай говорил, что сказание о Семетее он исполняет с большой любовью и волнением.

В отношении фабульного материала, повествовательных элементов, их развития и мотивировки отдельных положений в эпосе, по признанию самого поэта, его расхождения с другими жомокчу относятся к началу поэмы и к финальной части. По Сагымбаю, последний “кичи казат” (малый поход) был результатом выступления китайцев против Манаса, во время которого гибнут все богатыри и сам Манас возвращается домой смертельно раненым. А у прежних певцов этот “кичи казат” был совершен, так же как первый, самим Манасом на китайцев, и герой возвращается из него раненым и умирает.

По каралаевскому варианту, как и по ряду других повествований, все события “малого похода”, т.е. десятого цикла, являются результатом “чон казат” (большого похода). Потеряв в этом самом большом походе всех своих богатырей-соратников, Манас и сам возвращается раненым и умирает от раны. А по Сагымбаю, Манас перед концом своей жизни совершает паломничество в Мекку с ближайшими сподвижниками, чего совершенно не было у других исполнителей. Сам Сагымбай указывает только на эти расхождения, уверяя, что остальное содержание поэмы у

всех одинаково. Но только ли это прибавил Сагымбай? Нет ли еще других наслоений, новых элементов, какие не приходили и не могли придти в голову его предшественников? Эти вопросы могут быть разрешены лишь при сопоставлении ряда полных вариантов.

Заканчивая справочную часть нашей работы о поэме, переходим к вопросу о ее содержании и форме.

### **Краткий обзор содержания и формы поэмы**

Начнем наш анализ с тематики и сюжетного построения поэмы. Нужно заранее оговориться, что исследование наше отнюдь не претендует на исчерпывающий разбор столь обильного количественно и своеобразного, качественно сложного материала. Сложен он потому, что поэма в своем формировании имеет длинную историю и наслоения многих эпох, запечатлев в себе творческое участие различных певцов. Сюжетно и конструктивно она чрезвычайно пестра и состоит из многих, порой даже противоречивых элементов.

Оставляя углубленное изучение этих особенностей поэмы в целом как задачу будущего специально-научного изучения ее, мы займемся пока изложением только наших далеко не полных наблюдений, вынесенных при первом знакомстве с теперешними текстами — одним полным (сагымбаевским), а другим еще незаконченным (каралаевским).

Тематически поэма разбита переписчиками, по договоренности с Сагымбаем, на 10 циклов-песен (томов). Принцип такого деления, как объясняет писец, довольно прост и чрезвычайно условен. Причем, если его признать тоже условно верным в отношении первого цикла, где изложены появление на свет Манаса и детские годы его, т.е. последовательно развернута одна линия повествования, то оно не выдерживает этой последовательности при объединении в одну книгу других, тематически совершенно различных эпизодов, в других циклах. Такое деление, понятно, не позволяет говорить о цельном объединении песен. Касаясь вопроса тематики вообще, мы вынуждены выйти из рамок этих механических делений и наметить группу больших тем, выделяющихся из всей массы мелких эпизодов

по своему фабульному материалу, по однотипному повествовательному стержню.

При таком свободном подборе можно указать на следующие главные большие темы: 1) рождение и детство Манаса, 2) походы — “казаты”, 3) прибытие Алмамбета — первого соратника и названного брата героя, 4) сватовство и женитьба на Каныкей, 5) поминки по Кокетаю, 6) эпизод с козками (родственниками Манаса). Кроме того, есть еще небольшие, но фабульно несходные с “казатами” темы: 7) о заговоре ханов против Манаса и 8) песня о паломничестве Манаса в Мекку. Этот перечень основных тем дает приблизительный объем сагымбаевского варианта. Тема о Джолое, составляющая отдельный эпизод в радловском варианте, здесь не выделяется особо, потому что Джолой, как и Конурбай, и Эссен-хан, фигурируют во многих главнейших частях поэмы в качестве постоянных противников Манаса. Тема о них впиталась в канву поэмы, составив органическое сюжетное целое, как тема об Афрасиябе в “Шах-намэ”. На их взаимной вражде и противоположных, постоянно сталкивающихся героев стремлениях основана вся сложная борьба и перипетийные переломы в положении действующих лиц. Они же двигают все актуально-динамические темы как отдельных песен, так и всей почти поэмы.

Из перечисленных главных тем самое большое место в эпосе занимают, конечно, “казаты”, как в поэме героической, куда темы поминок, женитьбы и эпизод с родственниками входят лишь в качестве бытового материала, сюжетно подчиненного основной теме о героях, но изображающего их в сравнительно мирной семейной обстановке и в общении с родственниками. Однако эпизоды, описанные в них, развертывают перед слушателями не только картины мирной обстановки. Благодаря введению во все части боев, иногда подробно описанных батальных картин, эти этнографические бытовые темы, в конечном счете, тоже приобретают тон и характер героической эпопеи. Герой, который, по основному замыслу певцов, должен быть показан в бытовом окружении, в буднях своей частной, личной жизни, и в этих темах занимает центральное место как богатырь, благодаря тому же героизму, но

проявленному уже в иной обстановке. Конструктивно и отчасти тематически эти части строго подчинены основному стилю эпоса.

Таким образом, единственной организующей всю поэму стержневой темой является тема о главном герое и его многочисленных похождениях и различных приключениях. Нет почти ни одного эпизода, где так или иначе не участвовал бы Манас. Исключение составляет лишь небольшой отрывок “Дее пери жомогу” (песня о циклопах) где действуют богатыри Манаса, а не он сам. Таким образом, не случайно поэма названа именем только одного героя — центрального образа всего повествования.

Способ трактовки Сагымбаем тематического материала и конструктивного оформления всей поэмы, в конечном результате, приводит к большой спаянности частей, создает впечатление последовательно развернутого, цельного, все-сторонне исчерпанного былинно-героического сюжета. Правда, среди множества эпизодов есть отдельные отрывки, имеющие тенденцию выделиться в особую поэму. Таковы песня о Кошое до его встречи с Манасом и песня о циклопах.

Что касается других тем, то, говоря о единстве признаков, объединяющих их большой былинный сюжет, нужно, однако, сделать существенную оговорку, что это единство тоже условно. Объединяющая тема только одна — тема о Манасе, поскольку она пронизывает каждый эпизод и всю поэму в целом. Признавая этот момент как признак, способствующий номенклатурному обозначению большой темы, одновременно отметим, что в пределах ее имеется масса самостоятельных малых тем. В сущности говоря, каждая песня, хотя бы даже в цикле о походах, есть законченный эпизод, в котором даже тема сюжетно исчерпана. Это — цельные эпизоды, правда, раздробляющие большую тему одного казата на мелкие темы (особые приключения, добавленные к биографиям героев и многое другое), с самостоятельным началом и завершенной концовкой. В этом отношении каждую песню следует признать самостоятельной частью, возникшей, может быть, в процессе одного творческого акта, независимо от того, ранний или поздний певец сочинил ее. Исходя из этого, деятель-

ность Сагымбая можно уподобить работе редактора древних эпических сводов, который объединяет все дошедшие до него сценки, отрывки, эпизоды, не задумываясь над вопросом, насколько мотивирован и сюжетно увязан с предыдущими и последующими частями данный ввод. Впрочем, этим вопросом порой и даже нет надобности заниматься, потому что каждый эпизод сам по себе закончен, в целом и не излишен, хотя даже как биографическая подробность о герое. Это последнее обстоятельство сыграло особую роль в необычайном сюжетном разрастании поэмы. Если принять во внимание указанное, то переход в нашем исследовании от суммарно намеченных больших тем к малым эпизодическим темам должен был бы выразиться в перечислении фабульного материала всех песен, что малопродуктивно и не покажет всей архитектоники поэмы. Поэтому считаем необходимым дальнейшие вопросы тематики рассматривать в связи с анализом сюжетного построения произведения.

Как же расположены большие темы, как сюжетно разработан, оформлен и в какой последовательности конструктивно объединен весь этот обильный тематический материал? Для ответа на эти вопросы нужно обратиться к отдельным значительным частям поэмы, а так как большая часть повествовательного материала сгруппирована вокруг казатов (походов), мы начнем исследование с этой темы.

### **Тема “казатов” (походов)**

Занимая в поэме самое большое место и разбиваясь на множество отдельных походов, эта тема по общей схеме построения у Сагымбая однотипна. Различия в деталях настолько малочисленны и незначительны, что одна фабульная схема может охватить сюжеты всех походов, причем с исчерпывающей полнотой она представлена в “Великом походе”, цикле песен о походе на Бейджин (Пекин). Если из этого цикла изъять как самостоятельный эпизод о заговоре семи ханов, то сюжет остальной части описательно можно представить в следующем виде<sup>1</sup>.

Как обычно в песнях о походах, и эта песня начинается с описания богатой, счастливой, мирной жизни в стра-

не киргизов, где прославленный, могущественный герой Манас окружен уважением своих друзей-богатырей (кырк-чоро), жен, слуг и всей рати. “Гремит его слава на необъятном пространстве всей Азии, жмутся в трепетном ожидании грозных его набегов дальние и близкие государства еще не покоренных, не обращенных в мусульманство ханов, царей”. И в обстановке такой, обычно непродолжительной, мирной жизни всей манасовской рати возникают поводы к новым походам. Необходимость священной войны с неверными и неизбежный конец — беспощадное истребление врагов в случае упорства или же обращение их в ислам в случае покорности — таков часто продиктованный свыше, основной в замысле поэмы мотив, по крайней мере, в трактовке Сагымбая. В “Чон-казате” поводом для похода в Пекин служит тот же мотив, к которому присоединяется еще вечная вражда Манаса с соперником багыром Конурбаем, могучим китайским витязем.

Китайцы не признают ханства Манаса и считают его своим подчиненным, пытаются обложить данью, наказать набегам и насилиями всех тюрков, в частности киргизов. Имея, таким образом, якобы полное основание для священной войны против самого надменного врага, Манас объявляет день отправления в поход.

Дальше идут, по характерной сюжетной схеме всех походов, сборы в путь. Обычно в этих частях, собственно, во вступлениях, преобладают статические мотивы в виде длительных подробных описаний от лица самого певца либо в виде монологов-наставлений, ободряющих речей. К концу сборов в стан Манаса начинают прибывать со своими полчищами подчиненные ему ханы остальных тюркских родов. Очень характерен показ картины стекающихся со всех концов войск богатырей-ханов. Певец как бы устраивает парад прибывающих одна за другой разноплеменных частей во главе со своими вождями родов — богатырями, которые являются друзьями и постоянными соратниками Манаса. Во всех без исключения походах этот парад в качестве традиционного начала включается обязательно в виде готового клише, в одних и тех же выражениях, с сохранением неизменной очередности прибывающих.

Затем следует прощание с родными, женами, впрочем, не всегда обязательное при других походах, но распространено изложенное в “Чон-казате”. После этого войска отправляются в поход.

Дальше, по установленной схеме, возникают обычные для фольклора трудности пути. Утомительная, изнуряющая участников похода долгая езда под предводительством Алмамбета растягивается на 90 дней, в продолжении которых не сделано ни единого привала. Описываются затрудняющие путь безводные пустыни, непроходимые горы, бурные потоки (обычные для европейского эпоса дремучие леса здесь, в соответствии с географической обстановкой, встречаются очень редко). Путь следования войска дает возможность певцу продемонстрировать его географические познания. Он с особенной любовью и эпическим спокойствием нанизывает и в повествовании массу топонимических и этнонимических материалов. Каждое обстоятельное описание новых мест включает в себя рельеф местности, климат, флору и фауну определенной географической среды. Правда, все эти элементы, в соответствии с преувеличенным во всех деталях былинно-героическим окружением и сюжетным заданием, осложнены, сказочно преувеличены, метафорически насыщены фантастикой. Например, животные несут обязанности вестников врага. Они мешают продвижению войск, некоторые из них после длительной борьбы вырываются на волю, спасаются от погони, прибегают к своим хозяевам и предупреждают их о надвигающейся опасности. Почти во всех походах фигурируют фантастические вестники врагов, являясь то в виде животных, то в виде людей-чародеев (аяр)... либо дэв-циклопов. Например в “Чон-казате” Макел-дэви наводит ужас на людей Манаса своей силой, наваждениями и прочими кознями. Соратники Манаса, в противоположность своим врагам, пользуются только своей огромной физической силой и мужеством, побеждая в открытой, честной борьбе. Им не дано владеть тайнами злых духов, от которых могут черпать силу только враги — не мусульмане. Этот момент интересен для характеристики стиля поэмы, сближающей ее со всеми омусульманенными героями других восточных поэм, как “Шахнамэ”, “Газават Сейт-Баттал” и др.

Но не всегда удается устранить злые силы одной лишь физической мощью. Тогда выступает Алмамбет, который знает все тайны темных сил и вступает в борьбу с ними, внося в повествование сказочные элементы превращений, он побеждает противника своими чарами и убивает его. Так устраняется с пути первое большое сопротивление врагов. Затем Алмамбет борется со стихией: по его желанию холод сменяется теплом, нестерпимая жара — прохладным дождем, заклинанием он осушает бурный поток (реку Орхон в “Чон-казате”). Обученный еще в детстве у себя в Китае тайным знаниям, он имеет могущественную власть над природой. Это — аналог Вейнемейнену из “Калевалы”. Так, побеждая стихию и темные силы, Алмамбет прокладывает путь в заколдованные вражеские владения. Но Алмамбет не только владеет тайными знаниями, он в то же время смелый предприимчивый глава войска, храбрый богатырь. Манас поручает ему предводительство над войсками во время похода в Пекин, и он прекрасно справляется с этой задачей, проявляя исключительную неутомимость и изобретательность ума.

Постоянное участие Алмамбета повторяется как необходимый момент в сюжетной схеме всех походов. Его борьба с темными силами — одно из обязательных звеньев в общей фабульной цепи событий. Но в “Чон-казате” первое большое испытание с ним разделяют вначале Манас, убивший циклопа Макел-дэви, а затем первые друзья — Чубак и Сыргак. Во всех же остальных случаях начальную борьбу ведет один Алмамбет. Эта борьба является одной из важнейших динамических тем, двигающих события и тем самым осложняющих сюжетную схему похода.

После этих приключений войска Манаса встречаются на территории врага лицом к лицу с ожидающими их несметными полчищами противника во главе с богатырями и ханами и царями. Массовые бои развертываются не сразу, им обязательно предшествуют поединки. С обеих сторон выступают сначала второстепенные богатыри. Для усиления впечатления вводится интригующий элемент. Поединки обычно заканчиваются переменным успехом или даже победой противника. Этим оборотом достигается необходимое осложнение событий, насыщенные динамикой

эпизоды с частичными поражениями войск Манаса усиливают сюжетное нагнетение, ступают действие. После многих поединков, постепенно повышающих интерес слушателя в ожидании неизвестного для него исхода, наступает кульминационный момент борьбы, когда стороны обращаются к своим самым сильным богатырям — славе своей рати. При этом мусульмане прибегают к Манасу, а враги к какому-либо достойному его противнику из ханов. После того как вступает в поединок эта пара, бой обычно кончается победой Манаса, и дальнейшая борьба вырастает в массовое сражение, причем центральными фигурами остаются все время Манас, Алмамбет и кырк-чоро.

Участия масс певец почти не замечает, ему они нужны лишь в качестве статистов, сначала для указаний численности войск, затем — в конце боя, когда от рук героев гибнут в несметном количестве враги, а оставшиеся в живых обращаются в бегство или сдаются в плен. По окончании битвы певец подробно описывает поле боя с перечислением потерь, дает картину поисков оставшимися в живых отсутствующих родных и знакомых. Это почти единственный случай, когда внимание певца останавливается на массе, — прием, необходимый для демонстрации ужасов, как заключительный аккорд, как способ усилить впечатление.

Дальнейшие бои происходят уже в крепости или у городских стен бежавшего с поля брани противника. При этом снова могут повторяться поединки, иногда же событие заканчивается описанием массовых батальных сцен.

Наконец следует обязательный финал: побежденные объявляют покорность, подносят победителям дары, начиная обычно с дочери хана и ее огромной женской свиты, кончая всякими ценностями в виде золота, серебра, драгоценных камней. Происходит дележ трофеев. Финальная часть заканчивается либо принятием ислама “неверными” и перемирием, либо сватовством и женитьбой самого Манаса или кого-либо из его близких на дочери бывшего главного врага. Из четырех своих жен трех Манас приобретает именно таким путем. Исключение составляет только Каныкей, тема о которой развита, как было указано выше, в совершенно особом, самостоятельном плане. Этими событиями обычно исчерпывается сюжет похода. Иногда в

виде отступления от общей схемы включается описание благополучного возвращения войск в свои земли. Такая концовка бывает очень редко, потому что герой чаще всего, победив одного врага, идет дальше, вступает в борьбу с другими противниками и продолжает свои завоевания, причем изложенная выше схема сражений приблизительно повторяется лишь с некоторой перестановкой событий и в новых словесно-поэтических описаниях.

В качестве небольших отступлений можно отметить еще редкие случаи конфликтов между самими героями. Так, например, однажды конфликт возникает между Манасом и Алмамбетом из-за пленницы Алтынай, увлекшей своей красотой обоих героев. Причиной других конфликтов между второстепенными героями часто бывает зависть. Один серьезный случай произошел на этой почве в “Чон-казате” между Чубаком и Алмамбетом. Но обычно такие столкновения, возникающие во время походов, не заходят далеко, заканчиваются признанием вины одной из сторон и проявлением покорности перед общим осуждающим мнением товарищей.

Подобными ситуациями, с частичными отступлениями, исчерпывается схема всех больших и малых походов, составляющих главную тему эпоса.

У Сагымбая “Чон-казат” определяет собой схему остальных многочисленных, малых и больших, самостоятельных походов, у Каралаева “Чон-казат” вообще исчерпывает всю тему походов. Последний вместо многих походов рисует только один, но зато дает очень длинное, подробное и героически приподнятое описание его. “Чон-казат” в каралаевском варианте — это сгущенный, собранный показ героических деяний богатырей во главе с Манасом. В боях и поединках проходят месяцы и годы. С непродолжительными перерывами вновь и вновь возобновляются яростные схватки манасовской рати с врагами. Подробно описаны героические действия не только Манаса, Алмамбета и их главных врагов, а и многих других второстепенных богатырей из двух станом.

Кроме того у Каралаева в тему героических подвигов включен ряд других самостоятельных тем. Например, у Сагымбая приход Алмамбета составляет совершенно самостоя-

ятельный цикл. У Каралаева этот эпизод дается в виде воспоминания Алмамбета во время “Чон-казата”. У Сагымбая гибель всех богатырей, соратников Манаса, составляет тоже самостоятельный, десятый цикл песен. У Каралаева эта тема дается как результат “Чон-казата”. Даже смерть Манаса и последующую судьбу его семьи Каралаев не выключает из “Чон-казата”. А Сагымбай эти темы переносит в десятый цикл, к самому концу поэмы, чтобы оттуда сделать переход к ее второй части, посвященной сыну Манаса, Семетею. Не законченный еще записью вариант Каралаева, сохраняя все повествовательные элементы и динамические мотивы сагымбаевского “Чон-казата”, еще больше расширяет рамки входящих в этот цикл событий. Очевидно, у него меньшее число циклов, так как большинство самостоятельных значительных тем исчерпывается в качестве подчиненных в “Чон-казате” и в песне о Семетее. Что касается сагымбаевского варианта, то он, не давая исчерпывающего показа боев в одном “Чон-казате”, отличается многосторонностью показа людей и их отношений. Психология, юмор, быт и развлечения одинаково занимают внимание эпически спокойного певца Сагымбая. Может быть, именно поэтому он не собрал все действия эпопеи в одном цикле и не исчерпал всех картин боев в одном походе, но зато дал много походов в различное время в различных странах, описывая их как события самостоятельные, законченно цельные. Опираясь при нашем анализе на сагымбаевский вариант, вспомним, что героический тон основной темы (казата) тематически и структурно влияет на характер и облик других повествований, воспроизводящих не боевую, а сравнительно мирную обстановку в жизни героев. Так дело обстоит, например, с оформлением второй большой темы эпоса — “аш” (поминки по Кокетаю).

### **Тема “аш” (поминок)**

Кокетай, один из старших соратников Манаса, перед смертью завещает своему сыну Бок-Муруну устроить по нему поминки. Для передачи этого завещания автором использована форма, бытовавшая почти до последнего времени, лирическо-обрядовой песни “керез” (завет). Здесь

выступает характерный прием мотивации новой большой темы — общий для всех без исключения частей поэмы, когда повествованию о каком-нибудь большом событии обязательно предшествуют пространно изложенные мотивы, поводы, вызвавшие его. Таковы, например, вступления ко всем походам.

Исполняя завет отца, Бок-Мурун поступает, как советует Манас: на быстроногом коне Маникера гонец объезжает все известные певцу царства, созывая гостей на “аш” и угрожая за неявку разгромом. Ввод этого мотива задает необычайный для “аша” воинственный тон, в который окрашиваются все приготовления и сборы для устройства поминок.

Еще необычайнее для бытовой темы наезды приглашенных с разных концов света гостей — ханов, царей с их полчищами во всеоружии и с соблюдением всех порядков военного похода. Съезжаются не только друзья, но и противники Манаса — Джолой от калмыков, Конурбай от китайцев.

Самым последним на “аш” прибывает Манас во всем блеске своей славы и могущества, заставив прождать собравшихся много дней и вынудив своим опозданием отложить начало поминок.

Прибытие Манаса и небывало торжественная встреча его заслоняет на время основную тему. Солидарность друзей, воздающих почести Манасу и даже его коню Ак-Куле, демонстрируют перед лицом врагов спаянность киргизов и преклонение их перед ханом-героем. Превознося Манаса, певец в то же время шаржирует образ его врага Джолоя. Непомерная жадность к пище иронически подчеркивает ничтожность врага в сопоставлении с подлинным героем Манасом. Приблизительно так же, как Джолой, охарактеризован и Конурбай — алчный, завистливый, придиричивый, самый опасный враг Манаса. Накануне торжества происходит стычка между Джолоем и Конурбаем, когда последний намеревается отобрать у Бок-Муруна лучшего коня с целью устроить киргизов и тем самым заставить их считаться с ним, Конурбаем. Это должно было бы послужить предупреждением и для зазнавшегося Манаса. Но Манас сразу разгадывает замысел врага. Оскорбленный по-

пыткой Конурбая уронить его престиж, он негодует на Кошой и Бок-Муруна, по наивности уже склонившихся к мысли подарить Конурбаю облюбованного им коня. Для Манаса здесь ставится на карту вопрос престижа. Эта тонкая психологическая борьба остро сталкивает противников, и они выступают с открытым забралом уже воюющих сторон. Разгневанный Манас бросает вызов китайской рати и начинает избивать людей Конурбая. Испугавшись гнева Манаса, Конурбай не выступает против него и отделяется приношением даров и извинений “турецкому” хану.

Таким образом, включив в сюжетное задание эпизода об “аше” воинственный элемент, сказитель то и дело выставляет эту динамическую тему, как подводное течение спокойно разворачивающейся в дальнейшем картины поминок. Слушатель подготовлен к неожиданному вводу боевых тем, временно заслоняемых последовательным изложением занимательных игр и состязаний.

В дальнейшем с подлинно эпическими подробностями в художественно-полноценных, красочных картинах описывается торжество. Долго длятся игры, состязания, начиная со стрельбы из лука в слиток золота (джамбы), подвешенный на высоком столбе. Победителем из состязания выходит Манас. Далее идут борьба, турник (саиш), скачки и другие игры. Каждое из состязаний составляет сюжет целой песни. Описанные с самыми мелкими бытовыми подробностями, в реалистических тонах, они являются едва ли не самыми художественными и эмоционально заражающими сценами всей поэмы в сагымбаевском варианте. Во всех случаях победителями оказываются Манас, Кошой и другие его “чоро”, а в скачках первыми приходят их кони. Правда, победы эти достаются с большим трудом. Все виды борьбы певец рисует интригуяще занимательно, талантливо и правдиво. Они реалистически действенны и, несомненно, должны захватывать слушателя, склоняя его к вере в подлинность побед. Особенно напряженно протекает “куреш” (борьба на поясах) между Кошоем и Джолоем.

Вначале против Джолоя никто не осмеливается выступить. Наконец, выходит старик Кошой. Далее следуют приготовления, расцветенные элементами комизма и психологизма, потом — долго длящаяся борьба, которая сулит

в течение всей схватки победу противнику и вдруг завершается неожиданной победой Кошой. И, наконец, кульминационный пункт напряжения завершается кадансом и безмерным ликованием в стане тюрок.

Но такие напряженные моменты не всегда уместны: чувство меры подсказывает певцу необходимость ввода иных, менее острых, но столь же занимательных сцен. Таковыми являются сцены, в изобилии сопровождающие песню об отвязывании верблюда<sup>1</sup>. Участвовать в этом состязании согласились только китайцы, среди киргизов не оказалось желающих.

Удачно применяемый прием отстранения усиливает комизм выступления подлинно гротескных фигур из “неверных” – Марды-Кален и Оронго. Так же комичны сцены “тазонишду” (бой паршеголовых), изображающие бой ба-ранов.

К концу “аша” все эти развлечения и состязания сменяются чуть ли не самой сложной борьбой во время скачек. Для этой части певец бережет уже намеченные раньше мотивы серьезных столкновений между Манасом и его противниками.

Как и в действительности, борьба и скачки являются одними из самых интересных, острых, захватывающих моментов. Чей конь прибежит первым и сорвет “туу” (знамя) Кокетая? Это не просто состязание коней, но вопрос чести и славы рода, выставившего определенного коня. Для достижения победы допускаются все способы воздействия на животных. Часто в пути устраиваются засады для опасных соперников, коней противников сражают на скаку, увечат и тем самым дают возможность взять приз своим коням. Во время описываемого “аша” к таким мерам первыми пробуют прибегнуть люди Конурбая, но их попытки не увенчиваются успехом. Когда же по этому примеру действует Алмамбет, он сражает коня Конурбая. Происходит драка. Манас наказывает Джолоя и задерживает коней. В это время Конурбай расправляется с устроителями тоя (пира), насильно отбирает приз, а пытающихся оказать сопротивление со своей стороны жестоко наказывает. Теперь прерванная боевая тема уже во всем своем объеме становится центральной темой дальнейшей драматической борь-

бы, и песня об “аше” перекликается со всеми песнями о походах. Манас спешно собирает силы и устремляется в погоню за врагом-насильником.

Эпизод “аша” доведен до конца. В него включаются картины обычных боев. Герои наказывают Джолоя избие-нием в момент, когда тот, прибыв домой, хвастался перед женою своими доблестями и насилиями над мусульманами. Наказание, понесенное им от Манаса и контрастирующее с предшествующим хвастовством, завершает трагикомически одно из многих столкновений Джолоя с киргизским героем.

Дальше Манас преследует Конурбая, истребляет его людей. Сам виновник позорного грабежа спасается бегством, оставив тем самым неразрешенный драматический узел — повод к новым боям, мотив для ввода новых динамических тем.

### **Тема женитьбы героя**

Весь стиль героической песни влияет на сюжет следующей большой темы — о женитьбе Манаса на Каныкей. Ее необходимо показать как женитьбу не простого смертного, а героя-богатыря. В связи с этим становится обязательным подчинять Манаса всем условностям, обычаям традиционного сватовства и женитьбы. Его резко очерченная индивидуальность с необыкновенно бурно проявляющимися в этом эпизоде гневом, нетерпеливостью, страстью и отчасти притворством многосторонне дополняют образ героя и одновременно разрушают привычную обстановку бытового эпизода. Благодаря вводу этих мотивов и данная тема в отдельных своих положениях включается в общий поток героических тем.

Эпизод начинается с обыкновенной реалистической сцены сватовства. Манас и его друзья, наслышавшись о высоких достоинствах Каныкей, дочери хана Шатемира<sup>1</sup>, посылают отца Манаса, Джакыпа, просватать ее за героя. По традиции отец выбирает жену для сына. После долгих исканий он, наконец, находит город невесты, видит ее и решается тут же начать сватовство. Идут сговоры, стороны ставят взаимные условия со всеми реалистическими бы-

товыми подробностями. Перечисляется несметный калым как обязательный элемент сватовства.

Между прочим, тема о женитьбе вводится тоже с необходимой мотивировкой в начале. Имея уже двух жен, доставшихся в результате побед над врагами, Манас, по настоянию Алмамбета, решает жениться еще раз. Ставши названным братом Манаса, Алмамбет испытывает его жен и находит, что Манас еще не имеет достойной себе подруги. Кроме того, эти жены достались ему как трофеи побед, а по родовому обычаю надо иметь еще и более “законную” жену, взятую по всем правилам, которая была бы самой любимой женой, выбранной родителями с оплатой калыма и с исполнением всех обычаев сватовства и свадьбы (мотив для ввода в поэму ритуально-бытовых моментов).

Таким образом, выбор отцом невесты для сына понимается как законный этап дальнейшего повествования. После возвращения Джакыпа Манас отправляется в сопровождении всей свиты с богатейшими дарами в страну невесты. В городе Шатемира им устраивают торжественную встречу.

Затем действие переносится во дворец Каныкей, окруженный блестящей многочисленной женской свитой и слугами. Но вопреки обычаю невеста вовсе не томится в ожидании прославленного жениха. Все дальнейшие сцены сконструированы по принципу контраста, вводящего сложную драматическую борьбу между женихом и невестой. Эта борьба становится особенно напряженной благодаря притворству героев. В начале к нему прибегает невеста, а в конце ей тем же мстит жених.

Борьба, основанная на контрастах, как и вообще — излюбленный прием всех эпических произведений, в данной теме показана гораздо полнее, занимательнее, чем во всех других частях поэмы. Столкновения происходят не только между героем и невестой: этот же прием переносится и на подобные, параллельные линии, например, между Алмамбетом и его возлюбленной, оформляя, таким образом, конструктивный параллелизм других, второстепенных сцен.

Динамическому движению линии способствуют частые срывы, торможения и неожиданные концовки. Обычная реалистическая тема свадебных торжеств часто переносится

в плоскость драматических событий, осложняющихся и динамически нарастающих боевых тем. Подобное перерастание мирных сцен в острое столкновение происходит в эпизоде первой встречи Манаса с невестой. Охваченный страстью, Манас насильно врывается во дворец Канькей, избивает задерживающих его слуг, оскорбляет свиту невесты. Последняя, возмущенная этой дикой выходкой, наказывает жениха притворной холодностью, невниманием, а затем, вынужденная к тому грубостью Манаса, выхватывает кинжал и ранит его. Разъяренный дерзостью невесты, жених избивает ее. Улаживает конфликт оповещенная вовремя мать Канькей, стараясь, чтобы происшедшее не получило огласки, но примирить молодых людей ей не удается.

Дальше в том же тоне идет изложение остальных сцен вплоть до самой женитьбы. Например, Канькей продолжает упорствовать и после свадьбы, заставив жениха и первую брачную ночь просидеть напрасно до самого утра в ожидании ее прихода. Она мстит Манасу и одновременно притворяется с целью испытать его. Это окончательно выводит из терпения Манаса. Он приказывает своим богатырям сесть на коней, собираясь истребить город вместе с ханом Шатемиром и всеми его родными, включая и надменную дочь.

Гнев Манаса был настолько страшен, что богатыри беспрекословно начинают снаряжаться к бою. Выход из положения находит разумный, уважаемый всеми старец Бакай, который советует богатырям делать вид, что они воюют, но не убивать людей. Богатыри так и поступают, но сам Манас яростно разрушает город, беспощадно истребляет людей, наводя на всех ужас. Тогда только перед героем выступает беззащитная и уже покорная невеста. Она в тонких выражениях, слегка укоряя Манаса за неуместную ярость, просит прощения за свои поступки и искренне предлагает ему мир.

После этого бытовая тема снова занимает свое законное место, перенося повествование к торжествам и играм. В развлечениях жениха и его “кырк-чоро” активно участвует мудрая Канькей, по распоряжению которой для нее и ее сорока подруг выставляются роскошно обставленные бе-

лые юрты. Чтобы искупить свою вину, она решает по особому торжественно встретить Манаса и его друзей. Но здесь первоначально узаконенный конструктивный принцип контрастирования динамических тем вступает в новую полосу. Певец перетасовывает сюжетные положения, заставив Канькей примириться со своей участью. Теперь герои меняются ролями. Вводится ряд сцен, описывающих уже мнимую, возникающую благодаря ответному притворству Манаса, драматическую борьбу.

После скачек и игр, обычных для всех “тоев”, Манас с друзьями должен вернуться в приготовленные юрты, где их ожидают невесты. Герой предлагает товарищам устроить скачки в сторону юрт с условием взять каждому в качестве приза ту девушку, у чьей юрты остановится его конь.

Канькей примирилась с показным безразличием к ней Манаса, потому что при таком условии состязания она может достаться случайному жениху. Начинаются скачки. Манас прибывает последним. Все юрты уже заняты, за исключением одной, у которой герой и останавливается. Она оказывается юртой Канькей. Последняя приветливо встречает Манаса, подшучивая над доблестями его коня, и говорит, что примирилась со своей судьбой, хотя та и привела к ней нареченного самым последним. Но испытание Канькей Манасом не ограничивается этим. Он собирает товарищей с их невестами и предлагает устроить новую игру. Всем невестам завязывают глаза, а мужчины становятся в ряд напротив. Девушки идут к ним и берут себе в женихи того, кто попадает. В результате соединяются те же пары, и Канькей находит Манаса. Подчеркнутое дважды притворное безразличие или даже игнорирование Манасом невесты не оскорбляет ее. Не в пример жениху, она терпелива, представляя по характеру антитезу героя (прием контрастного оформления характеров близко сходящихся людей).

Манас не смог истощить терпения Канькей, и теперь она сама, продолжая мнимую борьбу, заставляет завязать глаза женихам, чтобы они нашли своих невест. Прежние пары остаются неразлучными, но во всех случаях оказываются обиженными Алмамбет и его невеста.

Дочь пери, лучшая подруга Каныкей, чуть ли не первая красавица Аруке была недовольна, когда у ее юрты остановился Алмамбет. Она пренебрегает им, называя его “калмыком”, “выходцем из Китая”, и хочет выйти замуж только за настоящего киргиза, имеющего в противоположность Алмамбету и родных, и свой народ. Она владеет тайной принимать по своему желанию любой облик и, завидев Алмамбета, превращается в страшную черную рабыню. Ужаснувшись ее вида, Алмамбет не знает, как избавиться от нее. В течение игр эта отвратительная рабыня неизменно достается ему. Но после того, как Каныкей разъясняет ему секрет Аруке, страх Алмамбета сменяется стремлением жениться на этой дочери пери. Однако Аруке продолжает упорствовать. Эта новая борьба, осложненная маскировкой героини, составляет один из занимательных моментов в финальной части эпизода и способствует включению новой героической темы. После долгих уговоров Аруке, не приведших к желательным результатам, Манас, принимая близкое участие в судьбе Алмамбета, считает лично себя оскорбленным упорством девушки. А за всякое оскорбление он обыкновенно мстит безжалостным наказанием не одного только обидчика, но и всех его родственников. Жертвывая уже наладившимися мирными отношениями со своей невестой и ее родными, Манас снова объявляет войну, принимается избивать неповинных людей, наводит ужас на город. Всеми этими действиями он доказывает Аруке, насколько дорог ему Алмамбет. Дается знать, что последний — не безродный и пришелец, а самый почетный, уважаемый “чоро” и брат героя, в судьбе которого все они кровно заинтересованы и ради него жертвуют чем угодно. Лишь после этого Аруке соглашается стать невестой Алмамбета.

Через такие столкновения и срывы весь эпизод подходит к концу, завершаясь мирным всеобщим торжеством. Эпизод заключает в себе подробное описание брачной ночи во всех юртах, начиная с главных пар (Манас — Каныкей, Алмамбет — Аруке) и кончая прочими. В финальной сцене певец делает резкое отступление от серьезного тона повествования и, ориентируясь, очевидно, на молодежь из числа слушателей, рисует картины брачной ночи в стиле натурализма.

Кстати, среди необычайного изобилия больших и малых тем — эпизодов — эротический момент занимает в поэме незначительное место. В качестве подчеркнуто гротескного положения, сильно окрашенного эротизмом, приводится упоминаемая выше сцена развязывания верблюда, но там это объясняется намеренным шаржированием врагов — неверных, согласившихся на подобные непристойности. Второй случай ввода такого элемента мы встречаем в описании брачной ночи.

### **Другие самостоятельные темы**

Еще менее самостоятельны и специфичны в отношении сюжетного построения такие темы, как “Прибытие Алмамбета”, “Эпизод с козкамианами”, “Сказка о циклопах” и “Паломничество в Мекку”. Из этой группы сравнительно большим разнообразием выделяются темы “О рождении героя” и “Заговор семи ханов против Манаса”. Остановимся вкратце на них.

Собственно, с темы рождения и детства героя мы и должны были бы начать разбор сюжетного построения поэмы в порядке хронологической последовательности, но сознательно обошли ее, считая тему о походах основной, которая сюжетно и конструктивно подчиняет себе все остальные эпизоды.

Фабула песни о рождении и детстве Манаса малооригинальна и фольклорно традиционна. Зато по своему словарному материалу, поэтической технике, уверенно введенному бытовому реализму, убедительно мотивированному психологизму отдельных положений, а также по внешнему оформлению этот эпизод — один из ценнейших в поэме.

Сюжетно здесь трактуется самая распространенная в восточном эпосе тема — мольбы и ожидания бездетными престарелыми родителями ребенка. Наконец, в необычных условиях рождается долгожданный сын. В появлении его на свет были заинтересованы духи предков и, главным образом, сам пророк, оставивший ожидать его рождения своего современника, сахабу Айходжа, и “кырк шильтен” (сорок святых), которые должны охранять ребенка. Один из

них, превратившись в дервиша, дает мальчику имя Манас, истолковываемое в духе ислама. Все эти явно наносные части поэмы у набожных исполнителей, видимо, являлись необходимым доказательством “священного, предопределенного свыше, высокого призвания Манаса”, как сформулировал нам свою позицию в вопросе один старый киргиз. В отдельных моментах Манас уподобляется чуть ли не мессии в мусульманской версии этого религиозного мифического образа, который в трактовке киргизского поэта сильно окрашен этнографически, тюркизирован.

Религиозно-фантастический элемент в поэме оказывается не случайным. Он присутствует сравнительно давно и в остальных частях ее. По известным побудительным мотивам с ним крепко связаны темы походов, не напрасно, как уже указывалось выше, названных “казат” (искаженное “газават”). Таким образом, сюжет первой книги в значительной своей части является общей мотивировкой ступенчато развертывающихся в дальнейшем больших и малых тем. Это — экспозиция всей поэмы, где в намеке заложены завязки, дающие осмысление всем последующим событиям.

Тематически и конструктивно малооригинальная, эта часть по идейному замыслу весьма значительна, так как определяет собой соответствующее оформление образов борющихся сторон, их стремления и основные моменты столкновений.

Дальше в первой книге излагается необыкновенное детство будущего героя. Еще будучи ребенком, он становится богатырем: набирает себе будущих чоро, жестоко мстит врагам за несправедливость к своим близким, выступает в защиту сородичей, охраняет территорию и имущество тюркских родов от набегов калмыков и китайцев. Уже в этот ранний период юный Манас намечает программу будущих своих действий, программу собирателя разрозненных племен и восстановителя их прежней мощи. Из этого узла расходятся во все стороны сюжетные нити последующих эпизодов и больших тем.

Более обособленным является эпизод о “Заговоре семи ханов”<sup>1</sup>. Занимая небольшое место в поэме в качестве вступления к “Великому походу”, он посвящен теме зависти

и возникающему отсюда временному расколу в среде подчиненных Манаса.

К моменту отправления в “Чон казат” Манас уже достиг зенита своей славы, став “царем царей”. Певец рисует его в пышной золоченой орде (дворце) любимой жены Каныкей, восседающим на золотом троне:

Капкасы алтын коргондо,	В крепости с золотыми воротами,
Каныкейдин ордодо,	В орде Каныкей,
Он жагында олтурган	С правой стороны его восседают
Отуз эки канны бар,	Тридцать два хана,
Сол жагында олтурган	С левой стороны его восседают
Кырк батырдын саны бар.	Сорок богатырей.

Богатыри — “чоро” — это высшая знать, ближайшие соратники и самые верные друзья. А ханы — подчиненные князья, главари различных родов, племен, по значению и удельному весу не равноценные чоро, которым в значительной степени Манас обязан своим величием и могуществом. Так что правовые положения и взаимоотношения лиц этого высшего слоя представляют собой структуру дворца (орды) и некоей государственной власти с всевластным ханом — героем во главе. Отношения Манаса к своим чоро, за редким исключением, теплые, братские, как равного к равным, тогда как с ханами он может быть очень жестоким, доходя до собственноручной расправы с ними, именуя их “кулами” — рабами (наказание Урбу на поминках Кокетая).

Временно выдвинутый в “Заговоре семи ханов” социальный мотив соперничества из-за власти в дальнейшем не разворачивается. Певец, включая этот мотив в текст, объясняет его чисто индивидуальной темой личной зависти к славе героя, жадной новых событий и желанием совершить поход в Большой Бейджин. Мотивировка этого эпизода, не в пример другим, многопланна. Тут и бытовая, личная тема, и социальный мотив, и борьба приниженной Манасом правящей группы за свои права, и, наконец, желание прославиться в бою. Последнее связывает эпизод с сюжетом “Чон казата”.

Завидуя славе Манаса, ханы устраивают против него заговор с целью вынудить к новому походу или совместно

разгромить его. Но, встретившись с героем и с его сорока чоро, они пугаются одного лишь его яростного взгляда, падают перед ним ниц, вымаливая прощения за грешные мысли, и когда он предлагает идти с ним в поход на Пекин, дают свое согласие.

Что касается остальных четырех эпизодов (“Прибытие Алмамбета”, “Сказка о дэвах и пери”, “Козкаманы” и “Паломничество в Мекку”), они по структуре и сюжетному построению не выходят за пределы биографических и боевых тем, характеризующих собой основной фабульный материал поэмы. Поэтому мы не будем останавливаться на разборе каждого из них. Отметим лишь, что “Сказка о дэвах” (циклопах) в целом представляет несколько видоизмененную версию странствующего сюжета<sup>2</sup> о циклопах, весьма сходную с подобным эпизодом из “Одиссеи”.

Эпизод с прибытием Алмамбета как биографическая тема сходен с подобными темами о Манасе и отличается от них лишь в деталях. Кроме того, в сагымбаевском варианте поэмы он излагается дважды: первый раз устами певца со всеми эпическими подробностями как самостоятельный цикл песен, второй раз – в “Чон-казате” устами самого Алмамбета, но в ином конструктивном плане – как воспоминание, в виде длинного монолога.

Паломничество в Мекку, составляющее основную тему десятой книги, и по содержанию своему, и по оформлению почти целиком повторяет в отрывках, отдельных картинах и кусках многие из разработанных раньше тем больших и малых походов. Это паломничество не похоже на обычное: большие события, происходящие в каждой из встреченных на пути новых стран (бои, покорения, обращения в ислам), делают его похожим на один из многих казатов.

Наконец, эпизод “Козкаманы” снова разрабатывает тему зависти и рождающейся отсюда вражды между героем и его близкими родственниками. Тема очень быстро перерастает в бытовой характер и выходит за его рамки, становится боевым эпизодом, где родственники Манаса истребляют друг друга, понеся таким образом, по мнению певца, самую ужасную, но заслуженную кару.

Закончив на этом анализ сюжетного построения поэмы и не касаясь подробного содержания ее частей, мы уже по

одному внешнему оформлению, по конструктивным особенностям можем сделать определенные выводы.

Сюжетная динамика поэмы осуществляется развертыванием одной господствующей темы, занимающей командное положение и в тематическом плане, и в конструктивном. Все побочные линии, отходящие от нее вначале как самостоятельные эпизоды, в конце концов заключаются в нее и подчиняются ей, служа как бы толчком к дальнейшему движению прерванной на время центральной темы. Перерывы лишь усиливают впечатление от последующих событий, вносят новые осложняющие мотивы для нанизывания дальнейших эпизодов на один и тот же основной стержень. Такой способ рассказывания имеет в виду одну цель, одно фабульное задание: сказать обо всем, что, так или иначе, касается героя.

Здесь же уместно будет суммировать все сказанное выше об отражении исторических моментов в “Манасе” и попытаться в связи с этим определить время его возникновения.

Поэма, запечатлевшая в себе множество различных исторических эпох, в своей центральной части отразила определенный момент в жизни создавшего ее народа. Сопоставляя данные о древней истории киргизов с данными эпоса “Манас”, можно установить целый ряд параллелей, прямо или косвенно указывающих на время возникновения первоначальной песенно-героической основы поэмы. В ней отразились события той отдаленной эпохи, когда киргизы были могущественным народом, чьи многократные походы (пять крупных “казатов”) и длительные войны составили целую полосу в его истории. Это был период киргизского великодержавия IX и X вв. В одних исторических источниках указывается, что киргизы в ту эпоху имели до 400 тысяч войска, в других — до 80 тысяч. Если взять даже последнюю цифру, и то для своего времени это было огромное полчище. Достаточно вспомнить, что численность войск всемирного завоевателя Чингиза определялась в 125 тысяч человек.

Центральное событие эпоса “Манас”, составившее, по всей вероятности, первоначальное ядро былины — “Чонказат”. Киргизы под предводительством Манаса соверша-

ют поход против сильного восточного государства (монголо-китайского или монголо-тюркского), в пределах которого находился большой укрепленный город Бейджин, отстоявший от центра киргизского государства на протяжении сорокадневного (по одному варианту) или девяностодневного (по другому) пути. Между тем исторически точно известно, что киргизы покорили огромное уйгурское царство и в 840 г. взяли его центральный город Бей-Тин (в киргизской версии Беджин или Бейджин), позднее носивший название Бишбалык.

Толкование былинного названия города “Бейджин” как китайской столицы Пекин неверно по одному тому, что город этот был покорен среднеазиатскими кочевниками впервые лишь при Чингизе в 1215 г., т.е. в ту эпоху, когда киргизский народ, уже сам покоренный войсками Чингиза, составлял только часть улуса Джучи. С другой стороны, это событие не могло произойти и после X в., когда киргизы были вытеснены из Монголии вновь возникшим сильным государством кара-китаев.

Во всех предварительных исследованиях эпоса серьезное затруднение представляло до сих пор имя героя — Манас. Такого имени не сохранилось в истории киргизского народа. Но надо иметь в виду, что все отрывочные данные о нем, если не считать енисейско-орхонских надписей, вообще не донесли до нашего времени ни одного собственного имени героев, полководцев, хаканов или ажо (так назывались в древности киргизские ханы) из эпохи киргизского великодержавия. О завоевателе уйгурского царства известно только, что он умер в 847 г.<sup>3</sup> Весьма возможно, что имя Манаса, действительно существовавшего в ту эпоху, было утеряно письменной историей, изучением которой занимались не сами киргизы, а их отдаленные соседи. Сам же киргизский народ мог сохранить это имя в своем сокровенном изустном творении, каковым является бессмертный эпос. Поэтому отсутствие имени Манаса в скудных исторических сведениях не должно нас смущать. Как мы полагаем, Манас-то и был главным полководцем или ажо, завоевавшим Бей-Тин и умершим в 847 г. Лингвистически имя Манас должно означать либо наименование божества из пантеона шаманства, либо, что вер-

нее, оно идет из манихеизма, широко распространенного в ту пору в Средней Азии. Может быть, настоящее имя прославленного героя тех времен было иное, а позже он, благодаря своим доблестям, был прозван, подобно Чингизу, именем божества – Манасом.

Еще более сложным и при том центральным вопросом в уточнении даты эпоса является вопрос о времени сложения первой песни, т.е. о “Великом походе” и самом Манасе, предполагаемом полководце киргизского народа. Даже при всей бесспорности событий, личностей естественно предположить, что героическая песня могла возникнуть после этих событий и даже в среде гораздо более поздних, последующих поколений. Но такое предположение опровергается самим текстом эпоса во всех дошедших до нас вариантах, ибо великий, подлинно исторический поход воспели ратники, участники похода, главным среди которых был аналогичный поэту-дружиннику из “Слова о полку Игореве” соратник Манаса Ырамандын ырчы уул... В эпосе он упоминается иногда только в форме эпитета, как Джайсанырчи, т.е. князь-поэт.

Ырамандын ырчы уул не просто участник похода, свидетель событий, но и боец-богатырь. Помня эту, не однажды упоминаемую в эпосе личность, следует обратить внимание на так называемые вещи сновидения последующих сказителей. По издавна установившейся традиции каждый воспевающий Манаса и его деяния должен быть хотя бы символически его соратником, одним из манасовских чоро. Не случайно поэтому в каждом “вещем” сне обязательно появляется Манас со всеми своими чоро и приглашает будущего сказителя участвовать в их трапезе или в предстоящем походе. Все это говорит о том, что первоначально песня была сложена очевидцем, участником знаменитого похода, а последующие сказители по традиции должны были представлять себя хотя бы идеальными участниками описываемого ими события. Итак, первая песня эпоса “Манас” была создана Ырамандын ырчы уулом в годы великого похода.

Большинство элементов древнего быта и традиций (похороны, женитьба, клятва, поминки и др.), вошедших в старинный текст “Манаса”, мы встречаем в позднейших ва-

риантах. Все они также говорят о том, что героическая песня возникла в домусульманский период в истории киргизского народа. Между тем известно, что мусульманство в Восточном Туркестане утвердилось в эпоху Караханидов в X–XI вв., а в XIV в. распространилось уже по всей Средней Азии.

Исключительный интерес в разрешении занимающего нас вопроса представляет также ряд древних названий и наименований, сохранившихся в тексте “Манаса”, иногда в первоначальном, а иногда в измененном виде. Так, один из циклов песен сагымбаевского варианта посвящен эпизодам с “козкаманами”. “Козкаманы” — племя, родственное Манасу. Фактически каманами (куманами) в древности назывались половцы. На юго-восток Европы они перекочевали в XI в. Упоминание в поэме о совместной жизни их с племенем Манаса говорит о том, что эпос застал еще тот период, когда половцы — каманы жили в центре Азии, по соседству с киргизами. Так же характерно для древнего текста “Манаса” упоминание в нем народов естек, катаган и др. Являются ли эти естеки башкирами или северным народом Азии — остяками, точно неизвестно, но замечательно уже то, что в эпос вошли народы, которые за много веков до того перестали быть соседями киргизов. То же самое можно сказать о катаганах, уже давно живущих на севере Афганистана.

В поэме есть и другие названия и обозначения, потерявшие в устах позднейших сказителей свой первоначальный, древний смысл. При этом интересно, что некоторые из них относятся непосредственно к собственной истории киргизского народа. Например, в сагымбаевском варианте упоминается народ кенжут (“кенжуттинын элинден”). Сказитель не называет этот народ родственным Манасу. Однако из истории известно, что Кенжут был городом киргизского хакана в IX–X вв. Сохранившееся в тексте эпоса древнее название видоизменилось в устах поздних сказителей, для которых город Кенжут утратил свою историческую реальность. Неосведомленным сказителем его название ошибочно перенесено на народ, на легендарное государство.

Подобному же видоизменению подверглось и обозначение “ажо”. На древнекиргизском языке так назывался

либо хакан, либо военачальник в эпоху енисейско-орхонских надписей и великодержавия. В дальнейшем это понятие, трансформировавшись в устах сказителей, стало обозначать уже собственное имя Аджы, причем к нему добавился титул — хан. И в дошедших до нас вариантах эпоса мы встречаемся уже с индивидуальным персонажем Аджы-ханом. Причем он упоминается в качестве хана враждебного киргизам народа — не то китайцев, не то монголов.

При внимательном и углубленно-научном анализе подобных исторических фактов и их литературно-текстовых (из эпоса) параллелей найдется множество еще более убедительных данных, говорящих о древнем происхождении “Манаса”. Все же упомянутые выше сопоставления даже при первом беглом обзоре их сводят истоки возникновения “Манаса” к одной эпохе, а именно к эпохе киргизского великодержавия. При этом центральным источником и сюжетным ядром песни является поход киргизов против уйгуров и покорение киргизами города Бей-Тин. Исходя из этого всего, мы можем уверенно сказать, что “Манас” создан не ранее 840 г., и отсюда определить давность эпоса — около 1100 лет. Но эти цифры — лишь приблизительная дата возникновения эпоса. Утверждать же можно только одно — сложившаяся в то время основа поэмы отражает период киргизского великодержавия. Здесь героем является весь коллектив, весь народ, гиперболизированные черты воинственности и силы которого воплощены в “Манасе”. Тема о герое явилась единственной эффективной вершиной повествования.

В дальнейшем возникает вторая ступень сюжетного изменения поэмы, обнаруживается приспособление старых мотивов к новому замыслу: мотивы сохраняются как материал, но с измененной сюжетной функцией. Из героя домусульманской истории киргизов в эпоху их великодержавия Манас превращается в фанатического ревнителя ислама, неустанно борющегося за веру, предпринимающего многочисленные “казаты”.

И, наконец, в последней стадии, когда в отдельных районах Киргизии начали развиваться капиталистические отношения, образ Манаса отразил в себе, может быть, и тен-

денции абсолютизма — в авторской проекции, конечно. Все эти наслоения оставили свой отпечаток на древнем пласте “Манаса”.

Основу поэмы составлял мотив, который был определен социальным заданием родового коллектива, где образу героя — сперва родового, затем народного — строго подчинены все прочие элементы. Конструктивные и сюжетные моменты, безусловно, подчинились этой же теме, причем подобная особенность сохранялась во всех последующих изменениях поэмы. Старый мотив оставался в качестве неизменного материала, используемого в меняющихся сюжетных функциях.

### **Характеры в поэме**

Эти же моменты мы обнаружили и в остальных компонентах поэмы. Сделанное нами заключение по поводу сюжетного построения, подчиненного вершинному принципу, делается еще более ясным при рассмотрении выведенных в поэме образов. Так как вопрос о них теснейшим образом связан с вопросами сюжетного построения, мы остановимся вкратце и на отдельных характерах, и на группах образов, которые определяют стиль всей поэмы.

Центральной в поэме является личность самого Манаса. Способы обрисовки его различны. Прежде всего, он показан в непосредственных физических действиях, в борьбе, поединках и прочих столкновениях с людьми; во-вторых, в речах и монологах, частодвигающих действия; в-третьих, он выведен в авторской портретной характеристике в описании его внешности в различных положениях.

Как в отношении всех прочих героев, так и здесь, певец дает суммарную характеристику. У автора имеются готовые, как бы снятые маски с лица, выражающего то гнев, то ярость, то радость, и они в качестве неизменных, постоянных портретов используются во всех необходимых случаях. Эта портретно-окаменелая маска создает впечатление статичности внешнего образа. Схвачена классическая, по мнению певца, поражающая его воображение мимика. И то, и другое автор сознательно повторяет при всех сходных положениях, чтобы подчеркнуть момент устойчи-

вости, постоянства. В этих стилистических свойствах выражения идеал застывшего величия, чуждого динамике, утвержденного многократным повторением, механическими вставками в одних и тех же выражениях. Чаще всего это — маска гневного выражения лица. Реже, но тоже в постоянно неизменных чертах, показана внешность героя в моменты радости, удовлетворенности чем-нибудь. Более разнообразны описания героя в моменты поединков, боев, однако, если проследить на протяжении нескольких походов, то и здесь окажется наличие сходных картин. Например, у Сагымбая неизменно в одних и тех же выражениях описывается падение врага с коня после сокрушительного удара Манаса.

Центральный монолитный образ героя значительно дополняется многоликим, пестрым окружением. Соблюдена устойчивая симметрия размещения вокруг Манаса его личного персонала: жен, друзей, советников, слуг и ханов отдельных родов. Идеал семейного счастья героя воплощен в четырех женах — количественный предел, допускаемый шариатом. Они обладают всеми высокими качествами: красотой, царским происхождением, разумом, прекрасным нравом и храбростью. Даже имена аллитерируют: Кара-Борук, Каныкей, Акыдай, Алтынай.

Только в некоторых случаях центральное место разделяет с Манасом Алмамбет, после исполнения обычая братания и после проявления исключительной, искренней привязанности, ставший как бы кровным братом героя. В его лице часто дублируется центральная фигура эпоса. Так осуществлен идеал родственных и дружеских отношений. Не случайно поэтому Алмамбет женат на самой близкой подруге Каныкей — Аруке. Все важнейшие события даже личной жизни он переживает одновременно со своим братом. Одновременно с ним увлекается пленницей, дав повод к единственному между ним и Манасом конфликту, одновременно с ним женится и почти одновременно с ним погибает. Везде подчеркивается идеальная неразлучность, спаянность, неделимость жизни героев.

Очень большое место занимает в “Манасе” конь героя Аккула, такой же легендарно-сказочный, как его хозяин. Конь Манаса — как богатыря пастушеского племени, есте-

ственно, должен занимать в эпосе видное место в качестве необходимого дополнения к личности героя. Вообще роль коней в жизни всех значительных персонажей поэмы показана очень полно и убедительно. Известны имена всех их: Сары-Ала – конь Алмамбета, Ал-Будак – Джолоя, Ал-Гара или Карт-Курен – Конурбая и другие. Состязания между ними столь же сложны, эффектны и интересны, как состязания между самими героями, и они так же долговечны, как люди-герои.

Из друзей Манаса в качестве старших соратников, советников выделяются старцы – богатыри Бакай и Кошой. Они, как и многие другие из близких герою лиц, отечески заботятся о его благополучии, славе, о том, чтобы не вызвать его гнева, возвеличивая этим Манаса в глазах подчиненных. Здесь очень много тонких человеческих взаимоотношений, реалистически мотивированных бытовых деталей и уместно введенных сложных психологических моментов. Воспроизводя в широких рамках бытовую обстановку богатыря-правителя, героическая песня часто превращается в поэму, в зрелое произведение, возникшее в результате сознательной творческой воли автора. Соответственно этому оформлен в основном и словесный стиль поэмы.

Из чоро, окружающих и постоянно разделяющих с героями все тяжести походов, тоже можно выделить старших богатырей, как Чубак, Сыргак, а из ханов – Кокчо, Джамгырчы, Мирадиль и др. За исключением отдельных редких случаев, вроде поединков или других событий, играющих роль испытания, все чоро показаны группой как окружение, фон, рельефно выдвигающий Манаса. Этот показ имеет определенные фиксированные места в сюжете (сборы в поход, массовые бои, сборы на торжество и т.п.) и ведется по одному только способу. Певец устраивает как бы парад героев, причем рядом с именами ханов упоминаются подчиненные им роды. В древних вариантах ханы, как постоянные вожди своего племени, носители его славы, выражающие единство и мощь определенной группы, фигурировали, видимо, более самостоятельно, независимо. Тогда и отдельные части поэмы были слабее спаяны между собой. Сагымбаевский вариант и сейчас носит на себе

следы этого: ханы часто показаны у него в качестве вождей равноправных киргизам племен союзников. Такая трактовка роли ханов чередуется с другой трактовкой: беспрекословное подчинение воле Манаса, что обнаруживает влияние более поздней эпохи. В первом случае индивидуальность ханов обрисована отчетливо, во втором случае образы их бледнеют, ступенчатываются, сливаясь с руководимой ими массой, редко попадающей в поле зрения певца и составляющей общий фон окружения Манаса.

Подобно тому, как все побочные темы сюжетно подчиняются одной центральной, все образы в поэме подчинены одному главному. Каждый из положительных героев замечателен лишь тем, что оказывает какую-нибудь услугу Манасу, проявляет верность ему. Лучшие друзья его воспеваются как истинные герои. Исключение составляют отдельные родственники, вроде козкаманов, рассказ о которых возник, очевидно, позднее, когда в родовом строе в силу диалектического процесса развития обнаружились противоречия, когда низы коллектива превращались постепенно в антагонистов родовой верхушки. Зависть как внешняя мотивировка этого явления не вскрывает всей сущности борьбы между героем и обиженными им родственниками.

Из антагонистов Манаса самую большую группу составляют враги, главным образом из стана калмыков и китайцев. Но даже и их образы, всегда отрицательные, обреченные на постоянную немилость певца, служат для того, чтобы выгоднее оттенить главного героя как светлую фигуру на темном фоне. Они представляют крайние полосы характеров, от которых певец отталкивается в изображении лучших, высоких достоинств Манаса.

Вероломный и алчный насильник Конурбай противопоставлен справедливому, честному и прямому Манасу. Трагикомический, хвастливый носитель стихийной физической силы Джолой также противопоставлен скромной, уверенной в себе, сознательной силе и воле Манаса. Таким образом, каждая фигура из среды врагов оттеняет, подчеркивает положительные качества главного героя. Излюбленный эпосом прием антитезы и контрастов играет определенную конструктивную роль и в более полной характеристике как центрального образа, так и близко стоящих к герою лиц.

Закончив на этом краткий анализ образов поэмы, перейдем к рассмотрению ее словесного оформления, поэтической техники. В глаза бросаются прежде всего различные зачины и концовки.

Как правило, каждая большая глава или книга начинается вступлением, прелюдией, стиховой размер и ритмический строй которой не сливается с напевным строем остальных стихов. Эти прелюдии, очевидно, представляют традиционное начало, исполнявшееся как “жорго соз” без напева, бессюжетное вступление, по общему смыслу могущее совпадать и не совпадать с трактуемой дальше темой. У Сагымбая часто прологом служат вставки о себе, об условиях работы, послания различным лицам. Вполне возможно, что раньше пролог посвящался Манасу, в доме которого исполнилась поэма.

Характерная для всех зачинов черта — в их небрежной стиховой форме, с установкой на говорную декламацию в форме распространенных у казахов “такпак”. Такое начало как:

Манас — Манас болуп, Доолоту кождей толуп,	Манас, став Манасом, Богатства свои наполнивши озером, Кытайга туйшук салып, Кыдымды колуна алып, Аалайга данкы кетип,
Алтмыш жашка жетип —	Китайцев обрекши несчастьям, Весь мир захватив в свои руки, Распространив о себе славу на всю вселенную, Достигнув шестидесяти лет —

совершенно чуждо высокой поэтической культуре основного стихотворного потока всех песен.

Кроме того, начало каждого эпизода, каждой песни совершенно не обнаруживает связи будущих событий с изложенными выше событиями. Сюжетное начало песен всегда бывает самостоятельное, и к описанию новых событий певец приступает сразу же после пролога. Если в событиях есть связь и ее нужно подчеркнуть, певец разрешает этот вопрос просто, механически. Например, во многих эпизодах, где Манас бывает выключен из действия или мало принимает в нем участия, певец прибегает к одному неизменному приему, переключаящему внимание слуша-

телей непосредственным обращением к ним в таких выражениях:

Оны таштап салынар,  
Манастан кабар алынар.  
(Оставьте это, узнайте, где пребывает Манас.)

Певцу этот прием помогает и в описании массовых боев, когда на время он переходит к действиям других лиц, но вскоре должен вернуться к герою. Таким образом, переходы от одной большой темы к другой тоже несложны и сюжетно не мотивированы. Тематическая близость эпизодов, при господствующих способах рассказывания в виде ступенчатого построения или нанизывания, осуществляется искусственной словесной мотивировкой, обнаруживающей механическую связь между ними.

Касаясь основных вопросов словесного оформления главных частей песен, нужно сказать, что таковым является вопрос о приемах изложения литературного материала. Общераспространенные виды этого изложения — описание, повествование, драматизация, главным образом в виде монологов, — в поэме представлены целиком, но в пределах каждой из больших тем неодинаковы. Если в “Поминках по Кокетаю” преобладают описания и повествования, то в “Великом походе” равное место занимают и речи героев. В походах статические мотивы, включенные описательным приемом в мотивы динамические, сменяются повествованиями, а моменты наибольшего душевного напряжения, острых столкновений, отмечены речами героев, двигающими событие, причем столкновения героев с врагами переданы исключительно авторским повествованием.

Речи характеризуют положительных героев в моменты осложнений их внутренних взаимоотношений, личных переживаний или мотивируют известные поступки, действия. В поэме можно найти самые различные виды речей: советательные речи — на сборе, в совете (речи Манаса и Алмамбета перед походом на Бейджин); воинственные увещания (речь Манаса на аше); речи-угрозы (послания Манаса семи ханам); задушевные речи, выражающие раскаяние, огорчение (знаменитая речь Алмамбета в “Чон-каза-

те”, которая в конце превращается в личное воспоминание, автобиографию); речи-завещания (“кerez” Кокетая); дружеские наставления, укор (речи Бакая, Кошоя, часто обращенные к Манасу). Кроме еще и других видов речей, которыми вообще изобилует поэма, встречается много простых разговоров, шуток, острот. Так как и в этом случае, несомненно, имеет место эволюция формы, то нетрудно установить элементы архаические и наслоения более позднего формирования.

Судя по многим речам, в которых говорящему лицу никто не задает вопросов, никто не прерывает его, можно было бы полагать, что диалог в собственном смысле слова неизвестен данному эпическому произведению. Характерна, вероятно, известная уже в самых старых вариантах возбужденная речь Алмамбета, обращенная к вызвавшему его справедливый гнев Чубаку, на которую последний ответил молчанием. У совершенного исполнителя это молчание мотивировано психологически: уже убежденный в неправоте своих поступков, Чубак сознательно не отвечает Алмамбету, чтобы дать ему излить весь свой гнев. Но по одним только большим речам, произнесенным в памятные случаи видными героями, речам, уже давно ставшим популярными среди слушателей и канонизированными при долгих исполнениях, было бы неправильным заключить, что диалог вовсе не присутствует в поэме. И действительно, он имеет место в ней. Конфликт между Манасом и Урбу при участии Кошоя на аше, спор, возникший среди чоро во время игры в “ордо” в “Чон-казате”, и многие подобные мелкие сцены представляют в авторском показе настоящие драматические сцены с возмущенными речами нападающей стороны и возбужденными, быстрыми репликами обороняющейся. В таких случаях поэт мастерски рисует картины нарастающей словесной и душевной борьбы, с постепенным вводом, как в настоящих драматических эпизодах, заинтересованных, задетых борьбой новых лиц.

Для характеристики стиля произведения, перерастающего рамки дружинной песни и представляющего собой в некоторых моментах переходную к поэме форму или даже являющегося уже зрелой поэмой, интересна передача этих речей. В редких случаях они даются дословно, повторяются

как прямая речь. Если в этом факте мы должны усмотреть архаическую форму, то в нем же, наряду с древними элементами, наличествует и авторская сокращенная передача смысла речей, то есть косвенная речь (например, авторская передача речи-завещания Кокетая в последующем повторении ее перед Манасом и др.).

Из моментов описаний, кроме упомянутых нами однажды новейших наслоений пространных статических картин, встречаемых героями местностей, сохранились “традиционные формулы, описывающие излюбленные и типичные для былинных сюжетов положения героев и былинную обстановку”<sup>1</sup>. К ним в “Манасе” относятся сватовство, просьба о благословении, сборы в поход, некоторые моменты поединков и массовых боев, обязательные картины после боя и постоянно повторяющиеся описания внешнего вида вражеской рати перед боем.

Из общераспространенных поэтических форм в поэме наименее представлена лирика вообще и лирика природы в частности. В противовес более лирическому, почти романтическому стилю своего продолжения – “Семетя”, стиль “Манаса” строго выдержан в возвышенных героических тонах, совершенно чужд интимности, сдержан или натуралистически откровенен без всяких недомолвок и туманностей. Это легко обнаруживается (как строгий принцип) во всех линиях исследуемых нами основных моментов и самого содержания поэмы, которая в этом отношении выделяется особой мускулатурой стиля настоящей героической эпопеи.

Как уже было указано, в поэме совершенно отсутствуют картины природы в лирическом воспроизведении. Но это вообще не исключает наличия отдельных конкретных картин природы в форме описания вообще. Для поэмы характерен особый интерес к стихийным явлениям – грозе, ливню, сильным морозам, небывало бурным потокам и пр. Ярко выделяются своей изумительной художественностью два описания реки Орхон<sup>2</sup> – первое в момент ее бушевания, второе, когда Алмамбет, укротив реку заклинаниями, обнажил ее глубокое русло и дно с погибшими рыбами-великанами и громадными деревьями, вырванными с корнем.

Характерен примененный здесь особо динамический прием, когда певец представляет себя находящимся лицом к лицу со слушателем и апеллирует к мнимому показанию этого же слушателя. Заканчивая второе описание Орхона, певец говорит:

Озун коргон ал кунку	Черные, как волы, рыбы,
Огуздой кара балыктар	Что ты видел сам в тот день,
Олуп жатат тороюп.	Теперь лежат, распластавшись, мертвые.

Это — установка не только на слушание, но и на показ. Представлен мнимый слушатель, будто бы находившийся в первый раз вместе с певцом на берегу Орхона, а второй раз отсутствовавший и теперь слушающий впечатление вторично побывавшего там певца. Между прочим, это не случайный стилистический прием, он встречается, хотя и редко, и в других сценах.

К описаниям относятся приведенные раньше описания внешности героев и особо выделяющихся комических персонажей.

Как одно из характерных явлений в поэме надо отметить изображение характеров по преимуществу не в авторском описании, а в малых или больших действиях-поступках или в действиях-словах. А действия-поступки, как и многие другие динамические мотивы, развернуты уже в плане повествовательном. За исключением речей и указанных описаний этот прием изложения встречается в поэме повсюду.

На долю повествования остаются, главным образом, динамические, эффектные сюжетные линии: встречи, битвы, конфликты между самими героями, борьба не только физическая, но и внутренняя, катастрофы моральные и физические. Все это составляет обильный повествовательный материал в словесно-поэтическом оформлении эпопеи.

Нельзя не вспомнить о повествовательной функции некоторых речей. В большинстве своем пространные, они в отдельных частях всегда двигают действие и даны как повествования, но не авторские, а в форме сказа, где произносящий речь герой выступает в качестве рассказчика.

В подобных случаях, иногда в пределах одной длинной речи, попеременно смешиваются эпико-повествовательная форма со сказовой. Характерный пример представляет та же речь Алмамбета из “Великого похода”, где она ведется то от первого лица, то говорит о нем в третьем лице:

Атаганат, дунуй!	О, тленный мир!
Айтпасам кетер арманым:	Если не расскажу, то печаль останется во мне:
Ойротко Алман баш эле.	Твой Алман был главой на весь мир.
Ошо кунде Алмамбет	В эти дни года Алмамбета
Он сегиз менен он тогуз	Были между восемнадцатью и
Ортосунда жашы еле...	девятнадцатью...

Следующим основным вопросом словесного оформления поэмы является вопрос о стихе как таковом.

В данном произведении имеются самые разнохарактерные способы стихосложения: здесь есть рифма, созвучная концовка стихов, а также звукопись, основанная на аллитерации и ассонансах. Безусловно, соглашаясь с исследователями истории и теории рифмы относительно более позднего возникновения рифмы как таковой, мы все же затрудняемся указать в пределах данного произведения грань между усиленным распространением рифмы и сохранением существовавших до нее стиховых сочетаний. Дело в том, что и в признаваемых условно сравнительно более древними стихотворных отрывках (отдельные типические места и некоторые речи, например, речь Алмамбета и др.) рифма занимает устойчивое положение. Здесь акустически подчеркнуты как начала, так и концы стихов.

Констатируя доминирующее значение аллитерации и ассонансов в стихотворной композиции почти всех частей поэмы во всех известных вариантах, одновременно приходится отмечать и безусловное наличие рифмы. Однако следует оговориться, что последняя отличается от рифмовки печатного стихотворения с его устойчивым строфическим членением, с твердо установленными размерами четверостиший, шестистиший, восьмистиший и т.д. Рифма в поэме фигурирует в качестве конечного повторения одних и

тех же комбинаций – морфологических и всех прочих. Но в то же время стихи поэмы основаны на тактовом делении, они, как речевое творчество, не предназначены для печатного текста и индивидуального потребления. Если при исполнении и отсутствует музыкальный аккомпанемент, то вокальная сторона не отпала, и, кроме того, наличествует еще игровое исполнение (жестикуляция, мимика). Стих не только поется, но и исполняется, так что в своем творческом возникновении и одновременном исполнительском воспроизведении он не утрачивает первоначальных элементов синкретизма.

Певец производит свою продукцию по заказу, находя для нее непосредственное бытовое потребление, а не читательско-индивидуальное, и все же организует речевой материал и акустическим способом, и способом конечных односложных повторов, т.е. рифмования. Причем рифмы здесь совсем не случайны. Приходится считать законным, даже обязательным акустическое подчеркивание начала и конца стиха, или переменное усиление внимания то на одном, то на другом:

Кан кылгын дедим киминди?	Кого из вас я просил сделать меня ханом?
Кааладым келдим дининди.	Я пришел к вам сам, избрав эту религию.
Канын экоон бирикчи,	Хоть и вступится за тебя твой хан (имеется в виду Манас – М.А.),
Каардансам шу жерде, Каалабалуу Чубагым, Каагайынбы жининды!	Все равно, если разозлюсь, Выбью из тебя спесь, Заносчивый Чубак!

Эти признаки распространяются на все эпические произведения – киргизские, казахские и на большинство эпосов других тюркских племен. Этой характерной особенностью отмечен весь поэтический стиль одного из замечательных видов восточного эпоса.

Таким образом, указанные принципы организации речевого материала здесь не исключают друг друга, не отталкиваются один от другого, а сливаются в органическое

единство, давая возможность обнаружить талантливость певца и многопланность звуковой инструментовки стиха.

Приведенный выше отрывок со своим дальнейшим продолжением характерен подчинением принципу строфического членения в виде четверостиший:

Улук кылгын дедим киминди?	Кого из вас я просил сделать меня начальником?
Урматтап келдим дининди,	Я пришел к вам, уважая вашу религию.
Улугун экоон бирикчи,	Хоть и вступится за тебя твой начальник,
Урайынбы жининди.	Выбью из тебя дурь!

Здесь мы имеем строфический параллелизм с подчеркнутыми повторениями — с нарастанием, нагнетением смысловых и синтаксических связей, через усиливающееся душевное возбуждение героя. Повторы имеют целью усилить впечатление. Наряду с этим в поэме часто встречаются смежные рифмы:

Шондо Манас коп айтат:	Тут Манас обращается
“Эй, калайык” деп айтат.	Со словами: “О, народ”...

Перекрестная рифма:

Атышкан жоосун кулаткан,	Железо его копыя,
Найзасынын темири	Что разит врагов,
Кулач карыш болоттон.	Из булата (величиной) с маховую сажень.
Жарды сайса эшкендей,	Разрушит он и крутые берега,
Каарданып бир койсо,	А когда рассердится,
Караташты тешкендей.	Протыкает и черный камень.

И особенно часто рифма “желдирме”:

Аябагын озумду,	Не жалей ты меня (я не боюсь),
Урпен башту туу келгин,	Пусть придут косматые бунчуки,
Устун астын чуу келгин,	Пусть придет шум, поднимающийся вверх дном,
Уйер аккан суу келгин,	Пусть придет вода, бегущая горным потоком,

Упчун кийген эр келгин,	Пусть придет лев с черным хвостом,
Кара куйрук шер келгин,	Пусть придут несметные войска,
Айдама шынга кол келгин,	Пусть бесчисленные придут
Азаматын мол келгин.	храбрецы.

В последнем случае выступают редифы, характерные для некоторых видов тюркского эпоса, отмеченные иногда слабой поэтической техникой. Но, как устанавливают исследователи, есть редифы слабые и редифы допустимые при высокой поэтической технике. Одинаковые окончания стихов в поэме с семантически однообразным повторением всегда требуют перед повторяющимися словами еще дополнительно рифмующихся сочетаний слов или фонетических и т.п. частей слов. Таким образом, появляется уже удвоенная рифма:

Уйер аккан суу келгин,	Пусть придет вода, бегущая горным
	потоком,
Упчун кийген эр келгин,	Пусть придут богатыри в доспехах,
Кара куйрук шер келгин.	Пусть придет лев с черным хвостом.

“Желдирме” такого рода в киргизской и казахской поэзии создает если не строфическое, то тирадное объединение стихов. И со стороны поэтической техники оно не ощущается как слабое место. Напротив, в моменты сгущенных событий, при достижении эффектных вершин повествования певец сознательно вводит “желдирме” для усиления темпа исполнения, ускоряя непрерывный поток стиха. Создается впечатление беспрерывно льющейся мерной речи, которая вызывает одобрительные возгласы слушателей. Не напрасно стихи с этой рифмой названы “желдирме”, что значит – рысистый бег, образное противопоставление другим рифмам, якобы ведущим стихи спокойным “шагом”.

Но, как указано выше, и строфические членения, и тирадные объединения не объемлют всех стихотворных видов без устойчивой рифмы, со случайной созвучной концовкой через два, три, иногда четыре стиха в пределах целой тирады (речей, описания или повествования). В такие моменты смешиваются все перечисленные виды рифмы, ритмический строй стихов подчиняется напеву, аку-

стическому моменту повторов, конструктивное значение которых выступает здесь особенно ярко.

Несомненно, что за долгую историю бытования эпоса напевы менялись так же, как содержание и форма<sup>3</sup>. Сегодняшний распространенный напев, делая тактовый упор на долготе и краткости слогов, акустически чаще подчеркивает начала стихов или начальные слоги отдельных слов в стихе. Получается впечатление как бы несвойственного тюркским языкам скандирования стиха по начальным слогам, тогда как вообще в языке ударения имеют устойчивое место на последнем или предпоследнем слоге, определяя тем самым силлабическую систему стихосложения со счетом слогов в стихе.

Но здесь надо иметь в виду один специфический момент в фонетическом составе киргизского наречия, для которого характерны долгие гласные, особо подчеркивающиеся в стихе. Они играют особую ритмическую роль в тактовом делении и произносительно-интонационном строе стихов не только при сопровождении их напевом, но и при обычной декламации. И вот распространенные в настоящее время напевы используют эти долгие гласные для подчеркивания начала стихов ритмическим усилием голоса, который постепенно снижается к концу стиха и снова резко поднимается в начале следующего. При этом, если группа смежных стихов образует строфу в виде четверостишия, шестистишия и т.п., то самый последний рифмующийся с предыдущим стих заканчивается песенно-протяжным удлинением голоса, создавая впечатление периодически повторяющегося припева.

Этот напевный строй, ориентирующийся, главным образом, на начале стихов, сопровождается одновременно указанной выше созвучной концовкой, причем весьма важное конструктивное значение такого напева обнаруживается в узаконении им звуковых повторов в виде внешней и внутренней аллитерации:

Карап турсам, дунуйе  
Канн кырган эрдин  
шору экен,

Посмотрю на этот мир и вижу:  
Он несчастье для отбившегося  
(от своих) батыра,



которые означал бы разрыв стиха и напева, что может случиться либо при изменении напева, либо только при самостоятельном выделении стиха, освобождении его от вокального момента. Но в рамках данной поэмы этот процесс еще не совершался, поэтому размер ее стихов не выходит за указанные пределы, за установленные напевы. В последнем варианте мы имеем размеры, соответствующие только одному, самому распространенному типу напева. По счету слогов они колеблются между 6 и 9. И какие бы рифмы, какие бы начальные звуковые повторы ни были обязательны для всех стихов, размеры их не выйдут за определенные рамки. Исключения составляют запевы, вступления к большим темам или отдельным книгам, организующиеся совсем по другим признакам, без напева (как жорго соз) и имеющие 4-5 слогов, иногда больше.

Напев, повлиявший на увеличение количества аллитерации и ассонансов и началах стихов, в дальнейшем, через узаконенные звуковые повторы внутри стиха, способствует подбору определенных эпитетов и метафор, подчиняющихся принципу “звукового притяжения”:

Раба, бродившего без пристанища,  
Возвеличил ты, объявив его ханом.  
Навлек ты на народ столько горя,  
Что никогда не уйдет.

или:

Оглянись во все стороны,  
На эту реку Орхон,  
На берег, что омывает эта река,  
На них жекен<sup>4</sup>, резвясь,  
Рыбы черные, величиной с лошадь,  
Выбрасываются, сверкая...

Как правило, звуковые повторы вообще приходится только на начало слов, совпадения же повторяющихся звуков внутри этих слов — явление случайное или не всегда нарочито подобранное.

Подбору эпитетов по звуковому притяжению подчинены и иностранные слова (чаще персидские):

Айсыны арбын...                    Есть такая большая река Орхон,  
Коп куспанд...                    Есть много мест почитаемых.  
Орхон улуу дайра бар,  
Урматтуу кайла жайлар бар.

Постоянные эпитеты к некоторым именам также подобраны по этому принципу:

Ырмандын ырчы уул,            Сын Ырмана певец,  
Катагандын Кошою.            Кошой, сын Катагана.

В поэме, как уже сказано, очень много названий местностей, городов и иностранных собственных имен, которые сами по себе мало что говорят слушателю, но приобретают интерес, когда попадают в благозвучное окружение аллитерирующих с ним слов:

К себе из Сакалата непрерывным потоком  
Прибыло две тысячи желтых верблюдов,  
Надменных кейкуатов  
Прибыло семь тысяч,  
Калмакапы с ушами, как ножницы,  
Кетеналпы с железной пуповиной,  
Именуемые Калдан и Ширен<sup>5</sup>,  
Скопом в десять тысяч войск,  
Отправились в Карман.

В таком же порядке аллитерируются и всякие иные географические названия и названия племен. Кроме метафор, подбираемых по звуковому притяжению, представляющих в большинстве общеупотребительные языковые метафоры, как например, к имени Манаса:

Кызганганын кытайдан    Тех китайцев, кого жалел,  
Кызыл ала кан кылып.    Обагрil алой кровью.

Есть и другие виды словесных образов, правда, не осложненные, как это свойственно чисто индивидуальной поэзии, но все же показывающие значительную эволюцию в образном представлении описываемых явлений.

Вообще большинство образов берется из окружающей природы и животного мира. Этой особенностью отличает-

ся основной стиль поэмы. Образы обычно вводятся неосложненно, простым сопоставлением одного явления с другим или уподоблением, например, героя — льву, врага — волку или кабану.

Потеряв облик человека,  
Превратившись в льва,  
.....  
Великий Джолой, как бык... и т.д.

Впрочем, наряду с этими простыми образами есть и более сложные. К ним относятся описания внешности героев и их врагов:

Из правого глаза огонь пышет,  
Из левого глаза — угли,  
Изо рта проклятого  
Сыплются пули, как из пушки.

Или о Джолое:

Борода его, как щетина лошади,  
Пробивающая даже шубу,  
Брови его повисли, как у линяющего коршуна.  
Боров, ставший (большим) как бык,  
Голова его — как обгоревшее бревно.

Если здесь при наличии известного сдвига образы все же слишком преувеличены, то в приводимом ниже ответе Манаса семи ханам они могут считаться уже художественно полноценными:

Не жалею ты меня (я не боюсь),  
Пусть придут косматые бунчуки,  
Пусть придет вода, бегущая горным потоком,  
Пусть придет ветер, опрокидывающий юрты;  
Эх, встречу как я все это сам один,  
В руках у меня золотой бакан<sup>6</sup> — моя подпорка,  
Эх, (выстою) устою как я сам.  
Пусть придет сель<sup>7</sup>, бегущий грозным потоком,  
В руках у меня вилы и лопата,

Если сумею, отведу все это...

.....  
Я — дувал высокий;

Если не сгибаешься, то взберись на него.

Я — чинар с золотой листвою;

Если твой топор острый, срежь его.

Приходите хоть все скопом, не только одинокий,

Соберитесь все семьдесят, не только семеро,

Соберите все силы, чтобы победить меня.

Характерно, что эти сложные образы совпадают с осложненной тематикой, когда заговор вызывается многими мотивами, в числе коих не последнее место занимают социальные.

Ответ Манаса еще больше оттеняет этот момент, подчеркивая, что герой не разделяет ни с кем своего высокого места и борьбы за него. Если по идеологическим тенденциям в авторской проекции можно усмотреть здесь установку на всевластного монарха, идущего против вассальных ханов, то и образы тоже подчеркивают противопоставление единой сознательной силы якобы слепой, бессознательно двигающейся стихии: герои укрощают слепые силы природы — поток, ураган. Эти и многие подобные им сложные поэтические образы являются результатом длительной эволюции образов в пределах развивающейся формы и содержания поэмы, а также результатом развития поэтико-речевой культуры народа.

Таков еще один из стилистических фактов, превращающих былинную песню в зрелую поэму.

Говоря о стилистических особенностях “Манаса”, рассмотрим также вопрос поэтической лексики поэмы. Язык ее в последнем варианте в основном — современный, на котором до сих пор говорят, слагают песни и пишут. За редкими исключениями, он понятен, доступен основной массе слушателей. Но в поэме наличествуют и архаизмы, и варваризмы. Архаические слова и обороты “Манаса” могут составить особую тему для лингвистов. Хотя поэма, бытовавшая до последнего времени в качестве произведения устного творчества, не представляет собой старинного текста, все же в ней сохранилось много элементов старо-

го, хотя бы в виде устойчивых эпитетов и большого количества архаизмов. Встречаются отдельные вышедшие из употребления слова, непонятные современному слушателю и восходящие, быть может, к какой-нибудь древнетюркской или монгольской основе.

Еще больше внимания обращают на себя заимствования из иностранного, обнаруживающие следы вмешательства поэта или поэтов книжно-грамотных. Не говоря о таких арабо-персидских и персидско-узбекских заимствованиях, как “шер” (лев), “муштум” (кулак), “тамам” (сторона), “урматтуу” (уважаемый), “наюмут” (безнадежный) и т.п., ставших общеупотребительными, встречаются такие слова, как “бийабан” (пустыня), “барг” (листья), “бузурук” (великий), “жам” (чаша) и т.д. — яркое доказательство влияния иранского книжного эпоса или чагатайской литературы. Иногда певец тут же, в стихе, расшифровывает такие слова, и тогда получаются парные слова с одним значением: чол-биябан, жам-кесе и т.д. Характерно распространение этого книжного влияния на образы, когда какой-нибудь герой сравнивается с Рустамом:

Одетый в серое железо,  
В латы из литого панциря,  
Великий Алма батыр  
Подобен Рустаму.

В другом случае певец не только упоминает имя Рустама, ставшее вообще в тюркском эпосе нарицательным, но и оказывается знакомым с фабулой “Шах-намэ” и с некоторыми его персонажами, как, например, Афрасияб, Кейкаус-Сийяуш<sup>8</sup>.

Знакомство певца с “Шах-намэ” через чтение тюркского перевода или через устную передачу становится еще более бесспорным, когда мы от поэтического словаря поэмы перейдем к уже разобранным нами ее сюжетной, тематической стороне. Здесь особенно заметно влияние иранского эпоса на “Манаса”, превращающегося в сагымбаевском варианте в героическую эпопею с сильно религиозным налетом. Сюжет “Шах-намэ” построен на разработке легендарно-мифической, доисторической темы. Рустам показан в поэме как поборник ислама. Бытовые, этнографиче-

ческие моменты подчинены основному религиозно-героическому заданию. Почти так же, но с большим оттенением родового момента, с более широким охватом бытовых черт кочевых племен и с большим разнообразием эпизодов оформлен и “Манас”.

Кроме того, в обеих поэмах очень много совпадающих мотивов в характеристике образов и судьбе героев. Так же сходны и антагонисты героев — Конурбай и Афрасияб (оба неверные).

Насколько долго живет Зал, пережив своего сына Рустама, который тоже успевает выступить в совместном бою со своими потомками чуть ли не четвертого колена? Если не в такой степени долговечен Манас, то его отец Бай-Джакып живет очень долго, и тоже переживает сына и погибает насильственной смертью от руки внука. Долго живет враг Рустама Афрасияб. В “Манасе” долговечны Конурбай, Джолой и все его сильные враги и лучшие друзья-соратники. Вся жизнь не расстаются герои обеих поэм со своими конями. Рустам терпит вероломство близких ему людей, как, например, родственника Кайкауса, обязанного ему своим тронном. Враждуют с Манасом и покушаются на его жизнь ближайшие родственники козкаманы.

Внешняя разница в положении Рустама и Манаса заключается в том, что первый — не шах, тогда как Манас — хан. Зато Рустаму обязаны своими тронами все жившие при нем “властители мира”, фактические ставленники его. Различны также семейные мотивы жизни героев. Рустам имеет много детей, что составляет для него одновременно и счастье, и трагедию. История его поединка с неузнанным сыном Сохрабом кладет начало получившему впоследствии почти мировое распространение странствующему мотиву “боя отца с сыном”. Манас же почти всю жизнь остается бездетным, увидев появление на свет единственного сына Семетея лишь перед смертью. На этом подчеркнута противоречия с идеалами семейно-родового начала построена, собственно говоря, единственная трагедия жизни самого Манаса и его любимой жены Каныкей.

Таким образом, рассматривая вопрос о книжном влиянии эпоса других народностей на “Манас”, мы должны признать, что персидский эпос, в особенности “Шах-намэ”,

занимает здесь одно из самых видных мест. Нелишне при этом упомянуть о том, как иногда певца (Сагымбая) интересует манера поэта-книжника. Например, начало “Манаса”, зачин первой книги Сагымбай продиктовал совсем по-книжному: (так, древний, объявление, известия) и пр., так же, как в “Шах-намэ” и других произведениях. Отсюда напрашивается вывод о роли певца, как бы превратившегося в этом исполнении в диктующего поэта. Но эту роль он выдерживает недолго, сразу же переходя к старой народной манере исполнения, следуя традиции всех предыдущих жомокчу.

Заканчивая настоящую главу, разберем еще вопрос об элементах комического, вообще веселого в поэме с точки зрения конструктивных особенностей, а также стилистической обработки речевого материала.

Прежде всего, надо отметить, что и комизм положения, и комизм речевой занимают в поэме значительное место. Певец подробно останавливается на всяких развлечениях, играх, состязаниях, своеобразном (тоже отмеченном печатью известного героизма (спорте)<sup>9</sup>, уделяет и немало внимания всему занимательно-веселому, смешному, необычайному. Это существенно отличает поэму от большинства эпических произведений других тюркских племен. Редко в каком другом эпическом произведении развлечения и увеселительные игры занимают так много места<sup>10</sup>.

В “Манасе” эта черта выступает как признак большой жизнерадостности народа-кочевника, азартно любящего развлечения в своем относительно изолированном историческом существовании, в окружении гор, величественных пейзажей вечных снегов, озер и альпийских лугов, с многочисленными табунами скота.

Описание игр и развлечений встречается не только в “Поминках по Кокетаю”. Каждое значительное событие в жизни героев, начиная с рождения Манаса, кончая его женитьбой и рождением сына Семетея, отмечается устройством большого “тоя” (как это бывает и в действительности) в сопровождении игр. Почти каждая большая тема, каждый цикл обязательно содержат в себе одну или несколько песен, посвященных развлекательным моментам.

Большинство повествований о борьбе, сопровождающихся тяжелыми испытаниями для героев, заканчивается рассказом о всеобщем торжестве или каком-нибудь занимательном развлечении, либо перемежается с комическими сценами, которые хотя бы на время отвлекают от серьезных переживаний как самих героев поэмы, так и сочувствующих их судьбе слушателей. Подобные сцены встречаются в “Чон-казате”, где события протекают особенно напряженно. Например, исключительные трудности девятнадцатого переезда как бы облегчены вводом комической сцены с малодушным, назойливым Кыргыз-Чалом или трагикомической сценой с злополучным Таз-Байматом, который при перечислении подчиненных ему воинов упустил Манаса. Еще замечательное в том же “Чон-казате” — игра ближайших соратников Манаса на привале в “ордо” (национальная киргизская игра). Между участниками игры возникают споры, которые переносятся в реальную сферу их взаимоотношений и вызывают чуть ли не раскол всей рати, идущей на Пекин.

Ввод подобных развлекательных сцен певец практикует в любых случаях. Все комическое в поэме всесторонне мотивировано, оправдано ее сюжетным и конструктивным заданием. Это обеспечивает (не в пример даже книжному “Шах-намэ”) художественную полноту произведения, широкий охват творческим воображением жемокчу героини будней, быта и психологических черт киргизского народа.

Комическое в поэме осуществляется различными приемами. Прежде всего обращают на себя внимание целые сцены, специально подчиненные этой теме. Особенно изобилует такими сценами “аш” Кокетая. Если исключить скачки, борьбу, саиш, вызывающие напряженное чувство соревнования между родовыми, часто враждующими группами, то все остальные состязания протекают как легкие развлечения, игры в настоящем смысле этого слова, в которых, безусловно, должен присутствовать элемент веселого и комического. Очень яркой в этом отношении является сцена отвязывания верблюда. Комическое здесь достигнуто построением необычного на необычном: голая пара появляется перед многолюдной и исключительно претенциозной аудиторией ханов. Необычны, отстранены

также действия этой пары. Острая шуточная сцена и по своему словесному оформлению протекает в стиле натуралистического реализма с перечислением всех деталей и с описанием отношения зрителей-мусульман и неверных.

Единственную победу в состязаниях неверные одерживают только в этом случае. Причем здесь допущено отступление от обычного приподнятого тона повествования о героях (даже тогда, когда они веселятся, развлекаются), что является результатом пренебрежительного отношения певца к неверным, которых он всегда подает в гротескном изображении. Таким образом, в этой сцене основной мотивировкой является прием контраста, противопоставления спортивных талантов героев (в предыдущих сценах стрельбы, борьбы и турнира) животнo-грубым наклонностям врагов.

В этом же духе протекают и остальные картины “аша” с участием отдельных персонажей из неверных. Например, объектом постоянных насмешек служит Джолой с его жадностью, тупым упрямством, хвастовством и прочими отрицательными качествами. Это хорошо показано в маленьком эпизоде с варкой мяса для гостей. Нетерпеливый Джолой выхватывает прямо из котла куски мяса, а поваров, пытающихся помешать ему, хватает за ноги и ударяет головами о землю. Целую песню, подобно сцене с отвязыванием верблюда, занимает “таз сузушуу” – состязание паршеголовых, изображающееся в виде боя баранов. Эта наиболее безобидная для обеих сторон картина просто смешнее смешного.

Кроме таких целых песен и эпизодов, в эпосе рассыпано очень много шуток, острот, веселых прибауток, шуточных прозвищ и т.д. Например, Кошой перед поединком с Джолоем острит по поводу своих шаровар. Шуточно описывает певец отказ богатырей европейских народов, например, англичан, немцев, от участия в саише (турнире). Один из них говорит, что всю жизнь ездил только на телеге, а с коня его снимет всякий, другой заявляет, что никогда не держал в руках копья:

– О, народ! – он говорит:  
Всю жизнь свою я ездил на арбе,  
С самого детства  
Не знаю, как садиться на коня.

.....  
Бедняга Эбель спрашивает:

– Что такое копьё (найза)?

До этого самого дня

Не держал я копьё в руках.

С точки зрения киргиза-наездника, ценящего копьё больше всякого другого оружия, оба этих мотива должны казаться очень смешными.

Шутки допускаются и по адресу самого Манаса. Так, например, над ним смеется Бакай, когда герой, увлеченный красотой своей будущей жены Кара-Борук, оказывает ее отцу такое почтение, которое в качестве традиционной церемонии требуется только от жениха при виде тестя. А Манас в то время женихом еще не был.

Комическое, как прием освещения, развертывания определенных тем, встречается и в показе некоторых моментов, связанных с религией. Весьма интересно в одном эпизоде (принятие ислама жителями Ташкента) описание молитвы мусульман с точки зрения язычников. Последние совершенно упускают из виду ритуальную сторону, как будто она вовсе не существует. Они видят только, как мусульмане стоят рядами, все в одно время нагибаются, становятся на колени, поднимают руки кверху ладонями, говорят что-то непонятное. Так с точки зрения немусульман очень подробно описывается певцом вся внешняя сторона молитвы. Путем применения определенного приема, оправдывающего всю эту манеру описания, певец сознательно обесмысливает исполняемое, показывая только внешнюю сторону и не касаясь внутреннего содержания.

Этот мотив сам по себе аргументирован, оправдан точкой зрения язычников как недоумевающих наблюдателей. В результате получается целая картина, отстраненность которой резко ощущается мусульманами и одновременно слушателями, ибо для них недоуменные вопросы язычников должны звучать только комически:

Все вы, ставши в ряд,

Что-то делали,

Все вы стояли, нагнувшись,

Держа руки на животах (буквально: на печени).

Что же это за бесполезное дело?

Головами касались земли,  
Что же это за игра такая?  
Вы стояли в несколько рядов,  
Смотрели попеременно по сторонам,  
Что за польза от этого дела?  
Стали бормотать  
Непонятные нам слова,  
Поглаживая свои подбородки,  
Что вам за польза от этого?

В дальнейшем этот прием служит мотивировкой для ввода серьезной темы поучения, пропаганды в пользу ислама. По отношению к язычникам тема протекает в том же композиционном плане. Может быть, даже серьезное с их точки зрения слушателями невольно воспринимается как отстранение. Когда Абу Насыр Самыш посвящает язычников в учение ислама, Кокетай, в то время еще язычник, но уже склонившийся к новой вере, прерывает:

Навстречу вышел Кокетай,  
— Подождите! — сказал.  
Что это за слова  
О том, что покарает тебя периште?  
Наговорив много слов,  
Вы заботитесь о судном дне.  
Погодя, еще один говорит,  
Что “побьет тебя периште”.  
А что такое “периште” ?<sup>11</sup>  
Расскажите о его приметах.

Дальше из объяснений он делает вывод, что ангел — это товарищ бога и т.д.

Также часты случаи сходного представления о языческих обрядах и, главным образом, языческих идолах. Последние много раз описываются подробно, причем имеются “чоюп-дай” (чугунный бог). Но в данном случае примененный композиционный прием есть не отстранение, а прямое комическое осмысление факта.

В этом же духе шутивно-иронического отношения к чужим обычаям и представлениям переданы картины встречи родственниками Каныкей Манаса, когда он приезжает

сватать невесту. Осмеивается оседлый быт горожан, которые не только не пользуются лошадьми, но даже боятся их, принимая за опасных зверей:

Много таджиков,  
Ловких и известных,  
Как увидят дерущихся жеребцов,  
Убегают в страхе по домам,  
Думая, что они их проглотят.  
Многие из щелочки своего дома  
Выглядывают потихоньку,  
И когда жеребцы гонят лошадь,  
Думают, что они съедят друг друга.  
Никогда не выдавшие,  
Как лягаются на улице лошади,  
Удивляются тому  
И разбегаются в разные стороны,  
Точно они их лягают.

\* \* \*

Заканчивая разбор формы поэмы, напомним еще раз, что здесь намечены лишь некоторые предварительные вехи для дальнейшего глубокого изучения ее. Наши наблюдения излагаются только в порядке постановки вопроса, намечая отдельные проблемы исследования эпоса.

Помимо многих незатронутых мною моментов, остается совершенно неразрешенным большой вопрос, вытекающий из специфических особенностей поэмы — вопрос об авторах хотя бы даже одного разбираемого нами варианта. С одной стороны, несомненно, что в разрастании поэмы, в сюжетном построении ее участвовали многие авторы, с другой стороны, налицо и подлинно творческая, огромная работа последнего поэта, как бы взявшего на себя роль редактора, подчинившего все перечисленные моменты общему замыслу и тем самым придавшего варианту характер некоторого единства. Это единство достигается, кроме того, известной, правда, не всегда выдержанной, последовательностью событий. Задачей дальнейшего исследования формы поэмы должен быть анализ словесного стиля, словаря,

рифмы, звукописи (в связи с напевами) и синтаксических оборотов для выявления авторской техники как последнего поэта, так, может быть, и его предшественников. Решить эту задачу можно лишь путем коллективной работы специалистов-фольклористов, в основном — исследователей из среды киргизских научных работников, которым дух их родного языка понятнее и ближе, чем кому бы то ни было.

## АБАЙ – ВЕЛИКИЙ КАЗАХСКИЙ ПОЭТ

### I

В августе 1945 года исполняется сто лет со дня рождения великого казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева.

Еще в тяжелую пору колонизации и межродовых тяжб Абай мужественно и гордо поднял стяг борьбы за прогресс и просвещение, ведя кочевой казахский народ на большую дорогу к знанию и свету.

Всю жизнь Абай мечтал и неутомимо трудился, чтобы родной его казахский народ был свободным, сплоченным, сильным, богатым, счастливым – каким стал он в нашу Советскую эпоху.

Когда единокшным станет народ, –  
Неиссякаемым озером будет то,  
И тучные пастбища покроют  
Его берега.  
Тогда, играя, зашелестит листва,  
И, гремя, хлынет быстротечный  
Поток.  
И стада на тех берегах  
Умножатся и возрастут.

Поэт-просветитель Абай стремился, чтобы каждый сын и каждая дочь казаха стали сознательными и культурными, чтобы просвещение стало делом всего казахского народа, чтобы мужество и благородство были национальными чертами казахов. В неустанном труде на благо народа и человечества Абай видел путь к счастью. Он говорил: “Станешь трудиться только для себя, – уподобишься живот-

ному, пасущемуся ради себя”. Только три следующие качества делают человека личностью: ум, воля и сердечность, — учил поэт.

Дерзай, трудись, жаждай знаний,  
Если же постигнет печаль, — не падай духом.  
Не зарься, не будь падким, когда манят соблазны.  
В пучине сердца своего лишь обретешь бесценные  
Сокровища. И их храни.

Абай — основоположник новой казахской литературы с ее глубиной мысли и мастерским, красочным языком. “Моя цель — создать стихи — чеканных слов набор”, — говорил Абай. И этой цели он достиг. Стихи, что “...золото в серебряной оправе”, мысль глубокую в искрящейся серебром словесной форме, Абай оставил в наследие своему народу. Реальные картины жизни казахов, их миропонимание, тоска и скорбь народная, идеал и стремления — во всем этом запечатлел великий поэт величавый облик казахского народа, с терпением и достоинством переносившего двойной гнет и со стороны феодалов-баев, и со стороны царских администраторов, но никогда не гасившего огня надежды на свое право быть достойным и свободным народом.

Абай прозорливо видел свой путь и судьбу своего народа неразрывно исторически связанными с великим русским народом. Он полюбил от всей большой своей души русский народ, его культуру, его литературу.

И в наши дни, когда явью стало то, о чем Абай мечтал и ради чего трудился, имя поэта, его образ не только являются предметом почитания, но и живым примером. Абай своими пламенными стихами вдохновляет наш народ, отстаивавший свою родину в смертельной схватке с фашизмом и строящий социалистическое отечество — царство мира, труда, свободы и знания.

Юбилейная дата августа 1945 года будет великим всенародным торжеством победы народа, создавшего национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру, воплотившего в жизнь величайшие идеалы человечества — гуманизм и братство народов.

## II

Абай жил и творил свои произведения во второй половине девятнадцатого столетия. Поэт родился в 1845 году в кочевьях рода Тобыкты, селившегося в районе Чингистау (гор Чингиса), нынешнего Абаевского района Семипалатинской области.

Эпоха Абая характерна противоречиями в экономической и социальной жизни. Еще крепко держались в казахских степях феодально-бекские устои, а в то же время проникали и приживались капиталистические буржуазные формы экономики. Во второй половине девятнадцатого столетия царское правительство решительно и настойчиво осуществляет колонизацию степи, подавляя силой оружия тянувшиеся на протяжении 40-50 лет национально-освободительные движения казахов. Царское правительство вводит институт султанов. Затем на смену ему приходит институт волостных управителей, старшин, выборы которых производились при активном участии полицейского аппарата и, следовательно, избираемый фактически являлся ставленником царизма, проводящим его колонизаторскую политику. В самих выборах огромную роль играли взятки и подкупы, что могло быть доступно лишь богатым, баям. Правительство всемерно разжигало межродовую вражду и поддерживало борьбу среди казахских феодальных верхов. А это, в свою очередь, ложилось тяжелым бременем на плечи народа. Душили народ и тяжелые налоги, поборы: покибиточный сбор, земельный налог, налог за водопой, налог с сенокосных угодий и т.п. Неплательщики и недоимщики подвергались суровому наказанию: они облагались значительной неустойкой за неплатеж или просрочку, подвергались штрафу и т.д. Волостные управители, старшины, аульные старосты значительно преувеличивали размер взимаемых налогов с тем, чтобы можно было присвоить их себе и обратить в свою пользу.

Абай с гневом пишет об этом:

Когда власти организуют съезд,  
Волостному немало хлопот, он чует поживу,  
И старшины лукавые и бии жадные  
Алчут добычи.

У казахского населения отчуждаются лучшие земельные угодья. В безводные и каменистые места выселяются труженики степей. В силу “Временного положения 1824 года” правительственные чиновники требуют освоения бесплодных земель кочевниками-казахами. А лучшие плодородные участки отходят во владения помещиков и чиновников.

Тяжелое бремя несет казахская беднота. Если что и попадалось во вновь отведенных участках пригодное для пастбы или зимовок, так оно оказывалось в руках баев. Немушские становились “жатаками”, “лежащими”, т.е. за отсутствием средств передвижения лишенными возможности перекочевков, или, другими словами, разорившимися бедняками, вынужденными батрачить.

Казахские степи наводнили многочисленные торговцы и скупщики. Они продавали по дорогой цене казахам чай, иголки, нитки, зеркала, гребенки, мануфактуру, а скупали шерсть, кожу, мясо за бесценок.

В добавление к этому эксплуатировала бедноту и родовая знать: руководители родов, аксакалы, бии-тюре, муллы, ходжи и т.д. Они давали бедноте скот или одежду, а за это пользовались ее даровым трудом. Другие же, используя шариат и патриархальные обычаи, принуждали работать в свою пользу бедноту и всячески угнетали народные массы.

Богачи и баи ростовщичали: давали беднякам и нуждающимся скот и деньги под большие проценты или выделяли земельные отрезки на условиях беспольной обработки, или ссужали семенами и транспортом на кабальных условиях.

Стонал народ и под игом бесчисленных тяжб. Тяжбы о праве на невесту, вдову, тяжбы по возмещению куна (выкупа за убитого), за власть в роду и т.д. Коварные бии и волостные управители рады были каждому случаю, чтобы раздуть дело, направить род на род, рассорить их и на этом деле умножить свои богатства. Невежество и темнота народных масс были благоприятной почвой для всяческих суеверий и власти служителей ислама. Всякие дерзания к борьбе за лучшее будущее, порывы к просвещению и науке решительно сдерживались ходжами-муллами, внушав-

шими народу необходимость подчинения воле аллаха и законам пророка Магомета.

Таким образом, в эпоху Абая в казахских степях тесно переплелись патриархально-феодалный строй и патриархально-родовой быт. Царизм всемерно поддерживал и то, и другое в интересах колонизации. И для многих даже передовых представителей казахского народа было неясно, — куда же лежит путь? Иные видели выход в одном: смириться с неизбежностью. Иные звали к новым вооруженным восстаниям. Абай пошел своей дорогой. Он видел исторический путь казахского народа в овладении культурой, в просвещении, в общении с русским народом, его передовыми людьми.

Исторической заслугой Абая явилось его умение увидеть подлинное лицо русского народа, срывая маски с прислужников царизма и полицейского колониального аппарата.

### III

До десятилетнего возраста Абай рос, воспитывался и учился в ауле своего отца Кунанбая. Его учителями были, по тогдашнему обычаю, местные муллы. Десятилетнего Абая отец отвез в Семипалатинск и отдал учиться в медресе сначала Габдулжаппар-муллы, а затем Ахмет-ризамуллы. Медресе — закрытая духовная школа при мечети. Шакирты, или ученики медресе, проживали здесь же, при школе, и должны были не только изучать Коран, богословие, но и соблюдать определенный устав общежития мусульман, усваивая строгие правила поведения и нравственности. Соблюдение поста, очищение и пятикратная молитва в течение суток были обязательным времяпрепровождением учеников. Обучение производилось на арабском или персидском языках. Тюркский язык, или “турки”, был редким явлением в медресе, хотя он был более близок живому казахскому языку.

Абай провел в медресе три года. Он выделялся из среды своих товарищей стремлением к знаниям и способностями. Значительно быстрее и глубже Абай усваивал те предметы, которые преподавались в медресе. Свободное

время Абай отдавал чтению и самообразованию. Он читал произведения арабских, персидских и тюркских классиков. Он читал поэмы, кысса, легенды и другие произведения. Каждую мысль из прочитанного Абай обдумывал и запоминал, над каждой фразой он размышлял, много заучивал наизусть. Абай-шакирт полюбил выдающихся восточных поэтов: Навои, Саади, Хожа-Хафиза, Физули. Под впечатлением признанных авторитетов Абай свои первые стихи слагает на арабском или персидском языках. В одном из ранних стихотворений юный поэт обращается к признанным авторитетам и просит их вселить в него дар стихотворца:

Физули, Шамси, Сайхали,  
Навои, Саади, Фирдоуси,  
Хожа-Хафиз, — все вы  
Вселите бодрость, силу в меня.

На третьем году обучения в медресе Абай поступает в приходскую школу в Семипалатинске и обучается по-русски. Но ему пришлось здесь учиться лишь три месяца. Вскоре отец увозит Абая в аул. Кунанбаю нужен был помощник в делах по управлению, и он готовит Абая к сложной, полной превратностей жизни и работе управителя. Окунувшийся в гущу житейских отношений в ауле, Абай должен был встречаться с авторитетными представителями родов, беседовать с ними, не уронить себя в их глазах.

Новые заботы поглощают физические и духовные силы Абая, отрывают его от самообразования. Но зато у Абая вырабатываются необходимые в делах управления качества: изворотливость, остроумие, красноречие, находчивость. Абай хорошо узнает обычаи, правовые взаимоотношения, овладевает народной мудростью, поговорками и пословицами. А вместе с тем он узнает и темные стороны жизни. Он внимательно выслушивает пострадавшего и обиженного. Он стремится поступать согласно голосу справедливости. Он решительно поворачивает в сторону коренных интересов и нужд народа. Он проходит богатую школу жизни, столь нужную для поэтической деятельности. В ауле, среди народа, Абай соприкоснулся с источником богатого народного искусства — творчеством акынов, биев-ораторов,

певцов, сказителей. Часто и помногу Абай проводил время в среде хранителей, исполнителей и творцов народного искусства. Любовь к памятникам народной старины еще больше укрепляет гуманизм Абая и его любовь к бедноте.

На голову выше признанных авторитетов среди степных казахских правителей становится Абай, узнающий не только приемы-обычаи управления, но и подлинную психологию народных масс, и, обогащенный современными ему научными познаниями, он поражает справедливостью предпринимаемых решений и блестящей формой своих ораторских выступлений, произносимых нередко в стихах. Абай-джигит пишет изящные послания, шутки, эпиграммы девушкам и молодым женщинам.

Но более всего разителен тот внутренний духовный рост Абая, в силу которого он неуклонно стремится стать полезным своему народу, вести его, служить ему. Абай встречает со стороны правящих верхов враждебное к себе отношение. Поэта оклеветали. Его стремятся передать в руки царской полиции. На Абая сыплются доносы и жалобы. Двадцативосьмилетний Абай принимает бой. И одерживает победу. Ему удается доказать свою невиновность и опровергнуть клеветников. С этого же времени Абай смог возвратиться и к прерванному делами участию в управлении самообразованием. Он возобновляет свое образование на русском языке и читает русских авторов. В ауле Абай много проводит времени за чтением философских, художественных произведений. В семипалатинской библиотеке в зимние месяцы его можно видеть постоянным посетителем. И на 35 году жизни происходит у Абая сыгравшая важную в его жизни роль встреча с революционером, сосланным в Семипалатинск, последователем Н.Г. Чернышевского, — Е.П. Михаэлисом. Через некоторое время, благодаря Михаэлису, Абай знакомится с другими ссыльными революционерами-народниками: врачом Н.И. Долгополовым, адвокатом С.С. Гроссом. В отличие от самодовольных и упоенных властью уездных начальников, судей и других администраторов Семипалатинска, Абай находит в новых знакомых людей мысли, больших труженников, искателей правды и справедливости, верных свободолобивым идеям и принципам.

Начиная с Тараса Шевченко, сосланного в сороковые годы в Западный Казахстан, а затем в лице Буташевича-Петрашевского, Дурова и писателя Ф.М. Достоевского, сосланных в Омск, Семипалатинск, казахский народ смог увидеть борцов с царизмом из среды русского и украинского народов — лучших людей того времени, отдавших свою жизнь на борьбу за благо и счастье народа. С большой сердечностью и искренностью они относились к казахам и другим народам, с которыми их сталкивала ссылка, горя желанием отдать знания, силы для того, чтобы их просветить, внушить благородную ненависть к царизму, поднять на совместную с русским народом борьбу против общего врага — самодержавия, обрекавшего казахский народ на невежество, темноту, раздоры, сеявшего вражду между русским и казахским и другими народами.

Политические ссыльные стремятся открыть глаза народам Казахстана, рассказать им правду о великом русском народе, его гигантах культуры и литературы: Пушкине, Лермонтове, Льве Толстом, Салтыкове-Щедрине, Достоевском, Чернышевском. Е.П. Михаэлис и его друзья, общавшиеся с Абаем, сделали большое дело в Семипалатинске, положив начало изучению края и культурной работе среди населения. Абай высоко оценил Михаэлиса и как друга, и как помощника в приобщении к русской культуре. Он говорил: “Михаэлис — человек, открывший мои глаза на мир”.

Михаэлис не был узким специалистом. Его познания носили энциклопедический характер. Он сумел направить в определенное русло чтение Абая и сделал его разносторонним, прорубил его интерес к литературе, критике, философии, истории. Абай читал Пушкина и Лермонтова, Толстого и Тургенева, Салтыкова-Щедрина и Писарева, Гете и Байрона. Из философов-естествоведов Абай знакомился с трудами Спинозы, Спенсера, Льюиса, Дарвина. Он знал также книги Дрепера и других историков. Таким образом, в 1884—1885 годах сорокалетний Абай становится разносторонне образованным человеком. К этому же времени у него вырабатываются его характерные особенности: критический ум и отношение к действительности, строящееся на философских, теоретических основах человеческих знаний.

К Абаю стремятся как к носителю знаний и справедливости. По словам самого Абая, в эту пору Восток для него стал Западом, а Запад оказался на Востоке.

Абай становится наставником, учителем и мудрым советником для своих соотечественников.

#### IV

Абай вышел из среды крупных феодалов. Его отец Кунанбай, дед Оскенбай, прадед Иргизбай – крупные феодалы – занимали видные административные должности в роду. Кунанбай, отец поэта, особенно выделялся своими жестокостями, непримиримостью и строгостью в соблюдении неписанных законов Степи.

Абай порывает со своей социальной средой и становится на сторону интересов широких народных масс, становится поэтом-демократом. Он, вооруженный современной наукой и впитавший лучшие гуманные идеи литературы Востока и Запада, отлично понимал положение своего народа и его исторические судьбы. В одном из стихотворений Абай говорит о поэте, связанном с народом и живущим его интересами:

Как сокол, взглядываясь вдаль,  
Он приметит горе и тоску.  
Гнева полный, – он метнет огонь  
В душителя-невежду.  
И все, что видел, узнал,  
Во имя ума и справедливости,  
Он донесет до ближних и до дальних.

Поэт видел отсталость своего народа. Он не мог не переживать вместе с народом “джута” – падежа скота, летних эпидемий и эпизоотий, его тревожили картины народной нужды и бесправия. Он негодовал, когда в среде окружавших его отца баев и аткаминеров были пущены в ход все средства для разжигания вражды, тяжб, угнетения народа. Он проницательным взором смотрел вдаль, куда слепые поводыри вели кочевой караван народа, туда, где ожидали народ только горькие бедствия.

Абай, принявший участие в делах управления своего отца, вкусил яд несправедливости и горечь обид, порожаемых феодальной средой и обстановкой. Он стремится разорвать их путы. И успеваеет в этом. Поэт становится суровым обличителем, реалистом, разоблачившим свой класс. Вот в одном из стихотворений Абая — яркий образ управителя, притесняющего народ:

Их удел — ложь, сплетня, бахвальство.  
Как вода, они текут.  
Конь и чапан на счету,  
Если кто-либо назовет хитрецом,  
Не в силах их умерить аппетита.  
Вражда к единству, к дрызгам — страсть.  
Они пьянеют без вина.  
Коль мир в народе — всяк из них худеет  
И чуть не гибнет без забот.

Абай боролся с патриархализмом и рутинной. Он с исключительной остротой осуждал отжившие реакционные взгляды на женщину, на воспитание молодежи. Он наносил решительные удары “обычному праву”. Невежество, темнота, суеверие встречали в Абая непримиримого борца.

Царизм в казахской степи крепко организовал свою агентуру в лице волостных управителей, биев, пятидесятников, выходцев из байской среды. Они молились своим божкам: губернаторам, уездным начальникам, адвокатам, чиновникам — творили их волю. Когда руководители родов грызлись между собой за должность волостного управителя, за пост старшины или судьи, — царские чиновники потворствовали им, подливали масла в огонь. А народ нес неисчислимые тяготы: и расходы по выборам, и содержание биев, и покибиточный сбор — все это ложилось на плечи трудящихся и бедняков.

Неизвестный, чужой, враждебный — дай,  
Не дашь — пеняй на себя,  
За сто голов — двести отдашь,  
Не ищи... все равно не дознаешься...

Вот суровая правда, сказанная Абаем.

Бии, волостные управители, бай и не помышляли о благе народа, — они думали и соображали лишь о том, как бы урвать для себя лакомый кусочек. Абай глубоко проник в суть их интересов и политики. И как ранее он отвернулся от отца, его взглядов, так теперь острием отточенного пера сатирика и критика бичевал байские и бийские козни. Стихотворения: “Кулембаю”, “Вот и я стал волостным”, “Доволен очень волостной мой” и другие стихи Абая направлены непосредственно по адресу родовой знати и помощников, сообщников царского колониционного аппарата. Абай срывает маски с лицемеров и ханжей и обнажает настоящие хищные натуры этого типа людей. Тем самым Абай помогал также народу увидеть истинное лицо царизма, колонизаторской буржуазии, избличая ее союзников и помощников.

Можно сказать, что Абай в данном случае следовал опыту великих русских писателей-сатириков Гоголя и Салтыкова-Щедрина, которые сумели своей сатирой, посвящаемой отдельным лицам, в то же время разоблачить нутро самодержавия, системы, строя в его основе.

Возненавидев байско-бийскую группу феодалов и оттолкнувшись от них, Абай сильнее тяготеет к трудящимся, составляющим народное большинство, и ратует за них.

“Я много в эти дни думал о тех, кого я должен любить, к кому должен питать уважение среди казахов. Смогу ли я уважать волостных управителей и биев? Но у нас нет волостных управителей и биев, которых бы посадил сам Бог. А что проку в волостном управителе или бие, который свою должность приобрел за деньги или добыл низкопоклонством! Захочу ли я уважать сильного? Но силен он, чтобы сеять зло. И нет сильного, кто бы употребил силу во имя добра! Кого же любить? За кого ратоборствовать?”

Одни лишь скромные и бесхитростные труженики достойны сочувствия, это к ним относится поговорка: “Стремясь к добру, не ищи тяжбы, не угодничай; отдав только половину, не будь спокойным, если вторая половина станет наживой воров, грабителей, тунейдцев и деляг. Никого, кроме бедной и обездоленной массы, я не мог бы любить”.

В стихах Абай изливает свою жгучую боль о скорби народа, угнетенного и обездоленного:

Народ мой, казахи мои, край мой родной!  
Обвисли усы твои, казах!  
Ты сказать не смеешь, что твое.  
День твой в тревоге и ночь — без сна.

А в то же время поэт верил и в силы народа, и в его пробуждение, в наступление новой жизни. Говоря, что дурному не исправиться, испорченному — упорствовать, Абай в одном из стихов заключает: “Стекло разбивается не тысячу раз, а однажды”. Абай видел общность исторических судеб русских и казахских трудящихся. Он сам понимал это и старался другим разъяснить. Абай верил, что должен быть человек, который укажет путь народу, задыхающемуся в темноте, сможет взять на себя страдания народа. Поэт-демократ, Абай зажег перед народом светоч знания и повел его кочующий караван на Запад, к науке, культуре Запада.

Наподобие своих предшественников Чокана Валиханова и Ибрая Алтынсарина, Абай на передний план выдвигал знание, гуманность, труд:

— Не жалея сил, к делу руки приложи...  
Трудись, не предавайся лени,  
Будешь тогда сыт — не станешь  
 Попрошайкой.

— Научись сеять, пахать, торговать,  
 Пораскинь умом...

— Ребенок, продающий свой труд, выше  
 Старика, торгующего бородой!..

— ...Лень, расточительство, ложь, сплетня, хвастовство —  
 Вот твои враги. Их пять. Запомни их.  
 Энергия, труд, мысль, умеренность, милосердие —  
 Это пять друзей. Не забывай о них.

— Несчастье приносят человеку три вещи: невежество, лень, коварство. Невежество — отсутствие образования,

знаний; невежество и необразованность человека уподобляют животному. Лениность — враг науки, враг труда. Инертность, бесстыдство, бедность — порождение лениности. Коварство — враг людей. Так не предавайся им, будь человеком.

— Не хвастай, пока не постигнешь науки. Учись, русскую науку постигай: русская наука и искусство — ключ мироздания. Тот, кто постиг науку, тот приобрел сокровище жизни, — поучает Абай. Не только словами, но и делами Абай пропагандировал русскую науку и культуру. Он перевел на казахский язык ценнейшие из произведений русских поэтов Пушкина, Лермонтова. Он учил казахскую молодежь брать в пример Л. Толстого и Салтыкова-Щедрина. Он учил перенимать все ценнейшее и лучшее у народов Европы. Образцовый, мыслящий, культурный человек есть подлинный человек. “Сын родовитого — враг, сын человека — брат. Люби всех людей, как брата”, — поучает Абай, высказывая свои гуманистические взгляды.

Как борец за сближение с братским русским народом и его культурой, Абай оказался далеко впереди своих казахских братьев по перу, более того, он опередил и многих своих современников, поэтов, писателей, мыслителей народов Востока.

## V

Сорокалетний Абай с 1886 года становится на путь систематического писания стихов. До этого он писал изредка и с большими интервалами. Только теперь он открыл свое имя поэта, выдавая до того свои стихи за стихотворения, “сложенные Кокпаем”.

В то же время Абая теперь все больше и больше постигают думы о бесплодности жизни, ее безрадостности и ненужности. Эти мысли Абай воплощал в стихи о судьбе народа. О его счастье. Он старался, особенно в молодом поколении, вызвать чувство борьбы за благо своего народа.

Не для забавы я слагаю стих,  
Не выдумками наполняю стих.

Для чутких слухом, сердцем и душой,  
Для молодых я свой рождаю стих, —

пишет Абай о задачах поэта.

Абай высоко ценил поэтическое искусство. Поэзию он считал большим и почетным делом, имеющим огромное общественное значение. Труд поэта неразрывно связан с его борьбой с отживающими явлениями, с угнетателями-феодалами, их приспешниками. Труд поэта влечет к нему сердца чуткой молодежи, вызывает горячую признательность народных масс, соприкасавшихся с ним. Абай становится любимым народом и почитаемым им акыном и наставником.

За период с 1886 года по 1889 год Абай написал немало стихов и дал переводы русских авторов, причем 1889 год оказался годом наибольшего творческого подъема. Стихотворения этого периода удивительно многообразны в своей тематике. Любовь, красоты природы, картины труда переплетаются в них с песенными кюями, личными переживаниями и впечатлениями поэта и его призывом к новой лучшей жизни. Богатство и глубина мысли, звучность и красочность слов — отличительные свойства поэзии Абая.

Заложена любовь к стиху в нас исстари,  
Но все ж избранничества сан лишь тем дари,  
Кто слово льет, что серебром горит извне,  
А золота чистейший сплав таит внутри.

Таков идеал поэзии, выраженный в стихах Абая.

Абай во многом следовал богатым традициям, накопленным устной народной поэзией и письменным творчеством своих предшественников. А вместе с тем он создавал новый стих, он поднимал литературу на новый творческий уровень.

Для передовых людей из казахской молодежи, тянувшейся к знанию, аул поэта становился средоточием знания и искусства. Абай для молодежи — мудрый советник и наставник, чуткий и требовательный руководитель. Поэт говорит молодежи о трудностях жизненного пути, о радостях и разочарованиях, о достижениях и ошибках — обо всем он беседует с проходящими к нему. Он учит писать

стихи и учит музыке, развивая эстетические чувства своих учеников.

Но сколько среди этих радостей жизни, труда в среде своих учеников Абай переживает горя. Травля со стороны врагов, внутреннее одиночество, наконец, смерть любимых учеников, служивших опорой и надеждой поэту. Тяжко и больно. Смятенный и мучимый ударами судьбы, поэт так остро и близко чувствует духовное единство с такими гигантами русской литературы, как Лермонтов. Он много переводит из Лермонтова и пишет стихи под его творческим воздействием.

Так до конца дней поэта его труд, мастерство, его гений, охватывающий народное творчество, лучшие традиции восточной и западной литературы, служат родному народу, создают его оригинальную национальную литературу. Абай превосходно использует свои знания о жизни, деятельности ученых, выдающихся мыслителей Востока и Запада, начиная с древнейших мудрецов. Их примеры он выставляет как образец, в лучших чертах и положениях, для современного молодого поколения казахов. Абай перелагает и переводит на казахский язык сюжеты западно-европейских романов, многочисленных сказаний, повестей и распространяет их в степи, рассказывая сам и также через талантливых рассказчиков. Так узнают казахи времен Абая “Тысячу и одна ночь”, “Шах-намэ”, “Бахтажар”, “Лейли и Меджнун”, “Кер-Оглы султан”, романы А. Дюма — “Три мушкетера”, “Десять лет спустя”, “Королева Марго”, повести Пушкина и многие другие. Абай любил также рассказы из жизни путешественников, побывавших среди диких племен Америки и Африки.

Помогая своим ученикам в выборе сюжета для написания поэм и стихотворений, Абай чрезвычайно широко раскрывал перед ними круг человеческих знаний. Кокбаю он предлагал сюжет из древней истории казахов, Магавье — борьбу Шамиля с царизмом и “Медгат и Касым” — о схватке отважного раба с богатым африканским плантатором, Акылбаю — о Дагестане и об африканских зулусах.

Поэты, сказители и певцы, девушки, юноши, старцы, окружавшие Абая на пиршествах, свадебных торжествах или вечеринках, в большинстве случаев выступали с пес-

нями, сказаниями и стихотворениями, принадлежавшими Абаю.

Абай был, кроме того, композитором. Он прекрасно играл на домбре. Он знал старинные казахские арии и мелодии и горячо их любил. Абай писал о музыке:

Приятны слуху, растекаются по телу  
Хорошая мелодия, сладостная ария,  
Мыслей тьму рожают в душе,  
Если их любишь, полюби, как я.

Воскресивший в памяти чудесной песней минувшие времена, поэт, в глубокой думе, пишет:

И будто слышит мое ухо  
Шепот древний,  
Минувшее воскресло вновь.

Прочно творчески связывается искусство Абая с лучшими традициями — примерами его предшественников. И, поэт, он постоянно перекликается с музыкой. Абаем-композитором создано 17 арий, которые сопровождаются словами написанных им самим стихов. Гармония и мелодия, лады песни и ритм романса в неразрывном сочетании со словами — пример новаторских исканий и достижений поэта в таких родственных искусствах, как поэзия и музыка.

Новые мотивы, новые звуковые сочетания, значительно отличающиеся от предшествующих, — результат упорных исканий Абаем новых путей казахского искусства. И если величие Абая-поэта привлекло к нему многочисленных почитателей таланта, то их количество еще более возрастает вместе со славой Абая-музыканта.

А вместе с ростом обаяния и популярности поэта возрастали опасения царских чиновников и байства. Враги Абая все усилия приложили к тому, чтобы подорвать его авторитет, надломить его крылья.

К этому же прибавляется и тяжелое душевное состояние поэта. Он начинает резко критически осуждать свой жизненный путь. Его посещают уныние, упадок духа. Потрясенный тяжелым горем — смертью любимого сына Ма-

гавьи — Абай заболевает. Отвергая лечение, пребывая в молчании, удалившись от людей, Абай так проводит остаток своих дней. 23 июня 1904 года поэт умирает в родных степях. Похоронен его прах в местности Жидебай — там, где была его зимовка.

Многих жизнь истомила,  
Усталые, впадали они в ошибки.  
Но можно ль умершим почесть того,  
Кто миру оставил бессмертное слово?

Эти вещие слова Абая — бессмертный нерукотворный памятник поэту. Мы, люди страны Советов, свято чтим память великого мудреца, поэта, сына казахского народа.

## **ЫБЫРАЙ АЛТЫНСАРИН – ҚАЗАҚ МӘДЕНИЕТІНІҢ ЗОР ҚАЙРАТКЕРІ**

Қазақ ССР тарихының өткен ғасырын еске алсақ, көзге толық, көңілге медеу үш адамды алдымен айтамыз. Олар – кең Қазақстанның шалғай жатқан өлкелерінен шықса да, үш бір туғандай сезілетін асыл жандар. Олар – үшеуі үш мұнарадай болған: Шоқан, Ыбырай, Абай.

Бұл үшеуінің өмір, еңбек майдандары үш алуан болуымен қатар, үшеуін бір туғандай ететін ұқсастық та аса айқын. Ол ұқсастық – олардың нәр алған тамырынан, аналық топырағынан туған. Бұлардың бәрі де қазақтың киіз үйінде туып, өз елінің өкілі болып шығуымен қатар, тек қазақ халқының ғана тіл, өнер, тарихи мәдениет ерекшеліктерінің көлемінде қалған жоқ, туысы қазақ болса да, бұлардың өрісі, өсуі басқаша. Олар өздерінен бұрынғы қазақ баласы бармаған ырыс өлкесіне жетті. Сол барысында шыны шұрайлы, анық аналық қазына тапты. Ол – ұлы орыс халқының бүкіл дүние мәдениетіне үлгі шашқан нұр қазынасы еді.

Егер осы жолда ойдағысын таппай, дегеніне жетпей қалған болса, осы үш адамның үшеуі де ерекше зор қайраткер дәрежесіне жетпеген болар еді.

Шоқан орыстың алдыңғы қатарлы демократиялық озғын мәдениетін меңгермесе, Шоқан болмас еді. Ыбырай орыстың мәдениет мектебін танымаса, Ушинский бастаған педагогикалық жаңалықтарды білмесе, орыстың адамгершіл, прогресшіл классикалық әдебиетінің нәрінен қорек алмаса, Ыбырай болмас еді. Солар сияқты Абай да Крылов, Пушкин, Лермонтов, Салтыков-Щедрин қалдырған әдебиеттік мұраны ұғып, меңгермесе, Абай болмас еді.

Бұл үшеуі заманында надандық түнегі басқан қараңғы сахарадан шыққан алғашқы елшілер, ізденушілер еді. Сол

беймезгіл дәуреннің тұманды түнегінің ішінен оларды нұр шұғыладай өзіне тартқан орыстың халықтық құнарлы мәдени қазыналары болды. Олар қызықтырып тартқан тарих лебіндей әсер етті, орыс мәдениетінің ұлы адамгершілік қасиеті, халықтарға достықты үгіттеген бауыр-малдығы бұларды нұр сәулесіндей өзіне тартты. Сөйтіп, жалғыз аяқ жолмен алғашқы шыққан елші-ізденушілерге: “жол мұнда, ел мұнда, ел мұнда! Елің шығар бел мұнда!” деп, алдарынан жанашыр досындай шақырып, тосып тұрған халықтар достығының ұлы өкілдері болды.

Өздерінің тарихтық, халықтық арманы мен аңсағанын алсақ, бұл үшеуі анық бір туған бауырластай танылады. Олар біріне-бірі тізе қосып, иық сүйесіп, “е” десіп шыққандай көрінеді.

Сонымен қатар бұл үшеуінің еңбегінде, қалдырған мұраларында, жеке бас тағдырларында әрқайсысының өзіне бөлек айырма да бар. Шоқан болса, айқынырақ түрде анықталып келе жатқан ғалым еді. Ол саяхатшы, этнограф, мәдениетті тарихшы болып қалыптанып өсті. Ол өз заманындағы алдыңғы қатарлы Россия интеллигенциясының өкілі болды. Туысы қазақ болғанмен, өзі сол дәуірдегі бүкіл Россияның озық ойлы, кең салалы жолы бар қайраткерлерінің бірі болған дәрежеге жетті. Соған орай Шоқанның еңбегі де қазақ ішінде ғана өткен жоқ. Өз заманындағы өз халқының буындарына Шоқан танылмай, білінбей де кетті. Өйткені оның еңбектері орыс тілінде жазылды, мұнысы заңды да еді. Егер еңбектерін қазақ тілінде ғана жазып кеткен болса, біз Шоқанды бүгінгі дәрежеде, көпке мәлім болған, кең майдан тапқан, өзінің соңында қадірлі жол, дәстүр қалдырған ғалым ретінде білмеген болар едік. Өз уақытында кейінгі қазақ жастарына орыс мәдениетін үлгі, үгіт етіп тартумен қатар, өз еңбектерін орыс тілінде жазып жариялауы да ол үшін ең қажет, ең дұрыс жол еді.

Абай орыс ақындарының, орыс әдебиетінің сахарада отырған ұлы маңызды, құлашы кең досы болды. Бұл бар еңбегін қазақ тілінде жариялады. Бірақ тек аудармасы ғана емес, өзінің барлық ақындығымен, бар өмірлік шабытты еңбегімен әр пернені басып, ұлы орыс мәдениетіне дос болуды үгіттеді. Ол өз сахарасынан басқа жаққа шыққан

жоқ, жазудан басқа әлеуметтік-ұйымдастырушылық іс істеген де жоқ. Тек сонда да оның әр өлеңі қоғамдық тар-тыстың құралы, ескілікке қарсы айыптау актісі еді.

Сөйтіп, Шоқанға Абай ұқсамайды. Сыртқы еңбегі, тар-тыс жағдайлары, майдандары жағынан олардың екеуі та-рихтық-әлеуметтік жаңа қозғалыстың екі қанатын алып жүргендей болады. Біреуі – қазақ сияқты халықтың атынан орыс қауымының ортасына өз елінің өмірде барлығын, мұң-мүддесін, арманын жеткізуші азамат болды. Екіншісі – қазақ халқына орыс мәдениетінің асылдығын, қадір-қаси-етін жеткізуші үгітші, үлгі етуші болып еңбек етті. Солай-ша ынта, бағыты бір болғанымен, еңбек қайраты, жұмыс түрлері, орталары екі басқа болғандығы олардың өмірі мен тартыстарын сырт жағынан ұқсатпай тұрады.

Сол сияқты, енді Ыбырайды алсақ, бұл да сол бір ба-ғытта болумен қатар, өмірі, еңбек еткен ортасы, әлеу-меттік-қоғамдық қайраты, әрекеті жөнінде Шоқанға да, Абайға да ұқсамайды. Ыбырай жаңағы екеуінің де ісін өз өмірінде, еңбегіне түйістіріп қоса білді. Сөйтіп, ол екеуі де істемеген тың тарихтық ұзақ өрісі бар, зор келешегі бар істердің үлгісін өз қолымен орнатты. Әрі ол – жаңа үлгідегі ақын. Әрі ол – сол кездегі Россияда батыл жаңалық жасап, “бұратана” елдер үшін тың үлгілі мектеп ашушы. Ол – мектептің өзіне бөлек ерекшелігі бар программаларын, оқу құралдарын жазушы. Қазақтың ең алғашқы мәдениетті мектебін жасаумен қатар, жазушылық пен оқытушылық-ты ол аса шебер, өнерлі түрде қабыстырушы. Бұл жөнінде ол – қазақтың халық қазынасы – ауыз әдебиетін, орыстың ұлы классикалық әдебиетін өзінше ең алғашқы үлгілерде үйлестіріп, туыстырушы болды. Сонымен қатар ол орыс-тың білімпаз қайраткерлерінің алдында, орыстың оқымыс-ты жұртшылығының ілтипатына жеткізіп, қазақ халқының толып жатқан мұңдарын, шаруашылық, ағартушылық, саяси-қоғамдық халдерін ірі мәселе етіп, жазып танытқан публицист те болды.

Осының бәрінің тұсында ол патшалықтың отарлаушы бюрократтық-чиновниктік аппараттарымен үнемі арбасып, қажымай күресуші және бір өзі, екі бүйірінен дұшпан көзбен қарап қадалған діншілдер қастандығына қарсы да

алысушы болды. Осы соңғы жайдың өзін ғана алғанда, Ыбырай көрген қос қысымның ол заманда қаншалық ауыр, зіл салмақты дерт болғандығын анық аңғаруымызға болады.

Шынында, Шоқан айтатын: Бұхарадан, Қазаннан шығып, қазақ ортасына діншілдіктің, исламшілдіктің барлық реакциялық, фанатиктік надан тонын әкеп жаппақ болып жүрген ишан, пір, молдалар қаншалықты мол еді, әсерлі еді! Ел ішіндегі әмірі күшті жуан шонжарлар, шеңгел би, надан ақсақалдар сол мұсылманшылықтың, соқыр діншілдіктің өкілдері еді. Еңбекші көпшіліктің санасын тұсап, тұмшалап отырған кертартпа мешеулік ойлар сансыз еді.

Сондай заманда қазақ балаларына арнап орыс мектебін ашу, ол мектептің оқу құралын орыс әрпімен жазып шығару, сол мектепте орыс өнерпаздарының аттарын әулие, әнбиелердің орнына ең қадірлі ат ету жаңағы дүмше молда, көркеуде надан қауым кезінде барып тұрған күпірлік, бұзарлық түрінде көрінетін еді.

Патшалық Россияның “бұратана” елдерге әкім етіп орнатқан отаршыл аппаратының үгітші-өсиетшісі – православиe шіркеуінің дінбасылары болды. Бұлар қазақ сияқты елге мемлекет тарапынан қаражат шығарып, оқу-білім таратса, ең алдымен сол қаржы қазақты шоқындыру үшін жұмсалы керек дейтін.

Сөйтіп, Ыбырайдың оқытуына баласын берген ел бір ауыр дерттің астында жатса, ол балаларды алып келіп, оқытатын мектептің төрінде діншіл үгітші және үлкен күдірет иесі, қияс-кесір әмір, саясат иесі – миссионер отырды. Осындай екі жақты сенімсіз алакөздікті ең алғашқы қадамнан-ақ көре бастаса да, Ыбырай қымсынған жоқ. Ірі ағартушы, зор саналы, әлеумет қайраткері, өнерлі ақынның артында қалдырған ізіне, қадірлі жолына қарап отырсаң, заманына бақсаң, көңілге үлкен алғысқа толы ойлар келеді. Сонда, өз өмірінің, еңбегінің барлық қисынсыз қиын шалғайлықтарының бәрін елеместен, жасымастан батыл басып, ұдай ұзап бара жатқан шын зор қайратты танысың. Мұндай іс пен тұрақты айнымас мінез тек қана халықшыл, азаматтық санасы айқын жаннан шығады. Ыбырайда сол күш терең еді, мол еді. Ол сананың үлкен

оты мұның ізгі жүрегінде мол уақыт берік орнаған. Ыбырайды осы дәрежеде қажырлы қайраткер еткен сана, бірінші жағынан, оның өзінің еңбекші елмен, қалың бұқарамен нық байланысты болғандығынан, соның тарихи келешегін айқын көргендіктен, сол келешекке бұлжымастан, айнымастан нық сенгендіктен.

Екіншіден, Ыбырайдың осы жолда берік сенімді көңілмен еңбек етуіне жетектеп, қанаттандырып отырған өз заманындағы орыс халқының алдыңғы қатарлы мәдениетінің қуаты. Сонымен қатар ол бұқарашыл және революционер орыс ұлдарының, ұлы қайраткерлерінің сол замандағы бүкіл Россияның бар халықтарына, бар буындарына таратып жатқан игілік, әділдік, азатшылдық ойларының тәрбиесі.

Ыбырайды өз заманындағы бар ауыртпалықтармен сенімді түрде алысуға батыл балғын еткен ең күшті тарихи жағдай осы еді. Шоқандай емес, Ыбырай халқына да, өз тұсында-ақ, қадірлі, даңқты болды.

Қазір, сол Ыбырайдың еңбегі, өмірі жайында Қазақ ССР Ғылым академиясының арнаулы сессиясы өтіп жатқан кезде, біз бала күнімізде Ыбырай шығармасымен ең алғаш танысқан шақтарымызды еске ала кетуге болады. Ең алғаш Абайдың қолжазбасымен шала хат танитын бала күйде танысқанымызда, Мүрсейіт молда жазған қолжазба кітапты түгелімен Абай кітабы деп білуші едік. Шетінен бастап, жаттауға кірісіп едік. Сонда “Сәуірде көтерілер рахмет туы” деген өлең мен “Араз бол, кедей болсаң, ұрлықпенен” деген өлең Абай кітабының ішінде бірге жазылған екен. Сол шақта Абай, Ыбырай бір адам шығар деп ойлаушы едік. Екеуінің қазақ аулындағы көктем жайында жазғандарын оқып отырсаңыз, шынында бір ақындық мектептің, біртүрлі ақындық дәстүрдің үлгісін көресіз және екеуі де бұрын қазақ жазбаған өлеңді жазған.

Кейін аңғарсақ, осы өлеңдер табиғат суретінің реалистік үлкен мастери болған ұлы Пушкин үлгісінен туған өлеңдер екен.

Абай Ыбырайды жақсы білген. Кейін Абайдың өзі кадрлегендіктен, Абайдың қолжазбаларының ішінде Пушкин, Лермонтов, Крылов шығармаларынан жасалған аудар-

малар қоса кіруімен бірге, Ыбырай өлеңдері үнемі бірге көшіріліп, жазылып жүруші еді. Абайдың өзінің тапсыруы бойынша солай болса керек. Бұл тегін емес. Бұхар, Дулат, Шортанбай Абайлардың қолжазбаларына жалғыз ауыз өлеңмен тұмсық сұғып кірмегенде, Ыбырайдың әрқашан Абай атымен бірге жазылып, жатталып, таралып жүруі бұл екеуінің үні бір, үміті бір, арман-бағыты және болашақ тағдыры бір ақын екендіктерін танытушы еді.

Сол заманнан бері қарай, біздің кейінгі ұрпағымыздың бәріне де Абай қандай қадірлі болса, Ыбырай да өз орны, өз арналы мұрасымен аса ыстық, аса бағалы болды. Олар кейде баяғыдан бері өткен шөл ғасырлардың соңғы дәуіріндегі зор мұнарадай көрінсе, кейде еңбегі, бағыты бірлікпен айқасып аққан қос өрімдей, шөл өлкені суарып, дән бітіріп, айқасып ағып келе жатқан қос өзендей танылады.

Өткен замандағы Ыбырай Алтынсарин сынды озғын ой иелерін, халық үшін қызмет еткен қайраткерлерді бізге толық тануымызға, олардың асыл мұраларымен қазіргі мәдениетімізді байытуымызға жол ашқан, мүмкіндік берген – Совет үкіметі, Сталиндік заман.

## ӘБДІЛДА ТӘЖІБАЕВ

Қазақ совет әдебиетінің тарихында көрнекті орынға ие болған ақын-жазушының бірі – Әбділда Тәжібаев. Ол Қазақстан оқушы жұртшылығына көптен мәлім. Оның шығармалары идеялық мәні мен тақырыптарының күнделік, советтік құрылысқа аса жақын қабысқан өткірлігімен жұртшылық бағасын ерте алады. Ақындығы шеберлене бастаған кезде де Әбділда совет халқының ұлы құрылысын және өзіне де бақыт берген Отанын жыр етеді. Оның алғашқы кездегі қысқа өлеңдері күнделік іс пенен науқандарға қолма-қол байланысты болатын. Ол газет бетінде тез жарыққа шығып, шапшаң тарап отыратын саясаттық, үгіт өлеңдер еді. Кейін оның орнына көлемді, терең сезімді толғау жырлар жазды. Бұлары әрі күнделік тақырыптық жағынан, әрі идеялық, көркемдік, шеберлік жағынан сай келген, өскен өлеңдер болады.

Әбділда шығармаларының негізгі үлгісі, жанры – поэзия. Бұл жанрдың ішінде айқын ерекшелігі – оның сыршыл, лирик ақын болуында. Ақын еңбектері әуелі қысқа, көбінше саяси лирикадан басталады да, кейін лирикалық толғауларға, лирика сарыны мол романтикалық поэмаларға да ауысады.

Осы жолдағы ақынның көрнекті табыстарымен қатар айқын кемшілік, қайшылықтары да болды. Ескілікті тақырыптарға жазған “Мерген”, “Кілемшілер туралы ертең” деген поэмаларында социалистік реализм үлгісінде жазылатын поэмалардан басқарақ, жалпылаған сарындар бар. Ескі күй, ескі аңызды тамашалау басым. Сынсыз тамашалау сарыны үстемірек болады.

Отан соғысы кезінде жазылған “Толғау” атты үлкен жыры Әбділданың өз Отанын барынша сүйген, шыншыл, терең сезімді, көркем өрнекті ақын екендігін танытады.

Әбділда тек қазақ тарихының көлемінен ғана тақырып алмайды. Советтік қазақ поэзиясына ол кіргізген интернационалдық ақындық мәдениет, іздену өрнектері де бар. Қазақ оқушысына Гейненің, Шевченконың, Пушкиннің, Лермонтов шығармаларының нәр-нақыстарын әкеледі. Осы аталған классиктердің кейбір шығармаларын аударумен қатар, ақын оларды өзінің сыршылдық өлеңдерінің, толғауларының және кейбір поэмаларының (“Екі жаһан”, “Тарас”) ішіне Гейне, Шевченко образдарын және Горький, Фурмановқа арналған ой-сезімдерін кіргізіп отырады.

Бұл алуандас ақындық ізденулер Әбділданың өнімді жолға, мәдениетті поэзия жолына беттегенін көрсетеді. Бұл – қазақ әдебиетін жаңа үлгіге бастаймын деген талап.

Осылайша, Әбділда, бір жағынан, Ұлы Октябрь жаңғыртқан өз халқының советтік дәуіріндегі жаңа тарих шындығынан бағыт, қуат алады. Жыл санап өнер арттырып, жазушылық мәдениетіне терең бойлап, қазақ совет поэзиясына қызықты жемістер беріп келеді. Әбділда талантты және өзіндік стилі, өзгешелігі бар күшті ақынның бірі деп саналады.

\* \* \*

Әбділда 1909 жылы февраль айында туған. Туған жері Қызылорда (Ақмешіт) қаласы. Әкесі Тәжібай Қарымсақов жастай жетім қалып, көп өмірін жалшылықта өткізген. Қала байының қора сыпырушысы болады. Одан кейін Шевков деген орыс учителінің ат айдаушысы болып қызмет етеді. Осы учитель Тәжібайға орысша хат танытады. Сол азынаулақ хат-шолу білу себебінен Тәжібай кейін қала байларына жалдама қызмет істейтін приказчик болады. Әбділданың алғашқы жас балалық шағы қалада, ата-ана бауырында өткенмен, алты жасында әкесі өліп, жетім қалады. Ендігі тәрбиесі анасы Айманкүлдің қарамағында болады. Күнделікті еңбекпен тіршілік етіп отырған Тәжібай өлген соң Айманкүл жас баласымен мұқтаждық, жоқшылық күйге түседі.

Айманкүлдің нағашысы Сыр бойының ескі балықшысы, әрі егінші-диқаны Далдабай деген қарт еді. Сол кісі жетім-жесір болып қалған Тәжібай үйі үшін өз қолына алады. Ендігі бірталай жыл Қараөзектегі сол Далдабайдың аулында өтеді.

Далдабай өз баласы болмай, жиені Айманкүлді бесіктегі кезінде бала қылып, бауырына салып өсірген. Өзі мейірімді, есті әке болған. Айманкүлді 14 жасына шейін ауылдағы молладан оқытқан. Хатқа жүйрік, парсы, шағатай әдебиетіне өте таныс қанықты оқушы етіп өсірген еді. Айманкүлді оқытушы Ділдәхан молда Бұхарада отыз жыл оқып қайтқан, ескі медресе тәрбиесі бойынша көп білім алған кісі деп саналатын. Сол молданың ықыласты шәкірті болып өскен Айманкүлді Далдабай аулындағы кәрі-жастың көбі “молда қыз” деп атандырады. Далдабай қарттан бастап, ауылдағы үлкен аға, кәрі жеңгейлерге шағатай, парсы тіліндегі ақындық шығармаларды Айманкүл көп оқып береді. Өзі де көп кітапты біліп, айналасында жүргендерді шығыс әдебиет үлгілерімен мол таныстыра жүреді. Кішкене Әбділда Далдабай аулына жетім бала болып барған шағында, анасының әрбір кештерде, жиын топқа нақыстап оқып отыратын қисса, дастандарын естиді. Шығыстың классик туралы әңгімелерін ұзақ кештер ықыласпен тыңдайды. Ақындықтың алғашқы әсерін тәрбиеден алады.

Айманкүлдің кітап оқығыштық мінезін құптаған Ділдәхан молда өзі әбден қартайған шағында “ең жақсы шәкіртім осы” деп, бар кітапханасын Айманкүлге сыйлайды. Сол кітапханада Низами, Науаи, Хафиз, Сайхали, Бәділ шығармалары болады. Осы шығармаларды Айманкүл өзі оқып, жұртқа тыңдатумен қатар, баласының санасында ақындыққа құмарлықты еге жүреді. Тілі көпшілікке ұғымсыз болған шығармаларды қарттар мен балаларға оқып беруде Айманкүл шығыстың бәйіт оқитын нақысты, сұлу мақамдарымен жырлап жеткізеді. Онысы да тыңдаушыларына өз шамасынша көркемдік тәрбие беретін.

Тәжібайды жоқтап Айманкүл өз жанынан алғашқы мұңшер өлендерін де жазады. Өз мұңын өз тілімен жазған жоқтауын ақындарының кітапша сөздерін араластыра айтады. Жыл бойында осы жоқтауын көп айтып, кеңейте жүріп,

Айманкүл өзі мен баласының мұңды күйін ұзақ поэмаға айналдырады. Сол жоқтаудың ішінде:

Ашыла түсіп гүл солды,  
Жана бір түсіп от сөнді, –

деген арманды шер шерткен жолдары жас Әбділданың әкесі турасындағы мұңы болып жадында жүреді. Айманкүл баласын өзі оқытып, жеті жасқа толғанында толық хат танытады. Келесі жылдарда Далдабай аулында Айманкүлдің айнымас тыңдаушысы болып алған қарттардың арасында шешесі оқитын қисса, ғазалдарды сол мақамдарымен бала Әбділда да көпшілікке оқып беріп жүретін болады. Осындай ескіше, мұсылманша оқу көлемінде алғашқы шәкірттік сауаты ашыла жүріп, Әбділда 20–21-жылдарға жетеді.

Бұл жылдары Сыр бойында көп жанның қазасына себеп болған оба науқасы шығады. Оған және жаппай сүзек ауруы қосылады. Осы жылда Әбділда мен шешесін асыраушы, қорған болып отырған нағашысы Далдабай қарт қайтыс болады да, ашаршылыққа ілінген ана мен бала Ақмешітке қайта көшіп келеді.

1922 жылы Әбділда жетім балалар интернатына түсіп, бір қыс шала-шарпы оқумен күні өтеді де, жаз шыға үш-төрт бала қосылып Ташкентке кетеді. Онда оқу іздеген балалар көп болып, бұлар орналаса алмайды. Қайта қайтуға қаражат болмай, енді анық панасыз балалардың өміріне көшеді. Көп айлардан соң әлі оқуға да, өмірге де орналасып жәй таба алмай жүрген панасыз бала Қызылордаға қайта келіп, Ленин атындағы интернатқа орналасады. Сөйтіп, 1923 жылдың басында Әбділда совет мектебі тәрбиесіне ілінеді. Сан жетім панасыздарды жүздеп, мыңдап тәрбиесіне алып, адам етіп отырған советтік мектептің тәртіпті, ынталы шәкірті бола бастайды. Жақсы оқушы, үлгілі пионер болып, білімді азамат болуға қадам басады.

Бар ынтасын оқу мен ізденуге, жақсы азамат болу талабына берген бала бір қыста екі кластың оқуын бітіреді. Енді комсомолға да кіреді. Сол бірінші басқыш мектепті өзінің ең бақытты тәрбие орны деп бағалай білген жас талапкер интернатта шығатын қабырға газетінің редакто-

ры болады. Бұл интернат балаларының ырысына Ташкенттен оқып келген Сәтбеков Қайырбек деген жақсы бейлілі мұғалім ана тілінен өзі оқытушы болады. Қазақ әдебиетін, әсіресе Абай шығармалары мен сол кездегі газет, журналдарда шығатын советтік поэзиясының үлгілерін өзінің ынталы шәкірттеріне жақсылап ұғындырып, сүйдіре танытып жүреді. Шәкірттеріне “инша жазу”<sup>1</sup> деген тәжірибелі жазу сабағында Абай өлеңдері мен совет ақындарының өлеңдеріне арналған тақырыптарды беріп, шығармалар жаздыруға баулиды. “Инша жазу” жарысынан туған шәкірттердің кей өлеңдерін қабырға газетіне бастыра бастайды. Әбділда 14 жасар кезінде осы мектепте өзінің ең алғашқы ақындық жас тәжірибесін бастайды. Қатар құрбыларынан артылта жазған көп өлеңдері қабырға газетіне жиі басылып тұрады. Ленин атындағы интернаттың талапкер жастары Қызылордада өнерлі, үлгілі совет жастарының үйірмесін құрады. Интернат жастардың күшімен қала халқына арнап клубтар, сауық-кештерін де жиі ұымдастырып жүретін болады. Сөйтіп, Ленин атындағы интернат болашақ ақынды әдебиетке, көркемөнерге анық, дұрыс бағытпен баулиды. Сапалы бағытқа жол ашқан асыл бесік, кадрлі, қымбат ұя болады.

1925 жылы Әбділда бірінші басқыш мектепті бітіріп, Шымкенттегі Мұратбаев Ғани атындағы жетіжылдық мектепке түседі. Әбділда бұл мектепте де әдебиетке, шығармалық тәжірибеге бұрынғыдан да артық ден қойып, зер салады. Мектепте комсомол ұясының және қабырға газетінің редакторы болып істейді. Сол газеттің бетінде “Комсомол”, “Пионер”, “Ленин өліміне”, “Бірінші Май”, “Октябрь мейрамына” деген арнау өлеңдері басылып жүреді.

1927 жылы Әбділда жетіжылдық мектепті бітіріп, Қызылордаға қайтады. Ендігі талабы – сол кездерде аты шығып жүрген қазақ совет ақындары Сәбит, Асқар, Қалқамандар сияқты өз күшін ақындықта сынап көру болады. Ол ақындардың “Еңбекші қазақ”, “Ауыл тілі”, “Лениншіл жас”, “Жұмысшы” деген газеттерде шығып тұратын өлеңдерін оқиды. Әбділданың енді қай бағытта, не тақырыпта жазуы керек екенін сол өлеңдер танытқандай болады. Алғашқы жетекші үлгі бола бастайды.

Әбділда әуелі газетте адрес жапсырушы, почта-газет тасушы болып жүріп, содан “Еңбекші қазаққа” корректор жәрдемшісі болады. Кейін “Еңбекші қазақ” редакциясында көшіруші болып істейді. Ең алғаш 1928 жылы май, июль айларында “Жұмысшы газетінде” “Жұмысшының азаны”, “Жұмысшының балғасы” деген ұсақ өлеңдерімен жас ақын ең бірінші рет 19 жасында, баспасөз жүзіне шығады. Сол жылы байлар мен жарым феодалдар конфискесі болады. Революцияның қазақ аулында жүргізген үлкен саясаттық шарасының бірі – конфиске туралы Әбділда көп ұсақ өлеңдер жазады. Бұлар әуелі “Лениншіл жасқа” шығып, содан “Еңбекші қазақта” да басылатын болады. Бір жаздың ішінде, сол 1928 жылдың күзінде, Әбділда “Еңбекші қазақ” бетінде үнемі жазып тұратын, көп өлең бастыратын совет жұртшылығы үшін жаңа туған, бірақ өнімді, отты, өршіл ақын болып тез танылады. Сол жылы қазақ пролетариат жазушыларының ұйымына, КазАПП-қа мүшелікке өтеді. Газетпен қатар шығармалары журналға да басылатын болады. “Арыс тұзы”, “Қазығұрт” деген өлеңдер сол уақыттағы оқушылардың ықыласын Әбділдаға мейлінше аударады. Кейін “Жаңа ырғақ” атты жинақта топталып басылған Әбділда өлеңдерінің көпшілігі сол жылдарда, ақынның 16-19 жастардағы жазған алғашқы талабының жемістері болады. Әбділда ақындығының алғашқы белесі, өмірдегі ақындық, азаматтық талап-мүдделерінің ең алғашқы адымдары осылай басталады.

1929–30–31 жылдарда Әбділда Алматыдағы педагогикалық институтының тіл-әдебиет факультетінде оқиды. Мұның үшінші курсына шыққанда Қарсақбайдағы аудандық газетке редактордың орынбасары болып орналасады. Содан 1933 жылы Алматыға келеді. Бұл жылдары жазған өлеңдері “Олқылық” деген жинақ болып шығады. 1933 жылы шығарған “Жаңа ырғақ” атты жинағынан кейін – “Олқылық” екінші кітабы болады. Бұл шығармаларының негізгі тақырыптары – байларды конфискациялау туралы. Турксиб шойын жолының салынуына, Қарсақбай сияқты өндірістік зор коллектив тіршілігін әр алуан үлгіде жазуға арналады. “Олқылық” атты жинақтың ішінен көп орын алатын сол “Олқылық” атты, өндіріс тақырыпты поэма болады.

Алматыға келген соң Әбділда “Лениншіл жас” газеті редакторының орынбасары болады. Содан кейін Қазақстан Жазушылар одағының хатшысы болып істейді. 1934 жылдардан бастап Әбділда ақындығының екінші кезеңі басталды. Бұл кезеңде сыршылдық, көркем сезімді, ұсақ өлеңдеріне Шевченко, Гейне сияқты ақындардан үйрену, үлгі алу әсері араласады. “Таңдамалы өлеңдер” деген атпен 1936 жылы және 1939 жылы екі рет жинақтары шығады. Осы кезеңде Әбділданың жаңа тақырыпқа жазған “Құтқару”, “Екі жаһан” деген поэмалары туады. Әбділданың ендігі көп өлеңдерінің тақырыбы бауырлас, достас елдердің советтік жұртшылығына арнау түрінде айтқан толғаулары болады. “Орыс халқына”, “Украина” деген өлеңдері және пролетариаттың ұлы жазушысы Горькийге арналған, Фурмановқа арналған сыршыл өлеңдері Әбділда шығармаларының ішінен үлкен орын алады. Көп ізденіп, білім арнасы кеңейіп, ақындық шеберлігі өскендігінің нәтижесінде 1942 жылы Әбділданың “Перне” атты жинағы шығады. Бұл жинақ Отан соғысына арналған әсерлі, көркем “Біз жеңеміз”, “Ленинград” атты шын патриоттық шығармаларымен қатар, тақырып жағынан әр алуан болады. Қазақ фольклорындағы аңыздардың мазмұнынан құрылған “Мерген”, “Толағай”, “Кілемшілер туралы ертегі” тәрізді ертегілі поэмалар, тарихи аңыз ретінде ескі күйші туралы “Абыл” атты поэма жазылады. Және интернационалдық тақырыпта жазылған “Катерина” поэмасы болады.

1938 жылдан бастап Әбділда драмалық еңбектер жазуға кіріседі. Мұхтар Әуезовпен бірігіп жазған “Ақ қайың” атты пьесасы 1938 жылы Қазақстанда жарияланған пьесалар бөйгесінде алдыңғы қатар баға алып, екінші бөйгеге ілінеді. Кейін Г. Рошальмен бірге жазған “Жомарттың кілемі” атты пьесасы Қазақстан академия драма театрының репертуарына кіреді. Соңғы жылдарда Әбділда жазған “Көтерілген күмбез” атты өзбек халқының ескі тарихына арналған романтикалық пьеса өзбек театрларының репертуарына алынады.

Қазақ совет әдебиетіне сіңірген еңбегі үшін Әбділда 1939 жылы “Құрмет белгісі” орденімен наградталған. 1940–43 жылдарда Әбділда Қазақстан совет Жазушылар одағының бастығы болып қызмет атқарады.

Әбділданың 34-жылдарға шейінгі ақындық шығармалары “Жана ырғақ” атты жинаққа топталған. Бұндағы өлеңдердің саналық, тақырыптық, мазмұн жағы жас ақынның өмір тартыстан алған жанды әсерін танытады. Совет жасының, жас өнерпаздың қызулы екпіні мен іздену жолдарын көрсетеді. Бұл жинаққа кірген “Айдалған бай”, “Үлес үстінде” деген өлеңдері қазақ аулында болған тап тартысты, өмірдегі әр алуан өзгерістерді суреттейді. 1928 жылдарда саясаттық, шаруашылық маңызы зор оқиға – байларды конфискациялау жүреді. Ел кедейін ғасырлар бойы қанаумен озбырлық етіп келген топтардан советтенген ауыл тап тартысы арқылы арыла бастайды. Бұл сияқты ірі әлеуметтік шараның арқасында ауылдың кедей-батырақтарының саяси санасы бұрынғыдан да ашылып, сенімді күш есебінде мемлекеттік құрылысқа белсене қатысып, майданға шығады. Ел еңбекшілерінің санасы күнделік тап тартысы үстінде айқын дамып, өсе бастайды. Қазақ аулында болған сондайлық екі түрлі революциялық жаңалықтар жас ақын Әбділданың әдеби майданға шығуындағы ой-өрісін айқындаған жағдайдың бірі болды. Ауылдағы бұл жаңалықтарды жасауды үлкен қызулы екпінмен, өткір саяси жырлармен құптап, қостап қарсы алады. Үгіттік екпіні зор, шыншыл жалыны мол, жалынынан от ұшқындағандай саяси, өткір үгіт жырлар туғызады. Ақын қазақ еңбекшілерінің барлық қанаушылар тобына арналған, лағынетке толы жиренішін танытады. Конфискеленген бай, шонжарларға арнаған қарғыстай қатал жырында:

Сұр жыландар, бұлар елді шаққандар,  
Күні кеше ақ патшаға жаққандар.  
Шекпен киіп,  
Шен тағынып,  
Көп жағынып,  
Езілген тап, еңбекші елді сатқандар, –

деп, ғасырлар бойы ата-тегімен елді сатқан, еңбекті қанағандарды, революция дұшпандарын табалайды.

1928 жылғы жазылған “Үлес үстінде” деген өлеңінде Әбділда кешегі батырақтардың айдалған бай мүліктеріне ие болып, енді ұйымдасқан, жаңа қоғамдық тарих дәуірін бастаған күндерін суреттейді. Бұрынғы жалшылардың енді бас қосып, ұйымдасуына басшылық етіп жүрген Жайлаубектей коммунистің белсенділік қайратын сүйсінумен жырлайды. Жаңа ауылда партия басшылығын дұрыс жүргізе бастаған саналы қайраткер ақынның қадірлейтін досы, тілеулесі есебінде бейнеленеді.

“Батырақ Қобыланды” атты көлемді өлеңінде Әбділда қазақ батырағының енді-енді өнімді, сапалы еңбекке басқан жаңа тарихтық қарқынын танытады. Қобыланды бұрынғы “еңбегі еш, тұзы сор” бай жалшысы емес, жаңа адам. Ол Москва барып, астына трактордай алып тұлпар, көлік мініп қайтқан, Қазақстанның Сырдай, Алатаудай өңір, өлкелерін жаңа сапалы, өнерлі еңбек құралымен жаңғыртуға келе жатқан зор қайраткер. “Батырақ Қобыланды” бұл жағынан қарағанда жекеше ғана адам емес. Шаруашылық, саясаттық дәуіріне, үлкен ырыс күніне айналған қазақ шаруасының бейнесін көрсету тілегінен туған поэма деуге болады. Бірақ ақын алдына қойған мақсатын толық орындап шыға алмаған. Бас қаһарман жинақты образ бола алмай, жалаң, схемалық образ болып шыққан.

“Кімге кім” атты өлеңінде Әбділда ендігі ел тіршілігі еңбек майданында, жаңа сапалы зор майданда екенін үлкен сеніммен, мол қызумен жырлайды. Сол еңбек жаңа тарих асатын жолды нұсқайды:

Әне асатын асқар бел,  
Әне сулы жаңа көл,  
Қозғалды ауыл, бет бұрды,  
“Бәрекелді” дескендей.

Шаншылған туда бір жұлдыз,  
Шұбырған соған жалғыз із,  
Сол ізбен ел көшеді! –

деумен ақын енді өз елінің тарихы жаңғырғанда социалистік құрылыстың мол қарқынды, ұлы бағытымен даму арқылы жаңғыратынын зор сеніммен жыр етеді.

“Құлғара”, “Трактор күйімен” деген жырларында Әбділда белсене қайрат етіп, ұлы наныммен жаңа өмірді қалаушылардың образдарын береді. “Құлғара” атты поэма ауылдан шығып үлкен табысқа жеткен, мамандық білім алған қазақ жалшысының өсу жолын сипаттайды. Әуелгі жастық шағын, жігіттік кезін Құлғара құм кешуде, аш-жалаңаш тірлікте, Саурамбай дейтін байдың қойын бағып, ауыртпалықпен өткізеді. Кейін Жүсіпбай дейтін коммунистің бастауымен Құлғара фабрика-завод мектебіне түсіп, маман-машинист болып шығады. Осы жылдардағы ақын тақырыбының екінші бір мол саласы – өндіріс. Әбділданың ақындық қиялын бұл кезеңде өзіне ең көп тартқан өндіріс майданы, бірінші бесжылдықтың бірінші гиганты Түркістан-Сібір темір жолы. Жолдың бітуіне, соның ісінің алғашқы жылдар мүлтіксіз, мінсіз, өнімді болып кетуіне арналған өлеңдер жазылды. Жолдың салынуына арналған алғашқы өлеңдері: “Қарсы алғанда”, “Айнабұлақ” деген шығармалар болады.

Жазық дала жанданды,  
Жарқырап қатты ағын сел,  
Жыбырлап мынау қарсы алған,  
Жан-тәнімен еңбекші ел! –

деп, ақын жаңа жолдың ел игілігіне бастайтын жол екенін қазақ еңбекшілерінің шат күйімен қарсы алады. Бұл жолдың салынуына Отанмен бірге зор қуаныш еткен ақын да көп өлең жазады. Сол өлеңдер ішінде Әбділданың “Айнабұлақ” атты толғау жырынан үлкен сапа танылады. “Айнабұлақ” станциясы Турксиб шойын жолының екі жағы түйіскен күндегі үлкен мерекеге куә болған жер еді. Ақын әуелі “Айнабұлақтың” бұрынғы күйін еске алады. Ол – шөл кешу, еңбек елі үшін өгейлікте болған, тұл тарихтың көп ғасырлық меңіреу куәсі болған орын еді. Енді сол Айнабұлақ – дүлей мекен емес, жаңа дәуірдің жаңа ұрпақтарының ырыс мекені.

Тап кеше Алатауға ағылып қол,  
Асқардың асуынан салмаққа жол.

Гулетіп еңбек күйін дабылдатып,  
Әндетіп, аршындатып төгілді мол, –

дейді.

Ақын совет адамдарының өр қайратын, жеңімпаз күресін шексіз шаттықпен мадақтайды. Бұл өлең мазмұны жағынан да, көркемдік күші жағынан да көрнекті шығарманың бірі болып саналады. Өлеңнің күйлілік құрылысы, тіл келісімі – нақты. Өлеңнің зор мазмұнына түрі де сай келіп, көркем, әсем тұтастық тудырады. Қазақ совет поэзиясындағы сол дәуірдегі өндірістік жаңа қарқын, сапаның кесек түйілген, шебер қорытындысының бірі Әбділданың осы “Айнабұлақ” өлеңі деуге болады.

Өндіріс тақырыбындағы Әбділда жырларының бір тобы темір жолдағы, немесе Қарсақбай сияқты еңбектің мол қазанындағы олқылықтарды өткір тілмен, шын жігермен шенеп-мінеуіне арналады. Совет азаматтарын саналы жігермен қайрап, намысқа шақырады. “Олқылыққа орын жоқ”, “Жуытпа” деген өлеңдер осы соңғы сарыннан туған шығармалар болады. Ақын Москваны жырлау, Қазақстанның онжылдық мерекесін жыр ету арқылы, жалпы одақтық және халықаралық уақиғаларды, тақырыптарды қамтып отырады. Бұл ретте Әбділда Горький, Маяковский бастаған Бүкілодақтық пролетариат поэзиясының ұлы отандық сарынына әрдайым үн қосып отырады.

1934 жылдарға дейін жазылған Әбділда өлеңдерінде үгіттік мотивтер басым болды. Әбділданың бұл өткен кезеңдеріндегі шығармалары шыншылдығымен, өткір қырағылығымен әсерлі болғанмен де, әлі тереңдеген жоқ еді. Нақтылы лирикаға да бойлай қоймайды. Шығармаларының үгіттік құны бағалы болғанмен, әлі ақындық түр жағынан, өнерлі үлгі, өрнек туғызу жағынан көбінесе бірыңғай, сынаржақ, жұқалаң келеді. Бұл дәуірдегі Әбділда әлі ақындық жаңалықтар іздену жағынан үлкен мәдениетті орыс ақындарынан, әсіресе орыстың, Европаның классик поэзиясынан көп өнеге алмаған және ізденіп жүрген күнделік өмір, құрылыс тартысына барлық бой мен ойқуатын бір ғана екпінмен жұмсап жүрген жас ақын болады. Әлі өлеңнің түрінде, тіл байлығында, теңеу, бейнелеу

сипаттарында ысылған шеберлікке жетпеген жастық жүреді. Бірақ барынша шыншыл, еңбек еліменен, сүйікті Отанымен өзінің бар сезімін, жан тынысын, азаматтық, ақындық тағдырын нық байланыстырып, шын туыстырған ақын, сол қызу жанды жалынның өзімен де совет оқушысына сүйікті бола алады.

1934–1935 жылдардан бастап Әбділданың жазушылық, ақындық іздену жолдары кеңейеді. Бір жағынан, ізденіп, оқып тереңдейді. Екінші жағынан, ақындық өнері де шеберленіп, дами түседі. Әсіресе, қазақ әдебиетінен тыс, орыстың европалық өнерлі классик поэзиясына ден қойып тереңдеп, солардан үлгі ала бастайды. Осылай оқып, өсу арқылы жаңа сапаға, екінші кезеңге ауыса бастайды. Енді шығармаларында ақынның өзіндік жаңаша, жекелік стилі айқындала береді. Сол ерекшелігінің айқын бір бітімі Әбділданың сыршыл, лирик ақын болуымен байланысты. Осы лирика жанрын қазақ поэзиясында мәдениетті, әсерлі, көркем түрге ауыстыруы жолында Әбділданың орны өзгеше. Соңғы 12-13 жыл бойында Әбділданың ізденуі, өсуі жан-жақты, әр алуан болумен қатар, лирикалық үлгі-өрнек, сарын-саз оның өскелеңдеген ақындық тұлғасының негізгі қасиеті есепті боп, үнемі сақталып отырады.

Көркем, күйлі құралған ұсақ сыршыл өлеңдермен қатар, Әбділда соңғы он жылдар ішінде поэмалар да жазады. Бұлардың бір тобы – “Олқылық”, “Екі жаһан”, “Құтқару”, “Оркестр”, “Толғау” алуандас бүгінгі тақырыпқа арналған шығармалар. Поэмаларының екінші бір тобы – қазақ халқының фольклоры – ескілігіне, ауыз, аңыз әңгімелеріне сүйенген көне тақырыпты: “Абыл”, “Аққу”, “Толғау”, “Мерген”, “Кілемшілер туралы ертең” тәрізді шығармалар болады.

Осы соңғы кезеңде Әбділда драматургияға көп зер салып, бір топ ескілі-жаңалы тақырыптарға пьесалар жазады. Бұлары “Жомарттың кілемі”, “Көтерілген күмбез” және Шахметпен<sup>1</sup> бірге жазған пьеса “Мәншүк”.

Осындай бір жанрлы кең, көп тақырыпты шығармалар тудыру аралығында Әбділданың ерекше қадір тұтып, көңіл аударатын Украинаның классик ақыны Тарас Шевченко туралы да “Тарас” атты дастан-драма (кіші драма) жазады.

Сол Тарас жырын еске алып, Батыс Украинадағы халық қызы Катерина туралы саналы толғау түрінде тың тақырыпты поэма жазады.

Осымен соңғы кезеңдегі Әбділда тудырған шығармалардың жиынын үш айқын салаға бөлуге болады. Оның біріншісі – ұсақ түрдегі сыршыл өлеңдер. Екіншісі – поэмалар. Үшінші саласы – пьесалар болады. Біз, бұдан кейінгі тексеруді, осы үш салаға жеке-жеке тоқтап, ақынның табысы мен кемшіліктерін, елеулі қайшылықтарын талдауға арнаймыз.

Әбділданың лирикалық шығармаларына келсек, олар 1936, 1939 жылдарда басылған “Таңдамалы өлеңдер” жинақтарына және 1942 жылы шыққан “Перне” жинағына кіреді. Соңғы кезде, ең соңғы жылдарда жазылған лирикалық шығармаларынан Әбділда жаңа бір жинақ топтап, әзірлеп жүр. Лирикалық қысқа шығармаларының бұрын Әбділда жазып жүрген өлеңдерден шыққан жаңа өрнекті, сырлы, күйлі өлеңі “Сырдариядан” басталады деуге болады. Бұл – ақынның өзі туған өлке, өзеніне – Сыр бойына арналған өлең. Сезіміне күйі сай, тақырыбына тілі сай, қысқа, әсем әндей шыққан анық көркем жыр. Бұл өлеңде Әбділда орыс, Украина және Европа ақындары: Пушкин, Шевченко, Гейне сияқты ұлы классик және шебер лирик ақындардың үлгісін алады. Солардың құлақ күйіне өзінің туған топырағынан сезімтал үн қосады. Осы шығармасының совет ақыны үшін ерекше ұнамды, орынды бір ерекшелігі – Әбділда мұнда құр сарыншыл, драмашыл сезім ішіне өзінің ортасынан жырылып, жекеше шомып кетпейді. Жаңағы классик ақындардың лирикасында ұдайы жүретін реалистік пейзаж, өмірмен нық қабысқан шыншылдық және әсіресе бағалысы, әлеуметтік, өмірлік сарын ұдайы араласып отырады. Ақын өзі Шевченкодан үлгі алғандай, Сыр суы да Днепрдің энергия қуатын беріп отырған жаңа сапасын тапсын дейді. Осы Днепрден өнеге алсын, советтік заманда, ұлы құрылыс дәуірінде өзгере жаңғырып жасасын дегенді програмдық талап етіп қояды. Бұл – лирик ақын үшін, оның революциялық мүдде-мұратын танытатын зор негізгі стильдік мәселе. Социалистік реализм стилінің сыршыл шығарма ішіндегі айқын өткен стилі боп сезіледі.

Жалғыз-ақ, ақынның бір ғана дәл баспаған жаңсақтығын айтуға болады. Днепр Шевченконың бесігіндей болғанда, Гейнеге Рейн өзені әрдайым шабыт бергенде, Пушкин үшін Әбділданың ұлы орыс классигі үзбей жырлайтын Неваны шабыт арнасы етіп алмай, Еділді атауы ойдағыдай дәл шықпайды. Қонымды емес.

Сыршылдық шығармалардың Әбділда тудырған көркем өрнектері көп деуге болады. Бұған “Тараспен әңгіме”, “Елден сөлем”, “Күзет әні”, “Ат үстінде”, “Келіншекпен кеңес”, “Қойшы жыры”, “Достық жыры” және үлкен көркемдікпен қоса әлеуметтік сана-сезімін терең танытатын әрі күйлі нақысты, әрі толғаулы “Оркестрді” қосуға болады. Лирикалық шығармалардың соңғы бір кезеңінде, Әбділда ақындығының бұл жанрда үлкен шыншылдық және шын шеберлікке жеткен сатысын танытатын жетім балалық шақты толғаған өлеңі болады.

Сыршылдық шығармалардағы “Сырдариядан” басталған нәзік сезімді, нақысты күйді әлеуметтік үлкен армандармен біте қайнастырып отыратын, өнімді өлең құрылысы – Әбділданың жаңағы саналған сыршыл өлеңдерінің көбінде көрініп отырады. Ол еңбек адамдарының мал айналасында, сұлу табиғат арасындағы көңіл-күйін жырласа да, өзінің сыршылдығын әлеуметтік іргеден аулақтатпайды. Жеке-даралық мүлгуге, құр тамашалау қалпына әкетпейді. Табиғат көрінісі, адам тірлігі, еңбек ролі әр кезде ақынның терең сезіммен сүйсініп шертетін саздары болып отырады.

Бұл жағынан қарағанда, қазақтың күй өнеріне арналған “Оркестр” атты ұзақ өлеңінде де бұрын жалғыз-жалғыз жүрген, адасып жүргендей болған жеке домбыра, жеке қобыздарға “күнің енді туды” дегендей болады. Бытырап жүрген кедейлердің ұсақ шаруалары енді жаңа дәурен тұғанда бірігіп, берекелі өмір құрғанындай, үлкен сырлы, күйлі берекемен қосылған қобыз, домбыраларды да жаңағы колхоздасқан елдей қостап, сүйсініп құттықтап қарсылайды.

Сөйтіп, “Сырдариядан” “Оркестрге” шейін, одан “Еске алуға” шейін созылған қадау-қадау сыршыл жырларының бәрінде де Әбділда өз лирикасының өзгеше өнімді бітімін

айқын танытып отырады. Сыршылдық өлеңдерінің көпшілігі – саяси өткір, жаңа санадан туған сыршылдық.

Қоғамдық тақырыптарды сезім, санаға әсерлі ырғақтармен, күйлі сырдай жеткізіп беретіндіктен бұл алуандас саяси лириканың көпшілік санасына, сезіміне тез қонатын, сырластықтай өтімділік бағасы даусыз.

Көп сыршылдық жырларының ішінде Әбділданың “Тақ-тақ” атты бір өлеңінде ақынның жекелік, дарашылдық сезімі мен әлеуметтік қарызы арасында болған орынсыз, теріс қайшылық та көрінеді. Ол өлеңде ақын өмірлік құрылыстан, балға мен тастың шақылдағанынан мезі боп, құлақ басып қашқысы келеді. Бұнысында буржуазиялық романтика үлгісіндегі дарашылдық күйін күйлейтін сыршылдықтан, советтік поэзияға қонбайтын қияс, теріс елес, көрініс бар еді. Бірақ совет ақыны өзінің сол ағаттығын сәулетті өмір туғызып жатқан шебердің қасына барып, әңгімелесу арқылы аңғарады. Өзінің адасқанын танып, тұманды аулаққа тартқан, бұлдыр сағымнан айығады. Өз ақындығының қарызы өмірлік құрылысты құптауда, соған сүйсінуде, көмектесуде екенін ұғынып қайтады.

Бұл шығарманың Әбділда шығармасының ішінде кездесетін кейбір, құр ғана сезімшілік, сарыншылдық мотивтерді сынап өту түрінде қалыптанған сыншылдық ерекшелігі бар.

Әбділда шығарған поэмаларға келсек, жаңа тақырыпты, қазақстандық, бүкілодақтық бүгінгі тақырыпқа жазылған поэмаларды ақын ерте бастайды. Оның басы 34-жылы шыққан “Олқылық” поэмасы болады. Аралықта, 35-жылы “Құтқару” поэмасы, 37-жылы “Екі жаһан” атты үлкен поэма жазылады.

“Олқылық” – ақын өзі бірнеше жыл араласып көрген Қарсақбай өндірісіне арналған поэма. Бұл шығарманың сюжеттік арнасы Қанұлы Бердібай сияқты өндіріске арам ниетпен араласқан жауларды көрсетеді және оларға қарсы шыққан қажырлы, қырағы большевик Жәнібектердің жаулармен алысып, жеңгенін баян етеді. Поэма – саяси-әлеуметтік, үгіттік жағынан жұмысшы коллективін өткір қырағылық сезімге баулимын деген тілекпен жазылған шығарма. Бірақ поэма жазу үлгісіне әлі төселіп жетпеген жазушы

өзі алған тақырыбын жаулардың зиянкестік істерін көрсету арқылы баяндайды. 1930 жылдарда көп жас жазушылардың шығармаларында жиі кездесетін кемшілік бұнда да айқын көрінеді. Саясаттық мәні өз уақыты үшін зор болса да, ақындық, көркемдік жағынан схемалық үстірттігі бар. Жаңаны көрсету аз, тек зиянкестік істерді әңгіме арқауы етіп алады. Ірі өндірістің ұлы социалистік құрылыстағы үлкен сапалы, соқталы арнасын поэманың арқауы етіп алмаған. “Олқылық” поэмасы ақынның творчествосындағы үлкен олқылықтың бірі болды.

“Құтқару” поэмасы да тақырып жағынан қарағанда бүкілодақтық совет әдебиетінің қызықты, қымбат санаған, геройлық тақырыбына жазылған. Бірақ поэма челюскиншілерді құтқарудың қаһармандық жорығына арналса да, сюжеттік, композициялық және көркемдік құрылыс жағынан сапалы шығарма бола алмаған. Мұнда ерлердің әлемге әйгілі болған қайраттарын көркем етіп көрсетудің орнына чукоттар жайы, лагерьде жас баланың туу жайы, Каманиннің әңгімесі деген және летчик пен жас қыз арасындағы бұл тақырыпқа қонымсыз махаббат мотиві, қысқасы, қосымша, көлденең, бөгде тақырыпшалар көп орын алып келеді. Нағыз ерлердің өз образдары, іс пенен мінез, әрекеттері де, адамгершілік, советтік қаһармандық бейнелері де айқын танылмай, қағас қалып отырады. Бұл поэмада ақын тақырыбының үлкен арқауын дәл баса алмай, сюжет құра алмай, жайылма, бытыраңқы, бөлшек уақиғаларға поэмасының құрылысын жеңдіріп, әлсіретіп алады.

“Екі жаһан” поэмасында ақынның іздену жолында өндіріп өскендігі алдыңғы поэмалардан сонауғұрлым айқын аңғарылады. Бұл шығарма – әрі одақтық, әрі бүкіл дүние-лік үлкен тақырыпқа арналған поэма. Дүние жүзіндегі екі санының тартысы баяндалады. Поэмада әлеуметтік, тарихтық, ой-саналық мінездер терең алынған. Бір сана – дүниеге қараңғы, қара түнек, таял талабын әкеле жатқан, жиренішті фашистер санасы. Тағы бір сана – дүние жүзіндегі барлық азат ойды көксейтін, еңбек нәсілдерінің нұр күні, жарқын жаһан – Ленин бастаған социалистік Отан санасы. Әбділда бақыт пен сордың, жарық пен қараңғылықтың, ақтық пен зұлматтың қалып-тұлғасын – екі елді, екі жаһан-

ды салыстырып көрсету арқылы танытады. Бір заманда Батыс Европада сыншыл ойдың әрі сыншыл, әрі өзі сыршыл жаршысы болған арлы ақын Гейнені қиялмен тірілтіп әкеп, соған бір жағынан, Германиядағы фашистер істеп жатқан қанқор жауыздықтарды танытады. Екінші жағынан, Совет Одағындағы сан елдердің көп буындары шаттықпен, ұлы сеніммен жасап жатқан жаһан жарқын көріністерін, дүниелік табыстарын танытады. Бұл поэма – ақынның ізденіп өсуінде шынымен көрнекті өрнек туғызған, сапалы жемісінің бірі.

Тек шығарма ішінде Гейне бейнесін, сезім, ойларын сипаттауда ақынның олақ соғып отыратын жерлері де жиі байқалады. Поэмаға қиялмен шартты түрде кіргізген Гейнені аса нақтылы етіп, шынымен қасында отырған күнделікті қонақтай етіп жиі ұсына береді. Және әсіресе, орынсыз боп білінетін бір кемшілік – Әбділда суреттеген Гейне үнемі дәл Гейненің өзіне ұқсай бермейді. Бір жағы әлемге белгілі сыршыл және сонымен қатар аса қырағы өткір көзді, ащы тілді сатирик Гейне, Әбділда поэмасында өзіне ұқсамай қалып отыратын жерлері көп кездеседі.

“Екі жаһан” поэмасы капиталистік өмір мен социалистік өмірді қарсыма-қарсы қойып, көп шындықтардың бетін ашқан елеулі поэма десек те, кей жерлерінде ойланбай айтыла салатын, өзіне-өзі қайшы келетін қаталықтар да ұшырап отырады. Ақын Гитлерді “құтырған ит”, “адам етін жейтін қорқау”, “малғұн” деп дұрыс суреттеп отырады да, екінші бір жерінде “осы күні екі адам бар” деп, алдыңғы өз пікіріне өзі қайшы келіп, оқушылардың ой-сана-сына бекіген Гитлердің жауыздық, сұмырайлық бейнесін жете түсіндіруде олқы соғатын жерлері де бар. Осы тәрізді қаталық басқа адамдардың аттарымен байланысты ұшырап отырады. Бұлар – ақынның өз еңбегіне сын көзімен карамаған, жауапсыздығынан кеткен қаталықтар.

“Толғау” – қазақтың фольклорында кездесетін кең тынысты, жыраулық сарынымен, ерекше жыр өлшеуімен жазылған поэма. Бұнда неміс тевтондарына ертеде соққы берген, орыс халқының қаһарман қолбасшысы Александр Невский образы мол кейіптеледі. Жырдың кіріспесі мен қорытындысында Отан соғысы кезіндегі барлық бауырлас

халықтардың және, әсіресе ұлы орыс халқының баяғыдан бергі батырлық салтын бейнелейді. Халық әдебиетінің салтынша ауызша жыр нақысына түсіп, бүкіл Совет Одағынан аттанған батырлардың жорық салтанатын сыпаттайды. Совет батырларының және социалистік Отан халқының жеңімпаз, отаншылдық бейнесін ірі намыскерлікпен, жалынды ызамен қажырланып жырлайды. Барлық Отан ұлдарын әділ ашуға, кек сапарына ширықтыра аттандыратын тасқыны бар шын жалынды сөз шығады. Бұл поэмада ақын отандық көлемі бар аса зор маңызды тақырыпты алады. Александр Невскийді бір ғана орыс халқының Отан қорғаушы ұлдары емес, бүкілодақтық көп ұлттардың майдандағы ұлдарына да үлгілі ер, жақын етіп танытады.

Ұлы Отан соғысы тақырыбына жазған: “Біз жеңеміз”, “Ленинград” атты шығармалар және бұдан бұрынғы жылдарда ақын туғызған “Орыс халқына”, “Грузия”, “Украина” деген өлеңдер және осымен қатар Шевченконы, Горькийді, Фурмановты атап, арнап жыр еткен шығармалардың барлығы да Әбділда үшін кездейсоқ тақырыптар емес. Ол үшін, совет халықтарының достығы мен бауырлығы – тарихта да, сезім-санада да, көркем әдебиетте де және барлық Отанның адал ұлдарына ортақ майданда да үнемі өзінің ардақтылығын, асыл қасиетін танытып отыратын, ең бір қадірлі тақырып болады.

Әбділданың Шевченко шығармаларын көп аударуы, Пушкиннің “Руслан мен Людмиласын”, “Капитан қызын” аударуы да осы жаңағы бағыттағы қазына, мұра, ортақ ой-сана майданы мен білек майданы да барлық елдерімізге түгел ортақ деген, кең түсінік, мәдениеттілік санасынан туады.

Әбділданың тағы бір топ поэмасы тарихи тақырыптарға, тарихи аңызға сүйеніп жазылған: “Абыл”, “Тарас”, “Аққу”. Соңғы екі шығармасын драмалық поэма деп атауға болады. Пушкиннің кіші трагедиялары деп аталатын шағын көлемді дастан-драмалары үлгісінде жазылған.

“Абыл” поэмасында тақырып қазақ өмірінен алынған және поэманың геройы қазақтың шын тарихында болған атақты Абыл күйші туралы. Бірақ, осылай болғанмен, бұл поэмада орыс классиктері – Пушкин, Лермонтовтардың

романтикалық поэмаларына көп ұқсастық бар. Солар жырлап өткен Кавказ тұтқындарының үлгісіне жақын, өнеге алу, оқып өсу аңғары байқалады. Сонымен қатар белгілі тұтқындар турасындағы мәлім болған сюжеттік құрылыстарға оңай еліктеу де жоқ емес. Түрікпен аулындағы кеш, әңгіме-дүкен құрған жиын қасында қол-аяғы байлаулы тұтқын дәл сондай кеште шеркес аулында мойнына арқан тағылған офицер тұтқын, Пушкин тұтқынын еске түсіреді. Тек мұндағы тұтқын Абыл – үлкен өнер иесі, атақты күйші. Пушкин поэмасында ерте күндегі халықтар жаулығының қатал өткелінен тұтқынды құтқарып, азаттыққа шығаратын – мәңгі қасиетті сезім махаббат болса, Әбділда поэмасында сол дәрежелес, бар халықтарға бұл да сондай қасиетті – күй өнері болады.

“Абыл” поэмасы – Әбділда жазған поэмалар ішінде анық романтикалық және құр сарындамашылық үлгісінде жазылмаған, оптимистік жарқын сезімді, әсем сырлы көркем поэма.

Осы алуандас романтикалық және ішкі сезімдерге көп көңіл бөлініп жазылған мағыналы, ойлы драма-дастан “Тарас” болады. “Аққу” атты драмалық дастан да ақынның сырлы, күйлі етіп шығармақ болған қысқа шығармаларының бірі. Бұл поэмадағы адамдардың тартыстары мен тағдырлары аңыз дәрежесіндегі болмысқа, шындыққа сай суреттелгенмен, жазушы шын мәніндегі реализмге жетерлік терең өрісіне бара алмай қалған. Хан образы жеткілікті дәрежеде батыл сыналып, жиренішті жауыздықпен және шығыста болған тираниямен суреттелмейді. Қатал хан өзінің тоқалы Аққу үшін кек алушы ғана болып кейіптеледі. Ол істеген жауыздық, өмірлік салттық жағынан белгілі дәрежеде оны ақтауға болатындай халдерге, тартыстарға сайып отырады. Бұл жай осы шығарманың идеялық, стильдік жағынан жетер өрісіне, революциялық романтика өрісіне толық жетпей, кемістік соққанын көрсетеді.

Идеялық мағына жағынан және көркемдік маңыз жағынан жалпы сапасы әлсіз шыққан Әбділда поэмаларының бір тобы – ертегілі аңыздар мотивіне құрылған: “Кілемшілер туралы ертегі”, “Толағай”, “Мерген” атты поэмалары. Бұл үш поэманың бәрінде де Әбділда халық әңгімесін револю-

ция ақыны болып қайта қорытып, қоғамдық, көркемдік сапасын ірі дәрежеге: құнды, ойлы шығарма дәрежесіне көтере алмаған. Романтикалық сюжеті бар поэмалар туғызу жолында бұл шығармалар ақынның ілгері дамып, өрлеуін дәлелдей алмайды. Қайта, өсу жолындағы жетіспеген олқылықты, қайшылықты аңғартады. Шынында, халық аузында жүрген қысқа аңыздарды өз қалпында, өлеңмен шала сырлап, терең ойсыз құр ғана әңгімелеп беру – социалистік реализм стилінен жаңылу болады. Революциялық романтика бағытында жазып келген ақынның бұрынғы өсу, өрлеу кезеңдерінен кейіндеп, кем соққанын байқатады. Бұл поэмаларда терең сырлы сезім де, адамды қоғамдық психологияға ие етіп мінездеу де жоқ. Табиғат көрінісі, тартыс, түйін құбылыстар да жай ғана сәл күйге қалыптанғандықтан, поэмалардың өлеңдік шеберлігі де аса көрнекті көркемдікке жете алмайды. Көбінше бұрынғы ауызша поэзияда көп кездесетін қисса алуандас, натуралдық стилі басым әңгіме, жеңіл поэмалар күйінде ғана қалады.

Осы поэмалар тұсында көрінген тақырыптық, сюжеттік және қоғамдық идея жағынан қарағанда айқын сезілетін кемшіліктер Әбділданың ескі тақырыпқа жазған бірнеше көлемді пьесаларынан да айқын байқалады.

Ежелден бергі барлық елдер фольклоры мен ескілікті әдебиеттерінде үнемі жүретін, жақсылық пен жауыздықтың алысуын – қиял тудырған жезтырнақтардай сұмырай тұлғамен сипаттау, ғажайып халдер мен құбылыстар арқылы ертегілік тартысты дамыту Әбділда мен Рошаль жазған “Жомарттың кілемі” деген пьесада көрінеді. Пьеса оқиғалық жағынан қызықты тартыс құбылыстарға құрылғанмен, жалпы ой-санасы жағынан үлкен өнімді маңызы бар, көркем шығарма бола алмаған. Және фольклор көлемінде болатын, ертегілік стиліндегі заңдылықты бұзған қонымсыз жайлар да көп. Халық әңгімелерінде бұрынғы заман шындығына сәйкес, қорлықпен тұтқын азапта болған әйелді ер, герой құтқару орынды болушы еді. Бұнда жақсы қыз бен жауыз қыздың арасындағы тартыстың себепшісі, олжасы боп жігіт – Жомарт жүреді. Қазақ фольклорының материалына сәйкес жазылса, пьесада жезтырнақтар тек әйел болса керек еді. Ал, пьесада жезтырнақ-

тардың ең жөдігөйі, сұрқия залымы еркек. Аяз қалпында әрекет етеді. Бұл жайдың өрескелдігі даусыз. Халық қиялы еркектегі, әйелдегі жаманшылық, зұлымдық мінездерге өзінше, ертегілік шартты тұлға, маска береді. Жезтырнак осы жағынан қарағанда тек әйелден шығады. Көбінесе сылдыраған келіншек кескінінде суреттеледі. Оны еркек етіп бейнелеу – орыс фольклорындағы ведьманы ақсақал етіп ауыстырумен барабар, үлкен орынсыз өрескел іс болады. Сүйтіп, фольклор тақырыбына баруда әрі фольклордың өз ерекшеліктерін жете ұғынбай бұзып алып, әрі совет жазушысы идеялық, қоғамдық жағынан өзінің совет әдебиетіндегі айқын бағытынан жаңсақ басады.

“Көтерілген күмбез” атты ескі аңыз негізіне құрылған пьесада жазушы бұрын “Аққу” атты дастан-драмада бір рет суреттеп өткен тақырыбын кеңейтіп алып, қайтадан күйлеп көреді. Бұнда хан жауыздығы шеттен келген басқыншылық варварлық-зұлымдық түрінде кеңірек алынған. Сәулет өнерінің асқан шебері Пәрман зор арманды, бірақ трагедиялық тағдыры бар, ірі суретші есебінде романтикалық стильмен бейнеленген. Бірақ пьесаның идеясында “искусство – искусство үшін” дегендей кемшілік бар. Моңғол ханы ең өлкені қанға тоғытып, қара түнек орнатып жатқан заманда Пәрман сол хан мекен еткен орында өрен сәулетті ғымарат салуды өзіне мүдде, мақсат етіп қойып, сол жолында өзінің де, сүйгенінің де қанды қазасына жетеді. Бұл пьесада осындай қоғамдық көркемдік, идеялық санасы айқын, ашық – социалистік реализм арнасында болмағандықтан, үлкен даулы ойлар туғызады.

1946 жылы 26 августа БК(б)П Орталық Комитетінің “Драмалық театрлардың репертуары және оларды жақсарту шаралары туралы” деген қаулысында Әбділданың “Біз де қазақпыз” деген пьесасын қатты сынады. Пьеса үлкен саяси-идеялық қатасы бар шығарма болып танылды. Бұл пьесада Әбділданың ескі тақырыпқа жазылған алдыңғы пьесаларының идеялық, қоғамдық және стильдік жағынан байқалып жүрген кемшілік, қаталықтары келіп, ірі саяси қаталыққа әкеліп соқты. “Біз де қазақпыз” пьесасында Әбділда батыстың Ибсен, Метерлинк сияқты декадент, кертартпа символизм стилімен жазған буржуазиялық ба-

ғыттағы жазушыларының ізіне түсіп кетті. Сынсыз еліктеуді жол етіп, реалистік үлгіден жаңылды. Олардың шығармаларының сыртқы құрылысына, ішкі мистикалық нанымына, байшылық, дарашылдық санасына сәйкес келетін, революцияға жат, қарсы әдістерді Әбділда өз шығармасында мол түрде үлгі, өрнек етіп алды. Қоғам мен адам өмірін буржуазиялық символистер кертартпа нанымдары, тұманды, бұлдыр әдістері бойынша өте шартты түрде, үстірт әсірелеп алады. Олардың адамы нақтылы жеке, шын тірі, бейнелі адам емес, тек нобаймен нұсқалап қана алынған сыңаржақ, күдікті адам болатын. Сондықтан олардың ісі де, тартыс талабы да белгілі, тарихта, қоғамдық ортаға, арнаулы мезгілге байланыспайтын.

Әбділда пьесасында да дәл солар үлгісінде, геройдың аты “қазақ” аталып, тағы бір геройлар – Балғашы, Балталы, “Балалы әйел”, “Ауру әйел”, “Ауру еркек” деген сияқты бұлдыр болады. Кім екені белгісіз геройлардың мәлімсіз, тұманды бір жол кешкен, ұғымсыз жұмбақты арман қуып жүргені суреттеледі. Өте шартты, күңгірт түрдегі тартыстарға түскен адамдар өмірден, тарихтан жырақ бір кейіптер болып шығады. Пьесаның барлық саясаттық, идеялық қаталықтары жазушының іздену жолында өзінің социалистік реализм әдісін тастап, жалпы советтік әдебиет бағытына қарсы келетін бөтен жазушылардың үлгісіне қаталық түрде еліктеуінен туған. “Біз де қазақпыз” пьесасында бірнеше қазақтар күн іздесе, оларға екінші бір қазақ күн әкеледі. Мұндағы көрсетілетін қараңғылық, ауыр хал – патшалық, феодалдық ескі өмірдің бейнесі де, күн – социалистік Ұлы Октябрь революциясының бейнесі десек, жазушы Октябрь революциясына қатысушы кейбір қазақтардың ролін суреттемек болады. Бірақ оны өз шындығына дұрыс шеше алмай, ұлтшылдыққа апарып соғатын саяси қате жібереді. Өйткені қазақты ауыр азаптан құтқарған да, оларға бостандық, теңдік әперіп, күн әкелген де – социалистік Ұлы Октябрь революциясы, Ленин бастаған Коммунист партиясы. Жазушы пьесасында бұл жағдайларды ұмытып, буржуазиялық декадент, кертартпа символистердің жолына түсіп, БК(б)П Орталық Комитетінің қаулысында көрсетілген саяси қатаға ұшыраған.

Әбділда осы тексерілген ескі тақырыпқа жазылған соңғы шығармаларында жасаған қаталықтарын қазір тереңдеп ұғынып, енді күрделі, көркем шығармаларымен сол қаталықтарын түзеу жолында еңбек етіп жүр.

Драмалық шығармалармен қатар, Әбділда өзінің ең негізгі өнімді және бұл күнге шейін, жиырма шақты жыл бойына жазып келген поэзия жанрында да жаңа сана көрсетуі керек. Енді Отанымыздың бүгінгі, нақтылы үлкен құрылыстары туралы шынайы, үлкен көркем, әрі терең ойлы, әрі саясаттық, идеялық жағынан жұртшылығымызға социалистік сананы зор қадірмен таныта білетін үлкен поэмалар беруге талпыну қажет.

## ГЕНИАЛЬНЫЕ ТВОРЕНИЯ

В ряду счастливых приобретений культурного человека особняком стоит его постижение Пушкина. Творения поэта живут в нас неоценимым кладом, вызывая неизменно, во все наши возрасты, восторг и преклонение перед памятью русского гения.

Пусть не всегда это мы обозначаем словом, но не перестаем чувствовать, что Пушкин сопутствует нашей жизни каким-то большим, ярким, немеркнущим светилом.

Однако в зависимости от каждой личной судьбы, жизненного пути, не в одну пору, а по-разному входит пушкинская поэзия в нашу жизнь.

Моим родным языком являлся не русский, а казахский язык. Русскою речью я овладевал постепенно, долго, в отроческие и юношеские годы. И в зависимости от разных степеней знания русского языка и также от разных степеней умственной зрелости оригиналом пушкинских произведений я овладевал также постепенно.

Но зато, как и все казахские читатели, я имел счастливую возможность читать и заучивать пушкинские строфы на своем родном языке. Еще в ранние детские годы, когда я только научился читать по-казахски, первой светской книгой явились стихи Абая. А его рукописный сборник всегда обязательно включал в себя чудесные абаевские переводы отрывков из “Евгения Онегина”. Таким образом, вместе с узнаванием Абая одновременно началось и знакомство с Пушкиным. И его знали, заучивали не только грамотные люди, но знали большинство акынов — певцов и поющая молодежь. Прекрасные, волнующие мелодии, сочиненные Абаем к тексту письма Татьяны, к объяснениям Онегина, широко разносились по казахским степям.

Помнится, как пели девушки на качелях о душевных излияниях Татьяны, как пели на свадебных торжествах, на всяких семейных увеселительных вечерах признанные певцы. И всюду я бывал свидетелем того, с каким почитанием и благовением внимал стар и млад чарующим пушкинским строкам. Недаром грамотные девушки из абаевской среды, выходя замуж, увозили в числе своего приданого рукописный сборник стихов Абая, в котором неизменно присутствовали пушкинские, лермонтовские стихи.

В русскую школу я пришел, уже зная популярного, любимого в моем народе Пушкина. Он был близок и дорог нам — казахской молодежи, так же как наш казахский классик Абай. По одному тому, что так рано вошел в мою сознательную жизнь, Пушкин стал мне родным. И на всю жизнь в моем восприятии его имя крепко слилось с именем Абая, как отцов-двойников.

За долгие учебы в начальной, средней русской школе, а затем в Ленинградском университете, в пушкинских семинариях постепенным пониманием, научным освоением его наследия мысленно отмечаешь пути и этапы своего становления как писателя и научного работника. Характерно, что неисчерпаемые глубины пушкинского гения, при каждом качественно новом обращении к ним, представляются мысленному взору как все расширяющийся, бескрайний горизонт благодатной, вечно плодоносящей равнины, как обетованный край вечного изобилия и плодородия.

При моем творческом обращении в романе “Абай” к наследию Пушкина меня не покидало радостное сознание того, что я хоть в малой степени, но отдаю благодарный долг памяти великого человека, давшего так много и истории моего народа, и мне самому.

Мне доставляет личное огромное удовольствие, когда, читая спецкурс о творчестве Абая в стенах Казахского государственного университета имени С.М. Кирова, я общаюсь о традициях Пушкина, воспринятых Абаем и высоко поднявших художественное, идейно-историческое значение творчества самого казахского классика. Бесконечно долго сознавать, что казахская советская молодежь, как и весь казахский народ, воспитанные в духе ленинско-сталинской дружбы народов, понимают, воспринимают Пушкина как самого близкого и самого дорогого своего духовного предка.

## ПОСЛЕ ДЕКАДЫ

Казахскому поэту или прозаику легче, нежели драматургу, выйти на всенародную арену — для этого достаточно, чтобы его произведение было переведено, напечатано и выпущено в свет. С драматургией дело обстоит сложнее. Совершенно недостаточно, чтобы пьеса была переведена и напечатана, она должна еще и появиться на сцене крупного русского театра. Помочь этому призван Союз советских писателей, его драмсекция, которая должна уделять особое внимание систематическому изучению произведений национальной драматургии и популяризации пьес.

Необходимо установить планомерную, непосредственную, близкую творческую связь казахских драматургов с драмсекцией и непосредственно — с крупными русскими драматургами. Во время декады казахской литературы в Москве состоялась наша дружеская встреча с московскими драматургами и критиками, и тем самым были уже заложены основы такой прочной связи. Хочется верить, что лучшие московские драматурги и критики и впредь будут помогать развитию казахской драматургии.

Казахская драматургия чрезвычайно молода — она родилась в первые годы Октябрьской революции. В то время это был новый для казахской литературы жанр. Мы сами достаточно сурово судим нынешнее состояние нашей драматургии. Мы понимаем, что она мало преуспела, особенно в разработке современных тем. Однако искания казахской драматургии значительны и многообразны. Ведь уже в самой молодости всегда вызревают элементы зрелости.

С другой стороны, нет и зрелости, наступающей вдруг. Она диалектически вырастает из стадии формирования и

становления каждой отдельной отрасли культуры. Какого же рода искания мы считаем признаками зрелости?

С самого начала мы ориентировали казахскую драматургию и казахский театр на лучшие достижения советского театра. Мы указали нашему театру на почетную задачу ознакомления казахского зрителя с лучшими образцами русской классической драмы. “Ревизор”, поставленный у нас лет пятнадцать назад, до сих пор не сходит со сцены. На казахский язык переведены все крупные пьесы Горького. На нашей сцене поставлена пьеса Островского “Таланты и поклонники”.

Мы не обходим вниманием и лучшие образцы мировой драматургии. На казахской сцене неплохо поставлены пьесы Гольдони и Мольера. Прекрасно идет “Отелло” Шекспира. Мы гордимся спектаклем “Укрошение строптивой” и сожалеем, что столичная общественность мало информирована о качествах и достоинствах этой постановки. Приобщая нашего зрителя к передовым образцам русской классической драмы, мы всегда и неустанно пропагандировали и современную советскую драматургию. На всех этапах развития русской советской драмы мы переводили и ставили на нашей сцене каждую выдающуюся театральную новинку. Так, на казахской сцене шли и идут “Любовь Яровая”, “Аристократы”, “Человек с ружьем”, недавно переведены “Московский характер” и “Закон чести”, а пьеса “Далеко от Сталинграда” А. Сурова уже печатается.

Казахские драматурги систематически и упорно работают для того, чтобы наиболее полно овладеть достижениями передовой русской советской драматургии. Но достойно сожаления, что до самого последнего времени казахская драматургия со всеми ее исканиями, неудачами и достижениями не привлекала внимания Союза писателей, его комиссии по драматургии.

Да, существуют затруднения. На совещании комиссии по драматургии совершенно правильно отмечали слабость переводов наших пьес на русский язык. Построчный перевод — это плохой посредник между автором произведения, писателем и критиком другой национальности, он по-

добен древнему, незадачливому толмачу, который многое не доносит, а многое просто искажает. Частенько даже литературный перевод нивелирует язык пьесы, а нивелировка языка драма, как известно, не терпит. Как, в самом деле, может быть выражен и обрисован образ-характер без его индивидуальной речевой характеристики? А в переводах, даже литературных и как будто отработанных, нередко дело обстоит именно так. Вот почему, когда знакомишься с казахской драматургией в такого рода “переводах”, приходится буквально продираться сквозь словесные дебри, пока доберешься до подлинного, действительного замысла писателя.

Все это, несомненно, затрудняет постановку произведений казахской драматургии на русской и всесоюзной сцене. Но существуют и явления другого, мягко выражаясь, нежелательного порядка. Я приведу, так сказать, “историческую справку” о том, как “продвигались” на всесоюзную сцену отдельные образцы казахской драматургии.

Следует признать, что несколько наших пьес были хорошо переведены, Комитетом по делам искусств одобрены, приняты и предложены вниманию театров Союза. Но ни один театр эти пьесы и не принял к постановке.

Была переведена и напечатана прекрасная, заслуживающая большого внимания пьеса Габита Мусрепова “Козы Корпеш и Баян Слуги”. Эта поэтическая пьеса в хорошем переводе А. Дроздова выдержала бы любые испытания на сцене академических театров. Однако и эта пьеса вне Казахстана не увидела света рампы.

Мною и Л. Соболевым написана пьеса об Абае. Материал пьесы не совпадает с материалом романа об Абае и поэтому она является вполне оригинальным произведением, а не инсценировкой. Пьеса эта была с большим интересом встречена в московском Камерном театре. Бывший художественный руководитель театра А. Таиров высказал желание ставить пьесу вместе с нами, авторами, работал над ней, включил в план театра, но к постановке долго не приступал и в конце концов так и не приступил... А позже, когда театр в годы войны был эвакуирован в Казахстан, он “вдруг” вновь вспыхнул интересом к пьесе. Однако в

ту пору я не согласился отдать пьесу театру, не располагающему полным составом актеров.

И другой театр — Театр им. Моссовета — в лице его художественного руководителя Ю. Завадского заинтересовался, находясь в Алма-Ате, отдельными казахскими пьесами, прекрасные постановки которых он видел в нашем академическом театре. Ю. Завадский даже участвовал в доработке моей пьесы “Каракыпшак Кобланды”, заключил договор, принял пьесу и до тех пор, пока находился в Алма-Ате, проявлял некоторую заинтересованность. А уехав в Москву, забыл и о договоре, и о своих обещаниях.

Подобного рода конъюнктурные соображения остаются печальными воспоминаниями о наших опытах творческого взаимообщения с некоторыми руководителями некоторых театров. Во всяком случае, совершенно ясно, что отдельные образцы казахской драматургии изредка интересуют московские театры, но они почему-то долго раскачиваются, а затем так и не осуществляют своих хороших намерений.

Я напоминаю об этих фактах потому лишь, что проявлена во время декады прекрасная инициатива Союза писателей, комиссии по драматургии к продвижению казахских пьес на всесоюзную сцену. Будет очень хорошо, если это доброе намерение удастся довести до конца.

На совещании Союза писателей внимание было обращено на отдельные недостатки казахской драматургии. Умелое построение композиции и глубоко продуманная обрисовка характеров, о чем справедливо хлопочут товарищи, действительно важные вопросы в искусстве драматургии. Много пользы нам в этом отношении принесло обращение к русским классикам, к Шекспиру. Но как часто, обращаясь к Шекспиру, Пушкину, Островскому, мы на деле перестаем заботиться о широком изображении характеров, о глубоком и мотивированном изображении страстей и людских столкновений. Разумеется, поэтическая речь, взволнованный монолог в своем месте хороши, но злоупотреблять ими и сводить к ним всю пьесу — дело нестоящее... От “злоупотреблений” осталось как некое нелестное наследие — подмена жизненной романтики ложной романтиза-

цией, пафосная речь и приемы, ставящие героя на ходули. А нам нужна пьеса реалистическая.

Весь путь, уже пройденный драматургией, обязывает нас обратиться прежде всего к опыту Островского. Необходимо изучать, как этот великий русский драматург строит сюжет, как он мастерски лепит характеры в своей реалистической драме. Казахская драматургия, к сожалению, страдает некоторой риторичностью, рассудочностью. Наши произведения обязательно должны быть насыщены хорошими мыслями, об этом спора нет. Но разрыхляющие сюжет длиннейшие рассуждения способны только снизить художественность произведения и помешать его воздействию на зрителя. Вот почему мы считаем особо важной ориентацию на опыт реалистической драмы, на искусство Островского. Ведь большинство современных советских драматургов, следуя методу социалистического реализма, учитывают многое из опыта именно Островского.

Нам кажется, что каждая молодая литература и ее новые авторы должны обязательно пройти известную стадию сознательного обращения к той или иной литературной школе. Я не думаю, что все казахские драматурги должны идти лишь по стопам Островского. Но для всех нас обязательно сейчас создавать казахскую реалистическую драму, в которой большевистские идеи будут выражены мастерски, на основе живого построения сюжета, широкого и убедительного изображения современных характеров. На путях такого творчества опыт всесоюзной и в первую очередь русской советской социалистической драматургии явится для нас самой надежной, самой драгоценной и вдохновляющей школой.

## ОСНОВА НАШЕЙ ЖИЗНИ

Каждый год, каждый месяц и день в политике, экономике, культуре, во всей многогранной жизни советской страны — в центре и на окраине, на большом индустриальном предприятии и в маленьком казахском ауле — творится воля Ленина, основоположника нового социального строя, создателя научно обоснованной теории социалистического преобразования мира.

Одна из самых могучих основ нашей новой жизни — это выпестованная Лениным и Сталиным социалистическая дружба народов.

Еще не так давно, на нашей памяти, в царской России существовала и межплеменная и межродовая ненависть, искусственно разжигаемая в интересах колонизаторов, в интересах владетельных родовых и племенных правителей. Веками разобщены были и культуры народов: их языки, история, литература.

Мы, живущие в новый век человечества, воспринимаем братские связи наших народов уже как нечто извечно существующее, как родной воздух наших полей, степей, гор и лесов, как солнце, одинаково греющее всех нас, независимо от национальности и расы. Давно сломлена стена вражды и неприязни, забыты былой страх и недоверие друг к другу. Нет у нас “малых народов”, нет забитых и униженных. Все мы чувствуем себя великими и, ведомые старшим братом — русским народом, на каждом этапе общего исторического пути доказываем делами свое право быть участниками славных дел нашей Советской Родины!

В ленинско-сталинском братстве народов слились творческие силы ученых, литераторов, деятелей искусств. Всесоюзная Академия наук основывает национальные академии, открывает филиалы в союзных республиках. Русский театр, самый совершенный в мире, помог создать много-

численные театры других наших народов. Советские писатели объединены союзом, в котором каждый талантливый представитель отдельного народа умножает сокровищницу всей советской литературы.

Едиными стали мысли, настроения и чувства, выражаемые в песнях наших народов, хотя и поют эти песни на разных языках. Слияние материальных и духовных сил наших народов привело к раскрытию глубоких родственных корней, ранее затуманенных ложными историческими интерпретациями. В свете марксизма-ленинизма по-новому раскрылись ценности, унаследованные народами от своих предков. Ныне стало обычным у нас родственное отношение ко всему культурному богатству каждой нации.

И если сегодня любой казах знает имя и творения Пушкина, то и школьнику всякой другой народности нельзя не знать Джамбула. Какое сердце не забьется в унисон с чувствами, выраженными певцом казахских степей у гроба Ленина:

Пришел я к тебе из далеких степей,  
Пришел я к тебе в голубой мавзолее.  
Бессмертный, родной, любимый!  
Не умер ты! Не лежишь в гробу,  
С живым с тобой говорит Джамбул  
И в сердце несет твое имя!

Мы радуемся и гордимся, когда наши братские народы делают взаимным достоянием гениальные произведения Шевченко, Руставели, Низами, Навои или такие творения народного гения, как “Слово о полку Игореве”, “Давид Сасунский”, “Манас”... Благодаря социалистическому родству культур искренний восторг нашего зрителя вызывает спектакль и киргизского, и армянского, и латышского, и украинского театра, если этот спектакль – новое слово в советском сценическом искусстве. Мы заинтересованы в новых взаимных художественных достижениях и победах – в этом и сердечная дружба наша, и социалистическое соревнование, которому нет границ и пределов.

Эта партия Ленина – Сталина воспитала нас такими. Это Ленин, это Сталин привели нас к единству, открыли нам ясные перспективы беспредельного процветания жизни народов в великом социалистическом братстве.

## ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЗОР ҒАЛЫМЫ

(Қаныш Сәтбаевтың 50 жасқа толуына)

Қай халық болса да өз ортасынан ғалым өсірген дәрежеге жеткенде, жалпы мәдениет тарихына өзінің елдігі мен өсуі туралы тың жаңалық мәлім еткен халық болады.

Қазақ тарихында қазақ ғалымдарының шыққандығы – тарихтық үлкен нышанның бірі. Барлық елдер сияқты, қазақ халқы да бұрынғы өткен дәуірінен өзінің елдігін қадірлейтін әр алуан асыл азаматын атай алады. Сол қатарда ақын Абай, Жамбыл сияқты ел мақтаны болған азаматтарын айтады. Халық қамқоры, ел қайраткері Амангелдіні айта алады. Орыс мәдениетінің қазақ сахарасына берген алғашқы жас балдырған жемісі – Шоқандай оқымыстыны, Ыбырайдай үлгілі еңбек иесі, білім, тәрбие қайраткерін айта алады.

Елдік қасиетті бойына жинаған шешен-ділмар, ағыл-тегіл ақындар, бармағынан бал тамған күйшілер, әсем сазды әншілер болғанын ескі тарихымыз да баян етеді.

Советтік Қазақстанның бүгінгі өнерлі жұртшылығы бұрынғы мұралардың ең асылдарын, пайдалыларын өзінің жарқын жолды социалистік мәдениетінің қорына қосып, бүгінгі керекке жаратады. Шын бағалы ардақтысын мақтан ете біледі.

Бірақ сол бұрынғы нелер жақсы деген қадірлі ұлдарының қатарында қазақ халқы бұрын атай алмайтын топтар болушы еді. Әрбір сапалы тарих пен саналы елдіктің үлкен сыны болатын бір топтан құралақан болатын. Ол – өзінен шыққан үлкен оқымыстыны қатарға қосу, қадір тұту жайы. Баяғыдан бергі өткен сансыз көп, шөл ғасырлар қазақтан оқымысты тудыру түгіл, бастауыш оқу, шала сауаттың

шамасынан да құр қалдырып, өгей етіп келді. Тек Ұлы Октябрь берген, Ленин ұлт саясаты жеткізген социалистік мәдениет, коммунистік жаңа тәрбие ғана халқымыздың тарихтарын өзгертті. Жетпегенін жеткізіп, тумағанын тудырды. Бұрынғы замандарда болмақ түгіл, болжауға батыл бармас жаңа болмыс келтірді. Бұл күнде Советтік Қазақстан саясаттық, әлеуметтік тірлікте, шаруашылық, өнер табыста, мәдениеттік жарыста қай өнерлі халықтардан да қалыспайтын боп, алдыңғы қатарға ілесті.

Ұлы орыс халқының туысқандық басшылығымен, қазақтың социалистік жаңа ұрпақтары сан биік тұрғылардың көп өмір саласындағы көрнекті шыңдарының басына самғады. Бабындағы қырандай шарықтап, “Мені көр” дегендей танылып жатыр.

Данышпан Лениннің халықтар тарихына бас болған, бағыт айтқан ұлы пікірлерінің бірінде “қазақ сияқты мәдениеттен бұрын кенже қалған, патшалық Россияда теңсіздікте келген елдер капиталистік даму дәуіріне соқпай, социализмге төте өтеді” деп еді.

Осы ойдың өмір, тарихта толық орындалғанын Қазақстан тірлігі сан саласының өзі-ақ көрсетеді. Құм-шөлдерде туып, түрленген әлденеше қалалар, одақтық, дүниелік даңқы бар алып өндірістер, сансыз көп заводтар, егін далалары, жоғары мектептер, үлкен өнерлі театрлар, гүлденген әдебиет, музыка – бәрі де зат байлығы мен интеллект байлығын танытатын айғақтарымыз. Бүгінгі Қазақстан картасына, кең көлеміне көз тастасаңыз, бірінен-бірі қызғылықты боп, шарықтап өсіп жатқан табыстарымыз көп мұнарадай бой жасап тұрады. Осы табыстар қатарында, бүгінгі гүлденген Қазақстанда ең алдымен аталатын анық асыл айғақ – соңғы жылдар туған Ғылым академиясы. Тездігімен тарихтың өзін таңырқатқандай кереметтей табыстар арасында совет адамының өзі бір төбе. Оның өзгеше, жиын атының өзі “қасиет” деп аталғандай. Бар табыстың иесі – совет адамы жаңа тарихтың жаңа бетін ашты.

Кеше, қырық жыл ғана шамасында, алғашқы балалық шақтағы көшпелі ауылда, оқу-білімсіз, қараңғы ата-ана қасында, мал соңында, бақташылар ортасында туып-өскен бала бұл күнде кім болып отыр? Сол бір адам, жеке адам (ұл болсын, қыз болсын) – қазақ халқының жаңа нәсілінің үлгілі

өкілі. Осындай білімді адамның шыққандығы – бақытты дәуірдің ең қызық, қымбат айғағы болды. Қазақтың советтік буындарының ел алдыңғы қатарында, жұртшылық мақтаны боп, толып өскен ғалым азаматтың ең алдыңғы сапында қадірлі орын алатын кісінің бірі – Қаныш Сәтбаев.

Қаныш 1899 жылы көшпелі қазақ аулында, бұрынғы Семей облысы, Павлодар уезі, Баянауыл ауданында, Ақкелін болысы, төртінші ауылда туған. Алғашқы бастауыш білімді аздап қазақша оқудан бастап, кейін ауылдық мектепте 1908 жылдан 1911 жылға шейін оқиды. Орысша оқуының басы осы мектепте басталған еді. 1911 жылы Павлодардағы екі класты “орысша-қазақша училищеге” түседі. Сол училищені бітірген соң, 1914 жылы Семей қаласындағы Учительская семинарияда оқиды. Революцияның алғашқы жылдарында Қаныш семинарияны бітіріп, мұғалімдер курсына оқытушы болады. Бір жағынан, өздігінен әзірленіп, жоғары дәрежелі инженерлік мектепке түсуге даярланып жүреді. Бірақ 1919 жылы денсаулығы нашарлап, елде тұруға тура келеді.

Өзі туған Ақкелін болысына қайтып, сонда ауылдық мектепте оқытушы болады. Семей облысында Совет өкіметі орнаған кезде Павлодардың Уревкомы Қанышты Баянауылдағы оныншы учаске халық сотына председатель етіп сайлайды. Сөйтіп, Совет өкіметі орнасымен Қаныш совет қызметіне кірісті. 1921 жылдың күзіне шейін сол орында қызмет етіп, күздігүні Томскіге барып, көп жылдар арман еткен Технология институтына түседі. Сонымен, 1921 жылдан 1926 жылға шейін бар ынтасын салып, бір ғана оқу соңына беріледі. Талапты және талантты студенттің қызықты оқу жылдары өтеді.

Сол оқушылық жылдарында қазақ тіліне алгебралық оқу кітабын аударады. 1926 жылдың май айында институтта тау-кен факультетінің барлық дәрістерін бітіріп, диплом қорғайды. Кейін Қазақстанның республикалық шаруашылық советі (КазВСНХ) жолдама беріп, Москвада Ақмоланың түсті металдары тресінің қызметіне кіреді. Ол трестің міндеті – Қарсақбай комбинатын салып бітіру және Орталық Қазақстанда Спасск комбинатын іске асыру еді. 1926 жылдан 1929 жылдың қысына дейін Москвада тұрып, жазғы

айлардың барлығында Қаныш Жезқазғанда, Успен – Спасск ауданында геолог-зерттеуші қызметін атқарады. 1929 жылдың басында Қарсақбай комбинаты іске басып, қызу жұмыс басталғаннан кейін трест Москвадан Қарсақбайға көшеді.

Сол жылдан бастап, 1941 жылға дейін Қаныш Жезқазған ауданында үлкен жоспарлы ірі жұмыстар істейді. Жезқазған геолог-зерттеуші конторында кейде бас инженері болып, кейде начальнигі болып қызмет атқарады.

1926 жылдан санағанда, табандай 15 жыл бойында Жезқазған ауданының барлық кен байлығын зерттейді. Тәжірибесі өсіп, мемлекеттік ұлы шаруаны ойдағыдай басқаратын өнерпаз болумен қатар, Қаныш сол жылдардың өзінде де қазақ халқынан шыққан жас инженер геологтарды баулып, өсіре жүреді.

Үлкен талантпен қанағаттанған талабының жемісі өз республикасына да және Ұлы Отан көлемінде де таныла бастайды. Қызықты еңбегі өркештеніп, Қаныш атын мол жұртшылыққа даңқтандырады.

Жік салмай, желісін үзбей, 15 жыл бойы оның зер салғаны бір мұрат еді. Сол ұзақ 15 жыл бойында бар еңбек, қайратын, барлық жиған білім құралын, бар өмірін бір ғана жөнге жұмсады. Жұмсады да жеңіп шықты, жетіп шықты.

Бұрынғы көшпелі ел жайлаған далада, Сарыарқада, тек киіз үйлі ауылдар ғана мезгіл-мезгіл кезіп өтіп жүрген бір түкпірге зер салған. Сол жерден әлем білмеген байлық табамын деген еді.

Ол өлке туралы осыдан 2400 жыл бұрын грек тарихшысы Геродот бір сөз айтып кетіпті: “Арал теңізінің алқабында сақ, массагет деген елдер бар. Қола мен жездің молы соларда. Өз жерлерінен қазып алады” деген. XIII ғасырда соғып өткен бір кезбе: “Мұнда байлық жатыр” деп кетіпті. Сол үлкен ата-қонысты мекен еткен өзіміздің Бағаналы жер атын – Жезқазған қойыпты. Қай атасы қазғанын кім білсін!

Қарсақбай, Жезқазғанды жалдамаға алып, өз меншігі еткен шетел байлары 1916–1917 жылдарда жездің молдығын “пәлендей” деп, бір меже қойған. Жабыса жалмағаны жез еді. Бірақ алғаны аз, тапқаны тамтық екен. 1917 жылы өзі де кетті.

Сол Жезқазғанда 1926 жылы қызу жұмыс басталады. Сарыарқаның өз баласы, беті-жүзі келбетті, жас шырайда

жарқыраған көркі бар, білім-сана нұры бар, жиырма жеті жасқа келген жігіт келді. Аз тобымен іске кірісті.

Еңсесін салған еңбекпен жыл өтті... Жігіт өсіп, жігіт ағасы бола бастады. Жым-жырт жатқан Жезқазған сол жаңа жылдардың ішінде қайта туа бастады. Жаңа жастық тапқандай. Оны көп жерде, көп жан білуге айналады. Бес жыл деген бел еді, ол өткен. Сол кезеңге келгенде, шетел байлары мен мамандары межелеген кен байлығы мұнда қалды. Жігіт еңбегі жеңіп келеді екен. Алдыңғылар айтқан мөлшерден отыз есе артық кен қорын тауыпты. Тапқанын тығып жатқан жоқ, бар Одаққа даңқ етіп білдіре түсіп, іздеп жатты. Ізденгенін ізерлеп, ғылымдық еңбек етіп жазып та жатты. Үздіксіз еңбек үстінде жігіт өсіп, ер-азамат болды. Тағы бес жыл кеткен еді. Енді Жезқазған көп жұрт аузына ілінді. Шетел мамандары тапқан межеден кен мөлшерін алпыс есе асырды.

Тағы бес жыл өтті. Жігіт жер ортасы жасқа қарай басты. Ендеп кеткен еңбегінің 15 жылға толған шағы еді. Жезқазған жаһанға мәлім ат алды.

Қаныш жалғыз жезді зерттеп келген жоқ, сол 15 жыл ішінде Арқаның Жезқазған, Қарсақбай атты атырабында талай да талай басқа қазына да ашты. Жезқазғанға темір жол келсін, үлкен завод орнасын – бәріне де көмір керек, сол өлкеден Байқоңырдай, Қияқтыдай көмірді өзі тапты. Еспедей, елеусіз жерден есілген тағы талай қазына ошағын тапты. Қалың қатпар қорғасын мен күміс тапты. Болат заводқа мол қор болардай қара темір, марганец кенін ашты. Үй, дүкен салар тасты, топырақты заттың асылын, тағы талай бұйым тапты. Мыс қорытқанда қоспа боп, себі тиетін тағы бірнеше қосымша кен затын тапты. Алтын мен молибден де бұғып қалған жоқ. Оны да ашты.

1940 жылы ел-Отаны ер еңбегін бағалап, Қанышқа Одақтың ең жоғарғы сыйы – Ленин орденін берді, 1942 жылы бүкіл Отандағы білгіштердің ғылымдық табыстарын бағалаған қорытынды болып еді. Сонда “Жезқазғанның мыс кендері” деген кітабы үшін Қанышқа лауреат атағы берілді. 1943 жылы Совет Одағының зор ғылым ордасы – Ғылым академиясының корреспондент мүшесі деген үлкен ғылымдық атақ тағы алды.

Бұл жылдарда Қаныш Алматыға ауысқан еді. Көп тәжірибелі ғалым, мойымас қажыр, қайрат иесі, басшы қызметкер Қаныштың ендігі еңбегі өзінің сүйікті республикасының астанасында өтуі шарт еді. Соны ескеріп, республиканың партия, үкімет басшылығы оны Алматыға ауыстырғанда, Бүкілодақтық Академияның қазақстандық филиалына бастық етті. Сонымен қатар геология институтының директоры болып істеп тұрды.

Қазақ халқының абыройын асырып, совет елінің мақтаны болған асыл азамат Қаныш Имантайұлы Сәтбаев жаңағы орынға келісімен Қазақстан жеріндегі кен байлықтарының бәрін зерттеп, табысқа табыс жалғап, молайтумен болды. Әсіресе ел-жұрттың жауыз дұшпаны – неміс басқыншыларымен болған Ұлы Отан соғысы шағында, Қаныш бастаған ғылым орындарының көмегі аса зор болды. Майданға керек болған кен қазынаның бәрін тез тапқызып, мол алғызып отырды.

Самғағыш самолет, тозбас танк, мойымас мылтық, өрттей оқ жасауға керек заттың бәрін беруде Қаныштың әрі отаншыл басшылығы, әрі білгір мамандығы, жіті қырағылығы, қажымас еңбегі өзгеше орын алды. Осындай еңбектерінің халық үшін қадірі артқандықтан, 1945 жылы Одақтағы Ғылым академиясының тарихи ұлы мерекесі болған күндерде, Қаныш екінші рет Ленин орденін алды. Сол жылы Бүкілодақтық Ғылым академиясының толық мүшесі болып сайланады.

Әрі ғылым қызметкері есебінде, әрі сол ғылыми қызметін басқара білетін талантты ұйымдастырушы ретінде, Қаныш еңбегі республикада және Одақ көлемінде айқын көрініп, үлкен баға ала бастады.

Халқымыз өзінің сүйікті ұлы Қаныш Сәтбаевты 1946 жылы СССР Жоғарғы Советінің депутаттығына сайлады.

Қазақстанның Одақ көлеміндегі тарихи дамуы неше алуан еді. Шаруашылық жөніндегі ұлы өсулер, ғылым, мәдениеттің өркендеуі және әсіресе әр ғылымның саласында үлкен өріске жетіп піскен, өскен ғылым қайраткерлері қазақтың өзінен шығып, ғалым-мамандардың көбеюі байқалып еді. Осы жылдарда Одақтық Ғылым академиясы болсын, Қазақстан партия, совет басшылығы болсын, енді

қолда бар ғылымдық, мәдениеттік күш-қуатты таяныш етіп отырып, Қазақстанның өзіне арналған зор ғылым ордасын орнатуды талап етті.

Қазақстанда Ғылым академиясы орнап, өркендесе екен деген асыл мұрат алға қойылып еді. Тәжірибеге қарағанда, ондай Академиялардың жасалуына негізгі шарт – кадрлар. Өзіне бөлек Академияны ойдағыдай жүргізіп кетуге жарайтын ұйымдастырушы керек. Ғылымдық терең зерттеу ісіне тәжірибесі жеткілікті, ой шалымы, басшылық, білім, өнері жеткілікті, үлкен сенімді қайраткер керек еді. Әрі өзі ғалым, әрі ғылым басшысы, соқталы азамат керек болды.

Одақ Ғылым академиясының сол кездегі президенті академик Комаров<sup>1</sup>, қазіргі президенті академик Вавилов<sup>2</sup> сияқты адамдар Қазақстанда Ғылым академиясын ашу деген ойды қуаттап, Қазақстанда өз Академиясын ашарлық оқымыстылардың жалпы әзірлігі жеткілікті деді. Қазақстандағы академияның жақсы бастап жүргізіп кете аларлық өнеріне де берік сенімді болысты.

Қазақстанның партия, совет басшылығы, барлық мәдениет қайраткерлері, соның ішінде әсіресе ғылым қызметкерлері қазақ Академиясы ашылатын болса, оның бірден-бір сенімді басшысы Сәтбаев қана бола алатындығына толық сенімді болысты.

Сонымен, 1946 жылдың июнь айында Советтік Қазақстан тарихында мәңгілік орын алатын өзгеше дәуір белгісіндей, советтік буындардың, ұрпақтардың мақтаны боларлық бір жаңа туыс пайда болды. Ол – Қазақстан Ғылым академиясының жасалуы еді. Бұрынғы еңбектерінің барлығы Қазақстан жұртшылығына үлкен сенім білдіріп, қадірлі болған Сәтбаев осы Академияның ең қалаулы, ең таңдаулы басшысы болып сайланды.

Содан бері Қаныш Сәтбаев Қазақстан Ғылым академиясының президенті болып істеп келеді. Сонымен, ғылымдағы үлкен еңбек нәтижесінде зор бедел, абырой, сенім тапқан Қаныш, қазіргі күндерде Қазақстанның жас Академиясының қайраткері болып, талмай басшылық етіп келеді.

Қаныштың Қазақ Ғылым академиясындағы президенттік қасиеттерінің ең зоры – ол аса талантты және қажырлы, еңбекке төзімді ұйымдастырушы. Бұл жөнде,

Қаныш өзі, геология сияқты үлкен күрделі ғылымның терең білімді маманы болғандықтан, ұйымдастырушылық, басшылық істі үнемі ғылымдық жолмен жүргізеді. Сан ғылымның басы қосылған күрделі еңбек үстінде өсіп келе жатқан Академияның ісін ғылымдық жолдармен, сан саламен өрбітіп, гүлдендіре білу – кімге де болсын оңай жұмыс емес. Аса жауапты жұмыс болуының үстіне, сан сала білімнен көп дерегі, білімі бар адам болуы керек. Қаныштың бір үлкен ерекшелігі – ол халықпен де, биологпен де, физикпен де, медикпен де және тарихшымен де, филологпен де өздерінің ғылыми тілінде сөйлесе біледі. Мамандық тілдерімен үндесіп, ұғыса біледі. Және сол әр ғылымның саласындағы әрбір кезеңде пісіп келген нақтылы, жауапты мәселелеріне қажет болған мәслихатын айтып, мықты басшылық ете біледі. Жұмысқа мойымайтын үлкен ішкілік те бар. Өз басының білімін өсіруде жан-жақты, кең өрісті ғалым болуда тынымы жоқ ізденуші Қаныш, Қазақстан Ғылым академиясының ауқымында қызмет ететін ғалымдардың барлығына да анық ұстаз, үлгі боларлық білгіш.

Ғылымдағы ұйымдастырушылық талантының тағы бір өзгешелігі – кадрларды өсіру жолындағы талап-қайратынан аса айқын көрінеді.

Әрбір ғылым саласында жаңа туып келе жатқан ғылымдық талап соңында жүрген азамат болса, оқып жүрген жақсы зейінді ұл-қыз болса – бұлардың Қазақ Ғылым академиясының президенті Сәтбаевтан ақыл алмай, достық көрмей, көмегіне сүйенбей жүргендері жоқ деуге болады. Жылдан жылға қанат жайып, өрлеп өсіп келе жатқан Қазақстан ғылым қызметкерлерінің докторлары, кандидаттары, аспиранттары – барлығы да өздерінің өсіп, қалыптасу кезеңдерін алғанда, олардың ғылымдық еңбектерінің нәтижелі болып шығуы дәуіріндегі саты-саты ізденулерін алғанда, Қаныштан басшылық көмектің қайсысын болса да алып отырады.

Ал, ғылымдық дәрежелерін алып, Академияның арнаулы институттарында, секторларында, филиалы мен базаларында немесе ғылымдық экспедицияларында алған білім, мамандығын іс жүзінде сарапқа салатын болғанда, Қаныштан олар алатын үлгі-өнегесі де көп.

Ұлы Отан соғысы жылдарында Қазақстанның соғысқа керек болатын көп қорларын кен іздеп, мол табуына басшылық еткен Академия қазірде де жылдан-жылға етек алып, ендеп, күрделі еңбек ордасы болып келе жатыр.

Қаныш басқарған Ғылым академиясы – Ұлы Отанның, соның ішінде Қазақстанның ауыл шаруашылығы, өндіріс, ғылым, мәдениеті өркендеуіне ең алдымен қажет болатын жайларды зерттеп, ізденуші ойға үнемі басшылық ете білді. Бүкіл Академияның жиын еңбегі қадірлі Отанымызға арналған қасиетті еңбек болатын болса, көп тарамдары арқылы сол Отанмен нық қайнасып, берік байланысып өсіп келе жатқан советтік ғалымдардың бойындағы отаншылдық қасиетті Қазақ Ғылым академиясының президенті Қаныш Сәтбаев әрдайым айнымастан биік көтеріп ұстап келе жатыр. Қадірлі еңбек туы, қасиетті азаматтық туы! Осы сипаттары арқылы Қаныштың Академия ішінде барлық үлкенді-кішілі қызметкерлерге қадірі, бедел, абыройы да зор. Ол өзі де Академияның барлық ірі қызметкерлерінен бастап, жас мамандарына дейін, жай қатардағы қызметкерлеріне дейін, маман емес адамдарына дейін – барлығының да қызмет жайын, еңбек бағасын орын-орнымен өте жете біледі. Қызметкерлердің ғылым жолында өсуіне көмектесуден басқа, олардың күнделікті жай, жеке тұрмысының өзі туралы да көп қамқорлық етеді. Бұл да советтік басшы адамның адамгершілік, шынайы жақсылық қасиетін асыра түсіретін сыпат.

Міне, осындай ірі ғылымдық басшылықта, әрі адамгершілік істерінде озық біткен асыл сипаттары бар Қаныш Советтік Қазақстан ұрпақтарының ішінде Совет дәуірінің ардақты тәрбиесін алып, мемлекет қайраткері дәрежесіне жетті, ең үлгілі, ең асыл азаматының бірі болды. Жұртшылық оның елу жасқа толғанын шын еміреніп, аса бағалап, қадірлеп қарсы алды.

## САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

Еще задолго до того, как были записаны и опубликованы пламенные песни Джамбула, полные беспредельной любви к товарищу Сталину, мне однажды пришлось присутствовать на колхозной свадьбе в Чиликском районе Алма-Атинской области. Вступали в брак секретарь аулсовета и ударница рисовых полей. Увеселения должны были начаться свадебной песней. Из пирующей толпы вышли две пожилые женщины и запели песню любви и материнской благодарности товарищу Сталину, незримо благословляющему молодую пару на счастливый и свободный союз. Слова и мелодия были рождены тут же, на этом пиршестве. Годом позже я был свидетелем того, как в другом конце Казахстана, в Абаевском районе Семипалатинской области, на берегу той речки, у которой когда-то юный поэт Абай оплакивал свою горестную утрату — разлуку с любимой, советские девушки и юноши пели торжествующие песни любви и свободы. В этих песнях поэтическим рефреном звучало имя великого вождя.

На празднестве, устроенном в долине Каргалинки чабанами Института животноводства по случаю годовщины нашей победы над фашистскими ордами, проходили традиционные песенные состязания — айтыс между чабанами и железнодорожниками ближайшей станции Чемолган. В трех юртах одновременно шло состязание. Колхозники и рабочие-казахи соревновались на лучшую песню-импровизацию, посвященную великим подвигам товарища Сталина в Отечественной войне.

Скинув ярмо многовекового рабства, советский человек создает песню обретенного им счастья. Ранее угнетенная казашка если творила, то это был жоктау — плач об умершем, туркменка пела агы — песню печали об утрачен-

ном, киргизка пела куйгонь — песню прощания с жизнью и надеждами; эта песня не случайно называлась куйгонь — сгорание. Ныне они поют песни о великом и мудром заступнике народов. Родились новое искусство, новая культура народов советского Востока, принципиально отличные от прошлого искусства.

Как видно из примеров одного лишь песнетворчества, новая советская социалистическая культура наших народов является культурой подлинно народной.

Народные таланты — акыны, бахши, хафизы, шаиры, повседневно прислушиваясь к могучему народному голосу, посвящали свои первые революционные творения великим вождям — Ленину и Сталину.

Разобценные в веках, теперь в лад зазвучали песни ашугов, бахши, акынов, как единодушно и в тон зазвенели дутары, домбры, сурнаи, комузы — инструменты, которыми народы издавна вверяли свои печали и чаяния, а ныне поверяют свою любовь к гениальному творцу счастья возрожденных народов.

Естественным и достойным продолжением народных ростков нового искусства зазвучали симфонические оркестры, многокрасочно расцвели оперные сцены во всех национальных республиках, ранее не имевших своего театрального искусства. Ныне в театрах и филармониях Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Таджикистана звучат новые произведения сценического и музыкального искусства, посвященные героике Сталинской эпохи. Торжественно славят певцы, композиторы, поэты золотой век социалистической эпохи и славят творца этой эпохи — Сталина.

В новых для народов Средней Азии литературных формах — в пьесах, повестях, романах — рассказывается о людях сталинского воспитания, несущих в себе черты высокой коммунистической морали. В этих произведениях отображается вдохновенный труд художника, ученого, партийного руководителя, ратный подвиг бойцов, труд рабочих и колхозников.

От одиночной домбры до симфонического оркестра, от одинокого певца до оперного многоголосого хора, от изустной песни-легенды до высокохудожественного реалистического романа прошла свой путь молодая, но бурно рас-

цветающая литература, музыка, театральная культура народов Средней Азии. И вдохнул эту колоссальную плодотворную творческую энергию в души сынов и дочерей ранее отсталых народов учитель и вождь — товарищ Сталин.

Расцветают в республиках Средней Азии и науки. В Алма-Ате и Ташкенте — национальные Академии наук Казахстана и Узбекистана и филиалы Академии наук СССР во всех остальных среднеазиатских республиках развили активную научно-творческую деятельность. Свыше восьмидесяти высших учебных заведений имеют народы Средней Азии, а до революции на всей этой территории не было ни одного высшего учебного заведения. Более сотни научно-исследовательских институтов всесоюзного значения ведут всесторонние научные изыскания. Крупнейшие ученые — геологи, математики, химики, биологи, медики, физики, филологи, историки выдвинулись из сталинского поколения наших народов. Жизненный и трудовой путь восхождения к вершинам науки, к высокой личной культуре у всех этих людей удивительно ярко характеризует тот знаменательный путь, который прошли их народы от азиатского средневековья до самой высшей культуры эпохи социализма.

Величайшим расцветом нашей советской культуры, счастьем всего народа, личным счастьем каждого из нас — представителей трудовой интеллигенции — мы обязаны мудрому гению Ленина и Сталина, мы обязаны русскому народу, в великом братстве объединившему наши народы, обогатившему нас духовно и материально плодами своей величайшей культуры.

Миллионы сердец наших народов обращены с безграничной любовью к товарищу Сталину, мысленные взоры и сокровенные думы каждого из нас — писателей, ученых и деятелей искусства — в каждом нашем трудовом усилии устремлены к нему — родному и любимому другу, в чьей долгой и долгой жизни на благо всего трудового человечества видим мы и свое самое большое и самое близкое личное счастье!

## ВДОХНОВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ

Пушкин, пламенный патриот, народный поэт “всей Руси великой”, всегда был немеркнущим маяком для литератур народов России. Прогрессивное влияние передовой русской культуры, олицетворением которой был Пушкин, помогало народам мусульманского Востока преодолевать многовековую отсталость, панисламизм, пантюркизм, наследие патриархально-феодальной старины. Русская культура разрушила китайскую стену изолированности и застоя восточных народов.

Некоторые пушкинисты изучали творения великого поэта только в свете истории русской литературы. Такое изучение нельзя считать полноценным. Пушкин жил и в до-революционной литературе народов нашей страны, живет и в сегодняшней многонациональной литературе Советского Союза. И если изучение творческого наследия А.С. Пушкина будет идти именно по этому пути, ярче и полнее раскроются народные черты великого поэта и его влияние на развитие братских национальных литератур.

Пушкин — вдохновенный учитель классиков многих национальных литератур. У него учились Ахундов, Абай, Тукай, Коста Хетагуров. Многие из этих поэтов не заняли бы значительного места в истории культуры своего народа, если бы они не освоили пушкинских традиций. Абай или другой подобный ему поэт так бы и остался без Пушкина просто акыном, мастером устных импровизаций. Вместе с Пушкиным приходила передовая русская культура. Усваивая пушкинские традиции, поэты Востока воспринимали сами и помогали своему народу воспринимать ее.

Освоение пушкинской поэтической культуры, ее идейно-художественных традиций означало не только рост, не

только расцвет творчества отдельных талантливых поэтов. Пушкинское влияние формировало новую среду, давало новые перспективы для всего последующего хода развития той или иной литературы.

Пушкин пришел к своим младшим братьям великим представителем передовой культуры своего народа и вдохнул такую свежую силу в их творческие искания, что этот приход не мог быть кратковременным и случайным. Молодые литераторы уверенно идут за Пушкиным. Здесь можно наблюдать как бы многократное обновление пушкинского гения — вечно юного, жизнетворно оптимистического, активного и волевого, и это мы видим на примере не одной литературы, а на процессе развития многих наших литератур, воспринявших благотворное влияние русской классической поэзии.

Самое главное в том и состоит, что Пушкин воспринимался не только культурными одиночками-просветителями, а находил на каждой новой почве путь к сердцу народа.

Это признание Пушкина своим, родным вновь воскрешало гениального поэта в молодости душевной, продлеvalo его творческую жизнь. И сам поэт воспринимался не как гениальная одинокая личность, а как олицетворение всей великой русской культуры с ее самыми передовыми и самыми дорогими для всего прогрессивного человечества народно-демократическими идеалами.

Пушкин влиял на творчество народов, которые раньше в очень малой степени были приобщены к сокровищницам русской культуры. Русский гений способствовал утверждению ряда новых имен — зачинателей реалистической поэзии. Авторы, усвоившие и унаследовавшие пушкинские традиции в своем творчестве, прославились как истинные новаторы в литературе. Такими писателями в казахской литературе XIX века явились Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин, в татарской — Абдулла Тукай. Богатая своими литературно-культурными традициями многих веков азербайджанская литература еще в год кончины Пушкина выразила свой скорбный отклик на смерть поэта знаменитым стихотворением Мирзы Фатали Ахундова.

Под благотворным влиянием Пушкина развивалась и крепла социалистическая поэзия многих наших народов,

возрожденных Великим Октябрем, руководимых партией Ленина – Сталина. В успешном росте и расцвете литератур всех братских народов нельзя не видеть огромного влияния пушкинских реалистических традиций.

В казахской литературе в семидесятых годах через творчество Алтынсарина и в восьмидесятых-девяностых годах, еще полнее, – через творчество Абая, возникло пушкинское понимание задач поэта и назначения искусства: это гневное изобличение пороков правящей кучки, это заступничество за трудовой люд, это высоконравственное понимание ответственности поэта-гражданина за народные идеалы, за судьбу грядущих поколений.

В творчестве Абая отразились и другие стороны влияния Пушкина: глубокое реалистическое описание природы, лирика настроения, политическая лирика, в которой звучит гневный, взволнованный, страстный голос борца с социальной несправедливостью.

Чувство связи с современностью помогло Абая создать произведения, правдиво изображающие тогдашнее общество. По-пушкински правдивые и бичующие стихи Абая были по значению своему формой общественной борьбы, как и у Пушкина. Так Абай пишет стихи о поэте, окрыленном вдохновением. Поэт-гражданин, возмущенный пороками и злом окружающей среды, выступает независимым глашатаем правды, изобличителем социального зла своей эпохи.

Эти черты характеризуют Абая самостоятельным продолжателем пушкинских традиций в иную историческую эпоху, в иной национальной среде. Они-то и обеспечили казахскому поэту всенародное признание как певца народной правды.

Особо выдающуюся, историческую миссию выполнил в истории татарской литературы Абдулла Тукай, который воспринял, главным образом, реализм Пушкина. На этой основе он широко раскрыл исторические противоречия и пороки современного ему татарского общества, сумел стать подлинно народным поэтом, великолепно воплотившим лучшие надежды и благородные порывы своего народа.

Это великое грядущее, жившее в чаяниях, в поэтических видениях, прозорливых думах самого Пушкина и его

соплеменников, поэтов различных окраин России, пришло в историю прогрессивного человечества с Великим Октябрем. Освобожденные народы обратились к сокровищницам русской культуры, и с особым интересом — к наследию Пушкина.

Особенно памятен и дорог Пушкин интернациональными чертами своего творчества. В самые далекие, сумрачные годы он возвестил о великом братстве литератур своего Отечества.

Нет у нас ни одной союзной или автономной республики, где бы не называл Пушкина “всяк сущий в ней язык”, где бы не прославлялась его память в песнях, стихах, народных сказаниях.

Воспитанные партией Ленина — Сталина, унаследовавшие великие традиции русской революционно-демократической литературы Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и основоположников социалистического реализма А.М. Горького и В.В. Маяковского, писатели и поэты братских республик многому учились и учатся у Пушкина.

Углубленное, внимательное изучение влияния гениального поэта на развитие литератур советских народов безусловно установит внутренние связи оригинальных произведений казахских, узбекских, таджикских, киргизских, туркменских и других поэтов с бессмертными творениями Пушкина. Даже при беглом взгляде на лирику настроения Орманова, Тажибаева, Сарсембаева — у казахов, на лирику природы и настроения Хамида Алимджана, Гафура Гуляма, Уйгуна — у узбеков, на социальную и пейзажную лирику Токомбаева, Бокомбаева — у киргизов и такого же рода произведения туркменских, татарских поэтов — везде и всегда явственно выступают пушкинские мотивы и облагораживающие новую поэзию советского народа пушкинские приемы поэтического воспроизведения жизни.

О непосредственном обращении к пушкинским традициям говорят и многочисленные издания сочинений Пушкина на языках советских народов. Особенно обогатились братские литературы пушкинскими произведениями в переводах своих лучших поэтов и писателей в этом году.

Шестьдесят-семьдесят лет тому назад пушкинские строфы в переводе Абая пел и распространял в казахских степях одинокий певец под аккомпанемент своей домбры. Сейчас герои чудесных пушкинских произведений живут на сценах всех национальных оперных и драматических театров.

Переводя Пушкина, поэты все больше постигают величие его творений, создавая пушкинские образы, актеры все глубже входят в поэтический мир его наследия. А значит, больше и глубже узнают о великом поэте читатели и зрители, весь народ. Богаче становится в школах список произведений Пушкина на национальных языках и тем успешнее приобщается к его великому наследию подрастающее поколение.

Нет, не заросла и никогда не зарастет “народная тропа” к величайшему в истории человечества русскому гению! Пушкин дорог и близок всем народам нашей Родины, идущим к коммунизму. Он близок и дорог всему прогрессивному человечеству.

## ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

Было время, когда казахские писатели и актеры только начинали создавать свой театр. И как вдохновляющий пример перед нами стояли образы – творения лучших актеров Художественного театра – и, прежде всего, образы качаловские.

Василий Иванович Качалов – актер, в чьем исполнении любая роль раскрывалась необыкновенно глубоко и разносторонне, и вместе с его трактовкой образа менялась и по-новому освещалась вся пьеса.

Если театр не может существовать без высокой драматургии, то сама драматургия не может расти без таких могучих талантов, как Василий Иванович Качалов.

Качалов в самой высокой степени обладал умением, по словам К.С. Станиславского, изображать “жизнь человеческого духа”. Правдиво передать характеры, донести их в образно-богатом языке могут только актеры качаловского стиля.

Качалов был учителем не только русских актеров, но и всех лучших актеров нашей Родины, всех национальных театров. Не только актеры, но и казахские драматурги учились на его творчестве пониманию человеческих характеров. Как часто я ловил себя на том, что за рукописью вспоминаю свои посещения Художественного театра и монументальные образы – создания большого и многогранного художника Качалова. Совершенное исполнение Качалова – это его совершенное понимание образа героя; глядя на великого актера, я всегда вспоминал наш молодой казахский театр. Наши лучшие актеры – Калибек Куанышпаев, Серке Кожамкулов, Айманов, Букеева овладевали подлинным реалистическим искусством, следуя замечатель-

ным традициям МХАТ. Они нередко говорили мне, что Московский художественный театр и Качалов были их университетом.

Смерть Василия Ивановича Качалова — тяжелая утрата для всей советской культуры. Казахский народ навсегда сохранит в памяти этого великого художника.

## КАК СОЗДАВАЛАСЬ ЭТА КНИГА

Роман “Абай” – итог многолетней работы Мухтара Ауэзова, плод напряженного писательского труда, завершённого созданием книги о народе и его замечательном поэте, основоположнике казахской художественной литературы.

Многочисленные читатели романа испытывают законный интерес к творческой истории этой книги. Корреспондент “Казахстанской правды” встретился с писателем и попросил его ответить на ряд вопросов.

Лауреат Сталинской премии Мухтар Омарханович Ауэзов поделился с корреспондентом некоторыми своими взглядами на современный исторический роман:

– Работа писателя над исторической темой, в особенности над воспроизведением в художественном образе творческой личности, обязательно сочетает литературную и исследовательскую деятельность.

Я собирал, накапливал, изучал материалы. И теперь, после большого труда, могу сказать, что научно-исследовательская работа и художественное творчество слились в едином стремлении автора – создать труд познавательного значения. Биограф-исследователь нисколько не мешает художнику. Наоборот! Они взаимно дополняют друг друга.

Когда большевистская партия и советская общественность обращают внимание писателя на недостаточное знание жизни, этим самым они обязывают нас глубже познавать материал, ответственнее относиться к темам, поднимаемым нами на страницах наших книг.

Не только знание жизненного материала помогло мне написать роман “Абай”. Он мог быть написан только в наше время, потому что мое творчество находилось и на-

ходится в теснейшем взаимодействии с творчеством моих сверстников. При работе над книгой я учитывал опыт всей казахской литературы, труды моих товарищей по работе. Мне помогли поиски Сабита Муканова в создании казахского романа, я не мог пройти мимо прозаических произведений Мусрепова, Мустафина, Абишева и многих других писателей.

**Корреспондент:** Определите, пожалуйста, Мухтар Омарханович, основную тему вашего романа.

**М.О. Ауэзов:** Я начал свой труд с последней главы последней книги. Она посвящена Пушкину, как олицетворению всего передового в русской культуре. Это и была моя заявка на основную тему романа, его главную направленность.

Самую благородную свою задачу я видел в том, чтобы показать приобщение Абая к русской культуре. Это одна из самых светлых сторон в его биографии. Именно Пушкин и русские друзья поэта сделали Ибрагима Кунанбаева Абаем.

Разрешение темы “Пушкин и Абай” и для меня самого было глубоким осмысливанием дальнейших путей казахской литературы, и для меня самого было преодолением прошлых ошибок, чтобы прочно встать на единственно верный путь вперед.

Тема о влиянии русской культуры на казахский народ — одна из самых моих любимых, самых волнующих тем. В моем произведении Абай — гражданин, заступник народа в духе лучших традиций русской демократической интеллигенции. В моем произведении он и лиричен не как прежний казахский певец, а как русский поэт. Работая над книгой, с волнением я ощущал эти новые черты в Абае, целиком идущие от русской культуры. Я это чувствовал не только в тех главах, где речь идет о письме Татьяны или о дружбе Абая с Михайловым. Нет, русская культура шире сказывается на моем герое. Она — в его отношении к социальному злу, она — даже в его восприятии пейзажа родной степи. Абай для меня олицетворял традиции Пушкина в поэзии, традиции Белинского, Герцена, Чернышевского — в общественной жизни.

В обрисовке жизни народа, в этнографических страницах книги я также стремился передать ощущения поэта —

носителя традиций русского реализма. Абай смотрит на мир глазами внутренне обновленного человека. Его чувствования, его думы и дела должны обнаруживать в нем воспитанника передовой русской общественной мысли.

**Корреспондент:** Читателей интересуют подробности Вашей творческой работы над романом.

**М.О. Ауэзов:** Первый отрывок из романа был мною написан к юбилею А.С. Пушкина в 1937 году. Десять лет продолжалась работа над всей книгой. Наиболее долго писалась первая книга. Теплая встреча, которую оказали моей работе читатели, помогла мне ускорить темпы работы над второй книгой. Весь роман в первой редакции был закончен к 1946 году. Чем дальше я шел по жизни Абая, тем ближе для нашего времени становились яркие следы его творческой деятельности. Вторая книга — это книга об Абае-поэте. Он входит в роман со своими стихами, осуждающими волостных, воспевающими русскую культуру, труд, демократические идеалы. Он создает свою эстетику, он вырабатывает свои взгляды на роль и значение поэта. На этом этапе жизни Абая его творческая личность начинает преобладать над всеми остальными чертами моего героя.

**Корреспондент:** Какие исторические материалы легли в основу Вашей книги?

**М.О. Ауэзов:** Решающую роль для изображения правильной исторической перспективы сыграли для меня труды В.И. Ленина и И.В. Сталина, посвященные судьбам народов, составлявших прежде население окраин царской России.

Мне очень помогли исследования историков Казахстана.

Сам я собирал материал, стремясь общаться с людьми — современниками Абая. Жизнь казахского поэта меня заинтересовала еще на студенческой скамье — в 1923—1925 гг. Именно в те годы я повстречал людей, непосредственно знавших героя моего будущего романа.

До сих пор в моей памяти живы беседы с учеником Абая Кокпаем. В частности, Кокпайем дан мне материал для главы, посвященной Балкибекскому съезду.

О жигитеках, долго враждовавших с Кунанбаем, мне рассказал старейший представитель этого рода — старик Ма-

диар. Много материалов передал мне сосед и друг Абая — Куранжан.

Знаменитый сказочник Баймагамбет, к счастью для нас, прожил долгую жизнь. Еще в детстве я слышал его рассказы, многие из которых сказочник запомнил со слов самого Абая.

Доныне в каждый свой приезд в Абаевский район я черпаю много дополнительных материалов об отдельных встречах с Абаем у стариков-колхозников и у людей младших поколений, воспроизводящих мне то, что рассказывали им их отцы и деды.

**Корреспондент:** Ваше мнение о русском переводе романа?

**М.О. Ауэзов:** Перевод и редакция Л. Соболева, сделанные с большим мастерством, очень радуют меня. Мы вместе с Л. Соболевым писали пьесу, вместе создавали очерки по истории казахской литературы. Соболев прекрасно знает казахскую действительность, постоянно творчески общается с писателями-казахами. Многие главы русского перевода мы делали совместно, при ежедневном контакте друг с другом.

**Корреспондент:** Поделитесь, пожалуйста, с читателями нашей газеты Вашими творческими планами на ближайшее будущее.

**М.О. Ауэзов:** Сейчас я пишу последнюю книгу романа о жизни Абая. Я ее не называю третьей книгой. Первая и вторая книги исчерпали свою тему — формирование личности и становление поэтического творчества Абая. В третьей книге я рассчитываю показать Абая-мыслителя, Абая — главу поэтической школы, избравшего себе друзей среди нового поколения, восприимчивого к русской культуре.

В этом моем произведении Абай мыслится как поэт и борец, устремленный в будущее, в наши дни.

Абай умирает. Но всем творчеством, всеми своими нравственными качествами он выходит победителем из жизненной борьбы. Его мысли, его песни переходят в народ, который доносит их до наших дней.

В 1949 году я думаю закончить этот том, первую часть которого везу на Декаду казахской литературы в Москву. На казахском языке этот том начинает печататься с апреля нынешнего года в журнале “Адабиет жана искусство”.

## **ТРАДИЦИИ РУССКОГО РЕАЛИЗМА И КАЗАХСКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА**

Успешному развитию братских литератур народов СССР чрезвычайно способствует тот исторический факт, что эти литературы имеют перед собой в качестве образца великую русскую классическую и советскую литературы.

Литература социалистического реализма наследует все лучшее, что создано русским классическим реализмом, продолжает и развивает далее революционно-демократические традиции русской литературы. Об этом всегда нужно помнить нам, советским писателям и исследователям истории литератур народов СССР. Исторический опыт наглядно показывает, что наши национальные литературы развивались тем быстрее и глубже, чем серьезнее, сознательнее, творчески воспринимались виднейшими представителями этих литератур лучшие традиции русского реализма. Передовые писатели развивали эти традиции в применении к своей национальной специфике, обогащая их чертами и красками, почерпнутыми из богатств родного языка, жизни, труда, быта, особенностей характера родного народа и своей национальной культуры.

В любой национальной литературе можно проследить, как сказались традиции русского классического реализма в творчестве лучших писателей в прошлом, как продолжены эти традиции в творчестве советских писателей. По тому, как опыт русской литературы освоен этими писателями (подражательно или в самостоятельном глубоком творческом претворении), можно судить об идейно-художественном уровне, до которого поднялась та или иная литература.

В прошлом такие великие деятели национальных культур, как Абай Кунанбаев в Казахстане, Тукай в Татарии, Ахундов<sup>1</sup> в Азербайджане, ясно понимали историческую

связанность судьбы их народов с революционно-демократической Россией. Они первые глубоко осознали, что приобщение к великой русской культуре, следование великим русским реалистам — неперемнное условие идейно-художественного развития всех национальных литератур народов России. Учебу на образцах русской классической литературы, у представителей передовой демократической мысли в России они рассматривали как свою важнейшую историческую задачу. В обращении к великому наследию русской культуры, в пропаганде этой культуры в среде народа они видели свою историческую миссию. В этом очень ярко и убедительно выразилось величие этих передовых людей своего времени.

И сегодня, как и тогда, вопрос об освоении наследства русского реализма стоит для нас не только как вопрос литературного совершенствования, мастерства, а как вопрос верной исторической ориентации нашей литературы на самое передовое высокоидейное искусство мира, как вопрос верной ориентации и в своем классическом наследстве. Рассматривая историю своей литературы в связи с передовой русской литературой, можно определить то действительное место, которое занимает в ней тот или иной писатель, можно установить, какие литературные деятели прошлого являются нашими предшественниками. Теперь, когда писатели всех народов СССР не только учатся у русской литературы, но вместе с русскими писателями создают единую социалистическую культуру, нам особенно важно при изучении истории своей литературы ясно определить ту традицию, на которую должны опираться писатели любой из наших республик.

Верное освещение истории родной литературы в ее связях с великой русской культурой не менее важно и для воспитания молодежи, для того, чтобы у подрастающего поколения сложился ясный и правильный взгляд на историю развития культуры своего народа. Для наших средних школ нужны учебники по литературе, для вузов — курсы лекций по истории и теории литературы, критики и журналистики. Эти книги должны дать подлинно научное освещение исторического становления культуры наших народов. В них должны быть выделены те передовые деятели литературы прошлого, которые явились выразителями

дружбы с русским народом. В творчестве национальных писателей должно быть выявлено все исторически-прогрессивное, революционное, передовое и показано в своих глубоких связях с революционно-демократической традицией русского реализма.

В результате глубокого восприятия русской классической литературы прогрессивные деятели национальных литератур правильно определили свои идейно-исторические и эстетические воззрения на действительность. Следуя традициям русского реализма, они рассматривали искусство как акт общественной борьбы. Их творчество одухотворялось идеей служения народу. Оно было пронизано гневным пафосом осуждения в литературе и в общественной жизни всего отсталого, реакционного, косного, в том числе догм фанатического ислама. Выдающиеся литературные деятели и публицисты прошлого столетия в своих произведениях звали народ идти по передовому пути русской культуры. Их литературное наследство должно быть прежде всего изучено и осмыслено в свете марксизма-ленинизма. В истории литературы должны быть прежде всего освещены те литературные направления и течения, которые в значительной степени определили последующее поступательное движение родной литературы.

Бесспорно, что при этом не надо оставлять в стороне, вне изучения, и “книжников” и акынов, находившихся вне главного русла прогрессивного развития литературы. Все дело в том, чтобы глубоко раскрыть исторические причины классовой ограниченности выразителей отсталой идеологии в литературе, показать их противоречия, дать историю литературы во всей сложности диалектического процесса, со всеми проявлениями идейных разногласий между теми или иными литературными группами и течениями.

Такое исследование истории литературы, которое правильно ориентировало бы учителя, школу, студенчество и всю общественность, сейчас остро необходимо в национальных республиках. Нужна книга, которая в свете великого ленинского принципа партийности решала бы проблемы молодой литературоведческой науки в национальных республиках. Известно, что в историях некоторых наших литератур уживалась теория “единого потока”. Некрити-

ческое любование стариной, отсутствие классового анализа в освещении процессов становления литературы приводили к сползанию на позиции буржуазного национализма. Главным пороком таких литературоведческих работ явилось то, что они не сумели выделить подлинно передовые, революционные элементы в прошлом национальных литератур. А между тем в этом последнем заключается самая главная задача исследователей литературы. Стоит научно подойти к истории литературы, как конкретно-исторический анализ покажет, что лучшие представители национальных литератур, проникнутые сознанием своей ответственности перед народом, были связаны духовным родством с передовой русской общественной мыслью, с ее передовой эстетикой, в которой выразилось верное понимание цели искусства и общественной роли писателя.

Надо, конечно, оговориться, что и классики национальных литератур XIX века не всегда могли стать вровень с передовой общественной мыслью России того времени. Дело в том, что развитие общественной мысли в России, отражая собой бурный рост производительных сил, шло быстро, опережая на ряд десятилетий замедленный рост общественного сознания национальностей окраин царской России. Поэтому исторически обусловленная ограниченность мировоззрения даже передовых писателей-мыслителей в ряде национальных литератур была в прошлом неизбежным и печальным фактом, заслуживающим особого, внимательного анализа.

Прекрасной иллюстрацией к вышеприведенному положению служит творчество Чокана Валиханова и Абая Кунанбаева — казахских писателей, современников Герцена и Чернышевского. Чокан следовал за русскими просветителями, знал и ценил произведения Герцена и Чернышевского. Абай творчески воспринял идейно-художественные традиции пушкинского реализма. Будучи современником Чернышевского и Добролюбова, он многому учился у революционных демократов. Однако творчество его имеет много внутренних противоречий. Ему присущи элементы религиозности в толковании вопросов морали; он воспринимает монархический строй как нечто неизбежное. Такие противоречия в мировоззрении и Чокана и Абая выражали собой исторически обусловленное отставани-

ние этих писателей от передовых идей русских революционных демократов.

Исторически установленные фактические данные о Чокане Валиханове говорят о том, что в 1857—1858 годах он был в близкой дружбе с петрашевцами<sup>2</sup> — в лице Дурова<sup>3</sup>, находившегося в Омске, и Ф.М. Достоевского в пору его пребывания в Семипалатинске. Кроме того, Чокан Валиханов всю свою жизнь находился в тесном общении с выдающимися деятелями, просветителями из среды сибирской интеллигенции: Потаниным, Ядринцевым. Будучи сам ученым-географом, этнографом и исследователем истории казахов и киргизов, Чокан во многом помогал деятельности Семенова-Тяншанского.

Верные памяти Чокана друзья издали на русском языке его труды под названием “Сочинения Ч.Ч. Валиханова”.

Чокан был хорошо знаком с сочинениями Белинского и Герцена. Однако из их трудов он ближе всего воспринял программу широкого просвещения масс. Революционно-демократические идеи этих русских мыслителей казались и Чокану и Абаю преждевременными в применении к отсталому казахскому обществу.

Но наряду с этим, как мы видим, оба писателя под влиянием великих русских просветителей выступают против косности феодального Востока, панисламизма, пантюркизма. У Абая мы с восхищением констатируем творческое освоение пушкинского реализма, идейно-эстетических взглядов Белинского о служении искусства обществу. Во многих высказываниях Абая мы находим приговор явлениям общественной жизни в духе учения Чернышевского и Добролюбова. В сатире великого казахского поэта звучат те же социальные мотивы, что и в бессмертных произведениях Салтыкова-Щедрина.

Так же, как Чокан Валиханов, Абай широко ознакомился с русскими классиками XIX века. Абай во всех тонкостях понимал тексты Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Некрасова. Высокохудожественные переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, сделанные Абаем, а также его воспроизведения отдельных стихов Байрона, Гете с русского перевода свидетельствуют об огромной культуре, освоенной Абаем в результате

изучения произведений русских классиков и передовых деятелей прошлого столетия. Знакомясь с трудами Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, Абай проникался их просветительно-демократическими идеями. То в отдельных стихотворениях, то в прозаических “размышлениях” (“Гаклия”) Абая мы часто сталкиваемся с мыслями Белинского, с мыслями Герцена, с воззрениями Чернышевского, Добролюбова, высказанными ими на страницах “Современника”<sup>4</sup>. С “Современником” познакомил Абая его друг, последователь Чернышевского, ссыльный Михаэлис.

Но раньше чем перейти к подробному анализу плодотворного влияния русского классического реализма на творчество Абая, нам хочется рассказать, какие эстетические и этические нормы русских просветителей легли в основу художественного мирозерцания Абая, какие социально-политические идеи общественной мысли тогдашней России наиболее отразились в творчестве великого казахского классика. Абай иными глазами, чем его предшественники и даже современники, увидел казахскую действительность, застывшую в окостенелых формах феодально-родового быта. Уже в ранних своих произведениях он резко осудил благодушие и безыдейность Бухара-жирау, Шортанбая, Дулата!

Шортанбай, Дулат и Бухар-жирау,  
Певцы лоскутных мыслей они...\*

Этими словами Абай выносит приговор убожеству мыслей, скудости общественных идей и отсутствию положительной исторической перспективы у названных поэтов. Вся их дидактически-назидательная поэзия была обращена к прошлому. Мнимые печальники народа, они не только не осознавали необходимости восприятия передовой культуры, но просто пугались даже возможности сближения с русскими. Привычные, освященные исламом понятия, веками сохранившиеся формы феодально-родового быта являлись для них гарантией их личной славы и благополучия.

---

\* Цитаты приводятся в подстрочном переводе (М.А.).

Подобно старым биям,  
Не стану мыслить поговорками.  
Подобно старым акынам,  
Не стану попрошайничать за мзду.  
Обновилось слово!  
Обновись и ты,  
Обращаюсь к тебе, слушатель мой, —

писал Абай.

Абай впервые в степи заговорил о социальной роли поэта, высоко подымая искусство как орудие борьбы за новые общественные идеи:

Цель моя — родить такую речь,  
Чтобы отточенным словом  
Не глаза невежд —  
Души открыть, сделать зрячими.

Эти строки были обращены против предшественников Абая — акынов прошлого, подобных Бухару, чья “лоскутная поэзия” заключала в себе безнадежный пессимизм, идеализацию устоев феодального аула и неприятие русской культуры.

Абай выступает как беспощадный критик феодально-родового строя. Он поднимает свой голос за русское просвещение, за скорейшее приобщение к более передовой культуре.

Эстетические взгляды Абая обнаруживают глубокое родство с идейно-эстетическими взглядами Белинского, видевшего в поэте прежде всего гражданина, борца за общественное благо, понимавшего искусство как одну из форм борьбы за демократические права народа. Абай облекает полюбившиеся ему мысли Белинского в стихи, в афоризмы, которые показывают, как органично воспринял он многое из эстетики Белинского.

Прекрасный знаток казахского фольклора, Абай в своем творчестве широко пользуется всем богатством казахского языка, но он совершенно отказывается от канонических форм устной народной поэзии. Он выступает новатором в поэзии. Абай знакомит казахов с новыми, неизвестными ранее формами поэзии, заимствованными из русской классической литературы.

Абай противостоит Бухару и Шортанбаю и им подобным акынам еще и потому, что те в своих произведениях выражали уже не освободительные мотивы и настроения, отличающие подлинно народную фольклорную традицию, а лишь облекли свои толгау (назидания) в фольклорные формы, выражая в них чуждые народным массам воззрения ханско-султанских верхов.

Абай отказался и от “тюрки” — этого условного литературного языка, характерного для общих по сюжету книжных произведений, начавших в эти годы сильно распространяться в виде многочисленных “кисс” — “народных” романов-дастанов. Поэты-книжники у татар, узбеков, казахов, туркмен, башкир создают во второй половине XIX века на этом условном книжно-литературном языке стихотворные поэмы на темы народных сказаний и легенд. В особенном изобилии сочиняются и распространяются в массах поэмы на религиозно-героические темы. Эти книги, в большинстве принадлежащие перу консервативных, фанатичных и бездарных мулл-поэтов, играли свою роль в распространении ислама и пантюркистских идей во второй половине XIX века. Все это лубочное книжное виршеплетство с претензией на подражание классической арабской и иранской поэзии вызывает у Абая отвращение. Он осуждает поэтов, создающих эти дастаны, перепевающих избитые исламистские сюжеты о деяниях пророка и его сподвижников.

В годы расцвета творчества Абая эпигонское, бездарное подражание древним классикам Востока было весьма характерно для поэтов-книжников.

Я пишу без хазрета Али и драконов,  
Нет у нас и пегих девиц с золотым  
подбородком, —

говорит Абай, высмеивая напыщенность восточных образов, наполненных сравнениями женской красоты с золотом и драгоценными камнями, а героев — с гиперболизированными чудовищами.

Творчество Абая пронизано беспощадной и последовательной критикой нравов и деяний родовых старейшин,

волостных управителей, взяточников, сутяг, мулл-ханжей, осмеянием байской лени и косности. Абай гневно выступает против бытовых устоев, закабаливших казахскую женщину.

Для общественной среды, окружавшей Абая в то время, само осуждение, отрицание, неприятие освященных веками жизненных устоев феодально-родового быта явилось позитивной программой, идейным лозунгом нового мира. Высказывания Абая были направлены против основ старой феодально-родовой семьи, против всего жестокого и несправедливого социального строя казахского кочевого аула, против отсталого административно-хозяйственного уклада многочисленных племен и родов. Все это воспитывало молодое поколение в духе народно-демократических идей, составлявших новую для степи сущность социальной программы деятельности Абая. Эта поэтическая проповедь, пропагандирующая высокие демократические идеи своего века, раскрывает Абая как гениального поэта, великого сына казахского народа, пролежавшего себе путь и направление по стезе русских классиков, выразителей передовой мысли человечества.

Какие же именно традиции пушкинского реализма наиболее прочно закрепились в творчестве Абая?

Перевод “Евгения Онегина” для Абая и его читателей имел исключительное значение. Это был огромный сдвиг в казахской устной и письменной литературе. Абай, учась у Пушкина простому и ясному реализму в изображении действительности, сам создал чудесные поэтические зарисовки природы, волнующие пейзажи своей родины.

Никто, за исключением Алтынсарина, в казахской литературе до Абая не писал о четырех временах года, сочетая живо воспроизведенный пейзаж с картинами аульного быта, с зарисовками жизни трудового люда, противопоставляя праздному ханжескому быту баев обездоленность народа. Все четыре времени года запечатлены Абаем в их реальной бытовой конкретности, характерной для кочевого быта в просторах казахских степей. Совершенная поэтическая форма способствует возникновению у читателя видений и чувств, близких по силе тем,

которые возбуждают пушкинский стих, рисующий русскую зиму, осень, весну, лето...

Абай воспринял пушкинские идеи о свободе личности, о поэте — глашатае дум и чаяний народных. Абай в своем стихотворении “Поэт” первый утвердил в казахской поэзии высокое общественное призвание поэта.

Абай учился у Пушкина и Лермонтова создавать лирику любви, душевных переживаний, настроений... Вместо восточной, напыщенно-нарядной надуманной любви, predetermined роком, Абай воспевает любовь животворящую, созидательную. Глубоко проникновенны его конкретные образы влюбленных на ночном свидании среди заснувшего аула на джайляу. В лирике Абая мы ощущаем гнев, осуждение, печаль поэта, вызванные невежеством окружающей его среды, нищетой и забитостью народа, горькой судьбой казахов. Поэт страдает от того, что и его жизнь и жизнь окружающих далека от идеала свободной, независимой человеческой личности, несущей с достоинством свое знамя служения обществу.

Абай познакомил казахскую степь и с русским баснописцем Крыловым. Абай воспринял от Крылова народность поэтической речи, искусство аллегории, острый критический юмор. В своих мастерских переводах басен Крылова Абай в ряде случаев обострял, оттенял мораль этих басен. Большинство крыловских афоризмов вошло в состав казахских поговорок, изречений, как наиболее меткие и верные определения пороков и уродств патриархально-феодального уклада степной жизни эпохи Абая. Басни Крылова, распространившись благодаря переводам Абая по степи, нашли в ней многих своих почитателей и подражателей.

Почти никто из поэтов казахской степи до Абая не воспевал труд. Абай первый оценил труд как достойнейшее выражение человеческой воли и энергии. “Труд — это наша молитва”, — говорил Герцен. Абай почтил и превознес трудовой люд, посмел в те времена поставить его выше богатой и праздной аульной аристократии. Особенно тщательного изучения и пристального внимания в наследии Абая заслуживает глубокая внутренняя связь его творчества с

эстетическими взглядами Чернышевского и Добролюбова, проникновенное восприятие Абаем идейной направленности сатиры Салтыкова-Щедрина.

Одним из любимых и особо выделенных Абаем русских писателей второй половины XIX века был Салтыков-Щедрин. На первый взгляд может показаться странным, если не невозможным, установление родства Абая-поэта, не писавшего к тому же сюжетных произведений, с русским писателем-прозаиком, автором сатирических сказок, новелл и романов. Между тем в поэтических портретах управителей Кулембая, Кожекбая, Дутпая и других воротил, разжигающих родовую вражду в степи, взяточников, смутьянов, льстецов, подхалимов Абай на казахской жизненной основе создал типичные, сатирически обрисованные во всей своей полноте образы самодуров, тунеядцев своего времени. Читая написанное Абаем, нельзя не вспомнить и “господ ташкентцев”, и всех иных чиновников-взяточников, лицемеров, выделенных в бессмертных произведениях Салтыкова-Щедрина.

Абай порицал сынков казахских баев, обучающихся в русских школах лишь для того, чтобы стать царскими чиновниками.

Стать толмачом и адвокатом их мечта,  
И не хотят они быть такими, как Салтыков и Толстой...

Сатирически-желчные стихи-портреты Абая, изображающие степных самодуров, без сомнения, созданы под влиянием великого русского сатирика.

Если Чернышевский говорил: “Не надо нам слова гнилого и праздного, погружающего в самодовольную дремоту и наполняющего сердце приятными мечтаниями, а нужно слово свежее и гордое, заставляющее сердце кипеть отвагой гражданина, увлекающего к деятельности широкой и самобытной”, то Абай писал:

Не для забавы я пишу стих,  
Нет мечтаний и сказок в нем.

Будучи сам выходцем из знатной феодальной среды, Абай связывает свою судьбу с людьми труда, простыми ско-

товодами, тем классом казахского народа, которому принадлежало историческое будущее. Абай клеймит представителей родовой аристократии – управителей, чиновников, адвокатов, толмачей, мулл и баев – всей силой своей едкой гневной сатиры, по духу весьма близкой к сатире его современника, писателя Салтыкова-Щедрина. Салтыков-Щедрин выступал “против произвола, двоедушия, лганья, хищничества, пустомыслия”. В созданных Абаем образах степных воротил, в его сатирических стихах бичуются именно эти общественные пороки. Абай описывает распад и развал патриархально-феодальной среды. У Абая нельзя найти ни малейшего признака идеализации каких бы то ни было устоев прошлого. Он последовательно, во имя обновления жизни критикует феодально-родовой строй современного ему аула.

Абай полагал, что не социальный переворот и революционное изменение основ современного ему общества, а широкое просвещение принесет с собой обновление жизни, – в этом сказалась историческая ограниченность взглядов казахского просветителя.

“Учись у русских”, – было девизом всей сознательной творческой жизни Абая. И это касалось не только литературы. Абай говорил: “Люби труд”, – подразумевая под трудом земледелие, которое вместе с русскими людьми пришло в степь. Он не идеализировал аул, не защищал патриархально-родовой уклад. Он выступал с требованиями реформ в управлении степью, с требованиями искоренения взяточничества и неправого суда.

Как уже упоминалось, Абай всегда и неизменно ратует за равноправие женщин. Его высказывания по вопросам морали и религии содержат в себе полное отречение от фанатизма и схоластики ислама.

В своих поэтических размышлениях об исторических путях казахского народа Абай выступает против тех, кто стремится изолировать казахскую степь от судеб России. Но наряду со всеми вышеперечисленными прогрессивными сторонами творчества Абая мы не можем не остановиться на его классово-исторической ограниченности в ряде серьезных социальных вопросов.

Осуждая сатрапов, ставленников царизма в ауле, всячески борясь против них, Абай, однако, как нами уже отмечалось, не зовет к насильственному свержению монархического строя. Мы не находим у Абая последовательно-материалистической философии и боевого демократизма Чернышевского – великого русского мыслителя и идеолога крестьянской революции в России. В философских воззрениях Абая есть двойственность. Он – приверженец дуализма, определяющего началом и причиной бытия две субстанции – дух и тело. Он считает, что нравственное совершенствование личности способно само по себе изменить ход истории. Абай приписывает роль творцов истории человека отдельным выдающимся личностям, “героям”, которые ведут за собой пассивный и покорный народ.

Изучая наследие Абая, устанавливая характер усвоения им традиций русского реализма, объективный историк литературы должен, следуя мудрому указанию нашей партии, не улучшать и не ухудшать историю, и в творчестве Абая раскрыть и объяснить свойственные казахскому классическому внутренним противоречия.

И последнее, что надо отметить, говоря о творческих путях Абая, – это его отношение к классикам Востока. Он чтит творения таких писателей, как Фирдоуси, Хафиз, Саади, Низами, Навои, Физули. В ранние годы поэтической деятельности он подражал их любовной лирике. Но в зрелом периоде своего творчества Абай в поисках жизненно-реалистических путей искусства, связанных с эпохой, с запросами народа, обращается не к ним, а к лучшим произведениям гуманистической русской литературы. Абай перерос традиции средневековья, запечатленного в поэзии и афоризмах восточных классиков. Как Ахундов и Тукай, Абай ясно понимал, что при всем восхищении красотой поэзии старого Востока не в ней надо искать прогрессивную исторически-наущную общественную мысль своего времени.

Конечно, и в великолепных памятниках древних восточных культур сохранились неувядающие ценности поэтического мастерства, в них запечатлены многие правдивые мысли, но они, естественно, не могли удовлетворить

поэтов национальных окраин России XIX столетия. Произошли огромные сдвиги в истории человечества, и русская литература XIX столетия, несущая широкие идеи революционного гуманизма, свободы человеческой личности, раскрепощения трудового человечества, равенства женщин, требовавшая независимого от церкви широкого светского образования, провозгласившая еще устами Пушкина братство всех народов “Руси великой”, – русская литература всей своей притягательной новизной и исторической правомерностью не могла не одолеть традиций старой классической поэзии Востока.

Пора нашим литературоведам сопоставить влияния восточной и русской поэзии на творчество таких классиков, как Абай, Тукай и другие, и показать, какое огромное значение для их творчества и для их национальных литератур в целом имела их ориентация на великую русскую литературу. Об этом небесполезно помнить и иметь ясное представление каждому из нас, советских писателей национальных республик, и прежде всего Средней Азии. Пример Абая особенно поучителен.

Влияние русской классической литературы легко прослеживается и в творчестве другого казахского поэта-просветителя и педагога – Ибрая Алтынсарина. Призыв к овладению русской культурой через местную русско-туземную школу путем знакомства с творениями русских классиков, идея освобождения школьного образования от схоластики Востока и православной догмы, то есть от двойного влияния церковников, – вот что звучит в поэзии и прозе Алтынсарина, последователя русского реализма. Смелый реформатор, насаждавший светские школы не только для мальчиков, но и для казахских девочек, он стремился осуществить в своей творческой и общественной деятельности программу русского просветительства. Его труды в целом, – несомненно, прогрессивное явление для национальных окраин тогдашней России. Но надо сказать, что восприятие традиции русского реализма ограничивается у Алтынсарина пределами школьной, хрестоматийной, дидактической литературы. В его наследии мы не находим того широкого, разностороннего, высокоидейного приобщения

казахской литературы к русской классической литературе XIX века, какое есть у Абая. Однако тот факт, что Алтынсарин первый разработал на основе русской графики казахский алфавит и, следуя методике и педагогическим идеям великого русского педагога Ушинского, также создал свою хрестоматию для школьного чтения и включил в нее свои переводы басен Крылова, — все это в целом говорит о его огромной роли новатора, твердо ставшего на путь воспитания казахской молодежи в духе передовых традиций русской реалистической литературы и демократической светской школы.

Справедливость требует отметить, что в среде казахских литераторов нашлись и такие, которые обращались не к демократической культуре русского народа, а к реакционной культуре господствующих в России классов. Шангирей Букеев — поэт конца XIX — начала XX века примыкал своими произведениями к поэтам, проповедовавшим так называемое “чистое искусство”. Он следует поэтам-эстетам шестидесятых годов, воспекает тишину барской усадьбы, ханское прошлое, охоту... Шангирей Букеев, потомок хана Жангира, состоял в списке самарского дворянства, имел крепостных крестьян и помещичью усадьбу на Волге, у озера Коль-Борсы. Несмотря на то что Шангирей Букеев вступил на литературное поприще после Абая, идейные позиции его творчества были далеки от прогрессивной общественной мысли своего времени.

Традиции русского реализма в казахской литературе после Абая продолжены и отчасти развиты в его идейно-историческом плане прозаиками и поэтами демократического направления: Спандияром Кубеевым, Сабитом Донентаевым, Султанмахмудом Торайгыровым.

На заре XX века в Казахстане зарождается художественная проза, начало которой положено романом “Калым” Кубеева. Роман этот далек от совершенства в отношении художественной формы, но идейно-прогрессивные устремления, выраженные в нем, содержат в себе элементы критического реализма. Осуждение родового феодального строя, угнетения женщин, господства властительных биев, атакминеров как главного социального зла в казахском ауле,

отличает это произведение и ставит его в ряд значительных явлений своего времени. В романе противопоставлены два поколения: отцов и детей. Молодежь рвется к новому; чувствуется приближение революционных бурь. Брожение умов и социальный протест против вековых устоев патриархального аула в этом романе раскрыты в образах джигитов и девушек — представителей бедноты, борющихся за экономическое и правовое раскрепощение. И эти герои и их настроения, обрисованные в романе, явились несомненным отражением веяний русской революции 1905 года; передовая общественная мысль, выраженная в русской прогрессивной литературе, пробуждала сознание молодежи национальных окраин.

У казахских писателей не было достаточно опыта в области прозы. Надо признаться, что не было тогда в среде казахских литераторов и талантливых прозаиков. Поэтому в первых казахских повестях нет той глубины и художественной полноты в изображении аула и внутреннего мира героев, которыми отличается поэзия Абая. Тем не менее казахский читатель буквально зачитывался первыми романами типа “Калым”, ценя в них правдивое отображение запросов современности.

С большей силой влияние русского реализма сказалось в послеабаевский период казахской литературы в поэзии. После революции 1905 года на литературную арену выступает талантливый продолжатель традиций Абая в сатирической поэзии Донентаев. Зло и умело он обличает пороки волостных управителей, казахских националистов, торгашей-купцов, недоучек, приверженцев стариков аксакалов, осмеивает позорные, сохранившиеся от варварской эпохи социальные институты прошлого, всякие проявления ханжества и невежества в казахском обществе. В реалистической манере изображения Донентаевым застойного кочевого быта, безвыходного положения казахского крестьянства, в публицистической страстности, с какой Донентаев отстаивает интересы бедноты и клеймит невежество самодовольных чиновников, мы находим ту же школу социальной сатиры Салтыкова-Щедрина и Некрасова, воспринятую уже в абаевском преломлении. Поэзия До-

нентаева этой поры глубоко проникнута духом русского критического реализма.

Произведения Султанмахмуда Торайгырова – поэмы “Батрак” и “В блужданиях жизни” – по своей художественной форме явились новшеством для казахской литературы. В них дана широкая панорама многих, до того не отображенных, неприглядных, но правдивых картин подневольного труда и борьбы аульного батрака. Батрак, изображенный Торайгыровым, ищет пути своего раскрепощения, он глубоко задумался над своей участью, протестует против окружающей его несправедливости, – этот образ батрака многими своими чертами близок образам крестьян из поэмы Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”. Но отсутствие четкого мировоззрения у Торайгырова лишает его произведения силы действенного призыва к классовой борьбе.

В поэме “В блужданиях жизни” юноша-герой размышляет о независимой жизни, достойной человека. Он недоволен окружающей его действительностью. Смутное предчувствие грядущей революции вызывает в нем протест против существующего строя, но отсутствие ясного политического сознания приводит его к отрицанию вообще всяких общественных учреждений, то есть к анархическому нигилизму.

Таким образом, Торайгыров направил стихийную революционность героя своей поэмы в русло буржуазного индивидуализма. Поэт оставил героя поэмы “В блужданиях жизни” на перепутье. Герой не понимает лозунгов Октября, он останавливается перед ними, как перед загадкой, которую он не в состоянии разгадать. В этом идейном метании героя отразилась и политическая слепо́та самого поэта.

Будучи современником Горького и Маяковского, Султанмахмуд Торайгыров остался равнодушным к революционным идеям их творчества. Султанмахмуд остался лишь выразителем индивидуального, анархически-бунтарского протеста. Отсюда происходят его политические блуждания в годы 1917–1918. Поэт попадает в тот же тупик, в котором оказались все идеологи буржуазно-националистической эксплуататорской верхушки казахского общества.

Мы попытались в кратком фрагментарном наброске истории казахской литературы показать, как в сложном процессе становления казахской письменной литературы в дооктябрьский период отразились великие традиции передовой общественной мысли России и русской классической литературы.

Казахские писатели в прошлом обращались к русским классикам с ясным сознанием, что восприятие лучших традиций русской литературы приведет их к вершинам художественной культуры. Уже в прошлом казахской литературы заложены корни исторической дружбы и родства советской казахской литературы с передовой культурой великого русского народа.

Вместе с тем следует помнить, что в прошлом в силу отсталости казахского народа лишь прогрессивные писатели, поднявшиеся над уровнем своей среды, обращались к традициям русского реализма.

С Великой Октябрьской социалистической революцией казахский народ равноправно вошел в братскую семью народов Советского Союза. Он начал активное политическое существование, проявляя себя во всех областях экономической, общественной и культурной жизни Советского Союза. Только в советскую эпоху все творческие силы казахского народа получили широкий расцвет и небывалый размах. Великий процесс возрождения духовной мощи бывших угнетенных народностей России породил новых художников, которым уже ничего не мешало познать и усвоить лучшие традиции русской духовной культуры. Казахские советские писатели выступают в своем творчестве как полноправные наследники Пушкина и Абая, Белинского, Чернышевского и Валиханова, как ученики и продолжатели Горького и Маяковского.

Партия Ленина, воспитывая миллионные массы в духе братства и равноправия наций, объединила духовные силы народов Советского Союза. Партия породила то идейное единство, которое позволяет писателям всех братских народов достигать высот советской социалистической культуры.

Качественный рост литературы является следствием органического освоения метода социалистического реализма. Великие принципы — партийность, тесная связь литературы с нашей социалистической действительностью — незыблемые основы всех наших литератур, независимо от того, на каких бы языках мы ни писали. Это утвержденная жизнью, освященная практикой историческая правда.

Но мы пишем об общей для всех нас единой сути советской действительности на многих языках наших народов. И уже одно это различие языков вносит в художественную форму наших произведений свои элементы национального своеобразия. Близость многих наших советских литератур к истокам народной литературы, к фольклору тоже увеличивает своеобразие произведений советских авторов.

Есть и другой сложный процесс — обновление и обогащение каждой национальной литературы новыми жанрами, усвоенными от передовой русской и мировой классики. Совсем еще недавно не было прозы и драмы у казахов, узбеков, туркмен, киргизов, таджиков и некоторых других советских народностей. Теперь наличие романов и драматических произведений в составе литератур этих народов является истинным показателем наилучшего, разностороннего их развития.

Разве могут арабская или персидская литературы, много веков занимавшие на Востоке главенствующее положение, сравниться теперь с советской азербайджанской, узбекской, таджикской, казахской, туркменской литературами не только по идейному содержанию, но и по богатству и разнообразию новых литературных форм? Но если мы говорим, что наследуем лучшие традиции русской классической литературы и, наследуя, развиваем их в своей национальной литературе, то этим нисколько не снимается вопрос творческого освоения книжного и фольклорного богатства своего народа.

Метод социалистического реализма, осуществляемый наиболее успешно в русской советской литературе, проявляется также и в других братских литературах во всех новых чертах и красках, которые несут с собой все то, что

составляет национальную специфику того или иного народа. Привлечение внимания литературоведов к этой стороне вопроса способствовало бы более глубокой теоретической разработке метода социалистического реализма.

Руководствуясь в своем творчестве методом социалистического реализма — методом всеобъемлющим, безгранично широким и глубоким, мы еще не постигли всю его ширь и глубину. Для этого нужно искать художественное выражение этого метода не только в произведениях, вышедших на русском языке, но и в произведениях, написанных на языках всех наших народов. Только в этом случае мы будем располагать многосторонним конкретным материалом для разработки вопросов о революционном романтизме, о жизненной правде, о художественном обобщении фактов действительности, о литературном мастерстве и т.д.

Говоря о молодости некоторых наших национальных литератур, не нужно забывать одного положения: требования к идейному и художественному качеству произведения у нас всеобщие, единые. Мы должны помнить слова Горького об одинаковой ответственности за свою работу писателя любой национальной республики. На материале своей республики мы должны создавать полноценные произведения, достойные выхода на всесоюзную трибуну, и тем самым обогащать единую советскую социалистическую литературу.

Только так встает перед нами проблема нашего писательского роста. Только при таком требовательном подходе к своему литературному труду мы, национальные писатели, сможем достойно ответить на исторические решения ЦК ВКП(б) и решения ЦК партии наших республик по вопросам литературы и искусства.

Для подтверждения некоторых вышеупомянутых положений воспользуюсь наиболее близким мне материалом.

В советскую литературу возрожденного Октябрем казахского народа пришли пролетарские писатели и народные акыны: Сабит Муканов, Джамбул Джабаев, Нурпеис Байганин; поэты второго поколения: Токмагамбетов, Сыздыков, Абдыкадыров и другие. Наступила эпоха расцвета казахской литературы.

В советскую эпоху изменился не только прежний облик письменной литературы, но даже фольклор приобрел новые, ранее невиданные черты. Наиболее характерным его признаком становится зарождение и постепенное развитие элементов социалистического реализма в советской народной поэзии Казахстана.

Казахские советские поэты в своей творческой работе обращаются к традиции русских советских писателей: Маяковского, Горького, Демьяна Бедного, Багрицкого и других. Оптимизм, пафос политической борьбы, идея дружбы советских народов, любовь к русской литературе — вот характерные черты новой казахской поэзии. На первом этапе своего развития молодая советская казахская поэзия много заимствует от плаката, от газетных статей. Новая поэзия уже участвует в происходившей тогда в ауле классовой борьбе, в непосредственной схватке за утверждение социалистического строя. Эта поэзия была нужна как оружие классовой борьбы бедняку и батраку в ауле, рабочему в городе, была нужна молодежи, новой советской интеллигенции, жадно стремящейся приобщиться к русской культуре.

Хотя форма этих произведений еще не совершенна, но в них уже можно заметить зарождение социалистического реализма. Жизнеутверждение, призыв к действию, созиданию, к строительству отличают произведения новых казахских писателей от классического наследия Абая и Алтынсарина, где главным мотивом всегда являлось не утверждение, а отрицание. Основная линия творчества казахских классиков определялась главным образом неприятием феодально-родовых отношений в казахском обществе.

Существенным, определяющим элементом социалистического реализма в советской казахской поэзии можно считать тематику революции, воспевание героики гражданской войны, подвигов Советской Армии, стремление запечатлеть образ Ленина — гения человечества и великого освободителя угнетенных народов. Раскрепощенный батрак, освобожденная женщина-казашка, полноправные хозяева не только своей личной судьбы, но и своей возрожденной страны, — вот герои новых произведений.

В дальнейшем каждый новый этап социалистического строительства получает свое отображение в литературе, рождая новые поэмы. Расширяется горизонт казахской поэзии. Темой и сюжетом произведений становятся уже не только факты, почерпнутые в казахской жизни, но и интернациональные мотивы братства народов и международной борьбы пролетариата против империализма, мировой реакции.

Мы далеки от того, чтобы считать пути и достижения казахской советской поэзии совершенными. Ей многое еще можно пожелать. В поэзии еще творчески не преодолены устаревшие традиции устной поэзии. Наши поэты недостаточно осваивают достижения передовой советской русской поэзии. Мало у нас подлинного изучения жизни, мало крупных поэтических произведений на темы наиболее близкой нам послевоенной действительности. И все же нельзя не видеть огромных культурных достижений в казахской поэзии, являющейся детищем Великой социалистической революции.

В советскую эпоху зародилась и широко развивалась и казахская драматургия. Но долгое время, наряду с отдельными удачными опытами создания пьес на тему гражданской войны, советского строительства, в значительной части казахской драматургии господствующее место занимали исторические мотивы и сюжеты исторического прошлого. Наибольшее распространение в репертуаре казахских театров получили пьесы на темы казахского фольклора, эпоса, исторических преданий. Характеризуя в общих чертах эти произведения, приходится отметить, что в них почти не преодолены устаревшие традиции, и многие из этих пьес не что иное, как переделка для сцены общеизвестных популярных сюжетов. Не с позиций социалистического реализма, а чаще всего с позиций просветительства трактуются эти сюжеты. В ряде драматургических произведений такого рода затушевывается наличие классов и классовой борьбы в казахской степи. Идея драмы, выраженная в обрисовке действий героев, не превосходит общих отвлеченных понятий о добре и зле...

Условием настоящего художественного роста казахских драматургов является опять-таки их обращение к традици-

ям русской классической реалистической драматургии, к традициям и лучшим образцам русской советской драматургии.

Развитие казахской художественной прозы, по примеру русской советской прозы в начале революции, началось с рассказов, написанных главным образом на темы гражданской войны. Казахская проза росла и развивалась на советской тематике. Гражданская война, советизация аула, ожесточенная классовая борьба в нем, коллективизация, рождение и рост нового человека — вот темы большинства казахских прозаических произведений.

На творчестве таких прозаиков, как Муканов, Мусрепов, Мустафин, Абишев, особенно ярко сказалось плодотворное использование ими некоторых традиций русской реалистической литературы, усвоение метода социалистического реализма в отображении картин колхозного труда, становлении нового человека в его семейном и общественном быту. Современные выдающиеся советские прозаики — Шолохов, Фадеев — также многому научили Мустафина, Абишева.

Героика Великой Отечественной войны нашла свое идейное и тематическое отображение в успешно развивающейся, особенно за последние годы, молодой казахской прозе.

Однако, отмечая эти достижения казахской прозы, мы не снимаем вопроса о систематической учебе казахских писателей у русской литературы в целях наиболее успешного овладения методом социалистического реализма.

Как справедливо отмечено на XII пленуме Союза советских писателей СССР, основным недостатком творчества казахских писателей-прозаиков является недостаточно широкое и глубокое знание жизни.

В описаниях советского человека у многих из нас, казахских писателей, неясно вырисовывается внутренний мир героя. В некоторых наших произведениях сказываются недостатки мастерства: не умея строить сюжет, наши прозаики в погоне за мнимой занимательностью вводят в свои произведения детектив или авантюрную фабулу. Подобными недостатками страдают такие романы Муканова, как “Сын бая”, “Балуан Шолак”, “Сыр-Дарья”, и некоторые рассказы и повести Г. Сланова, Мустафина, Абишева.

Одним из часто встречающихся недостатков наших произведений является замена внутренней психологической мотивировки поступков героев невыразительным, рыхлым, а иногда просто пустопорожним диалогом. Вместо того чтобы создавать насыщенную мыслью речевую характеристику персонажей, отдельные казахские писатели загромождают и речи героев, и собственные ремарки распространенными пословицами, поговорками, прибаутками, творчески не освоенным фольклором. Некоторые казахские писатели небрежно относятся к синтаксису и лексике. В их произведениях преобладает манера устного сказа.

Нам надо бороться за культуру выразительной, лаконичной и художественной речи. Писатель всегда стоит перед задачей систематического, постоянного обогащения речевой культуры своего народа. Это не значит, что следует механически вводить русские слова в тексты рассказов, романов. Но наша задача — приближать казахского читателя к новой речевой культуре, в том числе к особенностям исключительно богатого и тщательно разработанного синтаксического строя русской художественной речи. В этом смысле мы находим много поучительных примеров творческого обращения Абая к культуре слова мастеров русской прозы.

Все перечисленные проблемы развития казахской советской литературы должны получить свое творческое разрешение в создании подлинно реалистического романа на современные темы, в создании настоящих зрелых поэм, в создании казахской советской драмы.

## КАК Я РАБОТАЛ НАД РОМАНОМ

Поскольку тема об Абае являлась исторической, то вначале я подходил к изучению жизни Абая как исследователь и историк литературы. Сначала я написал биографию Абая. Одновременно пробовал историко-литературными обзорами осветить и осмыслить особенности творческой природы поэта. Как исследователь историко-литературного процесса, я также не переставал думать о том, что мне нужно воспроизвести на художественном полотне эпоху Абая. И чем больше я думал над этой проблемой, тем все яснее выступала одна идея. Эта идея заключалась в том, чтобы по мере сил воспроизвести процесс организации общественной мысли прогрессивной части казахского народа через продолжительную поэтическую и просветительскую деятельность Абая. В нем, как в фокусе, сосредоточились сложные противоречия исторической эпохи и вдохновенные, жизнеутверждающие порывы, которые таил в себе казахский поэт.

12 лет тому назад отмечалось столетие со дня смерти А.С. Пушкина. В связи с этим в моей работе произошли перемещения, на первый взгляд не совсем творчески организованного порядка. Вместо того, чтобы работать над главой с начала жизни Абая, я написал заключительную книгу из последней книги романа, которая называлась “Как запела Татьяна в степи”.

К эпохе Абая, к его жизненной борьбе я обратился не ради особенности быта, среды, этнографических деталей окружавшей его действительности. Я обратился к Абаю, как к наиболее яркой, одаренной личности, идейно и исторически особенно привлекательной. Через нее наиболее полно и убедительно можно было вскрыть корни истори-

ческой дружбы русского и казахского народа, идею братства в культуре народов “Руси великой”, возведенную Пушкиным в его знаменитом “Памятнике”. Через творческое и духовное общение Абая с Пушкиным я стремился художественно воссоздать благородную идею прогрессивного влияния русской культуры на исторический ход развития казахского народа. Проходя вместе с героем его отрочество, юность и зрелую пору его тревожных беспрестанных поисков, я пытался раскрыть пути и перспективы творческого развития его самого и становления казахского народа.

Теперь, как видит читатель, я пришел вместе с Абаем к вершинам его духовного взлета, к великому наследию русской классической литературы. И в этом смысле песня Татьяны – это не только перевод Абаем одного отрывка из гениального произведения Пушкина, а это звучит как олицетворение всей суммы русской передовой демократической культуры. Эта культура, как великая сила, притягивала к себе все исторически передовое, прогрессивно значительное в истории всех народов России.

Сейчас я работаю над новым романом, посвященным последнему периоду жизни Абая. Это не продолжение романа “Абай”, а самостоятельная книга о поэте-мыслителе, главе одаренной поэтической школы, книга о великом гражданине, заканчивающем свой жизненный путь в отсталой, скудной в то время степи. Этот роман я думаю закончить в настоящем году.

Дальше я перехожу к созданию серии романов на советскую тематику, начиная с событий 1917 года до конца послевоенной сталинской пятилетки. Период социалистического преобразования Казахстана будет отображен мною в четырех книгах.

В целом опубликованные две книги романа “Абай”, роман о конце жизни Абая, который я сейчас пишу, и четыре книги будущих романов о советском периоде истории Казахстана должны охватить столетнюю историю казахского народа. В этой серии романов на судьбах и борьбе поколений должны отразиться и безотрадное феодальное прошлое, и самая счастливая пора исторического существования казахского народа – Сталинская эпоха.

**Әрбн  
сценарий**







# **СТЕПНОЙ БАТЫР**

**Литературный  
сценарий**



Ночь.

Склоны Алтая.

Лес. Камни. Туман.

Слышны далекие крики загонщиков.

– Аой! Ао-о-ой! – кричат они протяжными громкими голосами.

– Аой! Ао-о-ой! – передразнивает их эхо в горах. Крики приближаются, становясь все громче и громче.

Из-за деревьев и камней появляется первая пара загонщиков: Толстый и Худой.

Т о л с т ы й

Ты видел, как тень зверя здесь промчалась?

Х у д о й

Видел.

Казалось, что земли он не касался.

Летел по воздуху...

Ой, странный зверь – не произвел он шума.

*(От страха голос его слабеет.)* Аой! Ао-о-ой!

Т о л с т ы й

Ты что кричишь так слабо и неровно?

Х у д о й

Когда мне страшно – слабо я кричу!

Когда кричу я сильно – голос заглушаю!

Т о л с т ы й

Глотай воображаемое мясо! Поможет...

Х у д о й

Спасибо. Глотаю я туман сырой.

И, кажется, уж сыт:

Раздуюсь, подобно облаку –

И... буду на тебя похож!

Т о л с т ы й

Пожалуй... Потрудись!  
Но в этом деле мясо нужно –  
Да пожирней, да сон, чтоб завязался жир.  
И, главное, довольство и покой...  
А как известно мне, Карабай  
Вас скупко кормит и в скупости  
Подобной тверд.

Х у д о й

Страсть, как тверд;  
Я это чувствую по собственным костям...

Т о л с т ы й

Не в меру страсть к добру не приведет...

Появляется тень, не похожая ни на животное, ни на человека.

Х у д о й

Все та же тень.

Т о л с т ы й

Кр-ри-чи-и.

Раздается хохот гиены. Загонщики в страхе убегают.

Засада в огромных камнях.

– Аой! Ао-о-ой! – приближаются крики.

Карабай, Сарыбай – охотники, вооруженные копьями и стрелами, ждут зверя. Совсем близко от них заблеял дикий баран. На его блеяние отозвался другой. Охотники настораживаются. Неожиданно появляется странная тень. Она прыгает на голос баранов. Что-то тяжело падает на землю.

С а р ы б а й

Все та же тень.  
Кульджа\* огромный, а бесшумно скачет!  
Не нравятся места мне эти:  
Повсюду тени и голоса чужие...  
То виден зверь, то нет его...

К а р а б а й

Тише, Сарыбай!  
Зверь чуткий, засаду обнаружишь!

---

\* Вожак стада архаров.

С а р ы б а й

Ой! Ой! Запутал нас злой дух!

К а р а б а й

Не место здесь для бабьих сказок!

Держи-ка крепче лук, да целься прямо

под ключицу,

Не то сам свалишься в ущелье...

Зверь сильный! Смотри, рога какие!..

С а р ы б а й

Ой! Ой! Ой! Ой!..

К а р а б а й

Слушай, друг, хочу я испытать свою судьбу:

Если убьем его, то наши дети счастливыми родятся!

С а р ы б а й

Хочу я верить в это...

Сегодня в небе знак хороший — новолунье!

К а р а б а й

Тот победит, кто крепко верит!

Ударим же в честь будущих детей —

Единственной надежды нашей!..

Все стреляют; охотники бросаются к убитому архару.  
Первым подбегает Карабай, в руках у него блеснул нож.

К а р а б а й

Эй, смотрите...

Вот дело рук моих!

Я не козла — быка свалил стрелой!..

*(Подхватив козла за ноздри, он поворачивает его головой  
к востоку и перерезает горло.)*

Тенри, великий владыка неба...

Освяти мясо и кровь!

Отгони дух завистливый!!!

С а р ы б а й

Карабай, удачный выстрел

Загадку нашу разрешил...

Судьба счастливого лица к нам повернула...

Давай же закрепим удачу эту клятвой!..

К а р а б а й

Коль плод тех слов полезен нам — согласен я...

Оба набирают кровь из раны козла в ладони и, подняв их вверх, обращаются к небу:

Пусть в час утренней молитвы услышит небо нас!..

О, Тенри! Внемли словам ты нашим —

Поставь свой приговор и руку наложи

На нашу клятву... *(Продолжает один Сарыбай.)*

Если у обоих родятся мальчики —

Пусть будут названными братьями!

К а р а б а й

Если девочки родятся у обоих —

Пусть будут названными сестрами!

С а р ы б а й

Если и девочка и мальчик —

Пусть женихом с невестой будут.

*(С последними словами они прикоснулись ладонями к груди друг друга. На камзолах остались кровавые следы.)*

О х о т н и к

Ой! Ой!.. Смотрите, кто-то сердце вынул у козла.

К а р а б а й

Что за ерунда!

То от стрелы моей зияет рана.

С а р ы б а й *(осматривает зверя).*

Нет, Карабай, не ты убил барана.

То дело рук чужих!

Смотри, вон стрелы все валяются на камнях.

А крови и следа на них не видно.

К а р а б а й *(осматривает стрелы).*

Впервые на веку своем я вижу,

Что зверь, убитый мною,

Добычей стал другого.

О х о т н и к

Опасный хищник ходит здесь...

Перед тем, как копыя бросить,

Мы тень заметили...

Он прыгнул на кульджу бесшумно...

С а р ы б а й

Но рана тут не от зубов звериных

И не от ножа охотников...

Не медные ли когти Мстан-Кемпир здесь побывали?

О х о т н и к

Ой! Ой! Спаси нас небо!..

Другое место в горах. Другая пара загонщиков. Они почти бегут. Бросают камни, производя шум.

П е р в ы й

Слышал про эту ведьму?

В т о р о й

Слышал...

П е р в ы й

Говорят, она всем ведьмам ведьма!

В т о р о й

Да ну... Такая же, как все, коль есть они на свете.

Одна лишь разница, что те летают, а эта — нет.

П е р в ы й

Да, почему?

В т о р о й

Запрещено. Уж слишком кровожадная была...

Отрезали ей крылья и на день заставили

В змеиное ущелье прятаться...

П е р в ы й

Ишь ты!..

В т о р о й

Да, да... Зато уж ночью — власть ее!

Бредет туда, куда захочет...

То в волка превратится, то в гиену...

И хохочет...

Раздается хохот гиены. Туман сгущается.

В тумане Толстый и Худой тащат убитого кульджу.

Т о л с т ы й

Ты так дрожишь, как будто снег идет.

Тебе не тяжело?

Издалека доносится хохот зверя.

Х у д о й

Мне страшно!

Т о л с т ы й

Коль страшно – не неси.  
Видать, не так ты голоден!  
Что ж до меня – мне все равно,  
Готов я съесть вот эту ляжку  
Вместе с Мстан-Кемпир...

Х у д о й

Скажи, з-з-зачем она  
Сердца съедает у животных?..

Т о л с т ы й

Зачем?.. *(Отдувается от усталости.)*  
Затем, что ей летать по небу хочется...  
Ну, а для этого она должна  
Убить птицу-великана, Самрук...  
И съесть у ее птенца сердце!..

Х у д о й

Да ну?!

Т о л с т ы й

Да... Но птица прячет сердце на ночь  
У высокогорных козлов...  
Вот она и ищет архара с двумя сердцами...

Панорама.

Охотники ищут второго убитого зверя.  
Начинается ветер, он быстро усиливается. Пошел дождь.

С а р ы б а й

Вот тут, у этого он камня должен быть!  
Вот он!..

Все подбегают к убитому архару и вновь обнаруживают ту же странную картину: стрелы и копыя разбросаны по земле, – это не случайность. Секундная мертвая сцена.

Бледный свет осветил охотников. В это время кто-то захохотал, – почти залаял, вслед за тем по горам эхом прокатился гром.

К а р а б а й

Кто там смеется? Эй, джигиты!  
Кто снова подшутил над нами?  
Отвечай!

Г о л о с а

Не знаем мы.

Смеяться нам желанья нет!

Тебе почудилось, наверно, —

Это гром иль змея крик!!

К а р а б а й

Какого змея? Змей не говорит.

Г о л о с а

Мы видели в ущелье... Там много их...

У них глаза огромные...

А из пастей огонь и дым идет!!!

К а р а б а й

Ну что вы брешете!..

С а р ы б а й

Друг мой, благодаря упрямству твоему

Зашли мы далеко...

Сердца ворует только Мстан-Кемпир...

Здесь логово змеиное ее...

Г о л о с а

Мстан-Кемпир!

Спаси нас бог!

Буря, дождь и гроза усиливаются.

К а р а б а й

Пустое!.. Ерунду ты мелешь!

Зачем своими бреднями смущаешь дух  
охотничий?

Они из храбрецов в трусливых зайцев  
превратятся!

Трубите сбор!

Резкие звуки охотничьих рогов заглушают гром и свист ветра. Неожиданно сильный свет молнии рассеивает темноту и обнаруживает высоко над охотниками, на камне, Мстан-Кемпир.

Часть охотников прячется за Сарыбая. Сарыбай прицелился и пустил стрелу. Видно, как тень была поражена в глаз.

Прикрывая раненый глаз, Мстан выпрямилась и, угрожая, зашипела:

— О, берегись же, малодушный...  
Ты слепо веришь в духа вещей тайны.  
И в этом смерть твоя!  
А вашим детям не будет счастья!!!  
К а р а б а й  
Что там?.. Опять козла подбил?  
С а р ы б а й  
Нет. Там была Мстан-Кемпир.  
К а р а б а й  
Опять ты за свое...  
Тебе все чудится и кажется кругом.  
С а р ы б а й  
Я в глаз ей угодил.  
К а р а б а й  
Ну, если в глаз и непременно ей,  
Как заверяешь ты,  
То зависти у ней наполовину сбавил.

Все бегут к тому месту, где появлялась Мстан. Осматривают... Но там стоит лишь камень и кривое, расщепленное молнией дерево; без зелени оно напоминает фигуру человека. Стрела торчит в верхнем изгибе ствола.

Карабай, увидев стрелу, хохочет...

Рассвет в степи.

В оркестр влетается “пиано” хора. Хор поет без слов.

На востоке из-за фаты тумана возникли пучки лучей. Они, как струи жидкого золота, устремились вверх к небу. Добежав до облаков, лучи рассыпались, потеряли свою чудесную силу и потухли... Затем они бросились на вершину гор. Лизнули их раз, другой, третий... И вечно снежные вершины Алтая заблестели, заискрились вдруг, как алмазы.

Над горным хребтом медленно и важно плывут облака. Они ползут неторопливо, как караваны верблюдов по бескрайней степи.

Умывшись в зеркальной глади озера, величественно поднимается солнце — источник жизни.

Прорывая хлопья тумана, его ласковые лучи скользят по степи, целуя цветы и стебельки ковыля, умытые росой.

И вот залитая золотом степь зашумела, ожила вдруг, заволновалась.

В оркестре рождается тема — тема непобедимой любви и верности.

Сейчас она, раздвигая шторы дремоты, полная утренней неги и томления, пробуждается вместе с природой, оглашая воздух пастушьими рожками, серебристыми трелями жаворонков, говором степей.

По мере движения, обогащаясь, она вырастает в сюиту торжества жизни и плодородия...

Хороши казахские степи! Хороши альпийские луга! Зеленые сочные травы — по колено лошади — пушистым ковром устилают черную влажную землю.

Обласканные утренним лучом красавцы маки раскрывают свои чашечки навстречу солнцу.

Тяжело кланяются мясистые тюльпаны.

Мохнатые эдельвейсы поблескивают хрусталиками росы. Жужжат тучи пчел, собирая дань природы с душистых цветов и яблонь.

Неуклюжий фазан, бороздя крылом по земле, петушится вокруг своей подруги...

Нежно прижавшись друг к другу, стоят зачарованные антилопы...

В гуще роз две горлицы смыкают свои клювы, а над ними, как бы венчая их, вьются хороводы мотыльков... Любовь! Любовь! Прекрасна ты!!

Это тебя восхваляя, заливаются голосистые жаворонки. Они стайками поднимаются навстречу лучам солнца и тонут в безбрежных глубинах неба, где кружат величественные орлы...

Хор поет то мягко, то бурно, то широко и нежно.

Вторит ему и поет с ним зачарованная природа.

Солнечными флейтами рассыпалась мелодия в конгражурах величественных елей, зажурчала водой арыков и цокотом цикад.

На горных кручах бродят стада овец.

Их охраняют мохнатые собаки. Пастухи играют на рожках и перекликаются.

Там и здесь пасутся табуны лошадей, по колено утопая в траве.

Серебристый ковыль, склоняясь от ветра к земле, об-  
нажает между хребтами своих волн жеребых кобылиц...  
И кажется, что они, как темные струги, тяжело качаясь,  
поднимаются и опускаются на огромных волнах.

Х о р

Слава!.. Слава!..

Слава тебе, дающему жизни начало!..

Слава священной любви, твоими лучами согретой!

Слава премудрому солнцу!!!

Слава!!!

Под торжественный гимн охотники, налив кумыс в рога,  
поворачиваются к солнцу и, чинно выплеснув кумыс на тра-  
ву, отвешивают земной поклон.

Здесь, на альпийском лугу, где степь остановила свой  
привольный бег и, покорная, легла к подножью гор, люди  
наслаждаются плодами своего труда.

Жаркие костры плавают тучные бока козлов и румянят  
щеки удалых поваров...

На камнях, с покрытыми головами, торжественно дрем-  
лют орлы. Кругом — горы дичи, шкур и убитого зверя...

А там... За шумным водопадом ошетинились горы пи-  
ками леса. Нахмурились бровями туманов гулкие храни-  
тели тайн.

И там, хоронясь за тенью скал, бежала от звуков и лу-  
чей солнца старуха Мстан. Она опускалась все глубже и  
глубже в ущелье, тщетно стараясь найти надежное укрытие.

Но все нарастающая сила пробуждения природы ог-  
ромной волной хлынула в ущелье и затопила его.

Мстан, словно тонущий зверь, озлобленно борется со  
звуками. Она закрывает уши, глаза. Но звуки лезут сквозь  
одежду, руки и пальцы, они пронизывают ее насквозь, как  
стрелы.

Старуха не выдерживает пытки.

Разъяренная, она вскакивает на камень и, угрожая до-  
линам, кричит:

— Да провались сквозь землю вся та дрянь, что на земле  
живет!.. И порождение дряни — звуки эти! Они, как стре-  
лы, жалятся и лезут в уши — пищат... визжат... Клянусь,

я уничтожу. Огонь пожрет всю силу размноженья – в пустыню превратится степь!

Тогда она молчаньем гробовым для слуха моего отрадой станет... И только мой здесь будет раздаваться голос!  
(Хочет.)

Г о л о с

Смолкни ты, разъяренная злоба!..

М с т а н

Кто там? Чей это голос?

Старуха поворачивается и видит высоко на скале гнездо птицы Самрук. Мстан, думая, что это голос птицы, отвернулась от гнезда: ее грозный взгляд не выдержал чистоты небес.

М с т а н

А, это ты, желанная моя Самрук!..

Г о л о с

О чудище, ты зверь пещерный!

Кровавую руку свою ты на кого поднимаешь?

На мать, всему что дышит и живет!

На землю, на природу! На человека, жизнь!

На высшую гармонию любви и разума!!!

Иль жизни торжество – тебе обидно?

Иль ты боишься, что радость, горе вытесняя,

Смерть тебе готовит?!

Но так и должно быть!

Иль ты забыла, что срок имеешь свой?

Так помни: жизни вечное движенье

Не замедлишь, – лишь изранишь грудь земную!..

Но раны зарастают скоро!.. А сквозь

Пепел и уголь жизнь снова пробьется к солнцу!

Снова она встанет могучим стволом своим

Над землею, упершись в нее глубокими корнями

Своими... Снова, набравшись материнских соков

Земли, ствол раскинет свою зеленую крону!!!

Но зато тебя будет ждаться суровая кара!

Страшен будет конец твоей жизни!

Лучше смолкни! Смолкни!

Злобой ты омрачаешь светлый блеск настоящего!!!

М с т а н (*громко*).

В последнем я с тобой согласна!

(*Тихо в сторону.*)

Но в остальном сужденье я свое имею

И действовать по-своему я буду!!!

Нет общего меж нами... Хочу порвать я узы,

Связующие землю и меня...

Они, как камни на ногах раба, меня все книзу тянут!

А я летать хочу!

Хочу быть выше всех и властвовать над вами!!!

Одна, без жалоб и стенаний, хочу я промыслом

Заняться перед смертью, которую накаркала ты мне...

Вы ползать будете! А я, набравшись сил,

Подобно демону, расправив крылья,

На воздух поднимусь за облака,

Туда, где звезды и месяц золотой!

Люблю свою стихию, дела и мысли злые,

Добро я ненавижу, как ночь люблю и ненавижу день!

Когда я слышу слова такие, как: “Клятва”, “Дружба”,

“Счастье” и “Любовь”, – меня бросает в жар!

Направлены они против меня! Я умерщвлю их!

Разрушу я начало жизни: причин первопричину –

Любовь! Как на дрожжах, на этом чувстве все

Остальные бродят: мир, воля, добродетель,

Честь и совесть...

Самрук, коль я тебя еще не съела, и мне поэтому

Еще нельзя летать, чтоб мир испепелить, разрушить

И низвергнуть, – то изберу для действий путь иной!..

Любовь?! Гм!.. Я вытравлю из человека это чувство –

Он будет скорлупой пустой!!!

Тогда я в людях вызову к жизни хаос низменных

страстей!

Слова их очерстевают, и люди, озверев,

погубят себя сами!!!

Тогда разрушу я союз, связующий

любимое с разумным!!!

Г о л о с

Так вот твое высокое призванье!

Высокое разрушить не смогла,

Тогда по мелочам ты разрушать решилась?!

Смотри же, не только крылья, но и когти твои  
отрежут!!!

М с т а н

Что делать? Пусть будет так!

Пока вы думать да угрожать мне будете,

Я буду действовать и своего добьюсь.

Г о л о с

Смотри, не прогадай! Чтоб действовать,

Подумать надо!!!

М с т а н

О, берегись же ты, самонадеянная птица!!!

Живешь ты высоко, но я тебя достану.

И знаю чем — стрелой Кодара.

Стрела, которая убить и бога может,

Коль пустит он ее своей рукой...

Но помни, если от стрелы его убережешься ты,

То к жизни я из недр земли могучий хаос

вызову.

Движением своим разрушит скалы он,

И ты тогда сама к моим ногам падешь!!!

*(Мстан удаляется с хохотом.)*

Привал охотников.

Карабай старается осилить огромный окорок. Его смеющиеся глаза тонут в жирных складках лица и вновь появляются черными пуговками.

Запивая мясо вином, он поет. Его поддерживает нестройный хор пирующих охотников:

Нам с гуриями рай сулят на свете том

И чаши, полные пурпуровым вином...

Красавиц и вина бежать на свете этом

Разумно ль, если к ним мы все равно придем?..

Недалеко от них на узорном текемете сидит Сарыбай. Остановившимся взглядом смотрит он на холодные воды водопада. На душе у него тревожно и грустно. Безвольные его пальцы едва касаются струн домбры, не извлекая из них гармонии.

— Ну, что ты грустишь? — обращается к нему Карабай, и напевает:

Над нашей головой еще не грянул гром,  
Давай же пить вино, покуда мы живем.

— Нет, не шути, мой друг!— грустит Сарыбай. —  
Чует мое сердце — мне угрожает несчастье!  
Помнишь, ночью я сразил стрелой старуху?  
Боюсь, что отомстит она!!!  
Карабай! Ты был всегда мне верным другом...  
Если я погибну, будь моей семье осиротевшей  
Покровитель и защитник.

— Ну, что ты выдумал опять?  
Когда б ты пил,  
Сказал бы я — не в меру выпил ты!  
Но ты не пил — тем хуже, значит, глуп!  
А впрочем, даю тебе я обещанье в том,  
О чем ты просишь!!! — пьяно отвечает Карабай.

М с т а н - К е м п и р (*следит из-за укрытия за этой сценой*).

Один готов!..  
Теперь возьмусь и за другого.  
О, здесь трудиться долго не придется.  
В нем страсти алчности я разожгу  
И на костер их жаркий брошу честь и совесть!  
Они сгорят, и вспыхнуть не успеют.  
Честь и совесть слово держат.  
Что слово для него тогда? Лишь звук пустой!  
Нарушит клятву Карабай!

Старуха исчезает...

Раздается далекий трубный звук. Это сигнал поисков — это степное “Ау! Где ты?”.

Охотники Сарыбай и Карабай, прислушиваются, узнав звуки своих сигналов:

“Тру-тру-тру! Тра-тра-тра!  
Три-тра-три-тра-три-тра-тру!”

Дальнему рожку откликается другой, третий рожок. Все ближе и ближе. Звуки десятков рожков слились в унисон.

Мчатся на конях посланцы из аула, трубят в десятки рожков, ищут Карабая и Сарыбая.

Вот разъехались они веером во все четыре стороны по просторной степи, разошлись звуки рожков и поблекли.

На вершине сопки пастух, сложив ладони у рта, выкрикивает соседу-пастуху, что стоит с другой отарой на другой сопке:

– Ты не видел Карабая?

– Сарыбая ты не видел?

– Не-е-ет, не видел!

## Ш т о р к а

Перекликаются другие пастухи, в другом месте.

– У жены-ы Сарыбая сын родился-а-а!

– У жены-ы Карабая дочь родилась-ась! Слы-ышишь?..

– Слышим!— восторженно отвечают оба бая.

По-молодецки прыгнув в седла, они помчались навстречу счастью.

Сарыбай торопит лошадь, подхлестывая ее нагайкой. Он далеко оставил позади себя Карабая.

– Погоди, куда ты так скоро?! – вдогонку кричит Карабай.

Но Сарыбай не хочет слушать, всех быстрее несется он к дому... И вдруг конь его падает, споткнувшись...

Сарыбай падает из седла, головой на камень.

Охотники спешат к нему на помощь, но находят его уже мертвым.

Они осторожно кладут труп на белый войлок, заворачивают его и, повернувшись лицом к востоку, шепчут молитву...

## З а т е м н е н и е.

### И з з а т е м н е н и я.

Дорога пыльной лентой лежит среди камышей. Одним концом она убегает вверх, другим – в степь.

По дороге едет дружина воинов на черных конях. Воины одеты в черные волчьи шкуры, головы покрыты волчь-

ими пастями. Впереди едет Кодар. Воины зорко осматривают степь и поют:

Мы, орлы, не знаем страха,  
Нож да конь нам нужен.  
Кто желает жить спокойно, —  
Будь с Кодаром дружен.

*Привев:*

По степям да по долинам  
Вихрем пролетаем,  
Будет недругу расплата,  
Коли повстречаем!  
И у нас душа свободна  
И вольна, как птица!

— Тише! — остановил Кодар и прислушался.

Издали доносится звук трубы. Прекратилось пение. Воины спрятались в камышах. На дороге, спешившись, остался один Кодар, спрятавшись за камнем, он прислушивается...

Вы степные, кочевые,  
Люди добрые казахи,  
Вы съезжайтесь к нам на праздник,  
На веселый той рожденья! —

слышит Кодар возгласы. Голосов много, а по дороге вьется пыль от одного всадника.

На осле, увешанном тряпками и амулетами, едет старуха.

Один глаз у нее перевязан. Из длинной трубки, торчащей во рту, струится дым.

Старуха поравнялась с Кодаром. Он неожиданно, как из-под земли, вырастает перед ней и хватает осла за уши. Старуха пугается — перед ней чудовище в волчьей шкуре.

С т а р у х а

Шайтан! Шайтан!

Ты что меня пугаешь?

К о д а р

Не ты ли в гости зазываешь?

Старуха  
Не я. Там кричат.  
Глухой ты, что ли?  
Да отпусти ж осла!  
Мне торопиться надо!

Кодар  
Куда едешь, старуха?

Старуха  
Ищу Кодара. Не видел?

Кодар  
Он перед тобой...

Старуха  
Не верю.

Кодар  
Не веришь?

Вдруг кругом захохотали камыши:  
— Ха-ха-ха-ха!.. Не верит! Да, видно, ты совсем слепая  
стала с одним глазом!..

Старуха испугалась, осмотрелась кругом. Затем, вспомнив про свой глаз, дотронулась рукой до повязки и, озверев от обиды, заорала:

— Шайтаны, что смеетесь над бедной старухой!

В это время Кодар снял с головы забрало — волчью пасть. Повернувшись, старуха растерялась от неожиданности.

Мстан  
Кодар?

Кодар  
Кодар...

Мстан  
Скажи, стрела, что поразить все может, при тебе?

Кодар  
При мне. А что тебе за дело до нее?

Мстан  
Так...

Кодар  
Ну, коли так, проваливай своей дорогой!  
Нет... Постой.  
Не знаешь ли, к кому гостей там заывают?

М с т а н

Да как не знать... Тебе там будут рады...  
Ну что ты мечешься в степи, как перекасти-поле?  
Смотри, видишь, ветер гонит его туда-сюда,  
Налево и направо, трава пустая и бесцельно катится.  
Так и ты бесцельной удалью сжигаешь  
молодость свою.

На твоём пути обманчивый успех, Кодар:  
Ты встретишь табуны – они твои!  
Ты встретишь жен чужих – они твои наложницы!..  
Но подумай, твои ли они навсегда?  
Набеги и грабежи только обкрадывают твоё счастье  
и твою силу!!!

...Пройдут года, созреют твои думы,  
Сердце твоё наполнится муками тоски,  
А счастья не будет у тебя!..  
Так думай о нём сейчас!..  
Оно родилось нынче!.. Родилось твоё счастье!!!  
О нём-то и кричат неразумные вестники!  
Родилась Баян – дочь Карабая...  
Краса земли; подлунный мир не видел подобной  
красоты!  
Отвоюй её!.. Возьми то, что тебе должно  
принадлежать.  
Баян перлом небесным украсит твои зрелые годы!  
Но смотри, не прозевай... Со счастьем твоим  
Родилось и зло твоё... Родился Козы, сын Сарыбая,  
Волею глупых отцов они сейчас будут наречены...  
Бейся за своё счастье, Кодар.  
Разрушь их союз!!! Но запомни примету:  
Дорожи уходящим месяцем,  
Жди удачи с ущербной луной!!!  
Бойся полнолуния, – не принесёт оно тебе счастья!!!

К о д а р

Скажи, кто ты?

М с т а н

Для тебя – я добрая вестница.  
Торопись, Кодар!  
Я дам тебе знать, когда начнется той. (*Старуха ис-  
чезает.*)

**З а т е м н е н и е .**

## И з з а т е м н е н и я.

Той...

— Отныне наши дети будут неразлучными! — гордится пьяный Карабай, показывая на свою грудь, где кровавая печать скрепила клятву друзей.

Его слушают обе матери, сидящие около люлек, где лежат новорожденные: Козы и Баян.

Говор одобрения проносится по рядам гостей, сидящих большим кольцом вокруг люлек.

На коврах в избылии расставлены угощения.

Тут и сабы с кумысом, и горы баурсаков, пирамиды казы, груды мяса и плова.

За кругом гостей — круг костров, там хлопочут женщины у казанов, где варится мясо.

— Козы, Козы, не стало у тебя отца.

И ночь печали и свет радости в сердце моем...

Ягненок ты мой, не осуждай грусть мою! — плачет над ребенком жена Сарыбая.

— Не туши радостный день слезами траура!

Не раскрывай двери жизни сына своего

С печальным лицом!

Даже тополь, сраженный молнией,

Завещает своему семени жизнь!

И твой жеребенок лихо поскачет

Тропою коня боевого!

Укrotи свои слезы!

Лучше послушай баксы,

Они судьбу предскажут нашим детям! — успокаивает ее Карабай...

— Спасибо за доброе слово, отец ты наш! — с трудом крепится вдова.

— Пусть предскажут судьбу детей! — загудели гости. Появляется группа предсказателей — баксы.

У самого старшего из них, что с длинной белой бородой, перевязан глаз. Во рту торчит знакомая нам длинная трубка.

Карабай передает старшему баксы черного ягненка с перевязанными ножками.

– Принеси его ты в жертву духу вещей тайны. Предскажи судьбу детей!

Старый баксы, взяв ягненка, положил его на траву около детских люлек, затем вынул из-за пояса нож и, размахивая им над головой, приказал своим помощникам:

– Братья вещи, скорей в хоровод кругом, кругом! Для меня три первых круга!

Три тебе *(показывает на ягненка)*,

Три друг для друга! *(Показывает ножом на детские люльки.)*

Трижды три закручен круг.

Играя на кобызах и бубнах, баксы прыгают вокруг малюток и их родителей. А когда старик взмахнул рукой и опустил нож за кадр (заколот ягненка), его помощники с шумом разбежались по становищу и стали продолжать танец за спинами пирующих, идя по кругу.

Гости с любопытством рассматривают, что делает предсказатель.

– Посмотри-ка!

– Что там? Что там?

– Видишь, сердце вынул?

– Вынул легкие и печень...

– А теперь он в сгустках крови ищет знаки тайные...

Танцующие баксы незаметно для гостей подсыпают в чашки сонное снадобье.

Гости пьют из чаши кумыс и хмелеют, глаза слипаются, их тянет ко сну.

Один за одним они падают на ковер и засыпают тяжелым сном.

Делая второй круг, баксы воруют у них оружие и прячут его.

Баксы-предсказатель поднялся с земли, и, взяв кобыз, начал кружиться и петь:

– Ветер шепчет травке сказки,

Травка их земле расскажет...

Приложу к земле я ухо,

Все услышу, все узнаю...

Он припал к земле, послушал и вновь поднялся, стал смотреть вдаль что-то видящим взглядом.

– Даль темна... Но вот туман рассеялся...

Вижу, вижу... дорогу жизни ее...

О, как прекрасна ты, луноподобная Баян...

Вижу я его дорогу... вот она с твоею рядом...

Коротка Баян дорога...

Лишь пройдя до половины, жизнь Баян оборвалась!!!

Где она?.. Куда исчезла?

Злые духи, отойдите!.. Отгадать мне дайте тайну...

Кровь! Кровь кругом! Я вижу кровь Баян!

А в сгустках крови – нож! Чей это нож?

О, несчастные! Рано нарекли отцы вас,

Не открыв судьбы завесу!..

Не успел Козы родиться, как отцу принес погибель!

Сразу же притихли гости и, смущенные, молчали.

– Что ты каркаешь, безумец! – возмущается мать Корпеша.

– Тебя слушать – сердцу больно! – поддерживает ее мать Баян.

– Тихо, бабы! Пусть доскажет!.. По рассказу – угощенье, – цыкнул на женщин Карабай.

Не обращая внимания на взволнованные реплики, баксы продолжает:

– Знаки тайны, откройтесь!..

Что за кольцо? Это путь Козы-Корпеша!!!

Вот он лентою прямою пересек другую ленту

И, скрутившись часто в кольца,

Обхватил тугою петлей нож кровавый!

Дальше все в тумане скрылось.

О, несчастные! Теперь я знаю...

В дикой ревности, безумный, он убьет Баян невестой!

Сын-отцеубийца – жены своей убийцей будет!!!

Кругом раздались крики протестов и возмущения.

Карабай схватил предсказателя за шиворот.

– Как ты смеешь? Лжешь ты, дьявол!

Отвечай, все это правда?

Б а к с ы

Правда...

Богатый отец, безрассудно мне желать тебе такого брака.

Берегись ты страшного ребенка...

Уезжай в другую степь!..

Но торопись, не то другое горе упадет на твою голову... Слышал я, что к тебе на той едет Кодар с дружиной...

К а р а б а й

Кодар?

Б а к с ы

Да... Уж, верно, близко он.

Если не хочешь потерять свои табуны

И затянуть жестокую петлю аркана вокруг своей шеи,  
То спеши!

К а р а б а й (*выпускает баксы и испуганно трет рукой свою шею*).

Эй, вы, люди-и-и!

Навьючьте на верблюдов все мое добро...

Пастухи! Пастухи! Чтоб вам пропасть!

Табуны стоняйте вместе!

Кочева-ать я отправляюсь! —

орет Карабай. Он бегаёт от одного к другому, того бьёт плетью, этого поторапливает пинком.

Подбежав к жене и увидев, что дети лежат рядом, он посмотрел со страхом на Корпеша, сказал на ходу:

— Собирай ребенка!

Обе матери преграждают ему дорогу:

— Ты же клятву дал, неверный! Вот она!

Женщины показывают на его грудь, где темным пятном кровяной знак клятвы.

— Прочь! И слышать не хочу!

Он сбрасывает с себя камзол с кровавым пятном и бросает его в костер.

Возникает музыка — тема непобедимой любви и верности.

На фоне уходящего каравана прощаются две матери. На руках у них двое новорожденных.

Вокруг них плачут склоненные на коленях женщины.  
Лица матерей обращены к молодой луне.

О б е м а т е р и

Золотое светило — Маусым!..  
Малолетки наши — сверстники тебе...  
Они родились вместе с тобой...  
Мы доверяем тебе их судьбу!..  
Будь знамением счастья в час встречи наших  
детей.  
Родили мы не только детей,  
Но и святое семя — любовь!  
Запомни, месяц молодой, в час прощанья  
Материнскую клятву и поведай ее владыке неба,  
Милостивому Генри.  
Пусть освятит он нерушимый союз наш!

М а т ь К о з ы

Мы расстаемся, но пусть даль  
Не разлучит сердца Баян и Козы.

М а т ь Б а я н

Мы расстаемся, но пусть даль  
Не разлучит сердца Козы и Баян.

О б е

Клянемся мы...  
Детей нареченных наших растить с колыбели,  
С часа разлуки не только для жизни,  
Но для любви и верности.

М а т ь К о з ы

Клянемся петь песню любви и верности  
С каждым восходом и закатом дневного светила  
До шестнадцати долгих лет!

М а т ь Б а я н

Пусть в шестнадцатую весну  
С новой луной Маусым — найдут они друг друга!  
Пусть достойный Козы возьмет  
В жены себе Баян.

М а т ь К о з ы

Сменяем люльки детей...  
Сродним их сердца!..

Они кланяются луне и кланяются с ними все женщины,  
затем они меняются люльками и кладут туда детей...

— Жена! Жена! Где ты? — орет скачущий на коне Карабай. Он, словно буря, налетел на женщину, выхватил у жены ребенка с люлькой и умчался за караваном, бросив на скаку:

— Если ты хочешь остаться здесь, можешь остаться!

Женщины обнялись, поцеловались, и мать Баян, вспрыгнув в седло, помчалась за Карабаем...

Печально смотрит им вслед с ребенком на руках мать Козы-Корпеша.

На костре догорает камзол Карабая. Кровавый знак клятвы рассыпался пеплом.

Старый баксы с трубкой, наблюдавший из-за укрытия, улыбнулся.

Забежав за кибитку, он превращает кобыз в копье и бросает его далеко в вечернюю степь...

Копье молнией рассекает тучи и врзается в землю около вооруженного всадника. Это сигнал.

Всадник, взмахнув копьем над головой, с гиканьем исчезает вдали.

Из-за горы появляются черные всадники и устремляются за ним.

Степь. Пейзаж растворяется в вечерней мгле. Последний луч солнца золотит купол дальних мрачных гор. Огромная туча черным крылом объедает небо. Багровый просвет опоясывает горизонт. И оттуда, от этой давящей мглы неумолимо нарастает тревожная музыка, свист и гиканье...

Степь встревожена... Птицы в гнездах вытягивают шеи. Бегут самки животных с детенышами. Бегут звери. Завихряются пыль и листья. Взлетают в воздух темные ночные птицы. Мчатся косяки коней. Волнами клонятся камыш и ковыль к земле.

Черной тучей мчатся издали невиданные черные всадники. Белые пятна на лбу коней светятся светлячками. На черных конях — всадники в черных волчьих шкурах. На головах у них волчьи морды с оскаленными пастьями. Среди всадников на коне Кодар-Кул. Страшен вид его — глаза горят.

Нет, не пыль клубится из-под копыт. Искры и огонь высекают лошади, пламя и дым высекают копыта коней. Где ударило копыто — нет травы и цветов: там язык огня

пожирает все. Вслед за всадником по копытам огонь бежит. Как змея, бежит огонь, потрескивает. Степь горит языками огней. Черной тучей прошли всадники. Черной саранчой прошли по степи. Где прошли, там все сожгли. Почернела степь, обуглилась. Мертвые губы земли потрескались. Светом зарева закрыло звезды ласковые, небо синее брови нахмурило.

Становище. Спят глубоким сном гости-джигиты.

Вдруг возник и угас протяжный женский крик.

Перестали жевать жвачку верблюды и волы: повернули головы, приподнялись. Приподнялись головы захмелевших джигитов: одна, вторая, третья — и опустились.

Встревоженное лицо женщины осветилось на мгновение ярким светом, она в ужасе закрыла лицо рукавом и бросилась бежать от кошмаров степи.

Это была мать Козы-Корпеша. Ее фигура выросла во мраке ночи. Она бежала степью, пробираясь сквозь курай и репейник: липко, трудно — не пролезешь; какая-то черная тень взметнулась и опять исчезла. Мать, задыхаясь, бежала к стану.

— Аттан! Аттан!.. Помогите!.. На помощь, джигиты!

Вот она мечется уже среди спящего стана.

— О горе! Горе нам! В недобрый час смерть стучится в стан. Враг хищный подкрался! Враг лютый, аттан!

Захмелевшие гости, встревоженные криком женщины, пытаются встать.

— Родные джигиты, проснитесь, вставайте!

Коней быстроногих седлайте!

Честь и славу предков поддержите!

Жен и детей своих защитите!

Врага бесчестного разите с плеча!

О судьба, сжался над родом нареченного Корпеша!

— Аттан! Аттан! Дымится кровью стан! — кричат пастухи, скачущие на взмыленных конях. Среди них Толстый, что был на охоте.

Очнулись спящие, но поздно!.. На становище обрушилась степь лавиной табунов. Стада бросились мимо людей и смяли все.

Крики, стоны, рев скота, блеяние овец и гиканье — все смешалось в общий хаос.

Мечутся несчастные женщины, спасая своих детей. Переворачиваются кибитки и исчезают под ногами животных. Пробираются сквозь поток скота вооруженные джигиты. Бегут за ними старики с дубьем и кольями. Вооруженные чем попало, но храбрые, они огромным кольцом окружают свои юрты, семьи и табуны скота. Вихрь срывает шапки с их голов. Мчатся черные всадники. Туча стрел на людей. И мечи на людей. Не выдержало кольцо обороняющих — дрогнуло.

Видя это, бросается в бой с мечом мужа мать Козы-Корпеша, поддерживает криком дух джигитов.

— Прочь! Прочь с дороги матери, щенок,

Что в полнолуние родила ребенка...

Уйди! Иль смерть тебе... — с этими словами она наносит удар врагу. Тот падает плашмя. В ее руках блестит окровавленный меч. Она прижимает его к груди.

— Ты прости меня, степь родная, степь вольная!

За тебя кровь пролила я,

За тебя, дитя родное...

Не успела отразить один удар, как с двух сторон прямо на нее два всадника теснили молодого джигита.

— Сердце, не стучи!

Спокойно бейся...

Не медля ни секунды, бросилась им наперерез.

— Куда спешишь бежать, родной?

Иль не дорог тебе дом родной?

Иль мать родная тобою забыта?

Иль потерял ты честь джигита?..

Так стой же, где стоишь, пока не иссочится кровь!

Смелей рази врага, с презреньем рази его!

К ней подбегает толстый джигит; на руках у него ребенок.

— Где видано, чтоб воин в поединке

С женщиною дрался?

О, проклятье!!!

Обращается к матери:

— Держи, мать! Спасай сына своего...

**М а т ь**

Возьми из рук мой меч...

Включаясь в бой с ее противником, Толстый взревел:  
— Чума на вас, ироды! Убийцы!..

Другой план боя.

Женщина с ребенком на руках.

Прыгнула в седло и, ударив коня камчой, исчезла в вечерней мгле. Только там, где конь проложил свой путь, искрами рассыпалась дорога и потухла.

Не выдержало кольцо обороняющих. Дрогнуло и разорвалось... Молнией проносятся черные всадники.

Только руки грабителей на мгновение застывают в пространстве, хватая предметы.

Там, где стояли юрты, остались голые остовы.

Там, где были горы подарков, — голое место.

Там, где лежали ковры, остался след на траве.

Там, где были табуны, — голая степь!

**З а т е м н е н и е.**

**И з з а т е м н е н и я.**

Победитель гордо едет на коне. Волчья пасть — забрало поднято. Смуглое лицо открыто и неподвижно. Оно выражает одну черту — жестокость. Только пламя горящей степи отсветом своим тревожит его лицо.

А сзади вытянулся хвост — караван связанных волосяными арканами мужчин и женщин, несущих на спине своих детей: старух и стариков, которых то и дело подгоняют нагайками черные воины.

Табуны коней, стада овец, караваны верблюдов, навьюченных награбленным богатством, длинной лентой растянулись до горизонта.

Через горящую ночную степь идет караван горя и печали.

**Ш т о р к а**

Караван входит в оазис.

У источника воды сидит старуха с перевязанным глазом и длинной трубкой. Ее осел пьет воду из родника.  
Кодар подходит к старухе.

К о д а р

А, это ты, добрая вестница?

Где же красавица Баян?

С т а р у х а

Будешь хорошо искать — найдешь.

Твой караван идет по ее пути. Догонишь.

К о д а р

Чем мне отблагодарить тебя за все?

С т а р у х а

Могучий среди сильных, царь стихии! Ты обладаешь чудесной стрелой, которая может далеко и высоко лететь, пущенная твоей рукой!.. Убей мне вон ту птичку!

Она показывает в сторону гор. Там на скале видно гнездо Самрук.

Кодар, достав стрелу, хотел было стрелять, как вдруг пошел дождь, а затем снег.

К о д а р

Дождь и снег в пустыне? Откуда?

Д а л е к и й г о л о с

Это плачу я, Самрук.

Это стынет мое сердце.

Не соверши горя, Кодар.

У Кодара дрогнула рука.

Старуха, заметив это, заволновалась:

— Что же не стреляешь? А?

То ветер разговаривал с песками,

А ты рукою дрогнул.

Ты трус, а не джигит!

Не сердце у тебя, а тряпка!

Самолюбивый Кодар, не разобравшись в том, что тут произошло, снова прицелился в гнездо. Вдруг снова заговорил далекий голос:

— Остановись, убийца!

Если ты убьешь меня, померкнет солнце!

Будет мрак кругом и холод,  
Твои стада погибнут без воды.  
И ты погибнешь сам!  
Не слушайся ее!

Кодар набросился на старуху и хотел ее убить стрелой...  
...Но она исчезла.

— Ах ты ведьма!

Там, где была старуха, где дымилась ее трубка, возник  
песчаный выюн.

Выюн превращается в песчаный ураган. Ураган обру-  
шился на Кодара, на его караван и закрыл кадр. В свисте  
ветра слышен торжествующий хохот Мстан.

### **И з з а т е м н е н и я .**

Пустыня.

В пустыне — занесенный песком караван. Над по-  
верхностью песчаных дюн кое-где были видны горбы вер-  
блюдов, головы скота и растрепанные куски войлока.

Фигуры людей, укрытых за спинами животных, точно  
застыли в отчаянии перед стихией.

Тихо и мертво кругом.

Впереди каравана, над поверхностью дюны, торчала  
чья-то неподвижная запыленная голова. Длинную ее бо-  
роду слегка шевелил ветерок.

Рядом с головой из песка торчали руки; их ладони были  
сомкнуты, очевидно, человек молился — его так и засыпа-  
ло песком.

К каравану приближаются вооруженные всадники. Подъ-  
ехав, воины спешили. Это Кодар со своей дружиной.

Подойдя к каравану, Кодар окинул взглядом полуживое  
кладбище, снял с себя меховую шапку, смахнул ею песок  
с неподвижной головы и дернул голову за бороду. Из от-  
крытого рта раздался стон.

— Жив! — сказал Кодар.

Подошедший воин, облив водой голову, стал ее поить.  
Голова очнулась. Глаза открылись.

К о д а р  
Чей караван?  
Г о л о в а  
Мой.

К о д а р

Чей это твой?

Г о л о в а

Карабая. Старшего из рода балталы.

Карабай схватил руками сапог Кодара и, целуя носок сапога, взмолился:

— О, сжался над жалким стариком!

Спаси мое добро!

Отдам тебе невесту-жену без калыма.

Спаси мой скот... О, табуны мои, табуны...

К о д а р

Твои табуны уже погибли,

А их спасти могу я, только я...

Непокорную силу, власть над страшной пустыней

Имею только я.

И я спасу тебе табуны.

Но не за чужую дочь-невесту,

А только за твою родную дочь Баян.

Жива она еще у тебя?..

К а р а б а й

Жива.

К о д а р

Где она?

К а р а б а й

Там была, сзади... Кто же будешь ты, спаситель мой?

К о д а р

Я?.. Кодар...

Кодар кричит своим воинам: — Откопать! — и бежит разыскивать Баян.

## Ш т о р к а

В пустыне бок о бок стоят два каравана. В одном люди — пленники, связанные веревками. В другом — люди спасенные, выстроенные в ряд.

Карабай объявляет своим людям, показывая на Кодара:

— Люди мои! Клятвой на всю жизнь мою, навеки объявляю я волю свою. Отныне Кодар — спаситель мой —

станет достойным наследником моего состояния. Он будет множить и растить мои табуны. Он один всевластный господин вам, а вы — его слуги...

По толпе прошел ропот недовольства.

К а р а б а й. И отеческой доброй волей я объявляю его названным сыном своим. Да будет нерушима священная воля моя, — я объявляю Кодара нареченным женихом дочери моей Баян. Когда исполнится ей шестнадцать лет, она станет женою Кодара.

Возмущенные люди, угрожая, наступают на Карабая.

1 - й. Ты выжил из ума!..

2 - й. Позор твоей старости!

3 - й. Клятвопреступник!

Ж е н а. Не дам я дочь грабителю-хищнику!

Карабай затопал ногами, глаза готовы были выскочить из орбит, губы тряслись.

К а р а б а й. Молчать, неблагодарные! И слышать не хочу! Что я сказал, тому и быть!

Пока он кричал, около каждого возмущенного появились воины, схватив за руки, они перевязали всех веревками.

К Карабаю подбегает его жена.

Ж е н а. Ты зверь, лютый враг, а не отец ребенка своего. О, будь ты проклят на веки вечные! Да покарает тебя земля многострадальная! Сгинь с глаз людей рода балталы! Провались сквозь землю! Кабан ненавистный...

И, плюнув ему в лицо, она бросается к лошади. Прыгнув в седло, прижав к груди ребенка, женщина вихрем удаляется в пустыню...

К а р а б а й. Поймать! Схватить ее! Как смеет! Волочить на аркане ведьму!.. Нет больше у меня жены... Нет... В наложницы!.. В рабство продать ее, чертовку!

Несчастную женщину ловят воины Кодара. Отняв ребенка, они скручивают ее руки за спиной веревками и, накинув на шею петлю, ведут за собой.

## Ш т о р к а

Через жестокую, голодную степь, выжженную солнцем, идет караван горя и печали.

С накинутым на шею арканом идет мать Баян среди других пленников. Они поют песню прощания с родиной и народом:

Гонит злая доля нас  
Снежной пургой, стужей,  
Как сбившуюся с пути  
Запоздалую стаю гусей.  
Прощайте, милые края!  
Колыбель мирного рода балталы!  
И вы, заветные дни вольности!  
Лютая неволя гонит нас.  
Прощай, вестник добрый,  
Прохладный ветерок степей!  
Прощайте, ковыли шелковые,  
Благодатные поля!  
Прощай, лесная звезда,  
Звезда надежды нашей.  
Козы родимый в колыбели,  
Тебе суждено спасти,  
Тебе пустить стрелу священную,  
Стрелу смерти для врагов!  
Тебя — ясного дня дождемся мы.  
Пусть разлучит нас даль,  
Но не разлучит она сердца Козы и Баян.  
Пусть разлучит время,  
Но не разлучит сердца Козы и Баян.  
Любовь в сердце Баян  
Мы песней своей взрастим,  
Верность до гроба тебе  
Мы песней в ней укрепим!  
Ищи ты нас долиной наших слов,

Ищи ты нас за горами стенаний,  
Ищи ты нас тропою из костей,  
Страшным словом гибельного пути.  
Как священную строку,  
Мечь свою запомни сердцем.  
Расти же, расти скорее...  
Приди, приди, Козы светлый...  
Сын любви и надежды  
Для надежды и любви...

Вязнут люди в раскаленном песке и падают. Они не просят о помощи и сострадании. Падают молча. Воины Кода-ра время от времени перерубают мечом веревки, связывавшие их с остальными.

Налетел порыв ветра, закрутил песок. Пылью закрыл караван и кадр.

Кадр проясняется.

И те же люди, тот же караван будто на мгновение замерли в своем движении.

Угловатым рисунком орнамента на огромном ковре застыл караван горя и печали.

Аппарат отъезжает.

Мрачный грот в скале, грот печали. Пламя светильника обрисовывает голые, вечные его камни.

И, словно погребенные заживо, почти тени, сидят женщины и ткут огромный ковер.

Прошло шестнадцать лет.

Это они шли в караване горя и печали с накинутыми на шею веревками. Это они падали и умирали от истощения и жажды. Это они в голой пустыне своими костями проложили путь проклятья и ненависти.

Величаво и гордо их горе. Величавы и горды их седые головы, отливающие серебром в полумраке. Печать тяжелого подневолья глубокой тенью покрывала их благородные лица.

Древняя женщина с серебряной сединой.

Та из них, которой горе не склонило голову. Та из них, у которой ненавидящие глаза наполнены светом. Та из

них, молчаливо плачущих, у которой слезы бегут, как хрусталинки. Та из них, у которой цепи на руках тяжелей. Та из них, у которой голос не дрогнул от времени. Та из них, которая терпеливо переносит в заточении разлуку со своей дочерью Баян.

Под аккорды домбры слагает она песнь о великом горе народа, о печальной судьбе своей:

О дочь, ты одна, Баян моя!  
Разлуки червь беспощадно точит, уносит жизнь мою.  
О где ты, дочь моя?  
Грудь матери стосковалась по тебе,  
Объятая матери ищут тебя,  
Ласки матери скованы  
Холодными стенами пещеры.  
Сколько горестных лет  
Тебя разлучили со мной!  
Вот месяц Мамыр на ущербе.  
Наступает Маусым долгожданный, —  
Это шестнадцатый Маусым  
С рожденья твоего.  
Твое счастье узреть я ждала.  
Но ты в печали своей безвестна мне...  
Торопите узор, женщины!  
Кончайте ковер поскорей,  
К рожденью новой луны.  
Я все же верю и жду  
Дочь счастливую в объятых ласкать...

И слушают женщины ее, и влетают в узор ковра ее мысли — песнь ее. С холодным лязгом вздрагивают на их руках цепи. И, склонившись над ковром, тихо вторят ей женщины.

На берегу горного озера альпийский луг. Стадо белых коз. Баян резвится и играет, как с детьми, с любимыми козлятами, поет песню:

Тебе видно все, дневное светило!  
Скажи, найди ты мне.  
Где мать родимая моя?

Смутны ее черты, —  
Но свято в сердце я их берегу.  
Поведай мне, где она?  
Скажи ты мне,  
Вестник легкий ветерок,  
Скажите вы, ясноокие ароматные цветы,  
Где возлюбленный мой?  
Где тот, о ком у колыбели пела мне мать,  
О ком пел мне аул,  
О ком нежные мечты лелеют  
Для меня подруги мои?  
Где мой нареченный?  
Где мой Козы?!

Баян догоняет козленка, падает с ним в траву и, поцеловав его, поднимает вверх.

Появляются девушки — служанки Баян. Они поют песнь про Козы-Корпеша.

— Вы каждый день поете мне эту песню про него, а сами-то его видели? — спрашивает Баян.

— Нет, не видели. Мы слышали эту песню, ее поют тут женщины-рабыни...

— Пойте. Пойте. Так сладко слушать эту песню... Мечтать о нем и ждать его...

Девушки запели.

— Смотри, — говорит она козленку, — та туча на кого похожа? Молчишь? Не знаешь? А я знаю — на Корпеша.

— Мме-е-е...

— Нет? Нет, похожа. Вот появляется нос, вот губы, шея, подбородок, точно, все его. А вот коса вытягиваться стала... Она от солнца золотится... Похож... Похож... Таким себе его я представляла, как призрак, как мечту... Таким люблю его... О, как прекрасен ты! Ты — сын пэри...

Баян в забвении закрывает глаза, продолжая мечтать вслух.

Девушки прекращают пение и, склонив головы, падают на траву.

К Баян со спины подходит Кодар...

Из-за огромной статуи идола за ними смотрит Карабай. С надеждой воздел он руки к идолу, шепчет: “Помоги, Тенри! И ты, идолище, помоги!”

По другую сторону озера строится дворец.

Работают носильщики, каменотесы, укладчики, водоносы. В больших котлованах мужчины ногами месят глину. В скале каменоломня. Всюду работают рабы, скованные по рукам и ногам цепями. Это люди из каравана горя и печали. Среди них два друга: Толстый и Худой.

Рабы следят за Кодаром и Баян. Надсмотрщики не дают им задерживаться и разговаривать. Они бьют их плетью. Рабы перебрасываются репликами.

Х у д о й. Слопает коршун нашу Баян.

Т о л с т ы й. Несчастливая, она выросла в плену и не знает про нас, про свое горе и про горе своей матери...

Х у д о й. Кто ж ей скажет? Да и как сказать? К ней не подпускают. Если бы можно было мысли передать по воздуху...

Удар плети прекращает разговор.

В другом месте — другая группа.

— А что думает отец?

— Отец Карабай не был бы Карабаем, если бы стал думать о дочери, о народе, о нас. Табуны затоптали его думы о судьбе дочери.

— О где, когда же придет нареченный Козы? Знает ли хоть о нем Баян?

— Знать-то знает и тоскует по нем. Надеждою и мечтою живет она. Но сила, обман и лесь Кодара могут легко обрубить крылья мечты.

— Эх, плохи дела!..

— Согласится она на брак — и нам вечная петля рабства...

Мимо проходят друзья: Толстый и Худой, с грузом на спине.

Т о л с т ы й. Отрубят голову, но не отсекут язык. Закуют руки в цепи, но не душу. Не гнишь душой, не унывай...

Х у д о й. Не унывай... Хорошо тебе говорить, когда еще есть жир защитой тебе...

Т о л с т ы й. А тебе чего жалеть, когда только кожа да кости. У меня хоть есть чем дорожить — жир беречь.

Х у д о й. Нет, ты не береги его! Довольно, что без толку берег 16 лет и вот что наберег. Ходит без пользы курдючное сало — ни для борьбы, ни для еды.

Т о л с т ы й. Ишь, как жалит тощей комар! Ну, хорошо. Я поведу. Плетись за мною и пой со мною вместе.

Х у д о й. Петь песню? Какую еще надумал?

Т о л с т ы й. Запевай ту, что женщины-матери в пещере поют. Пусть слышит Баян... Пусть всюду слышат песню про Козы и ни на миг не перестают думать о нем.

Все начинают тихо петь песню, продолжая работать.

С закрытыми глазами, в забвении, Баян мечтает вслух:  
— Приди, приди ко мне, любимый мой!

Жених мой, мой супруг...

— Я здесь, я твой, жена моя! — отвечает Кодар. Упав на колени, он обнял девушку и стал целовать ее в губы.

Баян рассердилась, ударила его и оттолкнула. Кодар упал на траву.

Баян убежала в юрту.

Баян в юрте, плачет на подушках. Входит Кодар.

К о д а р

О, Баян, скажи мне: для чего меня ты губишь?

Без тебя я жить не в силах!

Б а я н

Оставь меня!

Живу мечтой я... люблю мечту одну лишь...

К о д а р

Зачем мечтой себя томишь ты,

Когда я здесь, с тобой, живой?

Скорее стань моей женой...

О, Баян, поверь, со мной без печали

Будешь жить ты, как ханша.

Приголубь меня, ханша сердца моего.

Б а я н

Не люби меня, джигит мой,  
И не требуй стать женою!  
Нет, Кодар, голубка не полюбит  
Коршуна степного!  
Я одну тоску лишь знаю...

К о д а р

О чем твоя тоска, не понимаю,  
Но вижу, что она красу твою слезами губит.

Б а я н

Прошу тебя, не беспокойся о моем лице!

К о д а р

Оно мое!

Б а я н

О, нет! Лицо и не твое и не мое!

К о д а р

Чье же?..

Б а я н

Того, о ком поют! Ты слышишь песню? Его люблю я!

Кодар впервые обратил внимание на песню. Он ревностно прислушался, в это время в песне идет слово “Козы-Корпеш”.

Х о р

Пусть разлучит нас даль –  
Но не разлучит она сердца Козы и Баян,  
Пусть разлучит нас время –  
Но не разлучит сердца Козы и Баян.  
Любовь в сердце Баян  
Мы песней взрастили,  
Верность до гроба тебе  
Мы песней в ней укрепили...

Кодар вдруг взвыл:

– Замолчи-и-ите-е-е! – и вон из юрты, быстрее, чем стрела.

За кибиткой натолкнулся на поющих и одновременно подсматривающих в отверстие полога девушек, служанок Баян.

При его появлении они пали ниц. Он в ярости избил их плетью и бросился дальше...

Слыша крики и стоны, Баян выбежала из юрты.

Подняв с земли девушек, она приласкала их: “Как он смеет?”.

...Удары плетей обрушились на спины несчастных рабынь. Воздух наполнился стонами...

Баян вскочила и побежала за Кодаром:

– Кода-а-р! Остановись, Кодар!.. Кодар!..

Но он не слышит ее, как подстегнутый бешеный конь мчится дальше, к пещере, где поют женщины...

Загремели засовы каменных дверей. Среди женщин растерянность. Закрывая собою ковер, молодая худая женщина тенью скользнула в другой конец пещеры – переставила светильник.

Ковер мгновенно изменился в рисунке. Теперь на нем выступил узор из пестрых степных цветов, небо, горы. В центре – группа всадников. С преклоненными головами они смотрят на гордого всадника, царственно сидящего на коне – Кодара.

В пещеру вбегает Кодар с телохранителями.

– Прекратить! – кричит он, подскочив к матери Баян и ударив ее нагайкой по спине.

Затем жестом приказывает своим воинам:

– Выбросить вон из пещеры! В змеиное ущелье!!!

Пещеру всколыхнул вопль ужаса.

Баян бежит по тропинке вниз к пещере, но неожиданно появившиеся черные воины преграждают путь, скрестив найзы.

Б а я н (*возмущенно*). Как вы смеете? Я – Баян!

Но воины не пропускают ее.

Девушка хотела обежать воинов стороной, но там был обрыв. Вдруг она услышала грубые окрики, тихий сдавленный стон и рыданье...

Баян увидела, как там, на противоположной стороне ущелья на выступе скалы, двое воинов вытолкнули из пещеры женщину.

Она бессильно упала на землю.

Появился Кодар. Он прыгнул в седло и поскакал.

К о д а р. Погоди, Корпеш несчастный! Ты мне в руки попадешься!

Дружина вооруженных конников устремилась за ним в степь. Задвинули воины тяжелые каменные плиты у входа в пещеру.

Баян долго смотрит на женщину, лежащую на земле. “Что все это значит?” Она не знала, что там есть люди. Девушка не слышит, как женщина шепчет:

– Баян... Моя Баян...

Около Баян появляется Карабай, он нападает на дочь.

К а р а б а й. Теперь пропало все! О, Аллах, ну что за дочь послал ты мне! Я для тебя же лучшего хотел. И день и ночь одной заботой жил... Нашел тебе я мужа из рода знатного, а ты упрямисься. Да разве, недостойная, он тебе не пара? Что за вздор? Что ты гордишься, дрянь?

Б а я н. Нет, нет, отец, я не упряплюсь. Но тот далекий и безвестный мой жених мне дорог. Хоть его я не видала, но полюбила и не видя.

К а р а б а й. Какой жених? Молчи ты, пустомеля! Тебе вскружили голову брехнею этой бабы. Пока не согласишься быть женой Кодара, каждый день за это, за брехню, их будут бить, по одной выбрасывать в змеиное ущелье на съеденье змеям...

Б а я н. Отец мой добрый, на коленях я прошу тебя — не делай этого.

К а р а б а й. Вот что: иль на глаза не попадайся мне ты вовсе и с голоду подохни! Иль за Кодара замуж выходи!

Б а я н. Отец...

К а р а б а й. И слышать не хочу!.. Не возражай! Не то я замурую заживо тебя в той башне!

Б а я н. Уж лучше в башне, чем замуж за ненавистного!

К а р а б а й. Одумайся! А своего Козы-Корпеша напрасно ждешь. Кодар с дружиною своей поехал в степь искать его. Уверен я, что он найдет его и голову с плеч снимет острой саблей!!! *(Уходит.)*

Б а я н

Что слышу я? Иль это сон?

Отец, зачем меня ты ранил в сердце так больно?..

О небо, ужель и у тебя нет жалости?!

*(Видя перед собой идола, падает перед ним ниц.)*

Чужой мне бог, хоть ты мне помоги!

Сокрой любимого, упрячь!

На ложный след Кодара наведи!

Обезображенная опустошительным набегом мирная степь снова стонет и горит.

Снова несется по ней мрачный, кроважидный Кодар. Но в сердце у него теперь иной огонь: мученье ревности.

Он в каждом видит своего соперника, слепая ревность шепчет ему: “Вот он, он тут”. Кодар без разбора режет, рубит — но все напрасно.

Простой невинный народ загублен зверскою рукой. Казалось, алчность его не остановит море крови. Но вот он замахнулся саблей и с размаха вдруг остался неподвижным — перед ним виденье: народ в толпу Козы-Корпешей превратился, все с золотой косой.

Толпа остановилась. Повернув назад и обнажив мечи, толпа с криком бросилась на Кодара. Волнуемые ветром золотые косы блистают в зареве пожара.

Кодар очнулся — исчезло виденье!

Лишь слышен хохот Мстан-Кемпир.

Ночь. Юрта. Тихо крадется Баян мимо уснувших девушек и воинов-охранников.

Покрытая мужской шапкой и мужским халатом, в ночном одеянии, с распущенными волосами, бежит она по тропинке к тому месту, где бросили женщину воины.

Под действием ночного холода к женщине вернулось сознание. Она приподнялась и, осторожно вытянув перед собой руки, ищет вход в пещеру. Она слепа. Она идет прямо к обрыву, ее руки хватают пустоту. Еще шаг — и пропасть.

В это мгновение в темноте мелькнула белая рубашка и между пропастью и старухой очутилась Баян. Она с силой оттолкнула женщину в сторону и, ловко подхватив ее, заключила в свои объятия.

Слепая женщина заговорила:

— Кто б ты ни была, моя спасительница, помоги мне найти мою Баян. По злой воле отца разлучили нас с ней. Она была тогда ребенком малым, когда посадили меня в это подземелье. Много лет прошло с тех пор. Оплакивая бессильной слезою разлуку с птенцом моим, ослепили очи мои... Мои глаза не могут ее увидеть, но я хочу услышать ее голос... Я гибну! В моей судьбе одна надежда осталась... Проститься с ней перед смертью. Они не могут отказать мне в этом. Я ее мать!..

— Мама?! — нечеловеческий вопль радости, ужаса и удивления вырвался из уст Баян.

— Дочь моя!! — раздался в ответ такой же крик.

Казалось, обе женщины готовы упасть в обморок. Дочь целовала глаза матери, стараясь осушить их слезы. Мать целовала руки своей дочери и прислушивалась к ее голосу, наслаждалась.

— Чуюло мое сердце, — говорит Баян, — чуюло что-то неладное. Ужель не увидеть мне твоих добрых и милых очей!

— А я помнила только их! И так молилась им, звала их в сиротливом одиночестве своем!

— Мама родимая! Ну очнись! Я вернулась к тебе! Пусть вернется со мной и зрение твое. Мама! *(Баян пристально смотрит в глаза матери.)*

М а т ь

Дошло ли до тебя?

Ведаешь ли ты песню,

Песню заветную одну?

Б а я н. Да, я слышала, много раз слышала ваши песни! Но они были глухи и не было в них слов. Я видела со скалы, как тебя выбросили из пещеры, но не пустили меня к тебе...

Мать прислушалась и закрыла ладонью рот дочери.

— Молчи! Идем со мной.

Баян накрылась халатом.

Женщины свободно проскользнули мимо спящих часовых и проникли в пещеру.

Работающие над ковром испуганно вскочили.

Слепая женщина сделала знак рукой: “Тише!” – и раскрыла Баян.

Как будто луч проник в темноту пещеры.

– Наша Баян! – пронесся шепот. Слепая, показывая на ковер и людей, говорит:

– Узнай все, Баян! Они думают, что отняли у нас язык, отняли голову... Нет, у нас есть язык... свой язык... язык ковра...

Слепая взяла светильник и перенесла его на другой конец.

– Смотри, – приказала она девушке. Баян подошла ближе к коврау.

На нем мгновенно изменился рисунок. Зазвучал хор горя и печали. Вдруг по коврау прошла рябь, всколыхнула узор и оживила его.

И в кадре, одна за одной, в быстром темпе проходят картины: праздник в ауле по случаю рождения Баян и Козы... Клятва отцов о наречении. Налет Кодара...

Вытеснение.

Б а я н

Мой ум не может охватить все это.

Нет имени всему, что совершилось...

Отец – мне не отец – шакал!

Слепая мать, вот эти женщины – рабы.

Кодар, Кодар мне будет мужем?!

Ужас!.. О, день несчастный!

Лучше б я не знала ничего.

Лучше б не жила на этом свете!

Как, как мне избавиться от свадьбы?..

*(Обессиленная, падает на ковер.)*

М а т ь

Тише, дочь моя! Услышать могут нас...

Крепись и волю не подтачивай слезами.

Смотри на нас – надежды не теряем мы.

Б а я н

Дай краску мне...

Лицо надежды начертаю я...

*(Берет у матери сосуд с краской и кисть и выводит голову Козы-Корпеша с косой.)*

Где ты, безвестный мой жених?  
Рисую облик я его, мне незнакомый,  
А он, быть может, мертв уже, убит?..

Вдруг неожиданно для нее коса Козы всплывает золотом...

Б а я н (*вскрикивает*). Ой-бой! Смотрите! Что такое? Подобную уж косу видала я раз на облаках...

Она не верит в действительность этого видения: хочет наложить другую краску, но вновь всплывает золотая коса.

Взволнованной толпой окружают Баян женщины.

М а т ь

Так угодно року! Это знак святой клятвы.

Козы жив. Его надо ждать.

Иди домой и дай согласие на брак,

Но оттяни день свадьбы.

Кончается месяц Мамыр,

А с новолунием Маусым

По клятве моей и матери Козы —

С шестнадцатым рождением Маусым

Козы должен найти тебя.

Оттяни свадьбу до этого срока.

Виденье золотой косы вселяет надежду в сердца пленниц.

Б а я н (*целует золотую косу*). Приди, мой нареченный! Я жду тебя!

Коса исчезает.

Баян встает, она изменилась: жар вспыхнувшей надежды оживил глаза и грудь. Ее лицо озаряет улыбка счастья.

Взволнованная, полная глубокой решимости, выходит она из пещеры навстречу прекрасному утру.

Покорно поцеловав ее руки, женщины растаяли во мгле грота.

Босыми ногами ступает она на острые камни, но не чувствует их. Все дальше и дальше пещера.

Все выше и выше поднимается Баян. Смотрит долго туда, откуда вот-вот брызнут первые лучи солнца.

Ночь.

Хмуро насупив брови, дремлют горы.

На выступе скалы, словно орлиное гнездо, приютилась горная сакля. В ней живут Козы-Корпеш и его мать.

Юноша около порога, у костра, делает стрелы.

В сакле ласковым голосом мать поет про Баян.

К о з ы

Ты мне поешь эту песню каждый день.

Я полюбил эту сказочную девушку, но где же она?

Ее, быть может, нет на свете.

Она только у тебя в песне...

Издали доносятся крики, стенания и гул... Юноша вскакивает на ноги и смотрит в темноту.

Там, в степи, на горизонте, — разгул огня. Бушует пламя пожара. Черная степь горит тысячами факельных огней. Черные столбы мечутся, как черные всадники.

К о з ы. Мать, что это?

В дверях сакли неподвижно стоит мать Козы. Она горестно и гневно смотрит вдаль.

М а т ь. Горе ходит по степи, сын мой! Снова ходит горе!

Ярче отсветы пламени в тучах, чаще удары мечей. Громче крики и стоны.

Огромные глаза юноши впились вдаль, руки судорожно напряжены. Кулаки сжаты.

К о з ы. Ты слышишь крики и стоны? Там гибнут люди. Кто, кто принес это горе? Ты скажешь мне, мать?

М а т ь. Да, настало время. Ты уже возмужал, Козы. Близится час шестнадцатого новолуния. Я открою тебе всю правду, слушай...

Ночь.

В горячей степи на камне сидит Кодар, потупя взор.

Ревность и отчаяние измучили и обессилили его. Он не нашел Козы-Корпеша.

А там, за его спиной, проходят караваны верблюдов с награбленным скарбом, скот, пленные.

Не замечая гнева и печали на его сумрачном лице, сотские начальники ему докладывают:

— Верблюдов с поклажей столько-то!

Коней пятнадцать косяков!

Людей три сотни!

Но повелитель нетерпеливо махнул рукой, и все, склонившись, отошли...

Вдруг он слышит голос, не громче, чем дыхание ветра, — это заговорила его мысль.

“Ты силен и жесток. Власти своей подчинить всех можешь, а сердце девушки и душу ее не покорил... Стремись же... или возьми силой...”

Он отнял руку, прикрывавшую глаза. В темноте возникло видение Баян.

Он встряхнул головой — видение исчезло, но вместо него там стоит Мстан-Кемпир в образе старухи.

К о д а р. Это ты!.. Ты... все наделала, проклятая старуха! (*Хватает ее за горло.*) Ты украла мое сердце и покой! Мне лучше бы не знать ее!

С т а р у х а (*просит*). Убив меня, ты облегченья не найдешь. Оставишь жизнь — тебе я помогу... Любовь ее к тебе я приколдую... и разыщу соперника.

Кодар встает и выпускает из рук старуху.

С т а р у х а. Но для дела колдовского мне нужно птичку ту! (*Показывает на скалу, где гнездо Самрук.*) Убей ее!..

К о д а р. Опять про эту странную ты птицу говоришь...

С т а р у х а. Ты дрожишь? Не убивай... как хочешь... Мучайся!.. Какое дело мне, что ты страдаешь...

К о д а р. Нет, нет, постой. Согласен я.

С т а р у х а. Рука не дрогнет?

К о д а р. Нет.

С т а р у х а. Вот наконец я слышу верный голос. (*В сторону.*) Теперь ты мой, а ты моя. Стреляй!

К о д а р (*натягивая тетиву и прицеливаясь*). Пусть тьма и холод все охватят. В душе моей не лучше. Всему один конец! (*Стреляет.*)

Стрела Кодара, рассекая тучи, как молния ударилась в скалу, где было гнездо, раздробила камень, камни посы-

пались вниз и потащили за собой гнездо. В гнезде птенец Самрук.

Козы одним прыжком очутился рядом. Сильным рывком он забросил петлю на гнездо и, удержав его, спас от неминуемого падения в пропасть. Глубоко внизу глухо падали камни.

Юноша намотал конец аркана на камень, подбежал к гнезду и приласкал птенца...

Заглянув вниз, он увидел на выступе скалы старуху Мстан, которая, размахивая руками, раздражалась проклятиями.

Юноша, предполагая, что в гнездо стреляла эта старуха, прицелился в нее стрелой Кодара.

Старуха, заметив опасность, описала вокруг себя трубкой дымовой круг и превратилась в скалу, сохранившую черты ее лица. Живым остался только один огромный глаз.

Стрела вонзилась в глаз, и он закрылся. Чудовище закрыло веки с такой силой, что камень не выдержал и лопнул. Огромное дерево свалилось сверху и повисло над глазом своими корнями, как чудовищного размера бровь. Раздался гул, и земля вздрогнула, словно от землетрясения.

Козы поддержал гнездо, чтобы оно не упало второй раз, и крикнул:

— Закрыл твою я зависть навсегда!

— Ужо тебе! — глухо ответил голос из ущелья.

Наплывом исчезло изображение лица старухи. Осталась гладкая скала.

Над гнездом пошел снег, затем дождь и снова появился луч солнца.

— Это летит твоя мать.

Стынет ее сердце и кровь, и идут слезы,

Пока она не знает, жив ты или нет...

Но, увидев тебя, улыбнется она,

И снова появится солнце на безоблачном небе, — говорит птенцу Козы, закрепляя веревку и подводя под гнездо новый фундамент из камней.

Прилетевшая Самрук, видя это, провела крылом по голове Козы, и вдруг коса Козы засверкала золотом.

Ранним утром, на рассвете, между стволов елей, бледным виденьем проходит Баян. Она появляется на уступе скалы у водопада, где когда-то была убита самка марала.

Баян поет призывную песню к Козы-Корпешу.

Она поет о горе народа.

Она поет о своей тоске.

Она поет о своем плене.

Она поет и зовет его.

С порывом ветра улетает песнь в широкую степь.

М а т ь (*Козы*). Слышишь, она поет?

На фоне вырастающей в оркестре мелодии песни мать вдохновенно говорит сыну: “Иди!”

Мать и сын встретились глазами. Она прочла в глазах сына то, о чем думала столько лет.

## Ш т о р к а

Мать одевает сына, отбирая лучшие и крепкие доспехи...

Ханский дуван Кодара.

Пустынно. Около места Кодара стоит Карабай и бранит двух воинов.

– Что вы, спали, что ли? Сейчас же разыскать слепую, связать и выбросить, к земле колом пришить!.. А женщин наказать! Если не найдете, с вами расправа будет та же! Идите!..

– Стойте! – вдруг раздается голос Баян. Она входит в ханские покои с девушками. Карабай увидел дочь, смело и решительно идущую к нему.

К а р а б а й. Что надумала?

Б а я н. Я согласна.

К а р а б а й. Давно бы так. Эй, слуги! Скорей невесту собирайте и скачите за Кодаром. Мы тут же их соединим!..

Б а я н. Отец, я сказала, что согласна, но не сказала, что сегодня свадьба.

К а р а б а й. Твоему упрямству нет конца! Опять ты за свое! Ну, что ты хочешь?

Б а я н. Прошу повременить со свадьбой, пока привыкну к новой мысли, к человеку новому. Дай время поплакать, проститься со своей девичьей порой.

Баян не выдержала и заплакала. Заплакали девушки, нарочно, словно по знаку.

Отец не знал, что делать, но видя, что все плачут, уступил дочери.

К а р а б а й

Ну, что вы воете, словно хороните кого?

Без слез ни одна девка в бабы не уходит,

Даже тогда, когда и рада бывает...

Ну, ладно, хватит! Согласен я.

Пусть будет по-твоему!..

Ударом крыла о скалу Самрук выводит сказочного коня Корпешу:

— Садись!

Козы прыгает в седло. Мать передает ему меч отца, благословив и поцеловав его. Она говорит:

— Ты найдешь путь в страну Кодара по следам сожженных аулов, по путям, усеянным костями погибших людей и животных. След этот, как священная строка, не потеряется в веках. Будь мудрым и осторожным в пути.

Козы отвечает спокойно:

— Не бойся, мама, не страшусь людей разбойных,

Мне найза и клыш — защита.

Мне опора конь мой верный.

Чувство мести силы множит!

Козы уезжает. Мать с надеждой смотрит ему вслед.

Юрта Баян. Девушки одевают Баян в свадебное платье и поют прощальную:

Гусь по речке плывет за текучей водой.

Дом родимый покинуть пришлось молодой.

В кошмах белой кибитки росла я цветком,

Умывалась я белых кобыл молоком,

Да напрасно растила, родная моя, —

За немилого, бедной, идти мне силком.

Будто в грудь ты мне выстрелил, милый отец!

За табун меня продал ты, милый отец!

Баян с тревогой прислушивается, прекратив пение девушек.

В степи слышен конский топот...

Баян просит девушек:

— Подруги милые, взгляните, то не Корпеш ли едет мой?

Девушки, выглянув за полог, говорят:

— Нет, слышалось тебе.

Снова запели:

В юрте стало просторнее, милый отец!

В ней местечка мне нет уже, милый отец!

Опять слышен топот коней близко и четко...

Баян, подхватив юбки, выбегает за полог... И — о, ужас!  
...Это — Кодар!

Он спрыгнул с коня.

Глаза их встретились: у него вопрос и надежда, у нее — разочарование и ненависть.

Кодар заметил, что она в свадебном наряде. Подошедший Карабай шепнул ему на ухо:

— Согласие дала, но просит обождать со свадьбой.

По знаку Кодара воины подносят Баян подарки. Сам он кланяется ей до земли.

К о д а р. Я счастлив видеть тебя, жена моя!

Б а я н. Так может быть, когда женой я буду.

К о д а р. Любимая, завтра так должно быть.

Б а я н. Что должно быть, то будет. Но почему же завтра? К чему подобная поспешность?

К о д а р. Сначала узнать хотел бы я причину промедления.

Б а я н. Я все сказала уж отцу. Спросите у него.

К о д а р

То знаю я. Спешу тебе помочь.

И в просьбе отказать не смею.

Дам до утра я время плакать, но не более,

Чтоб солью слез красы лица не погубить.

Б а я н. Нет... прошу тебя повременить и дать неделю... месяц...

К о д а р

Неясен срок, желания ясны, жена моя.  
Жена — одеждой и умом, а сердцем и душой — чужая!  
Даю я ночь тебе, одну лишь ночь.  
Ты слышишь? Срок огромный.  
Успеешь ты оплакать девственность  
И девичью мечту свою... теперь напрасную...  
(Смотрит на нее испытующе.)

Б а я н

Ты говоришь туманно.  
Не пойму я смысл речи...  
Скажи, зачем ты ездил в степь?

К о д а р. Я?.. Я ездил за подарками тебе.

Б а я н. И то, что ты искал, нашел?

К о д а р. Нашел...

Б а я н. Не может быть! Ужели он? Нет, нет, не говори! (Бледнеет.)

К о д а р (убеждаясь в своих подозрениях, врет). Убит он мною.

Б а я н

Козы убит?! И ты, убийца, муж мой?  
Уйди же прочь!.. Убийца!  
С душою низкою и ржавым сердцем человек!  
Убит Козы! Мой мозг не может это охватить.  
Нет, нет... Не может быть, ты мне солгал?  
А если это правда, то сжался надо мной!  
Скажи неправду!.. Убеди меня, что жив он...  
Прошу тебя я... умоляю на коленях... О, боги!  
(Падает на колени перед Кодаром.)

К о д а р. Я все сказал...

Б а я н (встает на ноги). Получишь труп ты мой на супружеское ложе!

К о д а р

О, лучше труп на ложе у меня,  
Чем труп, но все еще живой, как я!  
Мне больше жизни нет, когда тебя не вижу...  
Я без тебя дурак: без сердца, без ума!  
Тебя увижу — во сто крат мне хуже!  
Так пусть же будет так по-твоему!  
Коль нет любви твоей — хочу я труп твой

На моей постели видеть...  
Тогда от ревности найду покой себе!  
А там?.. А там всему конец один!  
Я повторяю: завтра утром свадьба!

— О горе мне! — вскрикнула Баян и убежала на лужок к своему стаду. Там она упала и заплакала.  
Кодар кричит Карабаю и воинам:  
— Готовить свадьбу! Поставить часовых!  
Усилить стражу и надзор! Отправить вдаль гонцов!

Степь.

Козы поет:

Я один, но еду не труся.  
Я попутчик дикого гуся.  
Я попутчик диких гусынь,  
Надо мной — небесная синь,  
Подо мной — степная полынь.  
Сгинь! — тоске моей говорю я. —  
Навсегда от сердца отхлынь!

Козы-Корпеш подъезжает к тому месту, где когда-то стоял его родной аул.

Где когда-то пламя пожара превратило все в пепел.

Но с той поры прошло много времени. И сейчас сожженная степь заросла кустами полыни и ковыля. Кое-где еще торчат обуглившиеся остовы юрт, по решеткам которых ползут выющиеся цветы.

На воткнутых в землю заржавелых копьях и мечах висят конские черепа.

Кругом тихо и мертво. Только ящерицы и змеи разбегаются в стороны при приближении человека.

Козы наткнулся ногой на череп. Он грустно смотрит на него:

— Быть может, это череп моего отца!!!

Рядом в траве стоит обуглившаяся детская люлька. Он горько улыбнулся.

— Быть может, здесь мать баюкала меня!

Козы поднял череп и вдруг возник хор голосов — хор пел тихо и блекло. Казалось, звуки оживали, оттаивали. Это был плач каравана горя и печали. Он положил череп на землю. Хор погас. Он поднял череп — хор снова возник.

Осторожно положив череп в люльку, он отправился искать путь. Он прикоснулся к предметам и прислушивался к словам — они указывали ему дорогу.

Козы-Корпеш быстро нашел путь каравана горя и печали, отмеченный костями. Он нашел путь к тому месту, где жил Кодар.

Мстан охраняет дорогу. Ее фигура появилась из костей огромного скелета. Старуха слепа.

— Кто здесь ходит в моих владеньях?.. — глухо спрашивает она. Но Козы не видит и не слышит ее. Он садится в седло и направляется к дороге.

Старуха втягивает носом воздух:

— Слышу по запаху... Это ты, кто украл мое зрение. Это ты, вставший на пути моей мечты. Ужо тебе! Духи предков, духи отцов, ко мне летите на зов!

Она обводит дымовой круг трубкой и исчезает...

Козы-Корпеш торопится вперед по следам каравана.

Тяжело идти коню по сыпучему песку пустыни. Жажда мучает всадника и коня. Вдруг на горизонте возник песчаный вьюн. Ветер бросил тучу песка на всадника. Закрылся щитом всадник.

След из костей — караванный путь вдруг переместился влево.

Когда ветер утих и всадник открыл глаза, он увидел на горизонте мираж оазиса и воды.

В тени деревьев стояли кибитки. Дымились костры. Ходили воины и бродили стада.

У колодца появилась Баян.

Казалось, что она увидела всадника, и, протянув руки к нему, звала его.

Козы-Корпеш прищпорил коня и стрелой помчался по ложному пути.

Он уже почти достиг оазиса, но вдруг все исчезло. В воздухе повис злорадный хохот старухи Мстан-Кемпир.

Со свистом и ревом ветра на всадника надвигается песчаная дюна, на гребне которой танцует довольная колдунья. Она завертелась, завихрилась песком и превратилась в огромный столб — песчаный смерч и обрушилась на всадника.

Вот уже увязли ноги и живот коня.

Вот уже скрылась спина коня, но на них движется еще одна дюна огромных размеров, грозящая похоронить под собой коня и воина.

Теперь на вершине дюны сидела волчица. Страшным голосом выла:

— Вот я теперь разделаюсь с тобой.

Когда над песком останется твоя голова,

Тут я тебя и съем.

Корпеш не в силах бороться со стихией.

Среди стада белых ягнят сидит Баян и грустно поет, смотря в степную даль:

Степь, скажи, родная, правду:

Отчего жених не едет.

Или хочет, чтобы слезы молодую ослепили?

Чтобы вырвала я косы,

Без него одна тоскуя.

Или хочет, чтобы люди

Над Баян его смеялись,

Чтобы стала я женою

Ненавистного Кодара?

Нет, Кодар, не назовется

Никогда Баян твоею:

Как настанет время свадьбы,

Нужной девушки не будет,

Нецелованной невестой

Та невеста в землю ляжет...

Услышал Корпеш песню, она придала ему силы. Схватил щит, загородил им погибающего коня. Размахнулся мечом отца, закричал:

— Не погубить тебе меня, проклятая ведьма!

Я и под землей пройду, а найду свою невесту!

Заклинаю вас, ураганы, пески и смерчи,

Клятвой отцов и матерей, сердцем и душой Баян!

Слезами несчастных. Заклинаю вас святой мезтью —

Остановитесь!

Он опустил меч и рассек песок.

Мгновенно утих ураган. Волны песка остановились, разгладились, пустыня легла у ног Козы-Корпеша. Снова обнажился след каравана.

Волчица удирает по следу каравана.

Корпеш вспрыгнул в седло и помчался за ней.

На горизонте видны очертания стен и башен крепости Кодара.

Волчица скрылась в лощине и снова выскочила на соседнем холме, где сидели черные воины — стража Кодара. Она проскочила между ними и скрылась. Охранники повскакали с мест, испугавшись неожиданного появления волка.

Козы-Корпеш выскочил на коне на пригорок, заметил охрану, повернул коня в лощину. Он понял, что близка цель его пути — он в царстве Кодара.

— Как жаль, что нет со мной орла. — Не успел он договорить, как услышал орлиный клекот. В небе парил орел. — Это ты, Самрук! Излови волчицу. Это Мстан!

Орел полетел следом за зверем.

Корпеш достал рваный халат из дорожного мешка, накрылся им. Затем он снова на полном галопе появился на холме, с нагайкой в руках и, делая вид, что он пастух, закричал:

— Ого-го-го-у-у-у! Добрые воины, не видели ли вы волчицы, пробежавшей здесь? Она только что зарезала лучших ягнят в наших стадах...

Приняв его за одного из пастухов, охранники Кодара показали, куда скрылась волчица.

Козы-Корпеш поблагодарил их и стрелой помчался за зверем, проскочив сквозь заставу часовых Кодара. Теперь он был уже в стане врага... Вскоре он заметил бегущую волчицу и мечущихся овец.

Он крикнул в небо своему орлу:

— Друг мой, вперед!.. Ты должен взять... волчицу!..

Козы хлестнул коня и помчался за табуном. Волчица мчится прямо на табуны. В панике бегут овцы, козы и ягнята.

Услышав шум и рев, приподнялась с земли горестная Баян.

На нее бежали отары, а за ними, делая огромные прыжки, мчался косматый зверь.

Девушка растерялась.

Волк уже прыгнул в середину стада. Но странно – он не трогает ягнят.

Вихрем мчится всадник – пастух.

Зверь проскочил мимо Баян. Раздался крик:

– Самру-уу-к!

Сложив крылья, орел бесстрашно ринулся вниз.

Ошеломленная Баян увидела, как орел обрушился с неба на страшного зверя и, схватив его когтями, наносит клювом удары.

Зверь пытался сбросить с себя пернатого воина, но напрасно.

Примчавшись к месту схватки, Козы из сумки вынул кусок мяса, отвязал от седла аркан, подошел к волчице и затянул веревку на шее, а другим концом связал ей лапы. Затем, дав мяса орлу, посадил его на луку седла. Козы схватил зверя, и подбежав к обрыву, сбросил его в бездонное ущелье на острые камни.

Баян заботливо осматривает стадо овец, скликает к себе разбежавшихся коз, берет на руки пораненных козлят и нежно ухаживает за ними. Козы-Корпеш издалека следит за ней.

Б а я н (*подзывает его*). Ты кто такой?!

К о з ы. Я акын и пастух. Меня зовут Котыр-Таз.

Б а я н. Чем мне тебя отблагодарить за спасение моих ягнят? Проси, что хочешь.

К о т ы р-Т а з. О, прекрасная! Первая моя просьба – хочу пасти твоё стадо белых овец. Вторая просьба – реши спеть тебе песенку.

Б а я н. Согласна я. Но песню пой повеселей. А печальных я сама знаю много.

Котыр-Таз поклонился ей, отвязал от седла домбру и, усевшись на траву, запел:

Ах, о чем, прекрасная, вздыхаешь?

Милый близко, обожди, узнаешь!

Мы, акыны, по степям гуляем,

Много слышим и немало знаем.

Не томи себя тоскою лютой,

Зря цветов не мни, травы не путай,  
Час свиданья, время встречи близко...  
Ах вы, струны, вовремя звучите!  
Ах вы, струны, вовремя молчите!

Б а я н

Подожди, табунщик... нравится мне эта песня...  
Вы, акыны, по степям гуляете.  
Много слышите и много знаете...  
Не томи меня своим ответом и скажи:  
Не слыхал ли ты про Козы-Корпеша?  
Жду я его не дождусь, видно, не дождавшись,  
Нецелованной невестой в землю уйду.  
Завтра свадьба моя с лютым врагом моим,  
Кодаром...

П а с т у х. Что? Свадьба? Утром? С Кодаром?

Б а я н. Да. Видно, не дождусь я своего нареченного.  
Видно, правду сказал Кодар, что убил он Корпеша....

П а с т у х. Что?.. Я убит?.. Кодар убил Корпеша? Ой,  
ой, ой, ой!

Б а я н

Пастух, лицом ты бледен стал.  
Что огорчают так тебя слова мои?

П а с т у х

О, госпожа моя... Скажу тебе я правду:  
Я слышал про Корпеша. И видел я его.  
Меня просил он передать Баян, что жив он.

Б а я н. Жив?

П а с т у х. И явится на свадьбу завтра, за тобой при-  
едет. Жди...

Б а я н. Ты правду говоришь?

П а с т у х. Клянусь я небом!..

Б а я н

Кому же верить? Один клянется, что убил его,  
Другой клянется, что его живого видел.  
Мертв и жив? Ушел к аллаху — завтра  
Явится на свадьбу? И дух и тело...  
Хочу я тело: духом, призраком, мечтою я сыта...

Баян убегает.

В своем девичьем гневе, удивлении и печали так была  
она прекрасна, что пастух едва сдержался, чтоб себя не вы-  
дать. Тихо-тихо засмеялся он и сказал:

— О, как прекрасна ты, жена моя! — поцеловав следы ее ног на песке.

Ночь. Стройка дворца. Играя на домбре, Котыр-Таз поет озорную песню. В паузах он тихо сообщает рабам о том, что:

— Завтра на свадьбе появится Козы-Корпеш...

Завтра решается ваша судьба.

По случаю торжества вам дадут свободу, но усилят охрану...

Будет борьба — нужно поддержать.

Т о л с т ы й. А ты кто будешь?

П а с т у х. Его друг, пастух Котыр-Таз.

Он поет, и песня и известие о Корпеше наполняют решимостью и надеждой измученных людей. Среди рабов выделяется группа ровесников Корпеша. Здесь же два друга: Толстый и Худой. Даже воины Кодара заслушались песней.

День свадьбы Баян и Кодара.

Идет борьба. Подбадриваемые со всех сторон репликами и криками десять джигитов, держа в руке толстую жердь и находясь по одну сторону ее, давят на Кодара, одного опирающегося с другой стороны...

За кругом сидящих гостей, под охраной воинов стоят рабы, с них сняты цепи. Чуть поодаль от них, среди пастухов, стоит Котыр-Таз.

В середине круга, на возвышенности, устланной коврами, под палантином, сидит Баян. Около нее Карабай, приближенные Кодара и девушки, поющие свадебные песни. Но грустны эти песни. На лицах у девушек слезы. По обеим сторонам возвышения сидят акыны с домбрами и трубачи.

В группе рабов Толстый спрашивает у Худого:

— Где же Корпеш? Начинать бы пора...

В группе девушек разговор:

— Погибла наша бедная Баян...

Баян волнуется, ждет Корпеша. Смахивая слезу с бледного, утомленного бессонницей лица, она всматривается в степь и в толпу народа. Заметив Котыр-Таза, подзывает к себе девушку и, что-то шепнув ей, отсылает.

Девушка появляется около Котыр-Таза. Она тихо говорит ему:

– Госпожа волнуется отсутствием Корпеша и приказала тебе передать ей твой кинжал. Если Корпеш не приедет, то она с кинжалом пойдет на ложе Кодара.

Котыр-Таз отвечает ей тихо:

– Передай госпоже, что все будет так, как я ей сказал, кинжал мне самому нужен будет сейчас. Иди.

В это время Кодар осилил десятерых джигитов и столкнул их в лужу. Крики одобрения оглушили воздух. Забренчали домбры акынов. Затрубили трубадуры.

Кодар с сознанием собственного достоинства подошел к палантину и поклонился Баян. Та даже не заметила его.

Затем самоуверенный Кодар объявил вызов:

– Эй, джигиты, кто желает в других забавах соревноваться со мной? Тому, кто победит меня, награда – поцелуй Баян.

Баян вздрогнула. Тень возмущения появилась на ее лице, но она сдержала себя.

Толпа не двинулась. Баян осмотрелась.

Но вот из группы пастухов вышел Котыр-Таз. Баян в недоумении.

Кодар подошел к Котыр-Тазу, расхохотался.

– Пастух, ты хочешь со мной состязаться?

– Да.

– Почище и покрепче ты не мог надеть одежды на праздник?

– Сила не в одежде, господин мой! Силен лишь тот, кто душою чист и сердцем пылок.

– Хо-хо! Ну что ж, попробуй!

– Судьи, место занимайте.

– Эй вы, слуги! Подавайте быстро стрелы, колья и арканы!

Трубят трубадуры. Народ подался вперед. Натянув тетиву, прицеливается Кодар в мишень. Стрела должна пройти через отверстие составленных предметов: ушко бадьи, стремя от седла, череп волка, костяк сурка. Кодар пустил стрелу, но она воткнулась лишь в бадью... Стреляет Котыр-Таз – стрела прошла все препятствия.

Толпа оживилась.  
Судья объявляет:  
— Рукой забить из кольев тын.

### Ш т о р к а

Переходя от кола к колу, поддерживаемым джигитами, ударяет кулаком Кодар по ним, они с трудом лезут в землю.

Котыр-Таз делает это быстрее. Кодару стыдно, краска гнева залила его лицо. Глаза сверкают...

— Теперь борьба! — объявляет судья за кадром.

### Ш т о р к а

Кодар и Котыр-Таз, обхватив друг друга за талию, ведут борьбу. Котыр-Таз ходит со смехом, ловко гнется. Кодар ворочается со злобой. Но вот, изловчась, пастух подмял под себя Кодара.

В восторге смеются дети и юноши. Кодар лежит на земле.

Просветлели лица Баян и рабов — они начинают догадываться, кто этот молодой пастух.

Кодар поднимается с земли, он готов броситься на пастуха, как буря, и убить его. Пастух безмятежно смотрит на него. Он даже немного смущен своей силой.

Кодар кричит:

— Тогда давай в байге оспаривать друг друга.

### Ш т о р к а

Мчатся кони. Постепенно отстают все джигиты. Остались только Кодар и пастух. Не отстает Кодар, не уступает пастух.

Волнуется Баян, волнуется народ.

Наконец легкий конь Котыр-Таза вырвался вперед и немало обогнал Кодара.

Пастух прошел финал, схватил малахай с кола и, осадив коня, подъехал к Баян. Спрыгнув с коня, он быстро подбежал к девушке и под звуки домбры джигитов и трубачей поцеловал Баян.

Народ шумно и яростно выражает свой восторг и удивление.

Баян, обожженная жарким поцелуем, прикрыла губы пальцами и опустила взор, но тут же взглянула на пастуха.

“Пастух получает приз, а целует, как любимый”, — думает она.

Подъехавший Кодар наскочил на Котыр-Таза:

— Ах ты, выродок несчастный!

Пастушонок ты ленивый!

Как ты смел мою невесту целовать, байгыс несчастный!

Я тебя за эту дерзость раздавлю одной ногою!

— Не байгыс я, — ставши гордо, отвечает Котыр-Таз. —

Постыдись, Кодар зловредный, говорить такие речи,

Не байгыс, — Козы-Корпеш я, Сарыбая сын я, вот кто!

Котыр-Таз бросил шапку на землю. На его голове заблестела золотая коса.

Вопли ликований всколыхнули толпу.

Кодар поражен.

Баян бросилась к Корпешу... Но ее тут же перехватил Карабай с воинами. Они скрутили ее, зажали рот, чтобы она не кричала, и быстро исчезли...

Корпеш вспрыгнул в седло.

Кодар вскочил на ноги и обнажил саблю.

— Схватить его! — крикнул он.

Корпеш, защищаясь от наседавших на него вооруженных всадников, крикнул клич:

— Кто за мной? Кто славу рода поддержать не побоится? Кто поможет мне, Корпешу, рать злодейскую осилить?

Толпа дрогнула. Рабы бросились на черных воинов и смяли их, поражая связками цепей. Мирные гости бросились в стороны.

Карабай втолкнул Баян в дверь и запер на ключ.

Два враждебных отряда дерутся не на жизнь, а на смерть.

Два друга — Толстый и Худой — воюют с охранниками на ковре, где разложены угощенья.

В руках у них стольная утварь. Отражая удары, Толстый, не теряясь, пользуется случаем и поедает плов.

Он нащупал хороший кусок мяса и перебросил его товарищу.

— Получай подкрепление!

Мало людей у Корпеша, налегли черные воины, еще усилие — и попятилась дружина Корпеша. Козы подбадривает их веселым криком.

Вдруг град камней обрушился на Кодара и его воинов.

Старики и дети, разламывая почти достроенный дворец, яростно бросают камни.

Увидел Кодар, что дело для него и для его воинов может закончиться плохо, повернул коня и наскочил на Корпеша сзади.

— Берегись, мальчишка!

Он со злобным смехом занес над Корпешем тяжелый клин. Но Корпеш легко, как птица, уклонился от удара.

— погоди, Кодар, не хвастай!..

С веселым, громким гиком налетел он на Кодара. Повернул коня разбойник, бежал из боя, как трус. Корпеш погнался за ним...

Корпеш бросает аркан на туловище Кодара. Зацепив врага арканом, стащил его с лошади. Повернув коня обратно, поволок Кодара за собой.

Ошеломленные воины прекратили бой.

Повергнутый Кодар взмолился, прося пощады:

— Подари мне жизнь... И отказываюсь от Баян. Я не буду тревожить набегами народ. Я отдам тебе все свои богатства, клянусь тебе в этом.

Козы-Корпеш был отходчив. Он отпустил врага на волю.

С небольшой кучкой уцелевших воинов Кодар уезжает из своей крепости под радостные крики народа.

Видя это, Карабай отбежал от башни и, упав на траву, зарыдал, причитая громко:

— Ой-бой! Ой-бой!.. Горе мне!..

Корпеш ищет Баян. Слыша вой Карабая, он подходит к нему:

— Где Баян?

Но Карабай продолжает испускать вопли.

К о з ы. Что ты воешь? Говори же, где Баян?

К а р а б а й. О, несчастный я отец! О господин мой!.. Она ждала... ждала тебя и, не поверив больше словам пастуха Котыр-Таза, пользуясь суматохой, прыгнула на коня и ускакала в степь искать тебя. Вон в том направлении...

К о з ы. И ты не врешь?

К а р а б а й. Можешь отрубить мне голову, но я не вру! Ой-бой, ой-бой! Горе мне! *(Он снова упал в траву.)*

Козы молнией помчался в степь на своем коне разыскивать невесту.

— Ба-я-а-ан! Ба-я-а-ан!

Когда голос его замолк, Карабай поднялся, нырнул в узкую дверь в стене башни.

Там был воин Кодара.

Карабай снял с себя шапку и халат, накинул на воина и сказал:

— Так тебя не заметят. Скачи к Кодару и скажи ему, что Корпеш один уехал в степь. Пусть словит его.

Воин поклонился и исчез.

## Ш т о р к а

Вечер. Едет озабоченный Корпеш, поднимается в гору.

— Ба-я-ан! Ба-я-а-ан! — кричит он, но никто не отвечает ему.

Он не замечает, как появляются силуэты черных всадников Кодара и вновь исчезают. Они следят за ним.

Ночь. Сидит Корпеш около костра. Его конь пасется на лугу.

Снова появляются разведчики Кодара. Снова незаметно исчезают...

Утро.

Безмятежно спит Корпеш на траве возле тополя. И не слышит, как листочки осторожно шелестят, о беде ему шепчут. Он не слышал, как тревожно ржал его конь и бил копытами о землю, предупреждая о беде, как поспешно ускакал в аул. Козы по-прежнему спит богатырским сном.

Все отчетливей слышен топот копыт приближающихся всадников. Вот они уже окружили лентой спящего Корпеша.

— Эй, джигит, проснись скорей!

— Эй, Корпеш, мы едем с миром! — закричали, подъезжая, воины Кодара.

Между тем, коварный Кодар был спрятан за их спинами. И едва Корпеш поднялся, чтобы идти навстречу, как выстрелил Кодар и поразил Корпеша в сердце. Корпеш упал в траву. Кодар подскочил к Корпешу, схватил его за косу и, замахнувшись кулаком, закричал:

— Вот, Баян, тебе подарок!

Женщины-рабыни, во главе с матерью Баян, наступают на перепуганного Карабая, угрожая ему палками:

— Куда дел Баян?

Из башни слышен крик Баян:

— Ото-о-при-ите!

У Карабая выпал ключ. Женщины схватили Карабая, подтащили к башне, открыли дверь. Из башни выбежала Баян и набросилась на отца:

— Шакал, скажи, где Корпеш?!

Карабай, не смея поднять глаза, отвечает:

— Он уехал в степь искать тебя.

Баян метнулась на бугор, смотрит в степь.

Женщины втолкнули Карабая в двери башни, заперли ее на ключ. Ключ бросили в озеро.

Мать Баян взволнованно сказала:

— Замуруйте все окна и дыры камнями и замажьте наглухо! Собаке — собачья смерть!

Женщины закладывают отверстие башни.

Смотрит Баян в степь, а там вьется пыль по дороге. Мчится конь без седока. Конь остановился около Баян и заржал.

Девушка подбежала к лошади.

— Это его конь. С Козы что-то случилось?!

Не раздумывая, Баян прыгнула в седло и, повернув лошадь, умчалась<sup>1</sup> в степь.

Степь. Мчится, как вихрь, на коне Баян. Вдруг взвилась пыль на дороге, навстречу ей несется туча всадников.

То едет Кодар, он горд и весел... Едет с поднятой найзою, на конце найзы золотится голова Корпеша.

Поравнявшись с Баян, Кодар бросил голову под ноги коня девушки. Смеясь, сказал ей:

– Здравствуй, нежная невеста!

Я привез тебе известие: жених твой в садах Аллаха!

Голова его порукой, что Кодар с тобой не шутит.

Мне случилось сегодня проезжать близ Шок-Тореза.

Там Корпеш, гонимый злобой, на меня напал внезапно.

Защищаясь от мальчишки, я убил его случайно.

Поделом! Пускай проезжих не тревожит...

Баян ничего Кодару не ответила. Лишь только губы жаркие до крови от волнения закусил. Слезла с лошади и, над мертвой головою склонившись, подняла ее и поклялась отомстить Кодару:

– Берегись, хвостун кровавый!

Ты изменник!.. И убийца... Скоро, скоро ты узнаешь,

Как жестоко платит тот, кто крепко любит!

### **З а т е м н е н и е.**

#### **И з з а т е м н е н и я.**

Как надломленная травка, опустилась Баян над любимым.

– Ты лежишь и молчишь...

Все цветы над травкою слезами политы.

Я твоя, о мой друг, ты судьбою мне дан...

Встань, проснись, мой Корпеш, посмотри на Баян!

Я боюсь... Я опять, как и прежде, одна...

И вновь без защиты...

Счастье девушки бедной прошло, как весна...

Нет любви, нет надежды, нет друга...

Нет, из царства теней не приходят джигиты!

Смерть, уйди! Не хочу я. Я здесь, я твоя...

Мой любимый, мой храбрый, ты слышишь, ты встанешь!

Ты недвижим, молчишь... О, несчастная я...

Баян рыдает. После паузы она обращается к небу:

— Звезды ласковые... ветер... горы милые...  
Туманы... тополя... Цветы и травы...  
Ты, земля моя родная...  
Я прошу исполнить просьбу:  
Сделать так, чтобы любимый  
Хоть на миг всего проснулся.  
Я хочу проститься с другом!  
Я хочу изведать счастье с мужем!  
Я мечтой его лишь знала.  
Я хочу его... живого... Сжальтесь!  
Чтоб рука не дрогнула у мести...  
Дайте счастье мне изведать,  
Дайте запалить эту месть!..

Девушка упала головой на труп. Обессиленная, она впа-  
ла в забвенье... Была тихая летняя звездная ночь... Ночь  
рассыпала, как мускус, тьму... И вот, словно продолжая меч-  
ту ее, запели хоры:

Туманы, седые туманы!  
Дайте росы нам хрустальной,  
Мы оживим ей Корпеша!

Вдруг все изменилось вокруг Баян, постепенно все пре-  
вращается в сказку-грезу. Появился ветер, он тронул де-  
вичью косу, зашептался с камышами, зашумел листвою де-  
реьев, завихрил туман в ущелье...

И поползли туманы. Они закрыли долину: закрыли Баян  
с Корпешем. Покрыли цветы и травы чистою росой влаж-  
ной... И над Баян склонились тополя, камыши и травы...  
И, склонившись, словно пели:

— Будь по-твоему, как просишь!

...И когда заря на небе перед утром занималась, свер-  
ху луч упал на травы и на труп, в траве лежащий. Осве-  
тил росу на травах и лицо Козы-Корпеша.

...С трех сторон, с трех острых листьев три хрусталь-  
ные росинки на лицо Козы скатились и, скатившись, вмиг  
разбились в пыль воды...

...Приоткрыл глаза любимый, потянул воздух широкой  
грудью и поднялся. Увидел Баян, счастливый, упал в ее  
объятия... Были их движенья медленны и сонны.

...А оттуда, откуда сверкал луч, раздался голос:

— О достойные, войдите в пантеон любви непобедимой!

Козы и Баян идут по воздушной лестнице вверх. Кругом ее простирается прекрасный сад Эдема. Фонтаны бьют соком граната, в струях родника журчит вино, хор пьяниц утоляет жажду свою и поет стихи Омара Хайяма.

Вершины деревьев уходят под облака, пестрея цветами. А там, наверху лестницы, сверкая куполами, была беседка, и в ней, на призрачной площадке, среди лимонных кущ, стояла тахта, парчою — из солнц, лун и звезд был выткан узор. Казался небом парчовый ковер. Из-под навеса взлетели над куполами горлицы влюбленной четою. И с нежным дыханьем дивных цветов мешались соловьиные песни.

Сверху лестницы из золотой амбры Самрук, она бросает под ноги влюбленным пурпурные розы...

Приглашая жестом последовать за ней, остаток роз она рассыпала на будущее ложе влюбленных...

Из жемчужных подзвездных замков слетаются легкокрылые пери: дочь солнца — Кун-Слу, лунная красавица — Ай-Слу, дочь глубин — Су-Слу. Вьются они хороводом вокруг Козы и Баян, озаренных необыкновенным светом, и поют.

Проходят Козы и Баян мимо шести пар влюбленных, воспетых крылатой песней, — это Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, Юсуф и Зулейха, Сейфуль Малик и Бадигуль-Жамал, Тахир и Зухра, Ахбалк и Боздак...

Обряд венчания совершают чудесные гости, и это венчание есть также посвящение Козы и Баян в вечные обитатели пантеона любви. Теперь их уже семь пар... Седьмая приобщилась только теперь — это Баян и Козы...

Они возлежат на любовном ложе, каждый — перл совершенства. Вино в их руках, со взором слит взор: то чаши к устам прильнут краями, то их уста сольются с устами... То были два солнца — в славе вечных, два в списке верности безупречных...

Как сказку, которую только однажды степь поведала звездному небу, должны запомнить юные сердца, запомнить с именем Козы-Корпеша и Баян...

Только хотела Баян прикоснуться к своему возлюбленному, вдруг в оркестре и хорах возникла тревожная, но гордая тема мести... И все исчезло, словно все падает вниз на землю!

Хоры поют:

Ты, дева, в любви растворилась!

Ты, дева, скажи, не забылась?

Опомнись, очнись, в руки меч возьми...

Исполни свой долг... исполни!..

Все исчезло.

Баян очнулась. Осмотрелась. Перед ней по-прежнему лежит мертвый Корпеш.

### **З а т е м н е н и е.**

#### **И з з а т е м н е н и я.**

Ночь. При свете факелов хоронят Козы-Корпеша Баян, сорок джигитов-юношей и сорок девушек. Нет слез и страданий, глаза говорят одно: "Мсть!"

Среди степи, где только трава да небо, зарыли прах Козы-Корпеша. В свежий холм воткнули найзу — в знак того, что умер воин. Положили сверху череп и скелет коня.

Похоронив Корпеша, Баян с девушками и джигитами поехала разыскивать Кодара.

Ночь. Пустыня. Около колодца со своей дружиной расположился Кодар. Воины спят. Появляется Баян со своей дружиной.

Кодар с иронией приветствует ее, кланяется:

— Приветствую тебя, печальная вдова!

Баян слезает с лошади, бросает поводья подруге:

— Зачем смеяться неуместно?

Тебе торжествовать сегодня нужно!

Твоя победа, пред тобою я склоняюсь.

Быть твоею я согласна.

Кодар не ожидал такого оборота — остолбенел. Но Баян весело и легко подошла к нему и поцеловала его в щеку.

Джигиты и девушки, не понимая ее игры, недоумевают.  
Кодар приглашает Баян в свою палатку, но она кокетливо отказывается, говоря:

– Мы сегодня путь тяжелый проделали, устали все.

Будем отдыхать... Боюсь, разгневется бог на то, что в день похорон войду в палатку другого жениха.

Кодар преклонил голову пред ней.

Баян вошла в свою палатку.

Утро. Кодар входит в палатку Баян. Она лежит на подушках, бледная, усталая.

К о д а р. Что с тобою, милая жена?

Б а я н. Ах, совсем упали силы и порой в глазах темнеет... Видела я сон. Явился мне волшебник и сказал: “Чтоб избавила себя ты от тоски и боли, черпни воды со дна колодца не ведром, а прямо шапкой и напейся той водою...”  
Но не в силах я спуститься сама в колодец...

К о д а р. Разве я позволю, чтоб в колодец ты сама спускалась! Дай мне шапочку...

Б а я н (*снимает с головы шапочку и отдает ему*).

Хорошо, Кодар мой верный.

По моей косе в колодец поскорей ты спускайся,

Подвяжу ее я лентой.

Зачерпни воды холодной, исцели свою невесту.

Кодар и Баян подошли к колодцу.

Кодар без колебания опустил по косе Баян на дно колодца. Но едва он коснулся дна, в руках у Баян блеснул нож, миг один – упала лента на дно глубокого колодца.

Но Кодар подумал, что девушка шутит, и спокойно крикнул вверх:

– Эй, шутница, поскорей подавай сюда веревку!

Баян с горькой усмешкой отвечает:

– Я шучу, как ты с Корпешем пошутил стрелой недавно.

Эй, девушки! Вот изменник, храбрый воин против сонных!

Богатырь непобедимый, я тебя перехитрила!

Эй, джигиты, забросайте вы камнями колодец!

Стройте памятник достойный над могилою Кодара!

Девушка сама берет первый камень и бросает его в колодец.

Джигиты и девушки забрасывают колодец камнями. Наплывом виден готовый памятник предательству и варварству — груда камней над колодцем.

## Ш т о р к а

Над могилой Корпеша строится памятник.

Джигиты выкладывают очертания фундамента из огромных камней. Движения медленны, величественны.

Баян, желая показать высоту будущего памятника, бросает вверх свою шапочку. И, словно в сказке, как гора среди равнины, неожиданно вырастает высокий памятник.

Баян всходит на выступ памятника и, обращаясь к народу, раскланивается в три стороны, доставая до земли рукой:

— Прощайте, родные, прощайте, девушки, джигиты, все, с кем жила, кого любила. Мать родная моя, прощай! Все прощайте! Ветер нежный...

Она просит всех оставить ее одну, говорит, что им нужно скорее вернуться в родные места, что теперь все снова заживут счастливой жизнью, что они свободны. Что улыбку жизни никогда не омрачит тень зла. Что светла и свободна будет их любовь. Что жизнь нельзя поставить на ноги без жертв.

Козы и она принесли свои сердца на жертвенник жизни. Они любили жизнь так сильно, что ради нее отдали свою жизнь. Право нашей жизни и свободной любви в нашей смерти.

— Идите, цените жизнь и защищайте ее от варварства. Я остаюсь здесь памятью верности и чести! И каждый прохожий, каждый проезжий, каждый путник степей, видя памятник этот, возгордится сознанием того, что жизнь его безоблачна, и загорится светлыми чувствами утомленное его сердце.

Ее уже нет в кадре, но хор продолжает исполнять ее слова и слова народа, уходящего в степь.

Растет звучание музыки. Рассыпался караван по степи. В музыке идет тема начала фильма — плодородия. Идут кадры с убыстряющимся внутрикадровым движением народа, возвращающегося в свои родные места.

Шагают верблюды, нагруженные детьми и скарбом. Едут старики на ослах. Легче ветра летят кони джигитов и девушек. Вырастают новые юрты. Обгоревшая степь теперь волнуется высоким ковылем. Тут и там пасутся косяки коней.

Стада овец медленно передвигаются по степи. Их охраняют пастухи и собаки.

Самки животных нежно кормят своих детенышей.

Сверкая, журчат арыки.

Купаясь в голубых просторах, пролетает горный орел.

Медленная панорама вниз. На фоне медленно проплывающих облаков, на первом плане, утопая в цветах и ковыле, стоит светлый обелиск Козы-Корпеша — памятник верности, чести и чистоты. Он легко и высоко взлетел вверх.

Медленная панорама вверх, к обелиску Корпеша, где окаменевшая в граните фигура Баян зовет к мести, к верности, к борьбе.

В оркестре звучит торжественный гимн — гимн непобедимой любви и верности.

К О Н Е Ц

# Әңгімелер





## АСЫЛ НӘСІЛДЕР

(Екінші нұсқасы)

### I

Түн ортасы боп қалды, бірақ Әсияда ұйқы жоқ. Күзеттің камы да емес, Әсияны ой ұйықтатпайды. Бұл ой бір бүгін емес, соңғы екі жұма бойында ішіне терең орнап, үнемі өкіндіріп, қинап, кеміріп жүр.

Түн желді, суық, қыстың түні еді. Әсияның киімі жылы. Үстінде атасы Есіргептің үлкен сеңсең тоны пұшпағына түсіп, бойын қыздырып, тоңдырмайды. Қораның шетіндегі кішкене киіз үстіне жантайып жатса, қымтанып орануына да жарайды. Етегі төсек, жеңі жастық, сенімді мол киімнің өзі. Әсия екі қолын жеңіне сұғындырып, көбінесе отырып тыныштық алмай, қотанды айнала баяу басып, тынымсыз арлы-берлі жүріске ауысқалы көп болды. Аласа бозғыл беткейді толтыра жатқан бір қора қой мың қаралы. Қалың тобы қыбырсыз тыныштықта. Ақырын пысылдап дем алып, тыныс алады. Осы қойдың күзетінде жүрген Әсияның ойында көп нәрсе, көп бір естегілер үзік-үзік, бірін-бірі қуғандай ауысып, толқып өтеді. Әсіресе өкініш батады. Өзін-өзі аямағандай: “жамандық еттім-ау, әттең, соны неге еттім? Енді жұртқа не бетімді айтам! Масқарам шықты ғой тегі!” – деп, өзін жазалаған ойға қайта-қайта орала береді.

Әсияны осындай ойынан иттің үргені алаң етті. Қой шетінде жататын үш-төрт иттің арасында шолақ құйрық, шұнақ құлақ арабы қара төбет бар. Өзге ақ қаншық, ала күшік, ақ төс, көк дүрегей тазыдан бұл төбеттің мінезі бөлек. Оны күндегі күзетте Әсия әбден біліп, түйген болатын. Қалған иттер не болса соған үре берсе де, қара төбет тегін үрмейді. Ол төбеттің аты Таймас еді. Бұл үрсе, тек бірденені, не қасқырды, не ұрыны, немесе суыт жүрген

бөгде жолаушыны көргенде ғана үретін. Өзінің ауыр ойынан оянған Әсия, Таймас үрген жаққа қарай қадам басты. Қараңғы, желді түннің меңіреуіне жас көзін қадап, әлденені көрмек болады. Бірақ ит қанша қадалып, шаншылып үргенмен, Әсия іштеңені болжай алған жоқ.

Бүгін түн желі қатты екен. Аспанда қалың, ауыр қара бұлттар тұтасып, жәй салмақпен ауып келеді. Айсыз, жұлдызсыз, декабрьдің түні, қою қараңғылық қаптатқан, саңылаусыз түн. Бір қалыпты ызғырықпен қатаң соққан түн желі өтімді, суық. Жер қара болса да, қыс ызғарындай суық ызғары бар жел. Таймастың зор дауыспен, қайратты зілмен, қысқа қайырып, бапылдап үрген үнін түн желі қағып әкетіп, ық жаққа, алысқа жеткізіп жатыр.

Тегін үрмейтін Таймас, Әсияның ойын “әлдебіреу ауылды торып жүр ме?” деген күдікке аударды. Иттің қасына кеп: “нені көрдің, серігім?” дегендей, Әсия қой шетінде желдің өтіне бетін беріп, итпен бірге қатты желге қарсы, қасқая қарап тұр. Әсияның ойлағанындай, Таймас бұл жолы да тегін үрген жоқ екен.

Алыстан, жел жақтан Таймас естіген сарын, иіс түнде-летіп келе жатқан жүргіншінің белгісі болып шықты. Аз уақытта Темірқазық жақтан, ойдағы құм жақтан келе жатқан жалғыз аттының қарасы көрінді. Қора шетінде жатқан өзге иттерді бастап Таймас, жүргіншінің алдынан жүгіріп үрді. Бірақ аз үріп барып, келе жатқан аттыны танығандай тоқтап, қой шетіндегі жалғыз үйге қарай бұрылды.

Жүргіншіні Әсия да таныды. Екі күннен бері жолаушылап құмға кеткен Әсияның қайын атасы Есіргеп еді бұл келген. Кеш бойы, қой шетіне жалғыз шыққалы Әсия қадалып ойлаған жүдеу ой, өкініш ой, қазір мына жүргіншіні танығанда, жас әйелдің бетіне қатты бір ұят отындай боп дуылдап шықты. Бірақ, амалы жоқ, атасының алдынан көлденеңдеп жүріп кеп, кішілеу киіз үйдің сыртында тосып алды.

Есіргеп қарт қараңғы түнде астындағы боз биесін деміктіріп, терлетіп, қатты жүріп келген екен. Келіні алдынан тосып тұрып: “Жәке, ат-көлігіңіз аман ба?” – деп, именіп ақырын сөйлеп, боз биенің шылбырынан алып, атасын аттан түсірді. Басында үлкен, дөңгелек, қалың қара бөркі бар, қалың киінген Есіргеп келінімен амандаспай, үнсіз түсті. “Шаршап келдіңіз ғой!” деп, келіні атасымен

тағы жауаптасайын деп еді, ол басында қолын ұзын жеңімен бір сілтеп, жауап бермеді. Сырт айнала беріп, өзіне-өзі айтқандай қып:

– Шаршамасы бар ма? Шаршаттындар ғой түгі, құрып қалғырлар! – деді.

Әсия бұдан әрі үн қата алмады. Ат қасында белдеуге байлаған күйде тағы да беті ұяттан ду еткендей боп, үнсіз тұрып қалды. Атасы үйге кіріп, орта жасты әйелі Балжанды оятты. Әсияның қайын сіңлісі үйде сергек жатыр екен, шешесінен Қанипа бұрын оянып, үй ішіне от жақты. Әсия үй сыртында тұр, кіруге бата алмады. Желден біраз ықтап тұрып, атасының кейісін тыңдайын деп еді. Бірақ оған да батылы шыдамай, қой шетіне қайта кетті.

Есіргептің жаңағыдай суық үнмен жауап қатқанын, ұрыса сөйлегенін, әсіресе бұны ұрсып сөйлегенін, Әсия бұрын естіп көрмеген еді. Енді аттан түспей жатып, ызасын, кекесінін ірке алмай, жаңағыдай қатқыл сөйлеу Әсияға бар жайды айтқызбай-ақ түсіндірді. Өзін қинаған ой, қысылдырған күй бұрын атасына белгісіз болса, қазір түгел мәлім екенін келін анық аңғарып тұр. Ең болмаса әзірше атасы білген жоқ шығар деп ойлаған Әсия сырын, мұнды сырын, Есіргеп осы сапарға аттанарда өзінің кәрі жолдасы Балжаннан естіп кеткен болу керек.

Қой шетінде, суық желдің өтінде, төбеден ауыр салмақпен басқандай төніп, маңып келе жатқан қара бұлт астында Әсия қыстығып, булығып барып, ыңырысып жылап жіберді. Ұйқы былай тұрсын, енді отыра да алмайды. Сенделумен қалың қойдың шетін үнсіз айналып жүр. Түнерген, иығы түсіп салбырап, екі көзін төмен салып, қара түннің бейне бір мұңды көлеңкесіндей қозғалады. Сенделіп жүрген жас әйелдің ішінде аяусыз ойдың ащы бір зәрі, уыты жүз толқынады. Өкініш, қайғы сорабы мұның ойын сан түндер бойында өз ойымен талай соққан бір кешке, осы күздің жарық айлы бір кешіне апарады...

...Биыл аса жайлы, жылы болып өткен сентябрьдің бас кезі болатын. Отарлар ол кезде құмда емес, ұзын аққан Қарғалының бойында еді. Өзен бойын сол жағада ұзақ шақырымдарға созылып қонған КИЖ\* шаруасы мекендеген. Есір-

---

\* КИЖ – Қазақстанның мал шаруа ғылым институты.

гептің отары көп жеке өзіндей қашарлардың, көп қойлы көрші отарлардың орта тұсын мекен еткен. Ұзын Қарғалының екінші жағасына жағалай созыла қонған, көрші аудандардың колхоз малдары болатын. Күздің бас кезінде отарлап мал жаятын совхоз бен колхоздарға Ұзын Қарғалыдай жайлы қоныс жоқ. Бір жағы жаз бойы соны тұратын, қалың ақ от қаулап өскен көп сары адыр болады. Екінші жағы – отар малының ертелі-кеш су ішіп, жағалай жайылатын өзені – Қарғалы. Бұл өзеннің алқабы кең. Екі жағасы шалғынды, шымы тұтас, сазды ұзын көгал болады. Күндіз де бір мезгіл жайылыстан қайтқан қалың қойлар, өзеннен су ішіп, жағалауындағы жарында, шилеуіт, сызат өлкесінде тыным алып, жайылысқа қайта шығып жүреді. Шөбі қалың, суы мол және ауыл қонарлық қойнау-қойнау алаңы көп өзен бойында, бұрынғы күндерде де, көктем мен күз кезінде қалың ел мол малымен, осы күндердей иін тіресе отыратын.

Әсияның есіне оқтай қадалып тұрған кеш, жарық айлы, үнсіз, жым-жырт жылы кеш. Сол Қарғалының бойында екі жағасында өрлей, құлдай отырған қалың елдің бірталай қауымы жиылып, өзінше бір қызық сауық еткен кеші болатын. Әсия мен оның тату досы, қайын сіңлісі Қанипа екеуі Отан соғысынан қайтып келген бір ағайындарының үйінде болды. Қатерден аман қалған тату құрбы, осы совхоздың өздеріндей шабаны – Түсіпжанның үйіндегі тойда болған. Кеш бойы Түсіпжан үйінде ұзақ өлең арасында, қонақасы үстінде аздаған ішкілік болды. Әсияның соғыс басталғаннан бергі жаңғыз бір көңіл көтергені сол. Өз уайымын сәл ұмыттырған, қызық кеш сол еді. Сонда бұған өздерінің ағайыны Молтай деген жігіт оралды. Бұл күнге шейінгі өмірде ешуақытта аузына алмаған, ойына келмеген, бір сырын Әсияға өлең арасында ашқан болатын. Сол Молтай айтқан құмарлық сыр сөзден бұрын, Әсияның көңілі соғыс басталғаннан бері жабырқау еді. Тек сол бір ғана жарық айлы сырлы түн, бір сәтке Әсияның көңіліндегі қайғының бәрін ұмыттырып, есін ұрлағандай болды.

Әсия әлі күнге болған халдің барлығын есіне түсіре алмайды. Соғыс басында, 41-ші жылдың жаз ортасында, жайлауда бұның сүйікті жары Сайлыбек әскерге кеткен болатын. Екеуінің үйленісіп, табысқанына бір ғана жыл болған еді. Сайлыбек – Есіргептің жалғыз баласы еді. Әсиямен екеуі бір жыл бірге кешкен өмірде, еңбекте – серіктес бол-

ды. Үй іші тұрмыста, жаңа ғана табысқан жастық таңындай ыстық жалынды тұрмыста, қабақ шытысып, ренжісіп көрген емес-ті. Әсия Сайлыбектің жары боп, Есіргеп үйіне кіргелі осы мынау қой шетінде тұрған жалғыз үйдің үзілмес ұзақ, мол қызығы туғандай еді. Түз еңбегі жарасып қосылған, біріне-бірі тең баласы мен келінін Есіргеп қарт пен оның мінезі жұмсақ әйелі Балжан да қатты қуаныш ететін. Іштерінен шүкір етіп, қызықтайтын. Әсия мен Сайлыбек өмірінің әсіресе бір өзгешелігі, екеуі де, ата-ене былай тұрсын, тіпті жас Қанипа алдында да ашысып сөйлесе алмай, ылғи ұялып, бірін-бірі жасырын сүйетін. Сондайлық ірку бар, перде астындағы құпия сүйіспендік бұл екеуіне аса тәтті еді. Біріне-бірі еркін тиген, я даладағы, я болмаса үйдегі оңашалық шақтарын бірінен-бірі ажырай алмастай, аса бір ыстық, қымбат шаққа айналдырушы еді.

Сол Сайлыбек жылға толар-толмас қана үй іші өмір кешті де, қатері көп, белгісіз ұзақ сапарға, Отанын қорғау сапарына аттанып кетті. Жарқыраған жаз ортасында қадірлес ата-анасын қалдырды. Аялап сүйіскен Әсиядай жарын қалдырды. Сайлыбек бәрін артына тастап, бел асып кеткенде, жарық күн сөнердей болды. Жайлы жылы жаз дәл қазіргі Әсия көз жұмбай жүрген, қыстың қара түніндей боп кетті. Қызыл жүзді жас, ажарлы, нұрлы келген қой көзді, бұрын әнші, күлкіші Әсия қайғы татты. Жасынан жар құша алмай, мұң құшты.

Жүрек басына, әр кезде мұның көзіне сағыныш жасын жұмарландырып, түйіліп келтіретін зіл қара тастай шер орнады. Үнемі қауіп, күдік қою қара бұлттай боп бұл жастың айы-күнін бірдей басты.

Әлі де, міні, мынау жеті түнде, зауал уақытта, Әсия барлық шыншыл зарлы жүрегінен бір шындықты өзінен де, әлемнен де, қазіргі ашулы, өкпелі атасынан да жасырмай, ұялмай айта алады. Шын көңілінде Сайлыбек басына қиянат етермін деген бірде-бір ниет жоқ еді. Құлын-тайдай айқаласып өскен Сайлыбегін бүгінде де Әсия ешбір жанға айырбас етпес еді. Ұмытпай, соның атын жад етіп сарғаюмен, тосумен күн кешуге, айлар, жылдар күн кешуге әзір еді. Бірақ бір Әсия емес, оның атасы мен енесі де, қайын сіңлісі Қанипа да Сайлыбек жайын талай улы жаспен жуа-жуа мұңдаған. Үміт қанаты қырқылып, Сайлыбегі келмесе кетті дегенді жүрегі бата алмаса да, ақылымен Әсия әлде-

қашан ұққан болатын. Бұған себеп Сайлыбек кеткен жылғы қыс басында келген майданның суық хабары еді. Сайлыбектің командирі оның Мәскеуді қорғағандағы ұлы отаншылдық, өр ерлігін айтып кеп, кейін жауды Мәскеуден қуып, ұзатып әкетіп бара жатқанда, Вязьма түбінде қатты қырғын соғыс үстінде қаза тапқанын білдірген. Сайлыбектің ата-анасына осы хабарды білдірген командир Андреев ер жауынгерді жоқтағандай сөз жазыпты. Сондай ер ұлды, адал ұлды өсірген ата-анаға, Әсияға ұғымсыз орыс тілімен сай-сүйекті босатқандай көңіл айту, жұбату сөз жазыпты. Майданнан баласы, інісі, жар-жолдасы туралы ауыр хабар алып жатқан ата-аналар, ағалар, жарын тосқан әйелдер бұл сияқты қаралы хабарды “қара қағаз” деп атандырған-ды.

Әсия мен Қанипа мектепте бала күндерінде бірге оқыған жастар еді. Сұмдық хабардың шындығына олардың көздері әбден жетіп, оңаша ұзақ жыласатын. Бірақ қарттарға осы хабарды өздері әдейі жеңілейтіп, үміт қалдырардай қылып айтысқан. Есіргеп пен Балжанды жұбата ма, қайтеді, бірақ бұл үйдің оқымысты, білімді досы, осы КИЖ малының үлкен бір басшысы Бобров та жұбата сөйлейтін. Сайлыбек турасында келген жат хабарды естіп, Әсиялар күндер, түндер бойы қара тұтып, зар еңіреп жыласып жүрген шақта, майданнан келген хабарды оншалық сұмдық үмітсіздік хабары емес деп, жұбату айтқан. “Сайлыбек жаралы болып, өз бөлімі емес, басқа бөлімнің санитары соғыс артынан алып кетіп, командир Андреевке белгісіз госпитальға түсіп, содан басқа бөлімге ауысып кетуге де мүмкін. Жарасы ауыр болғандықтан, не басқа дімкәстікке ұшырағандықтан, үйіне хабар ете алмай жүруге мүмкін” дейтін. Бобровтың осындай әр алуан, “дертке дәрмен” болғандай жорамалдары... қарттарға соңғы таяныш еді.

Содан бері сарғайып тосумен айлар өткен, алғашқы қаралы жыл да өткен. Бір жыл емес, міні, ұзақ сарылған үш жыл өтті.

Есіргептің үйіне өз ішінен қара өзегін қақ жарып шыққан баласы Сайлыбек пен Қанипадай боп, туысып кірген Әсия бірде-бір шақ шетке қарап көрмеген. Күнім басқа, тағдырым басқа болады деп ата-енесінің үйінен тыс, ойынан аулақ ой да ойлап, білген емес-ті. Тек қана қазір Әсия-

ны удай өкінішпен сенделтіп, қазірде таңды-таңға ұрғызған бір-ақ кеш мұның аяғын жаңсақ бастырды. Мұның жас көңілін жаңылдырды. Ол сол жаңағы сентябрьдің басында болған алдамшы, сиқырлы, жарық айлы кеш. Әнменен, қалың думан, күлкі, қызумен, сәл ішкілікпен масайтып, Әсияның есін ұрлап келген, адасқақ кеш.

Молтай да Әсия туралы бұрыннан бөтен ой ойлап жүрмеген тәрізді еді. Сол кеште ғана оның ойына, өзін де адастырған, әсіресе Әсияны жаңылдырған бір қу сөздер келіпті. Айтылуда Әсияға ол сөз, ол сыр өзінше орны бар сөздей жеткізілген. Молтай Есіргепке жақын ағайынның ішінде жақын еді. Аталастың ең бір тақау келетін Еспайдың баласы. Егер Сайлыбек мүлде дерексіз кетіп, артындағы жарын кім алады десе, бұл ортада әлі арылып, айығып болмаған ескі жол, дәстүр бойынша әмеңгер боп алатын кісі, ең жақын жанашыр кісі Молтай екен. Бұл жайды кемпір-шалдар іштей ойлайтын болса да, Әсия бұрын өз басына бірде-бір уақыт келтіріп көрген жоқ-ты. Оны өзге кезде, ауылдағы совет жасы арасында көзі ашық Әсия, Қанипа, Молтай да ойламайтын. Қайта қарт-қария санасындағы осындай әртүрлі ескілікке күліп қарасар еді.

Бірақ сол кеште, ойына қайдан келгені белгісіз, Молтай сөзі осыдан басталды. Жас келіншек таң қалғандай ойланып қалды. Өзге жастың қалжың-қылжаңын осы үш жыл бойында Әсия аз естімеген-ді. Бірақ әр кезде күлімсіреп, құмарлықтай күйіт қуып, не сыпайы қалжыңмен, не көрінеу тілекпен сүйкенбек болған кісі болса, Әсия тез өңі бұзылып, қатты зекіп ұрсып тастайтын. Бойынан жұлқып тастағандай боп, жігіт үмітін пышақ кескендей тыйып кететін. Молтай өзінің сырын Әсияға қызара-тершіп, қысылып айтқан.

Бұған арнаған тілегін арзан жеңсік, уақытша қызық түрінде айтқан жоқ.

– Қарт атаң Есіргеп те Сайлыбектен күдер үзсе, өз ықтиярымен сені маған бұйырады. Оны біздің екеуміздің де ата-ене, әке-шеше, аға-жеңге сияқты туыстарымыз қазірде іштей ұйғарып жүр! – деп сөйлеген.

Түсіпжан тойына шақ қана көңіл көтеруге, аз отырып қайтуға барған Әсия үй ішіндегі көп дырду арасында Молтайдың жаңағыдай айтқан сөзін естіген соң ешбір жауап айтпай, үнсіз қалған еді. Соның арты ас келіп, тағы да

ішкілікке ауысқанда, Әсия өзінің есін ұрлатқандай болды. Бір тұманға, шытырманға түсіп кетті. Қанша уақыт өткенін білмейді... Қазір есіне түсірейін десе, бастан кешкен анық халдің барлығы бұған айқын суретте, бірде-бір оралмайды. Тек жадында қалған жалғыз бір кез бар. Молтай екеуі күлкі дырдуы, айтыс-әні көп үйден тысқа шыққан шақта, толық ай әлі де сүттей жарық еді. Желі жоқ, тып-тынық түн екен. Өзен жақтан, шалғынды құрақ қамысты, жасыл шилі сызаттан келген болымсыз салқын буалдыр тартып мұнартып тұр екен. Сәл ғана салқын леп бұларға ымдағандай боп, өзен жағасына жетелеп, тартқандай болғаны бар. Шилеуіт далдасы көп, жасырыны мол түн Әсияның есін алды...

Таң ата жалғыз өзі жай басып, аппақ сұр боп қуарып қайтты. Өз үйіне қарай жөнелгенде, Әсия жүрегіне үлкен қылмыс артынан лезде оянған, ең алғаш сол таңда оянған өкініш келген еді. Мұның артында қалған жасыл жаға, қалың ши мен терең жар жасырған өкінішті сырды әлем білгендей. Әсияның қарсы алдынан шығып: “Бәрін білдім. Мәлім. Аздың ғой!..” дегендей боп, ардақты, арманды жары Сайлыбек кінәлап, тосып тұрғандай боп еді. Сол көкшіл таңның өзінде, жас жүрегі осы бүгінгі болар уайымды сезгендей болатын. Әсия ата-енесінің үйіне кіре алмай, күн шыққанша үй сыртында отырып, үнсіз жаспен ұзақ егіліп жылаған-ды...

Бүгін, міне, сондағы Әсия күнәсінің себепшісі болған Молтай да жоқ. Ол шақта әскерден жас жігіт қалатын сияқты дәлелі де, үміті де бардай еді. Бірақ ондағы сенімнің бәрі текке кетті. Молтайды да Отан әмірі жауға қарсы жұлқысып жатқан майданға ап кетті. Жарық айлы түннің ыстық сыры құпиялық күйінде қалмады. Сөз өсек боп білінген жоқ. Әсияның өз ішінен туды да, өсті де, дүнияға жасырынсыз, жалтарусыз “мен шындық, мен сондағы жарық айлы түн айғағы” – деп білінетін боп тұр.

Екі жұма боп қалды, Әсияның жас өмірінде бойына ең алғаш біткен ұрық, ана құрсағында әуелі бірінші рет сәл бүлк етіп білініп еді. Енді күн сайын өзінің барлығын, ғажайып тірлігін мұңды анасына танытып, жиі-жиі қозғала бастады. Бір өзінен басқа бұл күнде сырласы қалмаған Әсия ана болуға амалсыздан бейімделгенін енді аңғарды. Жасырып

болмасын енді білген соң, осы соңғы күндерде іштегі ауыр сырын ең алдымен қайын сіңлісі Қанипаға айтқан.

Әсияның түсі бір көгеріп, бір әппақ боп бозарып, жіп-жіңішке сарғыш қастары шошынғандай түйіліп тұрды. Ол өз сырын бастағанда, бұған соншалық тілеулес және шын берік дос Қанипа бірге қызарып, бірге қуарған-ды. Бұл екі жас әйел бала күндерінде, бастауыш мектепте бірге оқыған. Бірнеше жыл бойындағы татулығы мен сырлас жолдастығы бірде-бір кез бұзылып, құбылып көрген еместі. Кейін КИЖ шаруасында екі жас қыз ер-азаматтан бетер, санаулы жас қайраткер боп алды. Еңбекпен көзге ілінген кезде екеуінің сырластығы, тілеулестігі бұрынғыдан да асып, өсе түскен. Бертінде Сайлыбекке жар жолдас боп, асыл дос боларлық, қымбат жан Әсия жеңгесі. Әсиямен жалғыз ағасының қосылуына да үй іші кеңесінде себепші болған Қанипа еді.

Ерні жұқа, тұнжыраған қап-қара көзді, қызғылт, жылтыр, жылы реңді Қанипа Әсия сырын естігенде жылап жіберіп, жеңгесін құшақтай алған. Көгерген жұп-жұқа еріндерінен қаны қашты. Қалтыраған қалпымен жұбату сөз айта алмады.

– Айтпағын, тегі-тегі! Айтпағын, сорлапсың ғой, Әсия! – деп, жеңгесінің қасынан бір тұрып кетіп еді.

Артынан бүк түскен қалпында қос иығы дірілдеп, оқ тиген балапандай зар еңіреп қалған Әсияға қайта ұмтылып кеп, тұрғызып алған. Жүзіне жүз қадап, өзінің де нұрлы кара көзінен ыстық жасын тыймай ағызып отырып:

– Қайтесің, қайғырғанда қаяққа барасың? Молтай болса, о да жоқ. Жәкем мен апама өзім айтайын, жасың тый, тегі! – деген. Алғаш ашылған Әсия сырын қатты бір сенделу, қоса күйзелумен қабыл алған.

Содан бері үш-төрт қана күн өтті. Әуелі Қанипадан Әсияның енесі Балжан естіп, бір күн, бір түн бойында ас іше алмай, бүк түсіп жатты. “Желім ұстады” деп Есіргептен жасырып, өзінің уайымымен көз жасын төккен.

Заты момын Балжан бар шерін жасына артып, Әсияға бір ауыз сөз қатпады. Бірақ әлденеден, келініне ұғымсыз себептен бұрынғысынан да мейірлі боп, асының алдын, нәрлісін ылғи соған ұсынады. Қабақ пен ішін танытып,

Әсияға әншейіндегісінен әлдеқайда көбірек қамқорлық етеді.

– Тоңбасын, шаршамасын, аш болмасын! – деп, Қанипаға сыбырлап, қысқа-қысқа аналық қам айтады.

Бірақ, сонымен қатар, Әсияның ішін, от өзегін қарс айырып, тілгендей боп күндіз де, түнде де, өзін-өзі аңдамай, момын Балжан “аһ ұрып”, күрсіне береді. Алдыңғы күн таңертең Есіргеп ақ шеке биені мініп жүрмек болды. Қыс қатайып келе жатқандықтан, мынау қалың қойға құм ішінен жұттан аман қалар өріс-қоныс, жай іздемек. Ері жүргелі тұрғанда Балжан тысқа шығып, қарт серігінің қасына жаяу еріп, көп жерге шейін ұзатып, бірталай сөз айтып жіберген. Мұны алыстан шолып жүріп, өзінің сырын ата-енесі сөз қып бара жатқанын Әсия да білген еді.

Әншейінде бір жаққа шығып, үйге қайтса, ең алдымен Әсияға амандасып, отар жайын, мал күйін, амандық хабарын тек қана Әсиядан үнемі айнымас, жылы шыраймен сұрайтын Есіргептің алдыңғы күн біліп кеткен ауыр уайым хабарынан соңғы келісі жаңағыдай болды. Әсияны қатты жат көріп, сыртқа теуіп, “құрып қалғыр” деп атағаны тегін емес. Есіргептің ішінде әлі тұнып, тыныштық тауып болмаған үлкен шердің толқыны жатыр. Соның ызғары Әсияның ұятты жүзін жаңа аяздай қарыды. Жас келін тыным ала алмай, қыстың ұзақ таңын дамылсыз сенделткен сергелдеңмен өткізді.

## II

Есіргеп қайтқан соң, түн ортасына шейін жалғыз үйде шам сөнбеді. Қиын жайдан үй ішінің ауыр кеңесі болғанын Әсия қой шетінде жүріп аңғарған-ды. Таң ата үйге кіріп жатса да, Әсияның ұйқысы шала болған. Қалың көрпе астында күрсіне түсіп, Әсия оянғанда, Қанипа әлі қойға кеткен жоқ екен. Әкесі мен қыз арасында ұрыс тәрізді сөз бар еді. Екеуі де күбірлеп сөйлейді. Кейде шал кеудесінен ашулы сөз булыққан сыбырдай шығады. Қанипа әке ырқына көнбей, қарсы ұрсып:

– Кім қиналмай отыр? Осы үйде жас төкпеген біреу де жоқ. Әсияның бүгінде ішкені зар, қинама! – дейді.

– Қинама... Қинаған емес. Мені бұ қорлықты көргенше, бұл ұятпен ел бетіне қарай алмай жүргенше, жер жұтсын деп жүргем жоқ па?

– Не қыласың сонда?

– Кетем сендерден. Қаңғып кетем, тегі, жоғалтам көзімді.

– Ақылың мол әкесің. Бірдеңе таба ма десем, сөзің со ма?

– Іштеңе табарым жоқ. Өлімнен ұят күшті. Сендер қалыңдар. Қалғын бәрің сонда. Сайлыбектен айрылып та өлген жоқсың, тегі. Мен де қарамды өшірейін. Бұл өңірде тұрмайым.

– Тапқан екесің! Малды қайтесің? Ақылды, сенімді шабан деп саған сеніп жіберген елді қайтесің? Бобровка не бетінді айтасың?! Досымсың деп кеше серт бермеп пең?

– Серт берсем, сендерге сеніп, Әсия екеуің серігім болад деп, соғысқа кеткен азаматымды, Сайлыбегімді жоқтатпайт деп бергем. Екеуің бірігіп ап, мені мұндай отқа салсаң, кәрі Есіргепте не қуат, не дәрмен қалушы еді? КИЖ-ге де, Бобровка да жауапты екеуің өзін бергін. Мені досым десе, Бобров екеуінді “туған қызым” деген. “Түнде күзет, күндіз бағымды екеуіңе сенбеп педі? Мені мұнда тұрсын десең, осылай етермедіндер? Жақсы ит өлекесін көрсетпей өледі. Тегі, сол ит құрым болмаспын ба? Кетем сол! Әсияны қостасаң, қал осында қасында. Мен сендерге жоқпын!” – деп, шал өзінің өзгерместей байлауын қатты түйіп айтты. Әсияның аңғаруынша, тұрып кетіп бара жатқан сияқтанды. Осы кезде Қанипа ұмтылып барып әкесін ұстай алған тәрізденді. Бұл уақытқа шейін Балжанның үнін Әсия естіген жоқ еді. Қазір соның булығып жылап:

– Құдай-ау, не сұмдық! Ұстағын, жібермегін, Қанипа, сорлым. Ағадан бір, әкеден екі айрылдың ба?! – деген зарын естіді.

Осы кезде Әсия көрпесін ашып, жастықтан басын жұлып алды. Өмірінде бірінші рет атасына тік қарады. Жасқа толған қой көздерін Есіргепке қадап, жылап сөйледі:

– Жәке, Жәкетай, күнім ағатай! Сөзімді тыңдағын, Жәке! Сізді күйдірген мен ғой. Айыпты боған мен тұрғанда, сіз неге кетесіз? Кәрі басың қайда қаңғысың? Сіз кетпеңіз, ұятымды, айыбымды арқалап мен кетемін. Қайда

кетсем де, көзіңізден жоғалайын. Қазір-ақ мен кетейін! – деп, атып тұрып, киіне бастады.

Қанипа біресе есік алдында аңырып тұрып қалған әкесін құшақтап, біресе ұмтылып Әсияны аймалайды. Екі арасында, күйік үстінде, жылдам жанған жалындай шалқиды.

– Жәке, Әсия, тыңдағын. Қойғын, тегі! – деп, сөз таба алмай екеуіне кезек жалынып тұрып, аяғында Әсияны құшақтай алды. Оны әке ашуынан өз денесімен тасалап, қорғағандай боп тұр. Жаңа бір қайрат тапқан, сүп-сүр болған жүзбен Есіргепке қарап:

– Жәке! Үйдің де, малдың да иесі сенсің. Бізге де ақылшы, пана сенсің. Сен кетем дегенің сөз болмайды. Шыныңды айтқын. Бұл сөзің “Әсия кетсін, онымен бірге тұрмаймын” дегенің ғой? – деп, қатты айғайлап жіберді. Әкесінің жүзіне зілменен қадалып тұрып:

– Солай дегін, айтқын шыныңды! – деп, ақырып қалды.

Есіргеп үн қатқан жоқ. Үй іші аз уақыт жым-жырт еді. Тек өксіп жылаған үн Балжаннан ғана шығады. Қанипа әкесіне ұзақ қарап тұрып:

– Әсия кетсін дейді екесің. Олай болса, мені де ұстамағын. Қазір қош айтысып, Әсиямен бірге мен де кетем. Қалғын! Екеуің жерің кеңісін. Үйіңе, малыңа ие боп қалғын әне екеуің! – деді. Әсияға шұғыл бұрылып:

– Әсия, сен кетсең, мен сені жалғыз жібермейм. Қаңғытпайм қайғылы жалғыз басыңды. Сенің жарың майданға кетіп, жалғыз босаң, менің де күйеуім сонда кеткен, мен де жалғыз. Сенде түк жазық жоқ, жасыма. Бір тамшы жас ағызбағын. Мені қайда кетсең, ерте кеткін. Болды, қазір екеуіміз де кетеміз, – деді.

Есіргеп енді қызыменен жауаптаспады. Көзін төмен салды да, бар денесін сілкіткендей қатты күрсініп алып, шұғыл бұрылып, шығып кетті. Балжан қызы мен келінін қоса құшақтап, аяғандай аймалап жүр.

– Қойғын, жандарым, қоя қойғын. Не деп тұрсың екеуің, тегі. Әкемен ұрыссаң да, сол сөз бе еді айтарың екеуіңнің? Кетем деп шал қорқытады. Кетеміз деп екеуің үркітесің. Ол әкең болса, мен анаң екеуіңнің де. Менің не жазығым бар еді?! Біріңмен бірің ұрыссаң да, отқа салатының мен бе? Маған шал керек пе еді? Қарғам, ендігі қанатым екеуің керексің. Сөйлесе шал сөйледі, мен қайсыңды тілдедім? – деді. Жылап тұрған қызы менен келінінің бет-

терінен сүйгенде, екі жас әйел ұялғаннан қоса жылап, үн қата алмады. Жазығы жоқ адал ана мейірі мен күйігі бар. Дәрменсіз әлсіздігі тағы мәлім. Хал-қайратты екі жас әйелдің бар ашулы қуатын еріксіз жеңгендей.

Балжан сирек сөйлесе де, адамның ішін долбармен, зерек танығыш еді. Үнсіз тұрған Әсияның көгеріңкі жүзінен әзір ашудан басқа ешнәрсе түйе алмады. Бірақ өзінің қызы Қанипада Балжаннан алған мейірімділік мұрасы бардай, көңілшек еді. Соның қазір тез өзгергенін қарт ана анық таныды. Аңғарды да, енді қатқыл үнмен қызына әмір етті:

– Қой өріп кетті. Қасқыр араласпасын, сен сөзді қойғын да, шапшаң атына мініп, қойыңа барғын. Әсиямен өзім сөйлесем, алаң болмағын. Бар, малыңа бар! – деп, Қанипаны тез киіндіріп, қойына аттандырды.

Осы күн түс шағында, күпсек қар басқан төбенің үстінде, екі жас әйел оңаша сөйлесіп тұр еді. Әсия үйден отын іздей келген. Қанипа қойын алыс өрістен отарға қарай жақындатып келген екен. Қалқан құлақ, көк бастау келген ақ қойлар – осы отардың жаңа тұқым, асыл қойы. Сол қойлар әйелдер тұрған төбенің күнгеі бетіне жабыса жайылып, тебіндеп жатыр.

Атынан түсіп, қоңыр биенің ауыздығын алып, ұзын шылбырмен оттатып тұрған Қанипа, бұл шақта Әсиямен ақырын сөйлеседі. Біріне-бірі сирек жауап берісіп тұрған халінде екі дос, екі құрбы әйел іштерімен ұғысқысы келеді. Әсия өзінің көп толғанған ойын айтады. Бірақ ол шарасыз.

– Жәкем тоқтаса, тыныштық тапса, мен сендерді тастап қайда кетем, өз әкем болғанмен, өгей шеше қолына табашыға барады екем, далаға қумас, қайда барсам еңбегіме жалынам, оларға масыл болмаспын, бірақ өзің білесің ғой, туған үйің одан да Жәкемнің үйі, сендердің қасың менің шын мекенім ғой, қимас бесігім, сенің үйің, осы өзімнің үйім, бабын өзің тап, Жәкем жатсың демесе, мен сендерден кетпеймін. Совхоз басшылығынан да, фермеден де қашықтамыз, мынау қойды, өкімет малын, майданда ер-азамат жүрсе, советтің мұндағы көзі ашық саналы жастары деп, сен екеуімізге де сеніп, осы мынау алыс құмға жіберіп отыр. Бұны кімге шашып кетеміз? Оны ойласам, неге де болса шыдайын деп, сені тастап кетпеске тағы да бекіне түсем! – деді.

Қанипа оны жұбатпақ, тыныштамақ болады.

– Уайымды қойғын, тегі, тыңдамағым осы жауабың еді, Әсия. Алаң болмағын. Ендігі қалған сөздің бәрін өзіме бергін, – деді. Бірақ келешек екеуіне де мәлім емес. Бір кезек екі дос әйел алдағыны мезгілдің шешуіне бергендей болады. Күнгей бетте, шашырамай тығыз жанасып, жайылып жатқан қойларына қарасады.

– Бү қойлар жазды күн емес, қысты күн жайылғанда да біріне бірі жабысып, тобын жазбай жүреді екен. Күн ыстықта бірін-бірі көлеңкелеп сүйтеме деуші едім. Қазақ қойынан осы ақ қойдың мінезінің бәрі бөлек екен, тегі! – деді Әсия.

Ол қойды түнде күзеткені болмаса, күндізгі өрістегі жайылысын Қанипадан азырақ білетін. Қанипа болса, осы құм ішіне тақаған жайылыстардың бәрінде ақ қойлар мінезін әртүрлі жағынан бақылайтын. Бірақ жаңағы Әсиядай қысқы-жазғы мінездерін қорытқан жоқ еді.

– Рас айтасың, тегі, қазақ қойын бағудан осы қойды жаюдың бір оңайы бар. Бұлар тіптен шашылмай жайылады. Қасқырдан сақтау да оңай. Тек изені бар жерге жеткізсең болды. Қатар тұрып жабысады да қалады. Бір жердің шөбін тақыр тауысқанша жүгіріп жортпайды. Жалғыз-ақ бір күн жайылған сай, төбеге тек екінші күн жаюға болмайды. Бір күн жайылса, тап-тақыр құртып кетеді. Бұның осындай да мінезі бар. Бобров келгенде ақ қойдың осындай мінез тауып алғанын айтам деп жүрмін, – деді.

Қой тұрасында, әсіресе осы отардың биылғы құмға көшу бағытымен байланысты жайларды бұл екі әйел, тату күндерде Есіргеппен де қоса мал мінезін бұлжытпай танығыш, аса терең ғылым адамынша танығыш, байқағыш Есіргеппен екі серігіне ақ қойлар туралы көп-көп сөздер сөйлейтін. Өзінің болжалын да көп айтатын. Әсіресе, үшеуіне күн-түн естен шықпас бір міндет ерекше мәлім болатын.

Қой тұқымын тәжірибелі ғылым зерттеуі бойынша асылдандырып келе жатқан осы совхоз өзге көп жылдардағы тәжірибесін КИЖ биыл дәл осы қойлар арқылы өздеріне жат жаңа, сонымен бірге батыл бір іске шыққан. Ақ қойлар биылғы жыл осы құмға текке келе жатқан жоқ. Ғылым үшін аса құнды болатын сыннан өтпек. Халық шаруасы үшін де бағасы ерекше зор сыннан өткелі келеді.

Ақ қойдың атасы – жүнді тұқым. Шешесі – қазақ қойы. Солардың бірнеше рет қоздап өткен нәсілінен құбылып, өзгеріп кеп қалыптанған бір буын – осы. Оны бағу совхоз ішіндегі ең ақылды, қайратты және адалдық бейілі күшті қартаң шабан Есіргепке және Әсия, Қанипаға тапсырылған болатын.

Жүні әбден асылданған, бойы қазақ қойынан ересек, еті мол, ақ қойды білетін бір КИЖ-дің мал мамандары емес, Алматыдағы мал тұқымын зерттейтін зор ғылымдық орындардың бөріне мәлім. Сондағы атақты үлкен білімпаздардың ғылымдық зерттеуімен, тұқым ауыстыру тәжірибесімен дүниеге келген болатын. КИЖ көп жылдан бері, көп тұқымды қойларды арлы-берлі алмастырып көрді. Алыс Американың “рамбульесі”, Англияның “прекосы”, Батыс Еуропаның “вюртембергі”, ыстық шығыстың – “гиссары”, “саргиджасы” Ұзын Қарғалының топырағын татқалы талай заман. Солар Қазақстанның құм шөлі мен асқар Алатауында, үскірік аязды қыс, Сарыарқасында тұқымтегімен өрбіп-өсіп жүрген “еділбайлар”, “шу” қойларымен әлденеше рет айқыш-ұйқыш қан қосты. Тұқым араластырып, туысып көрген. Осы ұзақ тәжірибелердің әрі ісшіл, зерделі, әрі ізденгіш, білгірі – Бобров бір Алматының алабында дәл Ұзын Қарғалының бір өзінің бойында он үш түрлі жаңа тұқым, қой тұқымы жаңа нәсілді дүниеге келтірген болатын.

Сол көп тұқымның ішіндегі ең бір кенже тұқым – ақ қойлар. Бұрынғылардан бұлардың бар сапасы өзгерек, ыстық тұқым, қымбат нәсіл осы болар делінетін. Бұның Бобровты және оның өзге он үш тұқымды тәжірибемен өсіруінде халықтың көп ғасырлық даналығы мен білгірлік, қырағылығын зерделі ғалымдық көмекке әкелген Есіргеп қартты енді соңғы рет сынға салып жүрген бір жайы бар. Онысы – осы қойдың қысқы тебінге шыдамдылығы жөнінде. Тау жайлауда қай қой болса да, шыбынсыз жазда, салқын белде семіре алады. Бірақ қазақ сахарасының иен дүние, кең-байтағы өзгені күтеді. Миллиондаған мал бесігі боларлық құм менен далада қатты қыс бар. Сонда өз аяғымен күн көріп, жайылыспен шығатын шыдамды, көнпіс тұқым керек. Барлық жаңа тұқым қойдың барып тұрған ауыр сыны, ең зор бәйгесі осында. Жаңа тұқым

қойларды өсіріп жатқан Қарғалының совхозына, оның тәжірибелі білімпазы Бобровқа, Есіргептей қарт данасына Алматының астана басшы орындарының Жер Комиссариаты, жоспарлау орындары артқан ең зор міндет, аса қиын сын осында. Өзге бар белгісі барлық бұрынғы “аға” тұқымдардан асып тұрған кенже нәсіл ақ қойлар өздерінің биылғы күйімен шын сырын айтады. Дәл осы қыстың аяғында бүкіл Қазақстан алдында, қала берсе бүкіл Одақтық халық шаруасын меңгеретін зор орындар алдында Бобров пен Есіргепті сынға салмақ.

Дүние жүзіндегі өзiргi барлық саны биыл көктемдегi жас нәсiлден бiр мыңға ең алғаш қана толған ақ қойлар, қазiр теп-тегiс бiр атаның ұлы есептi. Осы Қанипа мен Әсияның алдындағы жайылып жатқан сол отар болатын.

Осы отар құмға қарай көшкелi биылғы қыс шырайы өзге жылдардан өзгеше жаман боп тұр. Қатты қысылып кетсе, үйiп қойған маяларға, әр алуан жемге сүйенетiн КИЖ фермелерi ұзақта, алыста қалды. Жұма сайын Алатаудан аса соққан ызғарлы желмен қоса түскен қарлы қыс, қоймен қосып, Есіргептiң отарын құмға қарай, алыс елсiзге қарай ықсырып, қысып, өкшелеп келедi. Осы кездiң өзiнде, декабрьдiң аяқ шағында Әсия, Қанипалар Сартауқұмның шегiне келiп қап отыр. Қарсыз болады деген құм, биыл олай болмай тұр. Әлi болса қыстың январь, февральдай анық қорқынышты, кем қойғанда табан екi айы алда тұр. Үй iшiнiң өткен түндегi құйындай, құмның қысқы суық құйынындай қатты соғып өткен қайғылы халi бiр сәрi болса, шаруа мұңы мен қысылшаңы осындайлық. Оның өзi де өрескел ауыр күйге соққалы келе жатыр едi.

Әнгiменiң зоры, бұрынғы қазақ қойындай болып, ақ қойлар қатты қыста, құм iшiне ұзақтап батып кетiп, өлмей шыға ала ма? Жұтқа қарсы алыса ала ма және соның бәрiнiң үстiне ақ қойлар қыс бойы не көрсе де азып-жүдеп, iндетке ұшырамай ма? Көк жасық боп, не көктемде жемтiк боп, құм арасын әппақ сүйек қып толтырмай ма? Және де осының бәрiнiң үстiне, қыс бойы не көрсе де, iшiн сақтап шығып, көктемде күйлi шығып, жақсы қоздап бере ала ма? Мiнi, ақ қойлардың сапасы арқылы, Есіргеп бастаған екi жас әйелдiң және олардың артында тұрған Бобровтың өтетiн сыны осындай.

Кешелер, соңғы екі күн бойында, үй ішіндегі уайымын, ішкі жарасын елемей, екі күн, екі түн бойы елсіз құмға жалғыз кетіп, белгісіз бейнеттер шегіп қайтқан Есіргептің оқшау жүрісі де осы күйден туған. Мынау отырған Қаройдың шетіндегі Қанбұлаққа қар осылайша түсіп қалған соң, әлі жыл мойыны ұзақ боп тұрғанда отар қарлы қоныстарда не күйге соғарын білмей, Есіргеп қатты қиналғандай болатын. Малының күйлі кезінде құм жақсы болса, соған ілініп алмаса болмайды. Мына қалыпта, қыс қатайып, қар қалыңдай берсе, ақ қойлар не ферміде жоқ, не құмда жоқ боп, екі арада қайранға соққан кемедей дағдарыста отырып қырылуға мүмкін. Сондықтан Есіргеп қалың құм құйқасын өз көзімен барлап-шарлап келген-ді.

Екі жас әйел еңбек өмірлеріне өздерінің Бобров, Есіргеппен бірге қосылып, совхоз басшылығына осыдан бір ай бұрын айырыла көшерде берген сертттерін ұмытпаған-ды. Түн күзетте тыным алмай, құмның қомағай көкжал бөрісінен ақ қойларды қорғап, Әсия тыным таппайды. Күндіз болса, әкесі айтқан төбе, сайларға қойларын үнемі жылжытып аударып салып, үлкен қамқорлық оймен бар қойына жақсылық қана ойлап, Қанипа тыныштық таппайды.

Екеуінің жаңағы бір кезде қойға ауысқан әңгімесі, әншейінде бұл туралы көп сөйленбейтін бір жайға соқты. Ақ қойлардың өзгешелігін, барлық өзге он үш тұқымнан басқалығын, әсіресе сол басқалық мына құмға кіргелі жас әйелдерге және Есіргепке де таң қалдырғандай және де көңілдерін жұбатқандай, бөтенше екенін Қанипа айтады. Сүйте тұрып:

– Қозысынан қолымызда туды-ау, Әсия, бірнеше жылдағы екеуміздің ер-азамат кеткелі сарп еткен еңбегіміз, талабымыз, күйбең мен сүйсінгеніміз бәрі осылардың үстінде бопты-ау. Биылғы қыста осылар жұтап қырылып қалса, еңбегің еш, тұзың сор деген сол болар еді-ау, – деді.

Қанипаның мұны айтқаны, бір жағынан, Әсияға ой салу болатын. Әсияның жауапты ой ойлайтын, азаматтық санасы бар. Қанша қиналса да, кейде өзінің бас уайымын жұмыс үшін құрбан ете алады. Оны осы соңғы үш-төрт жыл бойында, әсіресе дәл осы ақ қойларды Есіргеп үйі өз жауаптылығына алғалы Әсия қыс та, жаз да, күндіз де, түнде де боран-шашында, дауыл-жауында, елсіз-күңсізде,

нелер ер-азаматқа сын болатын нелер қатты қысталаңда Әсия көрсеткен, танытқан болатын. Осы жайларды ойлаған Қанипа, қазір Әсияның атасымен ұрысқан, ренжіскен бас уайымын сөз қылудан ауысып, әңгімені мал шаруаның міндеті мен жауаптылығына әдейі ауыстырып, оны және Әсияның малға жаны ашитын зор саналы мінезіне әсер ететіндей ғып айтып тұр.

Қанипа сөзінің түп мақсатын күнде сыр мінез боп жүрген жас дос әйел Әсия жақсы аңғарды. Ендігі бір аз сөзді сол жаққа өзі бұрды.

– Өлімнен ұят күшті дейді. Менің ұятым екеу боп тұр ғой. Бір жағы, Жәкемді өкпелеткен ұятым, бірақ оны ғана ойлап, сол ұяттан қашып, бір жаққа, көз көрмес, құлақ есітпеске кетсем болар еді. Бірақ осы мал, осы қойларды қайтем? Екеуміз бес жыл бойы, өзіміз тудырып өсіріп келе жатқан осы малдың бәрі шұбырып шулап, мені қарғап қалатын сияқты. Азаматтан бетер қайрат етеді деп, сеніп жіберген жұрт қайда? Одан көретін ұятымнан да өлгенім тағы артық сияқты. Білмейм, білмей тұрмын. Қайтерімді білмей тұрмын... Жәкем екеуміз енді, тегі, бір үйде сыйысып тұра алар ма екеміз. Бәрінен шатағы осы боп тұр ғой. Жә, мен үйге отын жеткізейін, – деп, әңгімесінің аяғын оқыс бітіріп, жүруге айналды.

Ұзын жүні бозғыл тартқан, екі бүйірі күптей боп қампиған сұр есек, көптен бері Әсияны тосып тұрған. Үстіне теңделген мол отын – сүткен бар. Бұл өңірдің құмға жақындаған уақыттағы немесе қыстайғы жағатын отыны. Әсия есегін айдап, ауылға қарай жүріп кетті.

Қанипа Әсияны тоқтатқан жоқ. Оның сөзіне аз да болса, жаңа сөз қосқан жоқ. Қанипаның үндемеген себебі, оңашада бұл уайымдай ойлап жүрген бірталайын және ең қиыны, ең ауыры Әсияның өзі түгел ойлап, мұң қылып жүр екен. Есіргеппен ренжисуде Әсия жастығымен, ұятпен, ызамен сыңар жақ ойлап кете ме деп еді Қанипа. Жаңағы Әсия сөзі олай емес екенін білдірген соң, бұл әдейі үндемей, іркіліп қалған.

Қанипа осы бетімен күні бойы қой ішінде болды. Әкесінің айтуы бойынша және көп күннен бері өзінің де тәжірибесі бойынша қойларды жылжытып айдап, бір жайылыстан екінші жайылысқа ауыстырмауға тырысады. Шөп

бар болса, қойлардың өзі де жылжымайтын сияқты. Бірақ түстен бері Қанипаның мазасызданып ойлаған бір жайы бар. Қойдың бір күнгі жайылысына изені жетеді деген екі-үш төбе, мынау қойлардың жарым күн-ақ тебіндеуіне жарады. Изен мен “еркек” дейтін шөптерді жиі жайылған қой тауысып қойды. Енді Қанипа аңғарып тұрса, бұның жем іздеген үлкенді-кішілі ақ қойлары қардың астын жылдам жүріп тебіндеп жүр. Бірақ жем табылмайды. Бұрынғы құмнан қашан Қанбұлақ, Жылыбұлақ сияқты қоныстарда қойдың сүйіп жейтін жусаны мен шағыры бұл арада болар-болмас, сирек қылтанақ боп зорға кездеседі. Көп жерлерін шөптен көрі көп басып, құм алған төбелер енді қойларды ашықтыратындай. Оның үстіне, соңғы бір жұманың бойында бұл араның қары екі-үш рет жауып, қалыңдап барады. Ол қардың астынан өзінің өсімдігі аз құмда қойлардың нәр іздеп табуы тағы да қиындап кеткен. Жаңа қасында тұрған Әсияға осы жайылыс нашарлығымен байланысты туған өзінің күдікті ойын айтпай қалса, Қанипа қазір қалың қойдың арасына кіріп, қабағын түйіп, күдігімен тамсанып қойып, шарасыздық халін білдіреді. Көп қойлар қылтанақ таба алмай енді жүргіштеп, жылжығыш боп кетті. Бірақ бұл төбені тастап, екінші құм төбеге қарай қойлар шұбырып жүргенмен, Қанипа алдына түсіп, желіп жүріп, маңайдағы екі-үш төбені озып барып шолып шығып еді. Онда да қалың қой тым құрса бүгінгі кешке шейін талшық ететін жайылысты көре алмады. Қоралы қойының кем қойғанда қақ жарымы бұл төбелерден де көрек ала алатын емес.

Кеше құмға барып қайтқан Есіргептің бұл қоныстан кетіп, көшіп баратын жай іздеуінің өзі де соңғы күндер даладағы жайылыстан қойын алып қайтқан сайын, Қанипа айтып келетін осы бүгінгідей шаруаға күйсіз, жайсыз хабардан туған жүріс еді.

Қой ішінде Қанипа осындай отар күйімен күйзеліп жүргенде, Есіргептің үйінде дәл осы мал күйі туралы, тағы бір кеңес болып отыр. Бүгін таңертең Есіргептің отарына екі жолаушы келген. Оның бірі – бұл отардың қысқы-жазғы қамқоры профессор Бобров. Екіншісі – КИЖ-дің зоотехнигі, мал маманы, қазақ жігіті Айдаров Асан.

Ақ қойлардың нәсілі дүниеге келуге ғылым жолымен және тәжірибе, еңбек пен қайрат сіңіріп келе жатқан осы

үш-төрт адам болатын. Бастаушы ой Бобровтікі. Соны қостап, оқымысты ғалымның нұсқауымен қысы-жазы еңбек ететін Асан мен Есіргептер.

Осыдан екі ай бұрын Бобров дәл осы үйде ұзақ күндер еңбек кешірген. Отардың тұқым беретін тұсак, саулықтарын октябрь аяғында бөлгізіп алған. Өз көзімен басқарып, өзге серіктері соның нұсқағанын істеп, қойларды апрель басында қоздайтын етіп, ұрық септірген. Бұл шаруа бұрынғы қазақ даласындағы сахаралық тәжірибемен күйек байлап, күйек алып жүрмейді. Қоздарлық қойға болашақ қозының ұрығы түтікпен егіледі. Сол келген жолында Бобров Есіргепке “осы қыста құм ішіне кетсең де, артыңнан жетемін” деп, бір уәде берген. Ақ қойлардың қыстың құмында қандайлық қайрат, төзімділік көрсете алатынын өзі де бақыламақ еді.

Бобров пен Есіргеп бірін-бірі көптен біледі. Екеуінің еңбектері аралас болудың үстіне, жастары да шамалас. Бобров қазақтың тілін үйренгелі көп жылдар болған. Осы Есіргептей көп шабандармен жақсы араласу арқылы білген. Шабандармен жазы-қысы бірге жатып, бірге тұрып, мейлінше сырлас еді. Барлық жайдан еркін әңгімелесу арқылы қазақ өмірін де жақсы білген адам.

Есіргептің үй ішіне Бобров аса жақын, жақсы дос. Қамқор әке, аға есепті боп кеткен.

Бобровтың бұл жолы асығыстау келген жайы бар. Алау алабына биыл қар қалың түсті. Қыс ерте қатайып бара жатыр, сол асықтырды.

Жолаушы қонақтар келгенде, кешегі ұзақ жүрістен қажып келген Есіргеп, қоңыр үйінің ішінде жылы бүркеніп, тыным алып ұйықтап жатыр еді. Қанипа қойда, Әсия отынға кеткен. Үй ішінде ояу кісі Балжан кешеден қалған шақты отын, теріскенмен, Есіргеп оянса деп, үй ортасына қағыстырып от жағып, сары самауырынға оқта-текте шок салып, қыздыра түседі. Кейде ақырын ғана күрсініп, Есіргептің оянғанын тосып отыр еді. Сақ ұйықтайтын қартаң шабан Бобровтардың үй сыртына кеп түскелі жатқан ат дүбірінен оянды. Балжанға:

– Шығып білші, көп аттылар ма келген. Кім болды екен? Әлде Бобров емес пе екен? – деген еді.

Бобровтар үйге кіріп амандасқанда, Есіргеп тез тұрып, киіне бастады. От басында қолдарын жылытып, беттерін

уқалай жылына түскен қонақтарының қасына кеп, қатар отырды.

– Үй жанына келгенде аттың дүбірі көп еді, келген екеу-ақпысың? Әлде өзгелерің де бар ма? – деген еді.

Бобров Есіргептің байқағыштығына сүйсініп, таңыркай түсіп, күлді де:

– Есіргеп, сен ұйықтап жатсаң да, құлағың естіп жатады. Бұл жерге қанша ат келді? Қанша аттың тұяғын санадың? Осыны айтшы! – деді.

Бобровтың мезгілімен келгеніне қуанып қалған Есіргеп өңгімеге, әзілге өзі де әзір екен.

– Мені қойдан басқаны аңламайды, санай білмейді дейсің бе? – деп, қонақтарын күлдіре түсті. – Аттарыңды мен айтайын. Келген кісің екеу болса, жетегің бар. Оның бір-бірден болу керек. Төрт ат үй жанына келген емес пе?! Айтқын, таптым ба, жоқ па? – деді.

Асан, жас оқыған жігіт шалдың білгірлігіне таңданып, күліп жіберді. Бобров әзіл етіп:

– Сен мына керегенің арасынан көріп, санап алып айта-сың! – деді.

Есіргептің тапқанын, дәл айтқанын теріске шығарған жоқ. Есіргеп тағы да мысқылдап:

– Е, іргеден қарап мен қыз ба, келін бе?! Аттың дүбірін айыра алмасам, мен малда нағып жүрейін! – деді.

Бобров енді шынға көшті.

– Күздігүні сен “биыл қыс жаман болады. Құмға кететін болсам, ең керегі ат болады. Мықты, семіз аттар құм ішінде жер қарауға, қоныс көруге керек болады” деген емес пең? Саған екі семіз ат әкелдік, – деді.

Осыдан соң Балжан жасап, баппен құйған қою шайды үй іші асықпай ұзақ іше отырып, шаруаның қамына кетті.

Есіргеп “Алатау бөктерінде де қыс қатты ма?” деп сұрап еді. “Бұ жақта қардың қалың, қыстың қатты екенін қайдан білдің?” деп Бобровтан сұрап еді. Бұның оқымысты қонағы биылғы қыс туралы екі түрлі белгіні айтты. Біреуі – Есіргептің өзі күздігүні айтқан, күн райына қарап айтқан тәжірибе. Және Алматының ескі қарт бақшашылары айтатын тәжірибе болатын. Биылғы қыстың қарлы, суық, ұзақ болатынын Алматы менен оның атырабында көп жүретін Бобров жиі еститін. Соған қосып ол, Есіргеп-

ке екінші деректі тағы айтты. Бұнысына Есіргеп аз сеніп, аз ілтипат жасаса да, Бобров әсіресе даусыз сенетінін білдірді. Қыстың бұл өңірде биыл қарлы, суық, ұзақ болатыны туралы күн райын бағатын институт пен станциялар долбар айтады екен.

Бобров ақ қойларының қамын отарға келгенде ғана ойлап қоймайды. Алматыда өзінің кабинетінде, ғылым институтында және Жер Наркоматында да үнемі ойлай жүретін Бобров, күз басынан-ақ биылғы ақ қойлар үшін ең алғашқы қатал сын болатын құмның қысы туралы ұдайы сұрақ салып жүруші еді. Есіргепке қыс жаманатын айтумен қатар, Асан екеуі малдың мұндағы күйін сұрай бастады.

Шайды Есіргеп пен Балжан әрдайым ұзақ ішетін. Бұлар үйіне келгенде қазақпен қазақ боп, шабанмен шабан боп кететін Бобров, Есіргеппен жарысқандай боп, шайды сағат бойы ішуге бар еді. Қазірде екі дос сол шайды ұзақ сілтеп, әңгімеде отыр. Есіргеп отардың қысылып отырған жайын мәлім етті.

Қазіргі бұл отардың отырған жері құмның дәл өзі емес, құм менен даланың дәл жапсарласқан тұсы. Бұл араны Қарашенгел дейді. Қыстыгүні де қатпай жататын, қайнар бұлағы бар. Есіргеп қыс қарсыз болса, құмға мал бара алмайды, онда су жоқ деп, осы соңғы суға арқасын тіреп, тым құрса қыстың ортасына шейін осы қоныста болмақ екен. Өйткені бұл жерде дала жағында даланың жақсы шөбі, әсіресе қой сүйетін шөбі – жусан мен шағыр бар. Екінші жағы құм болса, онда құмның жалғыз асыл шөбі – изен мен еркек бар. Қар қалындағанша қоныс та жақсы, мал да күйлі еді. Ақ қой бұл өңірге өмірде алғаш келгені осы болса да, дәл осы айдың ортасына шейін семірумен келген екен. Енді міні, қар түсті де, өріс қысқарып қалды. Қойды алыс өріске апарып, жаюға болмай қалды. Енді күн-күн сайын шұбырынды болған және желініп қойған тақырдың арасында қап, жүдеп барады. Қыс қысып кетті. Құмға көшпей айла жоқ. Оны Есіргеп шолып келді. Осы жайын бір айтып, құмға көшу өзінен-өзі даусыз ашық тұрғанын білдірді.

Бобров құмға барса, ат көліктің сай болуы қамтамасыз етілгенін айтып, үй ішінің азық жайын, ұн шайдан кемтар емес екенін және сұрастырып, осы өз азаматындай боп білгісі келген. Шай құйып отырған Балжанға қарап:

– Құмға көшсе, отар алысқа кетеді. Балжанның шайы мен ұны көп пе? Шайсыз боп басы ауырмай ма? – деп еді. Балжан күлді де:

– Шайды уайым қылмаймын, Боброп. Уайым боса, өзгесі болады ғой. Өзімізге жететін ұн-шай бар! – деді.

Бобров тағы қалжындап:

– Шай болса уайым да жоқ. Қазақша “шай болса – көңіл жай” деп айтатын бар ғой. Құмға көшуге Балжан әзір! – деді.

Есіргеп болса, әңгімені өзілдеп ауыстырып, өзіне, үй ішіне соңғы ауыр тиген үй ішінің уайымына көшті.

– Әй, Бобров-ай, құм біздің бала күннен үйренген құм емес пе? Оған барудан қорқатын Балжан жоқ қой. Бірақ бүгін мен қатты уайымдамын... Қыстыгүні, жаздыгүні босын, осындай ойда жоқта сен келгенде, өзімнің туған інім келгендей қуанып қалатыным бар ғой, тегі. Сонымен күліп отырмын. Жаз келсең біз айран, шай-шалап ішсек, оны бірге ішіп, туысқан боп кеткесін. Жаман үйімізде етегің төсек, жеңің жастық боп жантая кетіп, өзімізше жатып-тұруың бар. Сонына қарап, сенің Алматыда, қала берсе Қазақстанда дәу атың барын, шоң оқымысты екенінді ұмытып, еркімізбен сырласа береміз, – деді. Ақылды, шешен кісінің, үлкен бір сыр айтардағы саналы толғауын толғап алды.

Бобров күрең шайды әлі сілтеп отырып, қасқа маңдайы мен әжімді, қызыл сары жүзіне шыққан терді таза орамалымен сүртіп отырып, қырықпа қой терісінен істелген құлақшынын маңдайына шалқайта киіп, Есіргепке таңдана қарады. Жүнін сыртына қаратып тіккен қырықпа қара қойдың терісінен істелген ұзынша тонын шеше түсіп, иығына ғана жамылып алды. Есіргептің әр кезде Бобровқа сыр айта беретіні болатын-ды. Осы екі қарт шалы мен кемпірі майданға кетіп, хабарсыз жоғалған баласы Сайлыбек туралы ауыр мұңдарын айтқанда, іштегі шерлерін, кейде қазаққа айтпайтын шерлерін осы Бобровқа айтып, жылайтын да кештері болған.

Қазірде “Есіргеп уайымы бар” дегенде, Бобров сол Сайлыбек жайы болды ма деп, тың хабар шықты ма деп, ойлап қалған болатын. Тегі, қайғылы ата-аналарды майданға кеткен баласы туралы жұбататын сөзді Бобров жұрттың бәрінен көп айтатын, ол аса көп мысалдармен осы соғыс-

тың кей кезінде жоқ болып кеткен, тіпті өлді деп қаралы қағазы келген талай адамның тірі болғанын үнемі айтып отырушы еді. Қанипа мен Әсия Сайлыбектің өлгені даусыз екенін бұл үйдің ішінде, сол екеуден екеу болып қана дәл білетін. Мынау қарттардан Сайлыбектің өлімі даусыз шын болғандығын екі жас әйел де жасыратын. Айнала көрші-қолаңда КИЖ-дің үлкенді-кішілі қызметкерлері де Есіргептер көзінше ол жайды ауызға алмайтын. “Айтпаңдар, қайғысын қатайта беріп керек емес” деген сөзді кейбір адамдарға, әсіресе Қанипа мен Әсияға Бобров өзі айтқан-ды.

Қазір Бобров көңілі күпті қарттар сол Сайлыбек жөніндегі ауыр шындықты естіген болар деп ойлап еді. Есіргеп болса, Бобровпен сырластық бойынша, одан іштеңе жасырмауға бекінген соң, қасындағы таза, мінезді жігіт Асаннан да именіп, іркілген жоқ.

Ендігі айтылған сыр, уайым Бобровқа да, Асанға да ойда жоқ оқшау, тосын хабар болды. Рас, Бобров Есіргепті жақсы білгенмен, олардың, барлық шабан атаулының тұрмысын, тілін, сыртқы өмірдегі әдет-жайын да жете танығанмен де, дәл мынандай күйдің үстінде не сөз айуы керек. Бір үйдің ішкі өмірдегі аса қиын ішкі сырына қалай араласудың бабын таба алмады. Қысылғаннан қызарып, терши түсіп, көп үндемей отырды. Тек бірталайдан соң ғана өзінің не істеуіне керек екенін аңғарды. Жай өмірдегі турашыл, оқымысты, әділ адамның көлденеңнен айтатын қалыстық пікірін айту-ды дұрыс деп білді. Сондықтан қысқарақ қайырып:

– Есіргеп, сендерге мен не айтамын. Бұл айтуға қиын жұмыс. Қайғырған сенікі де дұрыс. Ол да әлі өмір сүрмеген жас адам. Әсия жаман адам емес, білесіңдер. Оның бір ғана жазығы бар, онысы жас болғаны. Бірақ оған не айла бар? – деп, басын шайқап, тағы да қысылды. Тершіп отырып, бұндайда ешкімге жаман ойламайтын ақ көңілді, оқымысты, таза тәрбиелі адамның дағдылы бір адамгерлік сақтығын айтты:

– Ойлау керек! Есіргеп, Балжан! Сендер әке-шеше, сендерде ақыл бар. Өмірді білесіңдер. Араз болу оңай, адамды жазалау оңай. Бірақ көп-көп ойлану керек! – деп тоқтады.

Есіргептің әлі не істеп, қалай шешері мәлім емес, оның Бобров пен Асанды, таңертең Қанипаны сектендіргендей бір ауыр сөзі бар: “Бұл келін баламның әруағын қорлады.

Менің қарт басымды жұрт көзінде жер қылып, жаман ұятқа қалдырды. Енді ол менің үйімде қалай тұрады? Ол тұрса, оның бойындағы арамнан біткен ұрпақты көріп, мен қайтіп бұл үйде тұрамын? Екеуіміз екі айрылу керек. Ал, ол кетсе, мына қыстың ішінде мұншалық малды қайтем? Балшықтан кісі жасай алмай отырғанда, бұл отарды қайтіп сақтаймын. Құмға көшу керек. Бұл жерде енді бір жұма отырса, қойдың алды ашығып, бұрала бастайды. Жыл мойыны тақамай тұрып, малға жұтты шақырған деген соның дәл өзі болады. Ал, құмға көссең, оның қасқыры да қатты. Кейде суық дауылы да болады. Түн күзеті Әсия қолында болғанда қысы-жазы уайымым жоқ еді. Енді міні, кісім де жоқ, басқа күшім тағы жоқ болғалы отыр. Екеуің жақсы кепсің. Бірақ мен жаман боп отырыппын. Уайым деген осы. Малда жай жоқ, адамда күй жоқ. Дағдарып отырғаным мынау. Бірақ не болса да, бұл келін енді менімен тұрмақ жол емес деп отырмын”, – деген.

Жаңағы қысқа сөзінде Бобровтың Әсия мен Есіргеп арасын татуластырғандай боп, Әсияның жайын ұғу керек дегенді емеурін етіп сөйлеуінде Есіргептің осы айтқан сөзінің үлкен себебі болған. Бобров, бір жағынан, Есіргептей қарт адамның өзінше қыңыр ұғымын толық түсінеді. Екіншіден, Әсияның жайын да ұғады. Ол өмірде әр уақыт болатын хал талай мінсіз, жақсы адамның да басынан кешетін жай екенін аңғарады. Мал жәйін, отардың күйін Бобровтың өзі басқаратын, адамдар мен отар мұңын, биылғы қыстың қатерін еске алса, үміт қылған ең жақсы жаңа тұқым – ақ қойдың жәйін еске алса, ол бұның өзін де қатты қинайды. Неғыларды білмей, ашу намыспен Есіргеп толғанды. Енді не қыларды білмей, өзінің ғылымдық үлкен тәжірибесі үшін, жауапты ойды шеше алмай, Бобров та қатты сергелдеңге түсті. Шай ішуі тоқталып, үнсіз томсарып, папирос артынан папирос тартып, түтінін бұрқылдатып, ойланып қалды.

Осы кезде отынын алып Әсия да жеткен еді. Қонақтар онымен шолақ қана амандасты. Үй ішінде барлық сөз үзіліп, жым-жырт болысты. Тек Балжан ғана сыртқа шығып, Әсияның отынын түсіріп жүр. Өзіне:

– Тондың ғой, балам, отыршы, жылыншы. Күндіз ұйқың да шала болды, тыным алмадың ғой. Ас ішіп, жылы

бүркеніп жатып, көзіңнің шырымын алшы, – дейді. Дағдылы адал, момын бейілімен келінінің қамын жейді.

Әсия келіп, үй ішінің сөзі тыйылған соң, Асан Есіргеп пен Бобровқа жаңа бір ұсыныс айтты.

– Қойдың жайылысы қалай екен? Күйі қалай? Далада жүргенде барып көзбен көріп, аңғарсақ қайтеді? – деген.

Осы сөзді Бобров тез қостады да, екеуі қастарына Есіргепті ертіп, атқа мініп, өрістегі Қанипаның қойына қарай кетті.

### III

Есіргепке Бобровтар әкелген екі семіз аттың біреуі ұзын, сұлу келген тор төбел ат еді. КИЖ-дің жылқысындағы жақсы аттың барлығын құлын, тайынан түгел білетін Есіргеп тор төбел аттың келгеніне әсіресе ырза болды. Қазір қойға қарай жүргенде соны ерттеп мінген. Жаз бойы құр жүрген тор төбел жаңа ғана тоқым салынып, Есіргеп міне жөнелгенде пысқырып, үркектеп, ауыл тұсынан ығыса шықты. Бірақ аздан соң-ақ өзінің дағдылы жылпос аяңына түсіп, қасындағы екі атты аяң жорғасымен бүлкектетіп келеді. Есіргеп камқорлығына отар қамын ойлап, екі бірдей құр атты Бобровтың өзі жетелеп әкелгеніне сүйсінгенін айтты.

– КИЖ жылқысының ішінде бәйге болса осыдан шығады деуші ем. Әкесі – Орлик, шешесі – Адай биесі. Бұл биыл алтыға шығады, әлі жас қой. Мініп алсаң, тақымыңды қуантады. Биылғы қысқа бұны маған серік қып бергенің ақыл бопты, Бобров! – деген еді.

Бобровтың өзі де тек қой ғана емес, КИЖ-дің бар жылқысын да білетін. Ат үсті жүріске осы өңірдің құм қыстап, тау жайлап жүрген қартаң қазағының ешқайсысынан кем емес. Аса мықты болатын. Оның бір мінезі: жаздыгүні де, қыстыгүні де өзі жүріп, көріп таңдап алатын ылғи қазақы аттарды таңдап мінетін. Қазір де бұның астындағы төртбақ келген қазақы мес қоңыр ат еді. Ол тор төбел емес, өз атын мақтады:

– Мен Орликтің де, Вальфастың да балаларын алыс жолға мінбеймін. Маған бәрінен де осы қоңыр ат өзі жақсы. Жарыссам да, сенің мақтаған тор төбеліңнен осы атым өзі озады! – деді.

Есіргеп оны әзіл ғып күле түсіп:

– Бобров, сен анау меринос қойыңның рамбулье, өртембер, прекосің бар ғой, соған сынақысың. Ал, тегі, ат жөнінде мен саған неғып көнейін. Осы төр төбелді түбінде бір бәйгеден келтірмесем, сонда көрерсің. Биыл маған тор төбелді әкеп бергенің, тегі, ақыл болды. Баптап мінем. КИЖ-де болса әркім бір шапқылап қор қылады. Көктемге күтіп бір шығарайын. Өзіңнің көз алдында бәйгеден бір келтіріп берейін. Ат сынақы екенімді сонда танырсың, – деді.

Қой ішіне келгенде Қанипадан Бобров соңғы күндердегі жайылыстың қиындап бара жатқан барлық халін жақсы ұғынды. Түгел отардың орнығып жайылмай, шашырап жүгіріп, тыным таппай жүргенін, осы қойларға жақындай бере, Есіргеп пен өзі де іштей анық аңғарып келген еді.

Енді Қанипа бұларға Қарашеңгелден көшпесе, отар жайы жаман болып бара жатқанын айтты. Кейбір қойлардың жүдеп, бүйірі солып, ашығуға айналғанын да айтып берді.

– Кәні, жүргін, өздерің көзбен көргін. Қандай қойлар ашыға бастағанын да айтайын! – деп, астындағы қоңыр биені тебініп, топты бастады.

Алдымен жүдей бастаған қай қойлар екенін білу керек. Өлі жүдемей, мойымай келе жатқан мықты қойлар қайсы екенін де білу Бобровқа, Асанға да ерекше қажет. Олар қойындарынан қағаз, қарындаштарын алып, ақырын ғана, асықпай, жай жүріп отырып, Қанипа көрсеткен қойлардың бәрін түсіп ұстап, жазып алысып жүрді. Есіргеп те жүдеген қойлардың қай топ екенін жақсы аңғарып, өзінше топшылап, түйіп келеді. Өзерлі, тәжірибелі, білгір топтың барлығына айтпастан мәлім болатын бір жай бар.

Жаз басында КИЖ шаруасы осы Бобров, Есіргеп бастауымен өздерінің ғылымдық үлкен бір әрекетін, тәжірибе науқанын атқарған. Онысы-ақ қойлардың өзін іріктеп топтау. Тұқым, текке бөліп, анықтап жіктеу ісі болатын. Ұзақ күндерге созылған бұл істі Қанипа, Әсиялар да, Балжан, Есіргеп те бонитировка дейді. Сол бонитировкада өсімге жіберілетін тұсақ саулықтардан бракка шығарылатын қойлар ажыратылған. Өсімге жіберілетін саулықтардың өзі де бірнеше класқа, көбінше – бірінші, екінші клас-

қа бөлінген болатын. Үшінші класс – нәзіктеу бітімі бар топ деп саналады. Бірақ осы ақ қойлардың нәсілін шығаруға бір буын солардан болмай және болмайды. Сол бонитировка уақытында қазіргі Қанипа алдындағы мың қаралы қалың отар қойы түгелімен номерленіп, мойындарына өз нөмірін тағып шыққан. Қазір жүдеулік ретімен қағазға түсіп жатқан көбінше үшінші класс қойы. “Құмға баруда ауыр сыннан өтуі қиын-ау” деп осы қойдан Қанипа мен Есіргеп те сескенетін. Бар қойдың көпшілігін аралап, жүдеулерін санға алып, Бобров тоқтаған кезде, Есіргеп Бобровқа өзінің көлденеңнен түйген, тәжірибе ойын айтты.

– Сен нөмірің мен қағазыңа тіркедің ғой, осы күнде өзіңе қай қой жүдегені жазуың бойынша айқын шығар. Мен жазу білмейм. Мынау үлкен сыйпырыңды да танымайм. Бірақ осы жүдеген қойдың бәрі тек үшінші класс екенін түйіп тұрмын. Осыным тура емес пе, айтшы өзің? – деді.

Бобров көзін сығырайтып, күлімсірей түсіп, Қанипаға қарап:

– Қанипа қалай дейді екен? Оның тәжірибесі не айтады? – деп сұрады.

Қанипа да іркілген жоқ:

– Жәкем жер қарап құмға кетіп, төрт күннен бері жабылыстағы қой ішінде боған жоқ. Қойдың жүдегені әсіресе осы төрт күн ішінде мүлдем көбейіп кеткен еді. Менше, бұ кісінің сөзі тура деді.

Есіргеп ақ қойдың осы бір алуанын әр кезде ұнатпайтын.

– Қыстың басына жаңа кірдік. Бұ тілеуің құрғыр болса, әлі әзір, құлқын сәріден құмның қысын ұнатпай жатыпты. Бұған февраль – мартта не тауып берем? Осыны да бір бракқа шығармай қойдың, тегі! – деп, Бобровқа әр кезде айтатын қияс бір дауын тағы айтып тұр. – Тым құрса күздігүнгі қашыруда бұларды аз қосуың керек еді. Көктемге шейін арықтап, аман қаған күнде де қоздай амай жүрсе, көйтем. Қоздаса да арық болып, қозысын жарытпай, төл шығыны мол боса, құрығаны да бар еңбегіміз. Қинадың-қинадың, биылғы мынау ауыр қыста тек мені де қинадың ғой! – деген еді.

Өз жауаптылықтарын ерекше, қамқорлықпен ұғып тұрған шабандарға Бобров бұл уақытқа шейін үн қатпаған. Барлық сөздерін аса үлкен ілтипатпен тыңдап тұр еді. Енді

Қанипа мен әкесіне осы қыс бойына көңілдеріне күдік қалдырмайтын тиянақты бір жауап айту керек. Өз тәжірибесінің ғылым үшін, мемлекеттің халық шаруасы үшін не байлауы бар екенін білдіруге бекінді.

– Осы жүрген отардың мың қойы – тегіс көктемде қоздайтын қой. Мен бонитировканың өзінде де бір-ақ түрлі қой, бір класты ғана алғаным жоқ. Әдейі осы үшінші класты да қосқамын. Брақты бөлгенде бұлардың ішіндегі ең жақсы, ең мықтысын осы сенің отарыңа шығарғамын. Күздігүнгі қашыруда да әдейі жібергемін. Біліңдер! Ұмытпаңдар! Ақ қойдың бәрі бірдей бір тегіс емес. Ғылым тәжірибесі ылғи таңдаулы қоймен жасалмайды. Өздерің білесің, екінші класпен үшіншіні қатар алмасақ, біз бұл тұқымның жақсысын да таңдап ала алмас едік. Қыс бұл қойларға да, біздің тәжірибемізге де қатты сынның қысы. Біз үшін КИЖ-дің барлық шаруасы үшін, тәжірибе бөрінен қымбат. Құмда қысқы жайылыста, тебінде аталары, шешелері ешуақытта жүрмеген прекос, рамбульені де тәжірибеге салғамыз. Жүз он алты, жүз он килограмм салмағы бар, выставкада бәйге алған қошқарларды да сол тәжірибе үшін құмға жібергеніміз бар еді ғой. Соның көбі өліп те қалған. Бірақ тәжірибе үшін қымбат, тәжірибе үшін біз сол тұқымның өзін де құмға айдағамыз. Енді ол күндер кетті. Үшінші класс қойлар мынау қой да, қазір өзге қойдан бұрын ашыққанмен, бұл қыстың бейнетін тартады да, көтереді. Есіргеп, сен қозылар үшін қорқасың, мен сол қозылардың келесі жыл құмға өздері мықты боп келуі үшін енелерінің ішінде, осы күннің өзінде бейнеттің бәрін көріп өткені қажет деймін. Өлгені өледі, ал өлмей қалғаны сенің отарыңа келесі жылы балуан қой боп қосылады. Және арықтағанмен, әлі де осы кластың қойының өзінде де көп күш бар. Сенің отарыңның қойлары элит қойы, тұқым қойы болып бөлінгенде мен бәрі бірдей болмайтынын білгем. Бірталайы Қанипа екеуіңді қинайтынын да білгемін. Бірақ оның жауабын, бір жағынан, өзіме, өзімнің жауаптылығыма жазғамын. Бұны доклад жазып, КИЖ-ге де, Наркомземге де білдіріп қойғамын. Саспаңдар, тек құмға көше бер! Шапшаң көш! – деді.

Осыдан соң қойдың күйі туралы сөздерді аяқтады да, Бобров Қанипаны бөліп ап кетіп, оңаша әңгімесін Әсияға

арнады. Қанипа Бобровпен өз әкесіндей еркін әңгімелесті.

Әсияны өзінің кінәламайтынын және бұрынғысындай дос көріп, қазір де әсіресе жаны ашып, жақсы көретінін айтты. Арасында бір жылап алып, Бобров көңілін бір жақтан тиыштағандай болды. Бірақ сонымен өзара әкесінің ашуы, өкпесі қатты екенін айтты. Және Әсия мен екеуі енді бір үйге сыйыса алмай, екі жаққа бірінен-бірі безер боп тұрғанын жасырмайды. Сөзінің аяғында:

– Біздің үйдің жайын өзің білесің ғой. Сайлыбектің өлгенін сен де білесің, Әсия екеуміз де көптен білгеміз. Шал, кемпірге айта алмаймыз. Әлі де айту керек емес. Бос уақыттары болса, түстерінде көріп, аман деп қуанысады. Құмалақ сап, тағы да “тірі” деп, “келеді” деп, үмітпен күн кешеді. Бірақ Әсия жас болған соң жаңылған шығар. Болмаса, Молтай үйде болса, оған тиетін еді. Екеуінің алмақтимек болған жайларын мен білгем де, мақұлдаған ем. Жәкеме өзім айтып, тоқтатам деп, Әсияның көңілін жай қып едім. Енді міні, Әсия әрі екіқабат, әрі осы малдың тұтқасы. Оны үй ішінен су шыққандай қып, жалғыз басын қудалап, күйдіре берсек, не бомақшы? Өзің шалды ақылға көндір. Көнбесе, тым құрмаса, “бір айдан соң кісі тауып жіберем. Әсия қолында тұрмасын десең, сонан соң қайтарғын. Қазір сыр білдірмегін. Әсияны ренжітіп жылатпағын. Өзіңді өзің қинамағын. Тым құрса сабыр қып, бір ай шыдағын” деп, соны айтып кет. Бомаса, отар ойран болады. Мал да қырылады. Біздің бәріміз де қор боламыз. Талай жылғы еңбек құмдай шашылады, – деген.

Бобров бағана шайдан бергі өзі бабын таба алмаған ойдың бар тетігін Қанипа бергенде, қатты ырза болды. Қой шетінде жүрген қоңыр, момын Қанипа қандай? Жел қағып, күн күйдірген қара торы жүзі бар. Сұлу тұнжыраған қара көзді, жас әйелге Бобров адамшылық, аталық мейірімен, алғыспен қарады. Бобровтың бұл отардағы кәрі-жас достарының сырты жұпыны. Бірақ бәрінің де ішінде шыншыл, адал жүректі адамгершілік бар. Талай оқыған адамдардың үй ішінде табылмайтын жақсы мінез бен зор адамгершілік осы қой шетіндегі қоңыр лашықта нық ұялағанына кейде тереңдеп ойлап, қатты таңырқайды. Сүйсіне қайран болады. Қанипаға аса жақын сырлас жүзбен, жылы қарап, ақырын сөйлеп:

– Қызым! Сен жақсы жүрегің бар адамсың. Мен КИЖ-дің бастықтарына, Алматыға, сені “сондай ақылды совет азаматы бар, тамаша жақсы комсомол қыз бар” деп айтып барамын. Әсияны ая. Жаманшылық ету, кінәлау әрбір иттің де қолынан келеді. Сенің мінезің тек жақсы адамның ғана қолынан келетін мінез. Айтқан ақылыңды алдым. Шалмен мен сөйлесермін. Болмаса, көнбесе, амал жоқ, сендерге көмекке біреуді жібереміз. Бірақ ол Әсия болмайды, білесің. Әсияға да сендерден кеткен жаман. Оған менің сөзімді сен айт. Мен білген Есіргеп болса, совет малын ол аяйды. Еңбегі малға сіңіп, өзіне қатты көмекші болып қыстың бір, екі айында жақсы істеп шықса, ол барлық өкпесін ұмытады. Әсиямен бұрынғысындай тату болып кетеді. Сондықтан Әсия бұл жерден кетіп қалам деген сөзді айтпай тұра тұрсын. Шыдасын. Ол жас қой, мықты ғой! Серігі, досы сен де барсың, туған шешесіндей Балжан бар. Оны және сөкпейтін, кінәламайтын, қайта жақсы азамат деп, ақ қой үшін мақтауға іліндірем деп жүрген мен бармын. Бір шалдың ашуын көтерсін. Отардан басқа ешнәрсені ойламай жүре берсін! – деді. Екеуінің біріккен ақылын Қанипамен оңашада осылайша қорытты.

Осы түнде, Әсия дағдысы бойынша қой шетінде күзетте жүргенде, Асан мен Балжанды ұйықтатып тастап, Қанипаға еттен кейінгі түн жарымындағы шайды құйғызып отырып, Бобров Есіргепке көп ақыл айтты. Келіні мен екеуін татуластырып, жарастырудың ниеті еді. Әр кезде Бобров сөзін Қанипа да: “осынысы тура ғой. Жәке, қойсаңшы. Жәке, саған не болды?” – деп, әр кез тоқтатып, әкесін ойландырмақ болып еді. Бірақ екеуінің де сөзі Есіргепті жеңе алмады. Оның бар ойысқаны, бір айға шейін өлсе де, мал үшін, шаруа үшін, Бобров үшін шыдап көрмек. Бірақ Әсияның одан әрі бұнда болғанын, кейін осы үйде бұл үйдің баласы емес, бөтен баланы тапқанын, оны алданған адал көңілді ата-ананың көзінше, бауырына алып, міні, сендерді алдап, қараңғыда тапқаным деп жазғызып, емізіп отырғанын көре алмаймын. Онда Сайлыбегім шын өлгені. Бір өлгені емес, күнде өлген боп, көз алдыма күйік болады. Бобров, әкем тегі, мені бұл азаптан, бұл тозақтан құтқар. Бір айдан соң кісінді жібер. Өзге сөзді неғыласың, кәйтесің! – деген.

Осымен ақыры ұзақ ауыр әңгіме Қанипаның күндізгі айтқан сөзімен аяқталды. Көптен ойланып жүріп айтқан ақылымен үйдегінің бәрін де күрсінтіп, ренжітіп барып аяқтаған еді.

#### IV

Осының ертеңінде Бобров пен Асан Есіргеп үйін өздері жығысты. Қарашеңгелден бұл отарды көшіріп, Сартау-құмның қалың ішіне апарып, қондырысты.

Құм біріне-бірі ұқсаған теңіздің бұйра толқынындай, шошақ-шошақ құм төбелерге толы. Бұнда су жоқ, адам мен мал пана қылатын орын да аз, тек құм төбелердің қалыңдап, түйіскен кейбір жерлерінде, ауыл орнындай боп қалған терең, кең алап болады. Құмтөбенің басынан қарағанда бұл алап терең бір құр апанның түбіндей. Шыңырау түбіндей, аясы азғантай боп, дөңгеленіп жатады. Құмды қыстайтын ел осы тостаған аясындай айналасы қоршаулы ықтасын орынды мекен етеді. Құм арасында жиі кездеседі. Осындайлық орынды қыс қонысты “шұқыр” деп атайды.

Есіргеп екі күн бойы құмды кезгенде жәйіліс жағдайын түгел шолған. Биыл осы өңірде қойға азық болатын изен мен еркек дейтін шөптің жеткілікті екендігіне көзі қанды. Көңілі нық сеніп қайтқан. Қазір үйін әкеп қондыратын шұқырды да сол келісінде белгілеп кетіп еді. Құм арасында жол да жоқ. Тау менен кең біткен сай-сала да жоқ. Біріне-бірі ұқсайтын құм шошақтар, жасынан осы құмның тағысындай боп жадысын біліп өскен Есіргеп болмаса, өзге кімді болса да тез адастырады. Есіргеп алғаш келіп қайтарында “көшпен жүріп адаспайын” деп, дәл осы шұқырдың тұсындағы бір құм шошақтың басына қарақшы шаншып кеткен-ді. Бұрыннан құмды қыстайтын ауылдардың, отарлардың әр кезде өз шұқырының тұсына “біз мұндамыз” дегендей қарақшы шаншып отыратынын ол бұл жолы да көшіп келмей тұрып, әдейі қолданған. Құм ішіне, осы шұқырға көшпен ілесіп, Қанипаға болысып, ақ қойларды жылжытып айдап отырып, Бобров пен Асан бірге келді.

Асан қайтайық десе де, Бобров асықпайды. Бір жұмадай өзінің тұмарша қалайыға нөмірлерін бастырған, әр генерациядан өткен, әр кластың тұқымдық сыпатын сақта-

ған қойларының күйін бақты. Ертеден қара кешке Қанипаның қасында Есіргеп екеуі жүріп, ақ қойлардың күйін аңыстады. Құм ішінде Қарашеңгелдей емес, қар жұқа. Көп жерінде күңгей беттеріндегі қар көбінше тоқтамай, тез еріп, тез сіңіп кетеді. Құмның биылғы Есіргеп айтқан тағы бір қасиеті, қойға қорек болатын изені шыққан жерлерінде етектей боп, мол тармақтанып, құнарлы боп өсіпті. Және еркек дейтін екінші шөбі бойшаң боп ұзарып шықпай, қысқа бойлы, нәрлі боп, дөңді, құнарлы боп шығыпты.

Ақ қойлар құмға келгелі Қанипаны алғашқы екі күннің ішінде-ақ ырза қыла бастады. Жүрістері аз ғана. Боларболмас қылтанақ болса, қалдырмай жеп, құмның өзін жалап та қорек алғандай. Бүйірлері де тез шыға бастады. Бір жұманың жәйілісінен соң, отардың бар адамы боп кешке жақын қойды шұқырға әкелді. Қанипа мен Әсия қойды иірген шақта, ерекше риза қылған үшінші кластың қойы болды.

Анау көргенде бүйірі солып, баяу тартып қалған саулықтар қазір қайтадан бүйірленіп, ширап, сергек боп апты. Қанипа мен Әсия осы қойлар турасындағы Есіргептің уайымынан аса қатты сескенуші еді. Қазір екеуі жүгіріп жүріп, анада нөмірін жазып алған жүдеу қойлардың әрқайсысын ұстап әкеп көрсетеді. Бобров пен Есіргептен қойлар күйі үшін айтылған көңілді, сенімді сөздерді естіп, шаршамастан жүйрік қойларды қызына қуып, дамылсыз ұстап әкеледі. Құм ішіндегі бір жұма жәйіліс отардың қыс турасындағы әзіргі қорқыныш уайымын недәуір сейілтіп тастады. Құмда бұл күнде бұлтты күндер болса да, қара желі мол суық күндер болса да, қалыңдап қар да жауған жоқ. Тек таңға жақын ғана қылаулап қояды. Немесе теріскен басына, изеннің тырбықай жалпақ бойына қырауытып қана түседі. Түс ауа еріп кетіп отырады. Енді Есіргеп көңілінде әзірше мал үшін тынышталған ой бар сияқты. Қой ішінен үйге келе жатқанда, Бобровка өз тәжірибесін түйіп кеп:

– Қысың бұл қалыпты болса, мен отар үшін уайым жемейм. Қар қалыңдаса, құмға бір ілігіп алдым, енді осыдан осылай бата берем. Тек бұ құмның да шанда бір құтырып келетін қысы болады. Қары қалың түсіп, боран тұрып кететіні болады. Сондай бір пәлеге ұшырамасам, әлі әзір қорқынышым тегі жоқ! – деген.

Бобровтың да көңілі жайланғандай. Осы түн соңғы рет қонақшыл Балжан мен Әсия қолынан ет жеп, шай ішті. Киіз үйде соңғы рет қалың көрпе астында бұйығып, ұзақ тыныш ұйықтап алды. Келесі таңертең атқа қонуға айналды. Дәл жүрерінде Әсиямен оңаша сөйлесіп:

– Есіргеп пен Балжан бірталай жыл жақсы тұрған атаң-анаң, Әсия! Енді шал да, сен де ажырасамыз дестіңдер. Ол оңай емес, жақсы да емес. Екеуіңе де жақсы емес, бірақ айтқан соң болмайды. Мен бір ай бірге тұрындар деп екеуіңнен де уәде алдым ғой. Бір айдың ішінде орныңа кісі жіберемін. Сонан соң қайтарсың. Жайыңды КИЖ-ге, ферма бастығына да айтып кетемін. Сені ешкім сөкпейді, одан шошыма. Бірақ, сенен сұрайын, мынау бір айда шалмен ұрыспа. Өзің көңіліңе түк алма. Қайта жақсы тату болуға тырыс. Бұлар жақсы адамдар ғой. Кеткеніңде де артыңнан жамандамасын. “Әсия жақсы еді-ау” деп қалсын. Сондай мінез көрсетіп, сондай еңбек етіп кетуіңді тілеймін және саған сенемін, қызым! Ал, сенің төрт жылдан бері осы қойдың тұқымына сіңірген, жақсы шабан болған еңбегіңді мен ұмытпаймын. Менің еңбегімді бағалайтын жұрт болса, Есіргеп, сен, Қанипа үшеуіңнің еңбегіңді бірге бағала тамын. Сол менің саған беретін сертім! – деген.

Әсия Бобровқа жауап айтқан жоқ. Тек оның сөйлеп тұрған кезінде, әрбір сөзінің тұсында “ұқтым, жақсы... айтқаның болсын... Қанипа барды айтты. Қамымды жепсің, ағамдай достық айтыпсың, рақмет, Жәке, рақмет!” – деп, көзіне жас алады. Шын алғысқа толған көңілі Бобровты да бұған шын, қарындастық, балалық бейілімен “Жәке” дегізді. Бобров Әсияның қолын ұзақ қысып қоштасты да, аттанып жүріп кетті.

## V

Әсия бүгінгі түннің тез өткенін, таңның тез атуын сонша асығып күтеді. Өзіне белгісіз үркектеген қауіп сезімімен күтеді. Сол қобалжудан ба, ішіндегі кішкентай, ғажайып тірлік алып келе жатқан ұрық та бүгін жиі қозғалады. Оң бүйірін түрте береді. Аспанды төмендеп торлаған, тау салмақты, ауыр қара бұлттар қаптап алған қараңғы түнде қалың бұлт бірін-бірі қуады. Аспан әлемі қатты бүлінген-

дей. Тау толқын боп аунап ұшады. Жоғарыда құтыра соққан қатты дауыл бар тәрізді. Шұқырдың айналасындағы құм шошақтардың басында да қатты жел құтыра соғып тұрған тәрізді. Аспаннан жауған қар не қиыршық, бұршақ аралас жауындай ұшқындап, ауыл үстіне түсіп тұрған құм жауыны бар. Әсияның үстіне сол қиыршық құм ұсақ тас аралас, сытырлап түседі.

Іңірден бері басталған осы әлек дүние ауыр толғағы Әсия отырған кішкене шұқырды құлшынып іздеп, қастана қимыл еткендей. Иттерде тыным жоқ, өрекіп үреді. Әсіресе Әсияны қобалжытатын бұның күндегі түн серігі, жалған үрмейтін сенімді серігі қара шолақ төбет – Таймастың үргені. Ол қазіргі кезде, түн ортасы тақап қалған шақта осы шұқырға қадалып кеп, қамалап тұрған өзгеше қатерлі пәлені сезгендей. Артқы екі аяғын кезек тарпынып, кішкене шұқыр айналасын жорта шапқылай аралайды. Қатты сақайып, тынымсыз айбар шегеді. Әсияның қасынан бапылдап, долданып үріп ағызып өтіп бара жатқан бір кезінде жас әйел оны шақырып, “Таймас! Таймас!” деп қасына тоқыратты.

– Не көрдің? Сен не көрдің, Таймас, – деп, басын сипады. Жонынан еркелете қағып, тілсіз серігінен қауіпті түннің күдігін сұрайды. Таймас Әсияның қасында тағы да қатты талпынып тұрып, құм шошаққа, батыс жаққа шәншіліп үріп тұрып, ытқи жөнелді.

Дәл осы кезде ышқына соққан желдің ұйтқып келген қатты бір лебі шұқыр үстінде үйіріле борандатты. Қыстыға ышқынып кеп, құтыра ойнақтады. Бұл күнге шейін шұқыр ішінде, ықта жатқан қойлар тыныш еді. Құмтөбені паналап отырған кішкене қоңыр үй де тыныш болатын. Енді осы азғантай аядағы барлық жан иесі мынау бір оқыс соққан, шәншіліп төбеден соққан дауылдан тегіс үрке оянды. Біріне-бірі сүйенісіп, ығыса, аз шұқырда тығыз сығылысып жатқан қойлар маңырай түрегелісті.

Ақ қойдың қалқиған құлақтары тынымсыз түннің қатерлі зәрін қайтеді, қайдан келеді дегендей тыңдай қалған сияқты. Дәл осы уақытта жаңағы Таймас шапқылай жөнелген батыстағы құм төбеден асып келіп, Әсияны қатты сескендірген долы түннің, елсіз түннің аса бір жайын үні келді. Ол – жақыннан шыққан үн. Осы отарға қадалған кәр

сияқты аямас қастық үні. Ысқырып ызың қаққан түн дауылының үнімен бірге, шулап ұлыған қасқыр үні келді. Біреу емес, толып жатқан қомағай топтың үні.

Әсия қорқақ емес еді. Қолында құлаш төс жара қайың шокпары болатын. Соны жерге қадап, қысып ұстап, мынау үнді сескеніп тыңдайды.

– Тілеуің құрғыр, құмның бәрі қасқыр ма? Қандай көп өздері... Япырай, таң да атпады-ау! – деп, тағы біраз тыңдай түсті. Мынау асау түнде бұл отарды торыған қасқырдың саны шын-ақ көп тәрізді. Ұлыған үн бір ғана батыс жақтан әлденешеу болып шықса, енді қарсы жақ – шығыстан да естілді. Алғашқыдан да тақау кеп өшіккендей. Түн аспанына ұзақ, жәйін қадап тұрып, қатты созады. Шулап ұлыған көп долының үні тағы келді. Қазір Таймас кішкене шұқыр айналасын құйынмен бірге ұйтқып, толассыз шыр айналып жортып жүр. Қасында ақ қаншық, дүрегей тазы да үру мен жүгіруден тыным алып, толас тапқан жоқ. Әсия маңыраған қойдың қобалжып, қозғалақтаған тобынан да, қазіргі сәтте бұның бір өзінен пана тілеп, қорғауды сұрап тұрғандай қатерден шошыған үндер сезеді. Өзінің жалғыздығынан аласыз амалсыздыққа ұшырайтындай шарасыздық сезеді. Мынау түнде қасқыр шапса, қалың қойға ие болу да қиын. Аузынан шыққан лебізін шұқыр үстінде әлі де қатты ысқыра ызындап тұрған дауыл қағып әкпетіп жатса да, Әсия бар күшімен жиі-жиі айғайлайды. Жон астындағы қомағай бөрілерге айбар шегеді. Сескенген үн емес, ашулы, батыл үнмен шырқап айғайлайды. Осы айғайын тыймастан, қой шетімен оралып кеп, қоңыр үйге тақады.

Үй ішінде ұйқыда жатқан жақындары бұл кезде тегіс оянған тәрізді. Жаңағы бір кезде ышқынып соққан алғашқы дауыл екпіні бұлардың кішкене баспанасын сықырлатып, сілкінтіп, ұйық шаңырағын сындырып, талқандап кетердей болған. Сол дауыл екпінінен оянған үйге Әсия тақай бере сөз қатты. Бір айдан бері атасымен Әсия бір-біріне тура жауаптаспайтын. Іштеріне жиылған қырын қабақ, қырбайлық әлі де кеткен жоқ-ты. Сондықтан қазірде де Әсия Есіргепті шақырмай, Қанипаның атын атап дауыстады. Үй ішінен Қанипа мен Есіргеп екеуі қатар үн қатып:

– Уа, немене? Әсия, малың аман ба? – десіп, дабыстап еді.

– Өзір мал аман. Бірақ түн дауылдап кетті. Айнала шулап қасқыр ұлып тұр. Жылдам киініп шықпасаңдар болмас! – деді де, қой шетіне қарай тағы асығып жөнеліп кетті.

Үйде бағана оянған Балжан қатты қорқып, нала қып, асығып киініп жатыр. Әсияны аяп, дамылсыз сөйлеп жүр.

– Қарағым-ай! Жапа жалғыз... аяғы да ауыр, жаурап бітті-ау. Қасқыры, пәлесі тағы анау. Шықшы шапшаң. Шық, жүгір, Қанипа, қасында бол. Жүріндер! – дейді. Жылдам киініп, есікке қарай ытқыған Есіргеп пен Қанипаның артынан өзі де ұмтылып келеді. Біресе сиынып, біресе қорқады. Әлдекімді қарғай түсіп, қайта-қайта Әсияны аузына алып құрақ ұшып жүр.

Есіргеп пен Қанипа есіктен аттай бере айғайлап, екі бөлініп, қойды қоршай жүгірісті. Бұл кезде шұқырдың алыс шетінде Әсия тынымсыз айғайын салып, сақайып жүр еді.

Әлі де аспанда ауыр қара бұлттар шарпыса ұласып, біріне-бірі шапшығандай. Түн дауылы түйдектеп айдап, жөңкіліп жатыр. Суық қара жел шұқыр ішіне ақтарыла ысқырып соққанда, қалың жүнді ақ қойлар да тегіс тұрып алыпты. Бет қарай алмай желге жонын беріп бүрсен қағады. Қотанның әр шетіндегі адам айғайы күзеттің қатайғанын көрсетті. Иттердің үрісі де қарсылықты толасыз білдіріп тұр.

Енді бір кезекте батыстағы құм төбеден қар аралас, қиыршық құм борандатты. Шұқыр үстін әлек дүниенің мұнарлы топанымен басып кетті. Желге қарсы адам айғайының дыбысы бес қадам жерден де естілместей. Дауыл енді барынша пәрмендеп, қатты үскіріп, ышқынады. Дәл осы сәтте алғашқы қасқыр үні шыққан жақтан, құм белден аса бере, бір топ ұры бөрі шұқыр ішіне қарай ағыза ақтарыла шапты. Қанипаның қасынан, айғай-шуға қарамастан, үшеу-төртеуі жұмарланып, жұбын жазбай ағып келіп, қойға кірді. Басында шошынғаннан Қанипаның үні шықпай қалып еді. Қой ішіне қасқыр тақай бергенде қақ жарылып, дүбірлей жүгірген қойлардың арасында бара жатқан бөрілер, оң мен солдағы қойлардың құйрығына, бүйір, тамағына ырсылдап ауыз салды. Осыны көргенде мал үшін күйген Қанипаның ашу, намысы қайнап кетті.

– Қасқыр, қасқыр, қасқыр! – деп айғайлағанда, дауысы енді ерекше ащы боп, қатты шықты. Қойдың ылди жақ

шетінде Әсия болатын. Шығыс шетінде Есіргеп еді. Екеуі де Қанипа хабарын лезде ұқты.

Олар отарға қатты қауіп төнгенін қойдың тас-талқан боп үріккенінен-ақ сезген еді. Екеуі де айғайын салып, қасқыр жүрген жаққа қарай ұмтылып келеді. Бірақ есі шығып, қалың сендей жосылып қашқан қойлар бұлардың өзін жығып кеткендей. Ілгері жылжитпай, кейін тықсырып барады.

Амалы жоқ, бірақ өлердей күйген Әсия ұзынша шоқпарын қос қолдап көтеріп ап, қайнаған бір намыскер ерлікке басып қой арасында жұлқынып тұр еді. Дәл осы кезде мұның айналасындағы қойлар қақ жарылып ағыла берді де, алды ашылып қалды. Босап қалған Әсияға қарап, ақ қойлардан түсі бөлек, түнде қоңыр түсті көрінген қомағай қасқыр азулары ақсиып, тақап қалған екен. Әсия өз бойынан ендігі қайраттың қалай атылғанын өзі де аңғарған жоқ. Қара барқын қасқыр Әсияның сол жағындағы бір қойға ауызды салып жіберіп, енді жұлқи бергенде, тақ қара тұмсықтың тұсынан, қой мен қасқырдың құлағының екі арасын дәлдеп алып, қайың шоқпармен құлаштап тұрып періп қалды. Тағы шоқпарын көтеріп, тездетіп тағы ұрмақ еді. Дәл осы кезде Әсияның күтпеген көрінісі болды. Дүңкиген үлкен, долы бөрі тұмсығынан шаншылыпты. Дәл Әсияның аяғына қатты құйрығын сарт еткізіп ұрып, тоңқалаң аса жығылды. Әсия жығылып жатқан қасқырды қара тұмсықтан “төбеңнен ұрғыр, жат солай” деп, тағы да табандап тұрып екі үш рет сарт-сарт ұрды.

Бірақ айналадағы қой әлі құйын ұйтқытқандай жосып жүр. Бір жерде дүрегей тазы қаңсылап таланып жатқан сияқты. Дауысы қарлығып, өлердей аптыққан Есіргеп жан ұшырып бақырып жүр. Жылап зарлаған Балжан да жан ұшырғандай боп Әсияның қасына жетіп кепті.

– Жаным-ай! Сәулем-ай! Еркек сенен садаға кетсін! – деп, Әсия өлтірген қасқырды тұмсыққа тепкілеп жүр. Бірақ Әсия енесіне қысқа ғана сөз қатып:

– Тұмсықтан ұрып жықтым, бірақ қайтадан ес жиып кетпесін, мықтап өлтіріп алыңдар. Қойды бөліп ап кетті ғой деймін. Қалғанына ие болыңдар. Мен бөлінген қойдың соңынан кеттім! – дей сала, шұқырдың ылди жағына қарай, шоқпарын көлденең ұстап ап, жүгіре жөнелді. Аз уақытта ауыл

үсті тынышталғандай боп, қойлардың жүгірісі басылды. Енді бір-бірінен “Не болды? Не болды?” десіп, бір ғана сұрақты мың көмеймен қайырғандай. Ұқсас үнмен маңырасып, бір ғана жәйді дамылсыз сұрасып тұрғандай. Оқыс соққан құйын дәл шұқырдың үстінде қазір біраз толастаған сияқты.

Есіргеп, Қанипа, Балжан бірін-бірі айғайласып табысқан жерде Балжан шүйінші сұрағандай, шаттанып айғайлады.

– Садаң кетейін Әсия, Әсияны көрдің бе, тегі... Қасқырды өлтірді ғой. Өз қолымен ұрып өлтірді ғой! Жүр бері, міні, көр! – деді.

– Айналайын-ай! Азаматым-ай! Қайран Әсия-ай! – деп жүрген Есіргеп пен Қанипаны ертіп, өліп жатқан көп бөрінің қасына келді. Дәл осы кезде жаңа толастаған құйын дауыл тағы да ышқынып, құм ұшырып, қар боратты. Қиыршық таспен беті-қолды тілгілей ұрып, қайта құтырып соқты.

Есіргеп Қанипа мен Балжанға асыға бұйрық етіп:

– Тарандар, барындар қойдың шет-шетіне. Тағы шабады о қу! Сал айғайды, тыным таппа, тегі! – деп, өзі де қойдың бір шетіне шығып алып, айғайын салып отыр. Кейде жүгіре түсіп, қотан айналасын шолып шығып, қойдың азайып қалғанын, шұқырдың бұрынғы шарасынан біраз кеміп тұрғанын таниды. Әсияныкі рас, үріккен қойдың біразы жосып, бөлініп кеткен болу керек.

Сол қойдың артынан кетейін десе, Әсияға болысайын десе, бұндағы малдан қорқады. Ауыл үсті әлі қатерде. Қанипадан білуіне қарағанда, қораға шапқан қасқыр біреу емес, бір топ болатын. Солар қайта оралып, мынау суық дауыл түнін пайдаланып, тағы да шабуға мүмкін. Бөлінген қой қанша болса да, мынау малдан аз ғана, әуелі бұл жақты амандап ап, о жаққа содан соң ұмтылу керек. Және ол қойдың соңынан, қанша қиын бейнет көрер болса да, Әсия кетті. Әсияға қай күнде болса да өзінен бетер, қайратты ер-азаматтан бетер сенетін Есіргеп көңілі осыны да біраз жұбаныш етті. Әлде бөлінген қойды тез тоқтатып, қайта қайырып та алар деген еді. Есіргептің түн баласындағы Әсиядан соңғы екінші сенімді сергек сақшысы Таймас болатын, қазір ол да жоқ. Оны да бір медеу көреді.

Осымен шұқыр айналасындағы мал амандығын бағып, Әсия тез оралар деген үмітке сүйеніп, Есіргеп көп бөгеліп

қалды. Қазір таң да қылаңдап атып келеді екен. Шұқыр үсті әбден тынышталып болды. Енді Есіргеп асыға жүгіріп жүріп, өреде жайылған аттарын іздеп арпалысты. Жақыннан қолына тиген ақ шеке бие болды. Соны ұстай сала ауыздықтап ап, жайдақ қарғып мініп, енді Әсияны іздеп шаба жөнелді.

Есіргеп іздеп тапқанша, Әсия көрген қиыншылық пен бейнет орасан еді. Ол шұқырдағы қотанды тастап жүтіргенде, біраз кешігіп қалған екен. Тек Таймастың үрген үнімен ғана, бөлініп кеткен қойдың аңғарын білген. Шоқпарын иығына салып алып, құстай ұшып, ұзақ жүтірген. Дауылды түнде бөрі қуған, безіп үріккен қой, шұқырдан ұзап, құм белден асып, жосыпты. Құтырып соғып тұрған дауыл, жотаға шыққан қойға қарлы боранда қақап соғып, ықтырып әпкете беріпті. Кем қойса, бір жарым шақырымдай жер тынымсыз жүтірген соң барып қана, айғайын үзбеген Әсия қойға жеткен. Мұның айғайы Таймасқа ес болып, Таймастың үргені бұған шақырғандай атой болып, екеуі қой қасында тізе қосты.

Түнгі шабуылдан соң қайта жағалап, қойларды жанасалай шапқан қасқыр біреу екен. Бірақ енді қойға бата алмапты. Түнде кеп шұқырға шапқан қасқырдың саны төртеу еді. Бұлар арлан бөрі бастаған бір ұяның биылғы күшік тобы болатын. Түнде Әсияның сәтімен өлтіргені анық долы арлан бөрінің өзі екен. Бір күшікті Таймас сол түнде бүктеп, өлтіріп кетіпті. Қалған біреуін және тақымдап, бөксесін жұлып жаралап, бездіріп жіберген. Ендігі қалған жалғыз қасқыр көп қойдың батыр қорғаны, есті қорғаны боп ылғи жанасалай шапқан бір Таймастың өзінен қасқырлық қастығын асыра алмапты. Бөлініп шыққан қойдың бірде-біріне тіс те тигізе алмапты. Әсия жеткенде адам айғайынан және Таймастың зәрлі, кәрлі үнінен сескенген соңғы күшік бөрі тайқып, сырттап, жөнеле беріпті.

Екі өкпесі қабынып, аузына тығылған Әсия, қойдың санын барлағанда жетпіс-сексен шамалы екен. Бұл тақай бергенде, Таймас қасқыр кетісімен әлі де маңырай қашқан қойдың алдын орап, үріп шығып, еріксіз шошыта үркітіп, алдын тоқтатты. Итінен дабыстап, сүйсініп айналған Әсия да қолындағы шоқпарымен жағалай жасқап, қойларды еріксіз тоқтатысып жүр. Бірақ құм жотасында қарсылап

соққан қатты дауыл, бұл қойды ауылға қарай қайта айдауға ырық бермей қойды. Қара төбетпен Әсияның тілсіз күйде ұғысып жатқан тынымсыз әрекеті біреу-ақ. Қойларды құм жотасындағы бір болымсыз ойдым қобыға жеткізіп, сол арада шырқ иіріп, ілгері жылжитпай тұрып алмақ. Қасқыр алғашқы шапқаннан бері үнемі жүгіріс-арпалыстан толасы болмаған Әсияның қазір қызыл күрең жүзін моншақтап аққан тер басыпты. Енді ғана бір азғантай тоқтап, ентігін баса бастады. Дәл осы кезде ішіндегі кішкентай жан тағы да оң бүйірін қатты соғып қойды.

Тек таң әппақ атқан соң ғана қойдың шұбырындысымен шапқылап асыққан Есіргеп, Әсияның қасына келіп жетті. Оның қырағы көзі жол бойында бір қойдың да өлексесі жатпағанын және ақ құм мен алашабыр қар үстінде бір тамшы қан жатпағанын болжап келген. Әсия жақындап қасына келе бере жайдақ атынан секіріп түскен Есіргеп, бұл түнде ер қайратын оқтай атқан өзінің еңбек серігі Әсияға ұмтылып келе береді.

– Қойың аман ғой, Әсиям, алтыным? – дегенде, Әсияның көзінен көптен бері шықпаған, қатып, іркіліп қалғандай жұмарланған бір тамшы жас ыршып кетті.

– Аман, Жәке, Жәкетай! – деп қана, айықпаған ата алдындағы ұятын мойнына алғандай, төмен қарады.

– Қарағым, қарағым! Сайлыбегім сенсің ғой, қанатым серігім! – деді. Ақ көңілді, біртоға таса мінезді, буырыл сақалды Есіргеп Әсияны құшақтап, маңдайынан сүйді.

Бұл кезде сөз қатуға мұршасы келмей, екі көзін, иығын төмен салып тұрған Әсия түн бойы дәл осы сағатқа шейін қалың өрт ішінде алысқан, от намысты, өр қайратты Әсияға тіпті ұқсамайтын еді. Есіргеп өзінің сыртқы киімін шапшаң жұлқып шешіп, ақ шеке биенің тақыр арқасына арта салды. Ақ биені сулығынан тартып Әсияға әкелді.

– Кел, мінгін. Мін де шапшаң үйге қайтқын. Болды, өлемісің, әкем тегі. Тез үйге барып, жан шақыр, тыныштық ал. Жат үйге барып! – деп еді.

Әсия қойды көрі атасына жалғыз тастап кетуге көнген жоқ.

– Жоқ, Жәке, түк шаршағам жоқ. Өзіңмен бірге қойды айдап барам. О не дегеніңіз? Атына өзің мін, мінбеймін! – деді.

Есіргеп:

– Жә, қой! Қойғын, қайтпасаң тым құрса мына атқа мініп, айдас. Мен жаяу жүремін! – деді де, Әсияны ақ шеке биеге еріксіз көтеріп салды.

Атасы мен келіні сәске уағында боранға қарсы бұл топ қойды зорға қиналып, жәй айдап отырып, ауылға әрең жеткен еді.

Қанипа мен Балжан “бөлініп кеткен қойды түндегі көп қасқыр талқандап қырып бітірді-ау” десіп, Әсия үшін және де жүректері қобалжып, тыным таба алмай отыр екен. Енді Есіргептер қойымен дін аман үйге жеткенде, бұл екеуі күліп, қуанып, дабырлап сөйлеп, қарсы алысты. Балжан ақ шеке биеге Есіргептің шапаны салынып, Әсия мініп келе жатқаны әсіресе өзін қуантарлық жақсы ырым көрген еді.

Әсия мен Есіргепті таң атқан соң, мұндағы қойды түгендеген Қанипаның хабары әсіресе қуантып, ырза қылды. Олар түндегі шапқан қасқыр көп қойды мерт қып кеткен шығар деп ойлаған еді. Қалың топ қасқыр болса да, қарбалас үстінде көп қастық ете алмапты. Мың қойлық отардан өлімші қылып жаралағаны тек үш қана қой бопты. Қалған бес қойға тістері тисе де, жеңіл жаралапты. Есіргеп:

– Бұлар өлмейді. Мал аман. Ең шоңын қораға алғаш араласқанда Әсия ұрып жыққан соң, қалғандары қыра алмағанын көрмеймісің. Құдай сақтады. Бұл қуаныш, тек жолдарың болсын. Малдарың әмісе осылай аман босын, қыздарым. Еңбек етсең осылай ет! – деді. Өз көңілін де көтеріп, үй ішінің өзге жандарының да көңілін әбден жайлады.

Осы күні түс кезінде боран басылған соң, изенді төбеге қойын жайып жүрген Қанипаның қасына Бобров жіберген бала жігіт Әлім жеткен еді. Қанипа бұны білетін. Жасы он алтылар шамасында болғанмен, бұл осы КИЖ-дегі бо-саң, еріншек, жалқау баланың бірі болатын. Адам табылмаған соң, ер қарасы болса да, амалсыздан барсын деген сияқты. Қанипа бұнымен амандасқан жерден:

– Немене, Әсияның орнына келдің бе? Бобров сен бар да, Әсияны қайтар деп жіберді ме? – деп сұрап еді.

Әлім сондай тапсырумен келгенін айтты. Әсия түсі сұрланыңқырап, қабағын шытынды да:

– Келгенің жақсы, бізге көмегің тиер. Тым құрса қой қоздарда керегің мол болады. Бірақ айтып қояйын, ұғып

алғын. Біздің үйге барғанда “Әсияның орнына келдім, ол қайтады” деген сөзді айтушы болма. Қайта, Әсия екіқабат болған соң, “қойдың күзетінде соған көмектес деп жіберді” дегін. Сөз осы, ұқтың ба? – деді.

Иығы салбырап, тұнжыраған босаң бала Әлім ақ тісін ақситып, ыржиып күлді де, “бопты, айтқаның босын” деп, ауылға қарай жүре берді.

## VI

Жыл басынан қатаң боп басталған биылғы қыс ұлан-ұзақ, ауыр қыспақ қыс болды. Суығы бір жағынан, қалың қары екіншіден, Алматы, Алатау алабын бүрістірген жұтаң жыл ызғарынан босатпай қойды. Бұл күнде Алматы маңындағы Іле, Қаскелең, Жамбыл аудандарының малдары және осы аудандардағы үлкен қой совхоздары, КИЖ шаруасы да қысылшаң күйде. Көптен бері қыс ызғары өкшелеп қуғандықтан, барлық мал құмға кеп тығылып жатқан.

Бірақ бұл отарлардың көбі құмға қыс басынан жетпей, жылдағы күйге сеніп, қарды қалыңдатып алды. Құмға жетер жолдары қарлы болған соң, мырза құмның пайдасын молынан көре алмады. Қойлары қалың қарда аш күйде, шұбыртпамен көшкен соң, құмға жеткенше, тұралап келген.

Сондықтан қазір де қыс аяғы тақаса да, мал баққан шаруа иесі адамдар жан шақырғандай қуанып, айтатын жыл мойны тақаған кезде талай отар қысылып отыр. Жұт бір колхоздың фермасын етектен алса, бірін жағадан да алды. Көп қойларын аязымен, жақ жұтымен жалап, жойып барады.

Бұл кездер астанаға жақын аудандардың басшылығын да үлкен қарбаласқа салды. Малды жұттан құтқарамыз деген аса асығыс науқанға бәрін де жұмылдырған еді. Астананың өзінде, Алматының облыстық партия комитетінде, атқару комитетінде күндіз-түн мал қамын ойлап, тығыз шараларды қамдап, жиі-жиі өткізіліп жатқан жиылыстар бар. Ісшіл, қысқа, шолақ мәжілістер лек-легімен Алматыдан аудандарға, құмға қарай көп адамды асықтыра жөнелтіп жатыр. Олар жауапты қызметкерлер, шаруа қайраткерлері, ірі мамандар болатын. Кей совхоздар, кейбір қатты қысылды деген колхоздар отарларына, құм ішіне машинә-көлік қалың қардан, ұзақ жолсыздан жете алмас-

тай болған соң, дәнді азық топ-топ үлкен самолеттермен күндіз-түн жөнелтіліп жатқан.

Бұндай қарбалас шараларға келгенде облыс, аудан басшылығына республиканың ең жоғарғы партия, совет орындары өздері де тығыз көмек етуде. Құмдағы мал күйін көз алмай бағуда болатын. Алматының тап ортасындағы өкімет үйінде түн бойы еңбек шамы сөнбейді. Жауапты кабинеттерде қазір құмдағы мал жөнінен ақпар берілетін болса, өзге хабардың, қам-қарекеттің бөрінен бұрын кезекті сол алады. Радио-хабарлар мен аудандардың телефон сөзі күндізгі, түнгі ең зор түйінді қозғайды.

Тек мал шаруасын басқарып, ескерген үлкенді-кішілі орындар ғана емес. Дәл бұл күндер Алматы үстіне сұрланып, бұлт төніп, қапалақтап қар жауса, қабақ шытып, аяз келсе, астанадағы тұрғылықты еңбек адамдарының көбі-ақ жүт жайын, қыс қаупін ұзақ сөйлейтін болған.

Өздері бұл күнде оқу тәрбиесімен, еңбек әрекетімен, үй іші бала-шағасымен қала адамы болып кетсе де, қазақтың оқымысты жас жұртшылығы мал қамын қатты ойлайды. Кешегі аталарының, аналарының мал бағып, көшпелі тіршілік кешкен шақтағы мал жөніндегі қам-қарекет, алыс тәсілдері естерінен кетпеген.

Осы күндер Алматының әсем сарай, опера театрына келіп, “Евгений Онегин” сияқты сырлы, сазды классик операны сүйсініп, ұғып тыңдай жүрген қазақ қауымы көп-ақ. Бірақ операны тыңдай отыра, әрбір үзілісте, фойеде, кабинеттерде, ложаларда, партердің алдыңғы қатарларында отырған қазақтың оқымысты еркек-әйелдерінің мәжілістері өзгеше. Басқа шаһар жұртшылығының есіне келмес оқыс тақырып боп Сартаукұм жайы сөйленіп кетеді. Және соның ешбір таңы жоқ болатын. Ондағы отарлы қойдың жүдеу-жадау күйін сөйлеседі. Сартаукұмға жайылыс жөнін білмеген кейбір шаруалардың сиыр жіберіп, жұтатып жатқанын сынап, шенейді. Қоздайтын қойдың қамын уайым етеді. Туатын төлдің уызға жарымай, мына суық көктемде көп шығындауынан қорқысады. Сол мәжілістердің әр үзілістегі қайталай беретін тақырыбы осы болса, таң емес. Және осы шаруа күйіне көңіл бөлушілер кім деңіз? Ол жер бөлімдерінің, Жер Комиссариатының, Жоспарлау комиссиясының, облыстық атқару комитетінің я болмаса мал шаруа,

ғылымдық институтының мамандары мен жауапты басқарушылары ғана болмайды. Қазақтан шыққан ірі оқымысты, жоғарғы мектеп оқытушылары, профессор, доценттер арасында, жазушылар мен суретшілер арасында, композиторлар мен халық артистерінің арасында да қазіргі мал жәйі ең соны, ең зор мағыналы тақырып есебінде әңгімеленеді. Мәдениет, өнер майданының мал шаруасынан сырт көзге алыс тұрған адамдары да, сол операның әнді, сәнді залында, өздеріне кездескен партия мен өкімет басшыларынан Сартау құм жайын сұрасады. Ондағы қой-қозы жайын өз бастарының үлкен бір қиын мұңындай етеді. Көп сұрақтар беріп, зор ілтипатпен сөз қылысады.

Қыс бойында Сартауқұмның қалың ішіне батып, ақ қойлар отарын ауыр қайрат, айықпас ынтамен, күндіз-түнгі тынымсыз еңбекпен сақтап келе жатқан Есіргеп шаруасының мұңы мен жәйі де, март аяғында қой қоздауға тақаған кезде, жаңағыдай қалың жұртшылықтың үлкен қамқорлықпен ойлайтын жәйі болған-ды.

Құм ішіне өз отарын өзге шабандардың бәрінен бұрын ерте апарып жайғастырған Есіргеп, осы өткен айларда малды басқару, жұттан арашалау жөнінде өзгеше өнер көрсетті. Қыс бойы үй ішіндегі серіктерімен биылғы бар қиындыққа қасарысып шыдасуға сертесіп алған. Әсіресе ғинуар ішінде, алай-түлей боран ішінде отарына шапқан қасқырдан малын амандап қалған соң, үй ішімен берік бір байлау жасаған. Онысы – қыстың ортасында қиналудан, күйсіздіктен қорғанбай жиі көшіп отыру турасында болатын. Шұқырдан соң шұқырды жиі ауыстырып отырмақ.

Алғаш құмға келгенде бұл отар ел-жұрттан жалғыз жырылып кеткен, оқшау отар еді. Қыс қатая бастағанда, қиналып сасқан колхоздар мен совхоздардың бірталай шабандары Есіргеп ақыл тапты десті. Олар да Сартауқұмның Есіргеп отарына көршілес көп шұқырларына келді. Құмға Есіргепті өкшелей кеп кірген КИЖ шабандары: Жүзбай, Қыстаубек, Қожаш сияқтылар болатын. Бірақ олар да қар қалыңдаған соң құмды ойлап, қойларын құмға жеткенше қыс қиыншылығына бұрлықтырып алып келді. Есіргеп болса, Қанипа, Әсияларға жиі көшу жөнінен ақыл салғанда:

– Балаларым, биыл сендерден бір тілегім болсын. Қыс қабағы жаман. Жаздан-ақ осы аңғарын жақтырмаушы ем,

осы болар деп сезушем. Қазір көршімізге құмды паналап, көп отарлар келіп тығылып жатыр. Кімісі аман, кімі жаман болад – болжап болмайды. Көп отардың қойы құмға үйренген қазақ қойы болған соң, әлде төзімділік қып, аман да қалар. Біздің баққанымыз құмды алғаш көріп отырған бөлек тұқым. Осының қамын ойлап, “әлдеқандай болады” деп қорыққаннан елден аулақтап, қыс басында-ақ құмға кеп тығылып ем. Енді көрші келген отарлар құмның сирек отын таласа жеп, біздің қойдың өрісін тарылтатын боп отыр. Бұрын келген біз босақ, әзір қойымыз күйлі. Көшіконтаннан құм ішіне алыстап кетуден қорықпайды. Сендерден өтінішім босын. Дәл осы көпір қыс өткенше әлсіремей, жұрт іздемей-ақ шыдай тұрайық. “Келіндер, айына екі-үш көшіп, қойдың өрісін үнемі сонылап отырайық. Сол еңбегіңе осы қойларың татиды. Еңбегінді артыңдағы елің-жұртың ақтайды. Мен жер шалудан, соныдан соны табудан қол үзбеймін. Сендер тек “ал көш” дегенде, көш те отыр! – деген-ді.

Осыдан соңғы қыстың екі жарым айында, апрельдің бас кезіне шейін ақ қойлар отары Сартау құмның бар сонысын асықпай шүйгіп жүріп, баптап жеді. Сонада Бобров әкеп берген екі аттың қайраты да көп тиді. Күн суытып, құм қары қалыңдай берсе, я тор төбел, я қызыл атқа мініп алып, бір күн, екі күндік азығын қоржынына салып ап, қайратты қарт Есіргеп жапа-жалғыз, тынбай жортып, құм кезеді. Қардың жұқа жеріне изен, еркек қалың тұрған жерлерге және көңі бар жайлы жылы шұқырларға үйі мен отарын лезде көшіреді. Қыс көрінен қысылмады. Қойларын сәл де болса жүдетпеді.

Қой күйлі болғандықтан, бұның жас серіктері де қабақ шытпай, қынжылып жүдемей, құлшына қайрат етті. Жер шалудан, үй көшіруден бос болған күнінде де Есіргеп ертеден қара кешке атынан түспейді. Қанипа қасында боп, қойдың жәйілісін бағады. Әр топ қойдың шөп жесін, жүрісін, төзімділігін сынайды. Көп аңысын аңдайды. Бұл айларда құм қасқыры біліне беретін болған соң және Әсияның аяғы ауырлай бастаған соң, түн күзетін Есіргеп жалғыз Әсияға міндет қылмады. Қасына Бобров жіберген бала жігіт Әлімді қосқан. Күзет мықты, сенімді болсын деп, түнгі жүріске жылпос, ақ шеке биені Әлімге мінгізіп қойды.

Соған тыным алдырмай, түн бойы ауыл айналасын атпен күзеттірген.

Әсия бұл кездерде мол ішікке оранып, жылы киініп отырады. Күнде Балжан өзі баптап салып беретін текемет, бөстек үстіне жайланып отырып, әнменен, сақтық күзет айғайымен уақыт өткізеді. Ол түн күзетінің басқарушысы болып, қыстың ұзақ таңында бір мызғымайды. Әлімді де тыным алдырмай, қотан айналдырып жүргізіп қояды. Бұл отарға осындай сақайған күзет соңынан құм қасқыры қайта беттеп соқтыға алмайтын болды. Олардың тобы болсын, жекесі болсын, құм шетінде кейіндеп қалған көп отар жағына ауысты.

Март аяқтап келе жатыр, енді аз күнде қой қоздайтын шағы жақын. Ұзаққа созылған қыс керенаулап, өз шеңгелінен құмдағы малдарды әрең-әрең босатып, енді-енді ғана шегініп барады. Құм қары тез еріп, шегінумен қатар, Есіргеп отары сол қарды өкшелеп келеді. Қойды күндегі өрісімен баптап жая отырып, апрельдің басына тақағанда, он күн ішінде алты-жеті көшіп, жылдағы қой қоздататын жері – Қанбұлақ, Жылыбұлақ тұсына жетті. Осы араға келіп қона сала, бұрынғы жылдарда, жақсы жылдарда жас қозыларды паналататын жер үйшікті тынбай қазуға, түзеуге, тазалауға кірісті.

Мөлшерлі күн, өлшеулі айы жеткенде, Жылыбұлақта отырған ақ қойлар отарының үстіндегі кең аспан мөлдіреп көгере бастады. Жарқырап, жадыраған жылы күн келді. Дәл осы күндерде апрельдің алғашқы күн шуағы мейірлендірген, қазір де жайылысқа мамырлап, ақырын жылжып барып жүрген ақ қойлардың ене құрсақтары жіби түсті. Биылғы жылдың тұңғыш төлдері дүние жүзіне шыға бастады.

Қозы күндіз де, түнде де қауырт туады. Алғашқы үш күннің өзінде жүзге жуық қозы туған еді. Есіргептер әзірлеген үш үйшіктің астарына құрғақ көң себілген болатын. Сол үйшіктердің қазір екеуі толып қалды. Қойдың жиі қоздауынан Қанипа мен Әсия қатты күпті. Ендігі қалған үйшік біреу-ақ. Қозы сыймайды, ендігісін қайтеміз? Күн жылына бастағанмен, түн әлі ызғарлы, суық. Үйшікке сыймаған жас қозы қатып қалады-ау деп қайғыра бастаған еді. Қыста құм кезіп, суық сорып шыққан қойлардың қозысы әлсіз, сүті де аз боп туады. Оның үстіне үйшіксіз болса, төлді

амандап қалудан ақсаймыз-ау деп қорқып еді. Қойдың осылай қауырт қоздауы басталып, төртінші күн өткенде, Бобров пен Асан тағы жетті.

Көптен көріспеген достарына Бобров дәл бір ұзақ жолға кеткен осы үйдің қымбат, ыстық жақынындай келді. Ол Есіргеп, Балжанмен ұзақ қол сілкісіп амандасты. Әсияның қыстыгүні қасқырды өлтірген қайратын құттықтап, арқаға қағып құшақтап, амандасты. Үй сыртында атынан түсе сала, ала қоржынды толтырып әкелген сыйларын Қанипа қолына сол арада табыс етіп жатыр. Балжанға деп көп шай әкепті. Жастарына кәмпит, тәттілерін, шай, көйлектерін берді. Күліп, қуанысқан жас әйелдерден інілік алғысын алып жатыр. Асанның да жүгі бар екен. Ол – қозылардың салмағын өлшейтін кір. Осы көктемде биылғы қозыларға айрықша ғылымдық, зерттегіштік баға беріледі. Сонда кір оқымысты мамандардың аса қажет аспабы болады. Бобров Есіргептен қойдың дін аман боп, биылғы қатты қысты, ауыр жұтты елемей шыққанын түгел білді. Бұндағы жас әйелдердің қозылар турасындағы, үйшік жетпеу турасындағы қауіп-күдігіне түгел қанды. Келе сала, бүгін туған қозылар мен үш-төрт күн бұрын ең алғаш туған қозылардың өзін де, Әсия, Қанипаны да анық жұбата-тын қорытындыға келді.

– Үйшік аз деп саспаңдар. Ақ қой қазақ қойынан уызды болады. Есіргеп екеуміз екі жылдан бері солай деп ойлаушы ек. Биыл мынау жұт жылдың өзінде сонысы аса қымбат сыпаты болып отыр. Үйшікте үш күн тұрған қозың көп салмақ қосыпты. Олардың шешелері бұларды құс төсекте, жылы жайда тірлік етесің деп тапқан жоқ. Үйшікте үш күн тұру жетеді. Шешелері шыдаған ауыр жағдайға бұлар да көнеді. Үйрене берсін, шыныға берсін, бұ да тәжірибе. Ақ қойдың нәсілі туралы, тұқымдық сыпаты туралы биыл жасайтын біздің байлаулы қорытындымызға бұл үлкен қосымша болады. Туғанына үш күн болған қозыларды бүгін-ақ үйшіктен шығарып, орнын ендігі жастарына босата беріңдер! – деп бұйрық, нұсқау берді.

Осыдан кейін шаруа қамқорларының көңілі жайланып, қыстың соңғы қысылшаңы күпті көңілдерден жадырай берді. Бұрын туған қозылар үйшіктен маңырай шығып, кешкі жайылыстан қайтқан енелерінің бауырына кірді.

Алғашқы суық түндердің өзін-ақ сол ежелерінің ығына, бауырына, жүндес бүйіріне тығылып жатып, күйзелмей өткерді.

Бобров осы келгеннен мың қойлы отар түгел қоздап болғанша қайтқан жоқ. Апрельдің орта кезінде тең жартыдан артық қой қоздап болған еді. Ақ қойлардың жұтқа мықты, жайылысқа мығым, құмнан қорықпас, асыл жүнді, көп жақсы сыпатынан басқа, тағы бір белгісі байқалады.

Қазақ қойының өсімінен бұның төл саны да қара үзіп, озық боп шықты. Бобров КИЖ қойының әр тұқымды баққан отарында боп, биылғы төлді орта есеппен бес жүз қойдан шамалап, есептеп келген еді. Мынау отарда ақ қой туралы сол есебін қорытқанда жүз саулыққа жүз он алты қозы туғанын білдірді. Дәл осы жылда қазақтың құйрықты қойы жүз саулыққа тоқсан екі қозы берген екен.

Енді жыл аяғы бұл отар үшін игілікке айналды. Күн мейлінше жылынумен қатар, Жылыбұлақ атырабындағы бозғыл, тақыр төбелерге аласа жусан мен тықыр өскен шағыр, шытыр пайда бола бастады. Күн нұрланып, қуанта туады. Қызара балқып, жылы самал кешке айналып, сүйсіндіре бастады. Маңғыстап мамыр, баяу көктем келді. Ересек тартып қалған ақ қозылар көктем шаттығын сүтке тойған бойынан ең алғаш білдіре бастады. Топырлап жүгірісіп, қалқан құлақтары сербеңдеп, секіріп ортқып, ойнай береді. Балжанның қазаны толып, уыз пісіріледі. Тегене, шарасы толып, қаймағы қалың, қою тәтті айран-қатығы молайды.

Жылыбұлақтың қар суымен молайған ағысы алысқа жарқырайды. Кең сайды құлдап, өлке бойына қақ тұрғызды. Көктем көркін айнадай мөлдір бетіне түсіреді. Осы суға ертелі-кеш тобымен ұшқан жыл құсы кеп қонады. Қиқулап шулап, жаңа көктемді ақ қанаттарын сабалап ұшып, қошемет етеді. Қаз қаңқылдап, шағала, қызғыш шырылдай созып, үн қатады. Биік көк аспанда, әсем көктем ертегісіндей боп, шығыс ертегілерінің ақ кепті пері қыздарындай боп, ұзын қатарымен сұңқ-сұңқ үн толқынын салып, аққулар шырқап, маңып өтіп жатады.

Дәл осы апрель ортасында, ең соңғы күндерге шейін түнгі күзет пен жас қозылар қамынан өзінің ойын бөлмеген қайратты, төзімді жас әйел Әсия өз өмірінде ең алғаш

рет ана болды. Жарым күндей толғатып, түс ауа өзінің алғашқы перзентін тапты. Бірнеше ай бойында, жас анасының құрсағында оң бүйірін түртіп жүрген перзент ұл боп туды.

Бұл ортада бөгде, бөтен әйел жоқ. Сондықтан кіндік шеше боп Қанипа өзі қам етті. Бүгін күнұзын ат үстінен түспеске бекініп кеткен Есіргеп кешке шейін оралған жоқ еді. Бобров болса, “Әсия халінде әлде қандай қиыншылық болса, дәрі-дәрмек пен көмегім, себім тиер” деп ауылда қалған. Әсияның аман босанғанына Балжан мен Қанипа қатты қуанышты еді. Бобров үй іші әбден жайланып болған соң, әйелдердің ортасына келді. Қызара күліп, әлденеден ұяла түсіп:

– Құтты болсын, жақсы болды! Қандай жақсы болды. Бұл бала бақытты бала болады. Жақсы көріңдер, Балжан, Қанипа, сендер Әсиядан да жақсы көріңдер! – деді.

Осы жолғы келісінде Бобров Қызыл Армияның жауыз дұспанды жапыра қуып, қан жоса қып бара жатқанын айтқан. Жауды Берлинге апарып тыққанын және аз күнде Берлин құлайтынын, дұспанның табан астына түгел түсетінін қуанышты хабар етіп айтып берген-ді.

– Жау жеңіледі, соғыстан азамат қайтады. Ел қуаныш, жеңіс тойын, биыл жаз бойы тойлайды! – деген сөздерді Асан екеуі кешкі шай мен ас үстінде көп әңгімелейтін. Есіргеп, Қанипалар соғыстың біту жөйін, азаматтың қайту үмітін Бобровтан сұрай түсіп: “айтқаның келсін, дегенің болсын, тілеуің берсін!” десетін.

Әсияның босануы осындай бір көп жұбаныш, көп үміттің тоғысқан шағына тап келді. Күліп келген көктемнің мейірлі, нұрлы, шаңқай түсіне дәл келді.

Есіргеп далада қой шетінде жүрген кезде:

– Шал, қуана бер. Әсия босанды. Саған жақсы немере болатын ұл тапты! – деп, сүйіншіні Бобров өзі сұрады.

Есіргеп үн қатқан жоқ. Тек Бобровтың бұның үй ішіне, өзіне шын достығына сүйсінді де, үндемей ғана Бобровтың қолын қысып, көп ұстап тұрып, арқасынан қақты.

Көпке шейін екеуі ешбір жайдан сөйлей алмады. Бұлар қойды жайып, жаңа қоздаған қозылар болса, Есіргептің атының екі бүйіріндегі үлкен киіз қаптарға салып жүріп, кеш болғанда ғана ауылға қайтысты.

Бұл уақытта Асан мен Қанипа үйге текемет, сырмақтар жайып, өздерінше жақсы бір көңілді кеш өткізбектей екен. Шілдехана, қалжа түні сияқты. Бобров күнұзын Есіргеп қасында жүргенде, бала туралы көп айтты. Жарытымды жауап ала алмаса да, Есіргепті бірталай жуасытып, мойындатып келгендей еді. Осы түнде Есіргеп өзінің үй ішіне кірген өзгеріс туралы ас алдында бір-ақ қана сөз қатты.

– Ер-азамат жауды жеңген қарсыда туған екен. Бұның атын “Жеңісбек” қоям, “Жеңісбек” болсын! – деді. Әлдебір тілекті, аталық батаны күбірлеп қана айтты да, Балжан, Қанипаларды жылы шыраймен жұбата түсіп, бетін сипады.

## VII

Арада жыл жарымдай мезгіл өтті. Бұл мезгіл ақ қойларды Қазақстан халық шаруашылығы мен бүкілодақтық халық шаруасын басқаратын зор орындардың түгел танып-біліп, бағалап, қабыл етуінің мезгілі болды. Ақ қойлармен қатар, солар нәсілінің дүниеге жаңа бір тұқым боп келуіне себепші болған әрі ғалым, әрі шабан, зерделі профессор Бобровтың да Отан халық шаруасына сын жылдарда сіңірген ірі еңбегін танудың, бағалаудың жылы болды. Профессор Бобров өзін бағалаған жұртшылықтың төменнен жоғарысына шейін барлық жұртшылығына өзімен қатар еңбек еткен бір топ жас оқымысты мамандарды бірге танытты. Және әсіресе өзі жүріп, Алматыдағы басшылық орындарға өз аузымен ерекше алғыстар, мақтаулар айтып, Есіргеп үй ішінің еңбегін де танытып, бағалатты.

Жаңа тұқым туғызу оңай жұмыс емес-ті. Ол он төрт жылдай осы Қарғалы бойында, осы КИЖ шаруашылығының соңында, қысы-жазы қол үзбей тәжірибе жасаудың қорытындысы болып шыққан.

Бұл тұқымды шын, жаңа, асыл нәсіл деп танып, бағалап алу да оңай болған жоқ. Қойлардың ғылым тіліне түсіп, баяндама, зерттеуші мақала, тәжірибе қорытқан алғашқы кітаптар боп қағаз жүзіне түскен сипырлы, санды деректері үнемі биология ғылымының бұрынғы-соңғы негіздеріне сүйеніп қағазға түсті. Сол күйде қалыптанған ақ қойлар хабары, Есіргептер тәжірибелері қадағалап сынаудың талай сатысынан өткен.

Әуелгі саты Қазақстанның мал шаруасын ғылым жолымен зерттейтін институт – КИЖ болған. Соның оқымыстылар кеңесі өздерінің көп ірі ұсыныстарымен Ауыл шаруа академиясының қазақстандық филиалы – ВАСХНИЛ кеңесіне ақ қойлар дерегін ұсынған. Ауыл шаруа ғылымының Қазақстандағы ең жоғарғы, ең білімдар абыройлы орны осы еді. Бұның басында отырған қазақтан шыққан биология ғылымының докторы Әмір болатын. Ол өзі де дамылсыз тәжірибе ғалымы болғандықтан, Есіргеп пен Әсиядан басталған құмдағы ауыр еңбек жемісін әр кезде қадағалап сұрап, жақсы біліп жүруші еді. Бобров ісінің де ең зор, ең ынталы тілеулесі, дос көмекшісі осы болатын. Ақ қойлар жайы бұның қолына келісімен үлкен істің кең баға берілу жолы енді басталды.

Бобровпен ақ қойлар жаңалығы – Қазақстанның Жер Комиссариатында, Халық Комиссарлар Советінде, Одақтық Жер Комиссариатында, Мәскеудегі мал шаруасын зерттейтін атақты ғалымдар жиылған институттар мен академияда бірер айдың ішінде түгел мәлім болды. Ақ қойлардың туысын Әмір Одақ бойына үлкен сенімді қуанышпен мәлім етті. Осындай дәлелді деректер жайынан үлкен дабыл, ғылым дабылын берген мәлімдемелер соңынан Мәскеуден айрықша ірі мамандар комиссиясы шықты. Қазақстан шаруа орындарымен біріккен комиссиялар Ұзын Қарғалы бойына тартты. Есіргептің отарындағы ақ қойларға талай рет келіп, зерттегіш, танығыш, білгір көздермен бар сапасын анықтады. Шын жаңа тұқым, асыл тұқым деп танып қайтты.

Тағы бір кезекте Алматы қаласынан бес машинаға, қала көшесінде жүретін сәнді машиналарға мінген бір топ ірі адамдар Есіргеп отарына Әмірдің бастауымен Бобровтың өзін ертіп, келіп қайтты. Бұл келген топ Қазақстандағы Орталық партия комитетінің басшылығы мен Министрлер Советінің басшылары еді. Қазақстанның халық шаруасына ұшан-теңіз пайдасы, қасиеті бар үлкен жаңалықты аса қымбат бағалайтын жандар. Анық дос, тілектес басшылығын білдіре келген топ болатын.

Осы соңғы келген қонақтар ақ қойларды тудырған барлық КИЖ адамдарының еңбегін бағалады. Еңбекке сай сый мен құрметін атайтын зор тілеулес адамдар болды.

Осыдан бірнеше айлар өткенде, Одақтың ұлы орындарын түгел сүйсіндіріп, тегіс аралап өткен ақ қойлар жайы мен Бобровтың еңбегі енді ұлы Одақ атынан аталып, қаулыға айналды. Отан сыйының тіліне ауысты. Он төрт жылдық қажымас еңбегінің жемісін Бобров татты. Оның Асандай білімпаз көмекші жас достары да саты-саты лайықты сыйларын Одақтың Жоғарғы Совет қаулысымен алатын болды. Ғасырлар бойындағы халық тәжірибесі, ел даналығы, ақ қойларды Алатау мен құмдарда шүйгізіп, семіртіп, молайтып сақтаған Есіргептер еңбегі де сол ұлы Одақтың Жоғарғы Советінің қаулысында және айрықша аталды. Есіргеп үйіне бұл қаулылар сүйінші тілеп келген хабары үлкен шоғыр, мол сый болып келді.

Есіргеп Еңбек Қызыл Ту орденін алып, Әсия, Қанипа “Құрмет” ордендерін алды. Және осының үстіне Балжан бастаған барлық үй іші адамдары әлденеше мыңнан және тағы бәйге алатын бопты.

Ақ қойлар жайындағы Отан берген баға, қадірлі сый бұл ғана емес, тағы бір алуан еді. Бобровтың ғылымда тапқан тәжірибелі жаңалығы үшін озғын оқымыстыға қасындағы азын-аулақ көмекші тобын қоса бағалап, Сталин атындағы қадірлі бәйге және берілетін болды.

Ақ қойлар да жаңа бір ат алды. Енді ол қойлар дүние жүзінің қой жөніндегі ғылымдық тілінде “қазақтың жібек жүн қойы” деп аталатын болған. Сол жібек жүн қойдың жәйі осы жаңа бесжылдықтың алғашқы жылында шыққан республикалық, одақтық баспа жүзінде сан рет жазылып, мол жұртшылыққа түгел танылды. Қазақтың жібек жүн қойын білмеген қазақ оқушылары да жоқ еді.

Осындайлық бірі артынан бірі келген игіліктердің, қуаныштардың арты Қарғалы суының бойында, күздің ашық, жылы, жәйлі бір күнінде мамандар мен шабандардың қызықты, қызу бір тойына әкелді.

Қарғалыдағы Есіргептер тойына қуаныш білдіре келген қонақ көп. КИЖ-дің өз қауымынан басқа көршілес аудан – Жамбылдан, Қаскелеңнен, Алматы қалалық ауданынан келгендер бар. Астананың өзінен де сан машина көп алуан оқығандар жұртшылығын әкелді. Ұзын Қарғалының кең көгал сызатына, жасыл белге орала біткен етектегі отарлар қонысы ойдым-ойдым көгалдарына қонып, бие байлап,

түйе сауған, қалың қойларын семіре жайған көп отарлар болатын. Сол отарлардан Есіргеп қуанышына қоса қуанған шабандары Жүзбай, Қожаш, Есбайлар бүгін Есіргеп үйінің жанына өздерінің үйлерін көшіріп әкепті. Ыдыс-аяғын, көрпе-жастық, кілем-сырмағын, асжаулық-орамалдарына шейін бар бұйымдарын көмекке әкеліпті. Аттылы, арбалы, түйелі қонақтар Қарғалының жоғарғы-төменгі бойларынан, екі жағасынан Есіргеп отарына ағылып келе бастады.

Қатарлап тігілген, кішілеу, қоңыр үйлер бүгін келіп жатқан қалың қонаққа үнемі үзбестен ас беріп, сыйлаумен болды. Қазір Әсия, Қанипа, Балжандарға қосылған Ұлбике, Бағила, Әнипә сияқты көп кәрі-жас әйелдер дамылсыз самауырлар қайнатты. Жерошақ басындағы қазандардан табақ-табақ еттер тасумен, тыным алмайды. Бірақ қонақшыл үйлердің жұртты күтуінде бірде-бір ретсіздік жоқ.

Ақырын күлісіп қана, қарбалассыз, кейіссіз қимыл еткен әйелдер арасында қонақ күтуді өзі басқарып Есіргеп жүр. Оның қасында Асан, Әлім сияқты, Қожаш, Жүзбай сияқты кәрі-жас серіктері де шаң-шұң шығармайды. Неше жүздеген адамдарды бірнеше ғана момын, қоңыр үйлерден тойдырады. Қымыз бен өзге ішкілікке қандырып, қызара бөрттіріп шығарып жатыр.

Әр үйде әр алуан көңілді жиындар бар. Бір үйде әнші, ақын әйелдер мен жігіттердің айтысы жүріп жатыр. Тағы бір үйде, орталық кең үйде, қаладан келген қонақтар арасында атақты халық әншісі үнді шешен домбырасын бебеу қақтырады. Мың бұралған күміс толқынды сырлы, күйлі әндерін шырқайды. Дәл түс кезінде ас ішіп, жайланып болған соң, барлық жиынды сыртқа, кең көгалға шақырған, салтанатты қысқа мәжіліске шақырған үндер келді.

Дөңгелене отырған жиынның артында түгел кеп тұрған ел де көп. Олардың сыртында аттарына мініп ап, енді ат үсті ойынды күткен жас әйел, жас еркектер топтары тұр. Жүйріктеріне зорға тыныштық алдырып, дөңгелек айналып, ауланы бөлек бір жиын жасап, жағалай қоршап тұр. Оқымыстылар мен шабандардың қуаныш тойына өзі басшылық еткен және Есіргептің барлық үй ішімен қатты тату достық тапқан биология ғылымының докторы Әмір еді. Ол Қазақстандағы ауыл шаруа ғылымдарының ең жоғарғы

орны – ВАСХНИЛ атынан, Ауыл шаруа академиясының атынан мәжілісті ашты. Аз сөзбенен ақ қойлардың халық шаруасына беретін зор сипатын айтып өтті.

Бобров пен Есіргептер еңбегінен туып, молайған асыл нәсіл биылғы жылы Қазақстанның қақ жарымына тұқым шашуға таратылып жібергенін баян етті. Кавказдан, Еділ бойынан, Дон жағасынан, алыс Украинадан осы тұқымды қойлардың сол жаққа барып, ұрық таратуын тілеп жатқан атақты ірі-ірі совхоздардың талаптарын айтты. Қазақстан сахарасында Сталиндік жаңа бесжылдық жоспары бойынша жанданатын, қазір иен жатқан Бетпақ шөлі, Мойынқұм, Қарақұм, Қызылқұмдар бар. Құт жайлаулары, салқын, самал белдері миллиондаған қой түлігін тосып тұрған – Ала-тау, Алтай, Тарбағатай, Ұлытаулар сияқты ұлан-ұзақ өрістер бар. Әмір осының көбіне Бобров, Есіргептер еңбегінің жемістері – жібек жүнді, еті мол, төзімге берік, ақ қойлар тарап орбитінін айтты. Ұзын бойлы, келбетті, сұлу жүзді Әмірдің әр сөзінде Бобров пен Есіргептердің ұзақ жылдар бойындағы қысқы, жазғы қажымас қажыр, саналы азаматтық еңбегіне арналған алғыс, шын достық білініп тұр еді.

Осы мәжілісте ұлы Одақ қаулысымен аталған сыйларды Қазақстан Ұлы Советінің атынан тапсыра келген жауапты хатшы сөз сөйлейді. Ақ құба жүзі бар, салмақты, сабырлы сөзі бар жоғарғы өкімет өкілі Бобровтан бастап, Әсия, Қанипа, Балжандарға шейін арнаулы сыйларын беріп, ордендерін кеуделеріне тағып тұрып, барлық еңбек ерлеріне Отан алғысын айтып тұрды. Көңілді, қысқа, салтанатты жиылысты колхозшы ақын ескек жырмен құттықтады. Есіргептерді Қазақстанның көркем өнері де құрметтеді. Өнер тілімен құттықтауға келген, дөңгелек, қызыл жүзді, толық денелі, сыршыл әнші “Қанатталды”, “Көгершінді” қалқытты. Шабандар ортасының қуаныш мерекесін гүлге, бұлбұл сазға бөлегендей боп еді. Үні мен әсем ырғақ әніне бар Қазақстан қанық болған әншіні Ұзын Қарғалы бойындағы колхозшы, шабандар да өз орталарының адамындай біледі екен.

Ат үстінде тұрған көңілді жастар даурыға тілек етіп, әншіге оның атақты “Құлагерін” де айтқызды. Талап етіп, соңғы әнін сол “Құлагермен” аяқтатқызды. Кең өлкеде

қоралап қой, үйірлеп жылқы өсірген колхоз елі атақты Құлагер жүйріктігін желпіне, сүйсіне тыңдаумен ілес, осы мәжіліс тарқай бере, ат үсті ойынға өздерінің астындағы сәйгүліктерінен бәйге, Құлагер сапасындай шабыс өнер тілеп, ат үсті ойынға шықты.

Осыдан соң, күнұзын бәйге аттарды жарыстыру бір алуан қызу көрініс той өткеннен кейін, ат үстіндегі барлық қайраты мен талабы күшті тойшылар серке тартуға кірісті. Аттарымен жігіттері сай КИЖ қонаққа келген аудандардың колхозшыларымен бәсеке жарысқа түсті. Күш сынасу қызуында күні бойғы сән-сауығын өткізді.

Бобров пен Есіргеп ат үсті қызудан да, көпшілік сауық-сайранынан да қалысқан жоқ. Додаға түскен неше жүз атты ойыншылар біріне-бірі серкені бермей, қалың қырқыс-тартыста жүр. Бобровтың оқымысты жас көмекшілері, орыс жігіттері де көкпарда жүр.

Тегінде, Бобров маңындағы қазақ мамандары сияқты, орыс жастарының бәрі де Бобровтың өзінен үлгі алатын. Шабандар тұрмысына шын бейілімен, ет бауырымен араласып, қанығып кеткен болатын. Олар да Бобровша Балжанның қою шайын сүйеді. Қою қатығына, жазғы қымызына қазақтан бетер құнығып алған. Жатыс-тұрыста, ат үсті шабыс-жүгірісте шабандар не істесе, неге шыдап, нені қызық сауық етсе, соны олар да өздерінің аса құмар машығы етіп алған. Бұлардың қазақ тіліне де аса жүйрік боп алғандары бар. Солардың ішінен қазір додаға бар жанын салып, зор қызумен түсіп жүрген Оксенов Федя, Бойко Семен болатын.

Бобров пен Есіргеп дода үстінде қырқысып жатқан аттылар тобынан биігірек бір төбеге шығып, қызулы жастардың үндерін тыңдайды. КИЖ жігіттері қалың қырқысу үстінде бірін-бірі айғайлап атап, үн қосады. Сонда көп шабандар серке тартуға сенімді Бойконы шақырады. “Семен, Семен” деп бір үн салса, тағы бір кезде Федяны “Петке, Петке” деп шақырып қояды.

Басындағы қалпағы қайда қалғаны мәлім емес, шеке-сінен әлденеден қан аққан, сұйық сарғыш шашының түбіне шейін беті-басы қып-қызыл боп, қайратқа басып алған Семен доданың тап ортасында. Сұр серкені тақымына басып ап, жүздеген аттылардың арасында жиі-жиі

көрінеді. Бұны КИЖ шабандары айғайлап шақырса, Семен да үнемі ұрандап, үн салады. Өзіне сенімді серік болған Қожаш, Қыстаубек, Жайлаубек аттарын қайта-қайта шақырады. Бір кезек Қожаш қолына серкені берді. Адай айғырға мінген Қожаш топтан сытыла қамшылай жөнелгенде, артынан ілесе шапқан Семен мен Федя: “Қожаш, Қожаш! Әруақ, әруақ! Адай, Адай!” – деп айғайлайды. Қожаш пен Адай күрең айғырды қоздырғанда дәл бір өздерінің жеті атасына сиынып, ата әруағын ұрандап шақырғандай болады.

Ойын-қызу арасынан бір уақыт ауылға оралған Есіргептің алдынан Жеңісбек жылап шықты. Қызғылт жүзді, мөлдіреген мойыл көзді, кішкентай қара кекілі бар Жеңісбек атасының алдынан әлдекімді шағып, қатты жылап келеді екен. Бүгінгі күні бойғы көңілді күйінен Есіргептің ең алғаш күйініп, өзгергені осы шақ еді. Күн баласындай, көркем нұрлы, кішкентай Жеңісбек қазір бұған жетімсіреп жылағандай көрінді. Кішкентай баласына жаны қатты ашыды. Ат үстінен еңкейіп кеп, алдына көтеріп алып:

– Әкем, кім тиді? Кім жылатып кетті менің кішкентайымды? Жарығым, жалғызымды – деп, бауырына қатты қысты. Жеңісбектің тақырлау төбесінен, құлағынан сан рет жабыса сүйеді. Иіскелей түсіп, еміреніп сүйеді.

Омырауларында жаңа ордендері жарқыраған, қонақтарын түгел сыйлап болған, енді таза киімдерін, барқыт кемзалдарын киіп, бастарына қызыл жібек орамалдарын тартқан Әсия мен Қанипа шеткі үйдің жанында тұр. Жеңісбек үшін құрақ ұшып жаны қалмай, аймалап келе жатқан Есіргепке қарап, сүйсіне күліседі.

Есті қарт Есіргеп былтырғы жылы жас нәрестенің атын өзі қойғанда, соғыстағы жеңісті бір мерзім етсе, өзінің қиырлығын жеңген жаңа туысқа және мойындап “Жеңісбек” қойған екен...

## ШЫҢҒЫСТАУ

### I

Базар хикаяшыл, тіпті қиялшыл қарт болатын. Қазір мына қасында отырған баласы Медеттің кішкене күнінде Базар айтпаған ертегі, хикая қалған жоқ шығар. Ол әңгімелер ішінде кезеген ерге кездескен ат басындай алтын қандай көп еді. Фашықтық сағымына бой ұрған сұлу жас жігіттің алдынан қашатын басы алтын, арты күміс киіктер қаншалық еді. Тылсым есік, тас қамаудың ар жағынан, жер астынан табылатын, дүр гәуһардың ортасында отырған сұлу перизат шаһзадалар – бәрі-бәрі мол еді. Жүрген аяққа жөргем ілінгендей боп ерінбеген ер әлгі сұлуды алып, қазына күреп қайтатын. Кім біледі, әлде, тіпті, бүгін инженер-геолог болып кен іздеп жүрген Медеттің осындайлық алтын байлық іздегіш болуына сол бала шақта әкесінен естіген қиялдық сұлу әңгіме-аңыздар себепші де болған болар. Бірақ бұл күнде ешкімнің ойында жоқ. Әке мен баланың көріспегеніне тоғыз жыл болыпты.

Жас оқымысты, инженер Медет өзінің оқу, өсу жолында әкесін ұмытқан жоқ-ты.

Өйткені Медеттің білгені мен көргенінің бәрі Базармен жауласып, оған қайшы кеп, оны жеңіп, тонап отырды. Әкесі Ескендір Зұлқарнайынды мұсылман деуші еді. Ескі Юннан тарихы оны бекер деді. Жерді көтеріп тұрған көк өгізді Коперник жоқ етті. Қазақтың түбі Мұхаммед пайғамбардың сахабасы Ғақашадан тарайды деп еді. Оны моңғол-түрік тарихы теріс етті. Дүниенің шеті Каф тауы, ол диюлар, перілер мекен еткен жер десе, дәл сол Каф – Кавказ тауларында экспедицияда жүріп, Медет өзі үйленіп те қайтқан.

Химияны ет пісіруден білген, астрономияны космогония ертегісінен білген, тарихты лақаптан, ата санаудан білген, есеп ғылымын қой санынан білген сияқты әлсіздікті Медет көп аяған еді.

Әкесіне қазіргі бір тартымды, шолақ әңгімеде де осы өңірді сондай мүмкіндігі ашылмаған, жас өлке деген. Өзінің желілі ойларының бір ұшығын ғана шығарған-ды. Бірақ баласының бұл өңірді кішірейтіп сөйлегенін Базар ұнатпады. Бұлар дөң басында отыр еді. Әңгімелері үйлеспегендіктен, орындарынан тұрып, қыстауға қарай аяндады. Базардың аласа ескі қыстауының қос мұржасынан кешкі түгін будақтап тұр.

Баласымен дауласып келе жатып, Базар осы таудың қолхозшы, шабандарға, аудан қызметкерлеріне айтып жүретін желілі әңгімесінің біріне түсті.

– Дүниеде даңқы шықпаған, жас деген немене сөз? Білмегеннің сөзі. Болмаса дәл осы өңір қадымнан мәлім дейді... – Әкесінің “қадымнан” деген сөзінің тұсында Медеттің ойы қатар жарысты... Іштей жарысады. – Қадым!.. Қадым деген адам есінде әлдеқандай ескілік көрінгенмен, геологияға айтқызсаң, сүт пісірім есепті дейді...

Базар сөйлеп келеді.

– Тау аты – Шыңғыс... Бұны атам заманнан атақты Шыңғыс хан мекен еткен... Биігінің аты – Хан. Ол, тіпті, өз қыстауының желкесінде тұр. Сонау көк тау – Орда... Шыңғыстың ордасын тіккен жері... Мінеки, аудан тұрған тау аты – Қарауыл. Қолбасы батырлары, нояндарының жортуылға шығатын биігі... Жас бола ма осындай дүние? – Базар дауласып келеді.

Медет дауласқан жоқ. Әкесінің хикая дауында аса қыңыр екенін біледі.

## II

Базар сөйлеп келеді...

“Найман, Сыбанмен Тобықты алысатын бөктер де дәл осы бөктер... О да қадым заманда болған, жастығы қайсы?..” деп келеді.

Медеттің ойы тағы да өз желісімен тарихи геологияны бойлап келеді. Бір Шыңғыс емес, тіпті Сібірдің барлық тауы өзінше жас таулар дейді. Геологияның соңғы пікірі рас, третичний дәуірде қазақ сахарасының Ұлытау, Көкшегау, Мыржық, Дегелең сияқты таулары бар... Бірақ соған тіркес дәуірде Сібір тауының көбінің бітімі қайта бұзылып, бертінде шейін өзгере келген. Мысалы, шығысқа қарай басса Маңырақ, Тарбағатай, Сауыр, Алтай, одан ары Саян, Становой таулары, мынау жақын өкпе тұстағы Қалба тауы – бәрі де сол белгіні білдіреді.

Медет ойы тек осы Шыңғыс жайында біраз басқарак, екіұдайылау. Семей қаласының меридианынан оңтүстікке қарай тартса, соның батыс жағындағы таулардың қалыптануы ертерек тоқтаған, – дейді тарихи геология. Әлде, Шыңғыс сол қатардың тауы болар...

Міне, ескілік пен жастық жөнінде әке мен баланың дауы осындай екі салада жатыр еді. Медет оны білдірген жоқ. Тек қыстауға қарай келе жатып, әкесін үндемей тыңдайды да, қолынан тастамайтын асыл балғасымен әр тасты бір алып ұрып сындырып, жеке сынықтарға бір рет үңіле түсіп, қайта лақтырып тастайды. Базар өз дәлелін тағы айтып келеді.

– Жердің жаманы жоқ, тек көркейтетін ер тусын, – деп бір қояды. Онысын Медет те орынды сөз көреді.

– Жерім жаман деген жоқ... Жері жаман болғандықтан өнері басылып қалған жоқ кешегі Абайдай асылдың. Ол да осы өлкеде туып, осы бөктерде тірлік еткен, алпыс жасына дейін... Анау Ордада құс салатын. Дәл осы бөктерде Тоғжан деген Сүйіндік қызымен ғашық отын тартқан. Қандай әсем жыр қалдырып, өлеңіне көрік берген... – деп бір кетті.

Медет бұл әңгімені ілтипатпен тыңдады. Кешкі күннің сәулелі биік басын алтындап, жарқын, әсем рең берген алыс Орда көңіліне өзгеше ыстық, жақын көрінеді. Тек қана ескісімен, әсем естегісімен ғана тірлік етпей, жер санатына қосылып, жаңғырса етті осы тұманды сұлу көкшіл тау.

Әкесі сөйлеп келеді. Әсіресе, қорытқан сөзі дөп тиерлік сөз еді: – Үмітпен ұл өсіріп, құрметпен қыз жетілдіріп жа-

тырмыз... Қайта соны ақтандар... Өзің ғана болдым демей, жерінді де, ағайыныңды да көркейт, үмітін ақта. Туған өлкеңе өнерінді әкел, түгі, – деді. Бұл тұста Медеттің осы тауларды көптен кезіп жүрген мақсұты мен әке пікірі бір сағаға құйғандай болды. Бәсе, бәрінен де сол арман. Медеттің мынау күндерінде бұл өңірден ететін талабы да сол. Әрине, өзіне алатын міндеті де осы да. Жері мен ауданын Отан білер, барлық совет халқы сүйер өлке болса екен дейді. Сондай болып сүйгізу үшін мынау ұлы соғыс, Отан соғысының керегіне керек-жарағын, жабдығын, қазынасын қоссын Ордалар мен Шыңғыстар.

Бұл кезде екеуі қораның тау жақ бұрышына айналып келе жатыр еді. Үнсіз Медет қораның бұрышына қадала қарап, тоқтаңқырап қалып, бір кезде дәл бұрышқа тақап келіп, балғасын көтерді. Базар да бұған айналсоқтап, тоқтап қап еді. Медет қой қораның бұрышына қаланған бір үлкен ақ тасты балғасымен соққылай бастады. Базар қораның тасын сындырғанды жақтырмады. Қораның қабырғасын бүлдіресің ғой деп тоқтатпақ боп еді, сөйткенше болмады, жоғарырақ қаланған бір тасты Медет сындырып жіберіпті. Сынып түскен ақ тасты бөліп алып, үңіле қарап, басында аңырып қайран боп, артынан тағы тесіле қарап алып, қуанып, жымия бастады.

Базар қорасын аяп, құймаға залал келді-ау деп тақап келіп еді.

Медет қолындағы бөлек тасты жерге қойып, тағы төменірек жерге қаланған ірге тастың бір кесегін ұрғылай бастады. Оны бұрынғыдай емес, тіпті қатты ұрады. Асығыс соғып жатыр. Шал енді ескі қорасын бүлдіріп жатқан баласына ыза болды.

– Қой енді! Өшің бардай бұ не? – деп, баласының қолына жармаса бастап еді.

– Тоқтаңыз, әке... былай тұрыңыз. Мән бар! – деп, Медет құлшына соққылап, үлкен ақ тасты тағы қақ бөлді. Бұл кезде ескі қораның жоғарғы қалауы қопсып, қатар тастар жіктеуі босап, аралары ашылды. Ескі былжыр топырақ боп үгітіліп, саулап төгіліп жатыр.

– Ойбай-ау, бұның не? Бүлдірдің ғой, жаным-ау, – деп, Базар ұрысарманға тақады. Мынау үлкен тасты тағы да

бөліп, құлатып түсіріп алған Медет енді жерге тізерлеп отырып, біржолата қадалып жатты. Ашуынан да таңдануы басылмаған Базар енді кеп баласы қадалған тасқа үнілді. Ақ тастың қалың ортасынан тартылған бір сарғыш жалпақ қисық сызық бар... Түсі тас сияқты емес, мыс, жез сияқта-нып жарқырай сарғаяды.

– Бәтір-ау, мынаның түрі қалай?.. – дей беріп еді. Медет тасты құшақтап қысып, кеудесіне шейін көтеріп, қадалып көз алмай тұрып:

– Тоқтаңыз, тоқтаңыз!.. – деп барды да, бір сәтте күліп, әкесіне бұрылып жарқырай қарады:

– Мынау қой қораның тасында алтын жатыр, әке... Алтын..! Ойлап па ең? Сезіп пе ең?.. Алтын! – деді.

Базар аңқиып, аңырған бойында аузын аша беріп, екі санын салп еткізіп ұрды да, үнсіз келіп, өңі сұрланып барып, кара қорданың үстіне жалп етіп отыра кетті.

– Қарағым-ау, не дейсің?.. Медет жаным-ау, не дейсің? – деуге ғана дәрмені келді...

Көзіне моншақтай жас оралыпты... Медет тастың сынықтарын ала сала, асығып атқа мініп, жақын жердегі жолдастарына, отрядына қарай шапты.

Базардың жөн сұрап, бірдемелер ұғынуға мұршасы да келмеді. Тек білгені осы қораның іргесіне, құймасына қаланған ақ тастың бәрі де тегін емес, осы тастардың қай арадан алынғанын әкесі жақсылап ойланып есіне түсірсін. Отряд келеді. Ертең осы қораның маңын зерттеуге алады, – деген үздік, шолақ сөздер болатын.

Қорасының тасы қайдан алынғанын білмейтін Базар ма?

Медет отрядтағы жолдастарымен бірге түн бойы тастың нәрін айырумен болды. Күмәнсіз, анық. Базардың қой қорасына қаланған ақ шақпақ тас “желілі” алтын шеккен тас боп шықты. Және ең қымбат қасиеті: алтын проценті бұл желіде аз емес, мол, аса мол жатқан болды.

Тек енді көп пе екен осы тастың қатысы... Өндіріс ошағын орнатуға татитын запас мол ма? Ертең қолға алатын сол жәйі... Бағана баяу, сырдаң Медетті енді танып болмастай еді... Түн бойы ұйықтаған жоқ. Таңды атыра алмай, қоңыр күздің жарық айлы түнінде ұйқылы сар қабақта жалғыз өзі арлы-берлі кезіп жүр.

Бала шағында тайға шапқан, бұзау қуған, қозы қайырған бөктері мынау жұлдызы қалың түнде анандай қалғып, түнерген қалың биік таулармен, сонау ұзаққа шалқып кетіп жатқан сар селеулі өлкесімен қазір өзгеше ыстық, соншалық жақын секілді... Мейір қойнын ашқан анадай... сағындырған салқын қоңыр түн осы... Сағымданып тұрған қиял мекеніндей.

Жалғыз бөктерінің ақырын ескен қоңыр желі де жақсылық лебін үздіксіз үміттей майдалап сергітіп соққан сияқты.

Дүниеге сыры ашылмаған, берерін бермеген үнсіз мылқау алып Шыңғыс тауы, қазір мынау ай астында жеңіл көкшіл тұманға оранып тұрып, мырза сенімін бергендей. Медет қиялы әке қиялынан ары болмаса бері емес екен. Бірде қиялшыл, бірде сергек, зерек ойы көп жайларды шарлайды. Сонау жауыздық пен игілік майдандасқан қан кешуде Қазақстан ұлдары алысып жатыр. Қазақстан фронтқа азық, киім жөнелтіп жатыр... Жас республиканың барлық саналы, қайратты тіршілігі Ұлы Отанның керегіне, көмегіне жарасам деп анталап, таласа барып жатыр... Аймағы үлкен Қазақстанның Алтайы, Жезқазғаны, Балқашы, Қарағанды, Қосшағылы буырқана бұлқынып, асығыс қарқынмен асыл бұйымдарын аттандырып жатыр. Отан үшін.

Осы ойларының арасында Медет:

– Шыңғыс... біздің алып Шыңғыс ше? Жер иесі ерінді, жер үстіндегі малыңды беріп қоймай, кенерең де тебіренсе, не етер еді? Сен де Отан мұқтаж болған мол қазына атсаң, не етер еді деп, – жүрген... Жауға атылған он оқтың сегізін Қазақстан жері береді екен. Сол сөреден сен қалсаң жөн бе, Шыңғыс! – дейтін... Әлі де... Бүгін мына түнде де соны айтады...

Талай қайырып айтады. Тек күндегідей емес, бүгін бір үлкен үмітпен, сенімді, қиялшыл үмітпен айтады...

Ұйқысыз алағызған көңіліне алтын кенінің дүние жүзіндегі даңқтылары елестейді. Әлемде әйгілі Франция, Америка қазбаларын, Англияның империясы қазынасын байытқан Клондак, Колорадо, атақты құт қазынасы Родезия – бәр-бәрінің қатарына Шыңғыс... Шыңғыс аты тізілсе... Шыңғыс сыйы Одақ, Отан сүйіп атарлық сый боп танылса...

Ертеңгі қиял әңгімесін жетпіс жасқа жеткенше өмірлік қуаты етіп өскен Базар шалдың алақандай жері танытса. Ат басындай алтын іздегендерді ердің ері деп баласын жетіл-ткен Базар шалдың, колхозшы Базардың баласы тапқан болса...

Қиялдың ұшы-қиыры жоқ еді...

Осыған орай, Хан биігінің бөктерінде Базар шалдың қорасы да бұл түн тыным көрген жоқ...

“Қарашоқы” колхозының қой фермасын басқаратын Базар қарт бағана Медеттен айырылысымен, ес жиысымен, фермасының барлық шабандарына, барлық әйел-еркек, көрші-қолаң достарына, тіпті бар осы жердегі бала-бауыр бәріне алтын жайын сүйінші деп мәлім еткен. Содан бері кеш бойы Базар қорасымен көршілес қыстаудың барлығында да әңгіме, лаулаған қуаныш, үздіксіз күлкі еді. Базар өзі де Медетке ұқсап қораның бірнеше ақ тасын шабандар көзінше сындырып қараған. Содан бері жұрттың аузындағы ақ тас... Қолдарының жабысқаны да сол. Көздері де әрбір жаңа кезекті Базар ертегісінен туып, осы араға жиыла келіп, жымдай боп шөккен алтындар “біз-біз” – деп шығашыға келетіндей қарайды. Базардың ерте күннен көршісі, туысы боп кеткен Көшпесбай деген жиені бар еді... Ол тіпті бүгін осы алтынның буына масайған сияқты. Құдық басына барып бір қайтып:

– Ойбай, біздің тасты құдықтың да бәрі алтын! – деп келді. Осы қораның ауыз су алатын құдығы да тастан құйылған. Көшпесбай ерікті зерттеуші болып ымырт жабылғанда сол құдықтың ішіне қиялдап түсіп, бар үлкен тасын санап шығыпты. Бәрі де ақ тастан қиыстырылған. Қыстыгүні құдықтың бетін бастырып қоятын жалпақ ақ тас бар еді. Бүгін Көшпесбай қуанғаннан соны талқан етіп, көп сынығын алып кепті... Базар екеуі көп даурықтың артынан кешкі асқа үйге кіргенде, қазандық алдындағы жазығы жоқ жалпақ сұр тасты да талқан етті... Қорадан шыққан алтынды жалғыз бұлар емес, қатын-қалаш, бала-шаға да енді үй мен тыстың бәрінен іздей бастаған. Базардың бар әңгімесін өзіндей ұққан ертекті жас шабан Сандықбай да бір кезде лапырып, қуанып келеді. Қолына екі үлкен күйелі тасты көтеріп, сұр шекпенін қап-қара ғып былғап апты...

– Оны айтасың, бер қара... мынаны қара! – деп, қыпқызыл боп күліп қуанып кеп, екі тасты жаңағы екі шалдың алдына тартқан табақтай қып әкеп қойды.

– Уә, бұ қай тас?!

– Күйелі тас қой! – дескен үлкендерге Сандықбай.

– Ойбай-ау, біздің ошақтың бұтына қойған тас қой. Осы екеш осы да алтын... Міне, – деп, Медет әкесіне көрсеткен сызықты о да дәл тауып нұсқап отыр.

Ертекші, әңгімеші колхозшылардың да бүгінгі қиялы шалқығандай серпіседі.

– Айтам ғой... Осы ферма жарықтықтың төлі сондай өсуші еді. Қойы қандай семіз келеді.

– Алабөтен ғой... – деп Көшпесбай мақтана басады...

Үй іші:

– Ал енді бөсті, – деп келекеге ауысайын деп еді.

– Әй, не дейсің, түге! Алтынның буы ше? Алтынның буы адамды да есіртеді. Қойды тек қоя ма? Оған ырыс беред те! – деп таймай таласады. Бұнысы Базарды үлкен ойға салды. Ол Көшпесбай сөзін тіпті орынды көрді.

Шалқып, даурығып отырғанның бірі Сандықбай еді.

– Жә, бұл алтынның көзі қайда, кіндігі қайда жатыр бұл? – деп Базардан сұрады. Базар алғашқы қуаныштан енді бойын жиыңқырап алған... Әйелі үлкен жүзі жиырылып, жадырап күліп отырды да:

– Е, соны менен сұра! Бәрін бекітіп, түйедей матап, бірің – “көз”, бірің – “кіндік” бол деп келген мен ғой, тегі... Менен сұра, – деді. Үй іші Сандықбайды мазақ етіп күле бастап еді... Базар өзі бұл тұста күлген жоқ.

Бір алуан өмір қиялын ойлауда екен:

– Жасым отыз беске келгенше кісі есігінде жалшы боп, қыз айтқызып, қалың төлеп ала алмай, жар қызығын, бала қызығын да кеш көріп ем... Пайдашы боп ішкі жаққа барып, батырақ малай боп та жүрдім. Сақал-шашым ағарғанша өзіме өзім жеткен күн көрмедім. Қор еткен жоқтық еді. Сонда әйтеуір тым құрса ауызбен мейір қандырайын деп алтын тапқан ырыстының жайын әңгіме ете беруші ем. Сөйтіп, түсте көріп, ертегіден емініп жүрген алтыным қой қораның тасында, құдығымның басында, от басы, ошақ

бұты қасында жатыпты... Мазак етіп жатты-ау осы мені...  
Ә! – деді.

Үйдің іші Базар жүзіне мүсіркей қарап қапты. Кей ша-  
бандар күрсіне түсті.

Көшпесбай мойымас қарт еді. Ол жүдеген жоқ.

– Ырысың бар шалсың, не керек. Өзің таппасаң, сол ал-  
пыс жыл айтқан алтынды табатын ұл тудың... Ол тапты. Не  
қыл дейсің! – деді. Базар оңай сергіді. Қуанып сергіді. Бұл  
ой әзір өз басына келмеген еді.

– Бәлі, бәлі, дәл айттың! Ұл тапқаным өзі – сол алтын  
тапқаным екен... Алтын менде болғанша, елде болсын. Мені  
ұл қуантсын, ұлым елін, жұртын қуантсын!.. – деді.

– Бұл советтің ырысы бар деймін ғой. Жолы, жөні елге  
жәйлі болған соң солай ғой. Бағы ассын өзінің. Жауға ти-  
ген соққының бірі осы болсын, қысқасы... Кәрі Шыңғыс  
екеші ол да атой шыққан күндерде ел мен жұрттың көме-  
гіне алтын қойнын ашты десін! – деп, Көшпесбай байсал-  
ды сөз айтты. Осы әңгіме кезінде кешкі ыстық асын ішіп  
шыққан көрші қыстаудың шопандары тағы да шулап  
келісіп жатыр еді.

Барлық ферма бүгін старатель боп кетіпті... Көрінген  
кесек тасты аударыстырып қарау, бөлшек-бөлшек сынды-  
ру тегіс парыз болғандай. Келгеннің бәрі енді Базарға  
бірдеме айту қажет сияқты көреді. Бірақ әркім әр алуан  
сөйлейді. Біреулер Базарға қайырлы болсын айтқан, біреу-  
лер әлденеден көңіл қос айтады. Ертеде таппай, өмірің  
жоқтықпен еш боп өтіп еді дегеннен болса керек. Базар  
бұндай екі алуан сөздің екеуін де бұл кеште үнсіз қарсы  
алды. Дағдарып, не айтарын білмегендей.

Жиын үйге сыймай, жарық айлы түнде тысқа шығып,  
онда да көп даурықты. Ендігі әңгіменің бәрі:

– Бұл ақ тастың жатағы қайсы?

– Қораның тасы қайдан тасылған еді?

– Базар өзі салып па еді бұл қораны? Қашан қопарыл-  
ған тастар екен?.. – деген орынды сұраулар болатын...

Қазірде Медеттің отряды да сөйленіп, ауызға қайта-  
қайта алынып жатқан сұраулар да осы еді. Базар бұл жәйді  
алақанындай білетін.

– Бұл қора дәл осы Медет туатыннан бір жыл бұрын салынған. Ақ тасты қайдан тасыды дейсің? Тас тасып әкеп үй, дүкен салатын мұршасы қане Базардың? Алтын тасың, ақ тасың дәл осы өздерің табаның басып тұрған тақыр төбенің ішінде. Осы қораның астының бәрі ақ тас, – деді.

Көшпесбай үндемей таңдай қағып, таңырқаған жұрттың бәрінің көңілін қалжыңмен қорытып:

– Қысқасы, айды басқан бұлттай сары алтынды жамбасымның астына басып жатқан өзім едім десейші! – деді. Жұрт осындай күлкі қалпымен түн ортасы ауа бере зорға тарқасты... Үркер төбеден өтіп бара жатыр. Шыңғыс тауының үстіндегі жұлдыздар бүгін соншалық жиілеп, бадырая түсіп, шаншыла қарап тұрған еді.

Келер таң атар-атпаста Медет он шақты кісі тобымен Базар қорасына келді. Тас қора тұрған тақыр төбе бұл өңірдің, бұл ауданның болашағын өзгертетін жұмбақ сырдың төбесі боп тұр... Базарды отряд адамының бәрі көңілді жүзбен күліп амандасып, ортаға алды...

Базар ынталы сөйлеп жүріп, отряд адамдарына әуелі қора тамын түгел көрсетіп, ақ тастан қаланған іргені, бірнеше қораның кіндігін, бұрмасын, сыртқы күймаларын көрсетіп шықты. Аузы түндегі өз жайын айтқан әңгімеде болатын. Инженерлер қораның қалауын бұзбастай етіп бірнеше жердің тасын жарып, сындырып, бір-біріне көрсетіп өтті. Медет бастаған үлкенді-кішілі мамандар бас изесіп, аз сөзбенен жөн табысып, аралап жүрісті.

– Енді осы тастарды алған жерімді көріңдер, сыр сонда ғой, – деп, Базар тақыр төбенің шығыс жақ етегіне қарай бастады... Ертеде қазылған кең апан бүгін түйетайланып, топырақ басып, тегістелуге айналған еді. Бірақ дәл қыстауға қараған шетінде тік жарлауық болып қалған кішілеу шұңқыры бар. Сол кенереде қалың ақ жартас жардай боп тұр екен... Көне топырақ басқандықтан сарғыш реңді. Бірақ бітім-тегіне қарағанда, қораға, құдыққа, қазандыққа барған кесектерінен жат емес...

Осы күн күні бойы отряд қыза іске кірісті. Бір бұл ара емес, тақыр қылып төбені жан-жағынан төрт жерден қазғылап қолға алды. Базар қорасы төбенің дәл басында, тап

орта тұсында еді. Оның тұрған жері де бұрғыланып, терең түбіне шейін ақтарылатын болды.

Күн түске жақындаған шақта Базар қорасына қарай андыздап асыққан жүргіншілер көбейді. Көршілес колхоздар, фермалар, Базарға көңілдес ағайын, жақындар бір алуан. Өзгеше топ-топ болып аудан қызметкерлері, мектеп жұртшылығы, барлық аудан активі келіп жатыр. Келушінің бәрі де ең алдымен Базарды көруге асығады. Тағы да түндегідей қайырлы болсын айтысады. Бүгін Базар кешегідей іркілмейді.

– Қайыры халыққа болсын!.. Қайыры ортақ болсын бәрімізге! – деп желпініп, қуанып қарсы алады. Тақыр қызыл түгел зерттеліп шықты. Алтыны мол тастың запасы да аса мол екен. Отряд қолымен ұстап, көзбен көріп өткендей болды.

Осы күндер отряд дәл осы Хан бауырынан жиырма шақырым жердегі Қыдыр деген адырдан тас көмір де тапқан еді. Енді Шыңғыс бөктері алтыны, көмірі мол бөктер болғандықтан, өзгеше өндіріс бөктері болуға бет қойғанын екінің бірі ұғынып, сеніп тұр. Кешегі заманда көшпелі аудан, бүгінде көбінесе мал баққан аудан, облыс орталығынан алыс қалған, қатынасы қиын оқшау аудан. Енді өзгеше бір тарихқа, өзгеше бір жаңғырған дәуірге ауысатынына бүгінгі жұртшылық сондай ырза, соншалық шат еді.

– Шыңғыс, кәрі Шыңғыс, Отан ұран салғанда, алтыны мен асылын ала аттанды! Тыс байлығын беріп қоймай, қойынын да ашты, іш сарайын да беріп тұр. Жауға қарсы жұмылған бірліктің бұл бір өзгеше балғын белгісі болсын, – деп, Медет бүгін жиын жұртқа сөйлеген еді.

Сөйтп, Базардың қиялы, ертегісі шын алтын табысқа, асыл өндіріске әкеп қосылған күні, Отан соғысының майданынан алыста, майдан түгіл, облыс орталығынан да жырақта жатқан, қатынас жолдарынан қиғаш жатқан алыс түкпір, ғасырлар бойы үнсіз Шыңғыс бөктерінде де патриоттық үлкен қызудың, шын жалынның қуанышты, жарқын куәсі болды.

**Пьеса**







Девиз “АРКАЛЫК”

## **СТОЙКОЕ ПЛЕМЯ**

**Пьеса в 4-х действиях, 7 картинах**

*(Перевод с казахского)*

На конкурс лучших современных советских пьес



## Действующие лица

Дауренов Иса – министр, 42 лет.

Есенов Салим – руководитель центрального научного учреждения, 40 лет

Назарбеков Бек – директор института животноводства, 35 лет.

Балашов Василий Иванович – профессор, 50 лет.

Бектенов Сапар – кандидат наук, молодой ученый.

Есиркеп – старший чабан, 60 лет.

Асия – жена его сына.

Канипа – его дочь.

Балжан – его жена.

Сеитова Сара – молодой специалист, аспирантка Балашова.

Першин – работник министерства, специалист по животноводству.

Молтай – чабан, 28 лет.

Бекбол – старший чабан.

Дамели.

Улбала.

## ПЕРВЫЙ АКТ

### *Первая картина*

Кабинет министра. На совещании присутствуют Есенов, Назарбеков, Балашов, Бектенов, Сеитова, Есиркеп, Асия, Бекбол и Молтай.

Д а у р е н о в. Товарищ Сталин сказал, что Казахстан должен стать базой социалистического животноводства на востоке. Совет Министров Союза неоднократно принимал специальное решение относительно развития животноводства нашей республики. Идет война. В годину испытаний, в дни испытаний нельзя ограничиваться спокойным рассуждением, что я-де, мол, не сижу сложа руки, я – работаю. Этого мало. Я хочу услышать ваши мнения, предвидящие не только наше сегодня, но и наше завтра, ваши мысли, направленные к обеспечению дальнейшего роста нашего хозяйства. В этом – задача сегодняшнего совещания. Подготовились ли вы к такому обсуждению?

Е с е н о в. Товарищ министр, мы принесли сюда и наши общие мнения, и наши отдельные разногласия.

Б е к т е н о в. Разногласия действительно есть. Но немало у нас и одинаковых мыслей по интересующему вас вопросу.

Д а у р е н о в. Понятно. Позвольте мне сначала сказать о требованиях, стоящих перед сегодняшним совещанием. В ваших руках – наука. В ваших руках – многовековой опыт народа. И институт, и экспериментальная база есть у вас. В вашем распоряжении свыше десяти тысяч овец. Десять лет с лишним вы проводите опыты. Скрывать не приходится, результаты неважные. Каждую зиму мы страдаем от джута. Непомерно велик и падеж. Между тем, на Украине создана порода овец “аксаниянова”, на Кавказе – новая порода “рамбуль”. Под боком у нас, в Рубцовке, выводят породу сибирских мериносов. Может ли биология, генетика, селекция в целом принести в Казахстане свои плоды? Назовите мне место на Ала-Тау, на Алтае, в Сары-Арка или по берегам Сыр-Дарьи, Яика, Есиля и Иртыша, где в

прежнем, отсталом Казахстане, не пастись скот? Мало того — разве хоть раз в году не топтали стада пустующие: Бетпақдалу, Қызылқумы, Мырзашол, Моенқумы, Бозоя, Сартауқумы, Карақумы, не питаюсь былинками, растущими среди этих песков? Для каждой из этих географических зон следовало бы дать новую породу. А ведь мы не дали ни одной. Не правда ли? И вот я спрашиваю вас, представите хоть одну породу или нет? Какие мысли таите вы в головах? Какие достижения держите в руках? Какие разногласия, какие сомнения и затруднения смущают вас? Давайте поговорим обо всем начистоту.

Е с е н о в (*вешает карту и стоя перед ней*). Вот карта животноводства Казахстана. Она наглядно показывает, что мы имеем 175 миллионов гектаров пастбищных угодий. Только что товарищ министр перечислил названия самых разнообразных местностей. При круглогодичном отгонном животноводстве там можно прокормить 120 миллионов овец. Если же мы будем скашивать сено и применим стойловый метод содержания, то прокормим не более 50—55 миллионов. Мы обследовали сенокосные угодья на 175 миллионов гектаров земли, изучили, где есть реки и родники, колодца и озера, какие места пригодны для летних выпасов, какие — для зимних. Подсчитали, сколько скота можно прокормить на том или ином участке. Мы также установили наиболее рентабельные для разведения породы скота. Теперь слово за животноводами. А к товарищу министру я имею одну претензию. У нас повелось так, что наука — сама по себе, а практический опыт — сам по себе. В этой ошибке в первую очередь повинен аппарат министерства, который ведает организацией животноводства.

П е р ш и н. Повинны лень и невежество. Думают, что скот может плодиться и размножаться как ему благорассудится. Корма не заготавливаются. Крестьяне хотят иметь племенной скот, а выращивать его не желают. Племенной скот требует большого ухода, при беспечном отношении он погибнет. Вина не в плохом руководстве, а в невежестве, лени и беспечности. Скажите, пожалуйста, разве вы сами, ваш институт животноводства, ваша экспериментальная база — не повинны в этом? У вас скот не гибнет? Наш аппарат, что ли, заразил вас беспечностью?

Е с е н о в. Товарищ министр поставил вопрос в широком плане. Разговор идет о миллионном поголовье скота, товарищ Першин. Вот вы говорили о беспечности. Хорошо говорили, но подлинным воплощением не являетесь ли вы сами? Это вы, не разобравшись, не подумав, допустили смешение новой породы с бесплеменными овцами, и все напутали.

П е р ш и н. У вас есть доказательства? Или вы думаете, что нельзя критиковать, с вами нельзя спорить?

Е с е н о в. Докажите, что я не прав. Разве вы не знаете, что овцы, выращенные на Сыр-Дарье, не могут приживаться на Иртыше? И не могут овцы Ала-Тау акклиматизироваться в Кокчетаве и Кустанае? Не колхозных и совхозных чабанов надо обвинять, а себя самого! Давайте говорить откровенно и без утайки, как было условлено в начале совещания. А для этого необходимо отказаться от неблагоприятной манеры — во что бы то ни стало оправдать себя и всю вину свалить на нижестоящих. Довольно влиять да выкручиваться. Вы увидите, что собравшиеся здесь откровенно будут выкладывать перед вами и свои сомнения и свои соображения. Уж если обсуждать, так с пользой для дела, товарищи.

Б е к т е н о в. Товарищ министр! Требование, предъявленное вами, есть требование и народного хозяйства, и науки, требование конкретное. Пора иметь новую породу. Есть уверенность, надежда на создание ее, — сказали вы. Я буду говорить об институте животноводства, об его экспериментальной базе и о работе профессора Балашова. Институт во главе с профессором Балашовым не добился в своей работе желаемых результатов. Научные опыты и достижения академика Иванова родили не только асканийских, кавказских и сибирских овец. Скоро и Азербайджан представит свою новую породу. Эта порода азербайджанских горных мериносов выведена в результате упорных трудов Смараедова, Садыкова и Кара-Мамет-Оглы. Горные мериносы Кедабекского и Шамхорского районов летом кочуют у озера Севан, что в Армении, а зимуют на берегу Куры. Передвигаясь с летних пастбищ на зимние, они проходят 500—600 верст. Вот какая новая порода создана в Азербайджане. Есть ли что-

нибудь подобное у нас? Мы экспериментируем более десяти лет и ничего не создали. Испокон веков существует казахская курдючная овца. Она обладает замечательными качествами. Единственный ее недостаток — грубая шерсть. И если мы, не мудрствуя, выращивали бы эту овцу, то сегодня имели бы в два раза больше овец, чем имеем.

**Б а л а ш о в.** Что же нужно делать, по вашему мнению, товарищ Бектенов?

**Б е к т е н о в.** Я полагаю, профессор Балашов, что нужно вернуться к старой казахской курдючной овце, изъять из старых разноплеменной скот, всяких там полумеринов, которые к тому же не могут прижиться во многих областях нашей республики. Казахские овцы выдержали многовековую проверку. И наша первейшая обязанность — облагородить именно эту породу.

**Д а у р е н о в.** Как вы относитесь к скрещиванию?

**Б е к.** Вы находите это ненужным?

**Б е к т е н о в.** Нет. Скрещивание должно проводиться.

**Б а л а ш о в.** Когда? Позднее когда-нибудь?

**Б е к т е н о в.** Не позднее, а сейчас. Но скрещивание нужно проводить без спешки, в порядке опыта. Пусть новая порода будет создана в результате тщательных, проверенных опытов. Я мечтаю о такой новой породе, которая сохранит все достоинства казахской овцы и приобретет тонкую шерсть. Я снова возвращаюсь к экспериментам Балашова. Из этих опытов он не получит стойкую, ценную породу. Если овцы попадут в Семипалатинскую область, деградируют, как деградировали все прекосы. Больше того — они не смогут перезимовать ни в Сартаукуме, ни в Бозое, ни в Моенкуме, то есть на тех зимних выпасах, где обитают миллионы казахских овец. Опыты уважаемого профессора должны выдержать серьезные испытания, а пока они только одной ногой на земле держатся, малореальны.

**Б е к.** А вы сами работали в этой области? Вы, не потрудившись как следует разобраться в опытах Балашова, сводите их на нет. Может быть, вы можете поделиться собственным опытом?

**Б е к т е н о в.** Могу. Я уже веду работу.

Б е к. Где? На земле или на небесах?

Б е к т е н о в. О моей работе известно и людям вашей экспериментальной базы. А вот товарищ Сеитова знакома и с моей методикой.

Б е к. Методика — это умозаключение, а мы здесь говорим о конкретном опыте, которым располагаем.

Б е к т е н о в. Я знаю — вы фанатический поклонник экспериментов профессора Балашова. Иначе вы согласились бы с тем, что методика — основа каждой работы, что правильно разработанная методика — половина дела.

Б е к. Овцеводство нуждается не в фантазии, а в конкретике.

Б е к т е н о в. Без методики нет конкретики. И во всякой конкретике есть доля фантастики. Что касается меня, то я убежден, что в опытах Белова по скрещиванию архаров с казахскими овцами больше научной методики, чем у вас. *(Движение и смех среди чабанов.)*

Б е к б о л. Это вы о тонкошейей овце говорите? У которой рога, как у архара, даже головы поднять не может?

М о л т а й. Зато у нее резвый бег.

С а р а. К тому же чуткая.

М о л т а й. Она и не жиреет от того, что на ноги легка. Не овца, а бегунец. Насколько я понимаю — разговор идет именно о ней. Что и говорить — прекрасное животное: и овца, и тулпар. В Шынбулаке только и пустить на скачки.

А с и я. Если она чутка и беспокойна, значит, отлично может заменить сторожевых собак. Будет наши отары белых овец караулить.

М о л т а й. Еще одно качество обнаружилось. Легко сказать — овца, быстрая, как тулпар, и чуткая, как пес. При таких условиях товарищ Бектенов многого достигнет. *(Смех.)*

Б е к т е н о в. Не смейтесь, товарищи. Овцы, которых хотите вы вырастить, без загонов и заготовленных кормов перезимовать не могут. Перед зимними морозами они беспомощны, как ягненок перед волком. Проверка нужна, тщательная проверка. Только зима, только пески покажут истинную ценность этих овец.

**Б а л а ш о в.** Я свыше десяти лет провожу опыты на нашей экспериментальной базе. Товарищ Бектенов высказал ряд сомнений. В его словах есть одно очень правильное положение. Он говорит о проверке, об испытании в зимних условиях – в песках. Мы намерены завершить наши десятилетние опыты серьезным испытанием. Новая порода, где бы она ни создавалась, создается в результате упорного, длительного труда. Изменение природных данных животного достигается путем тщательного отбора, путем усиления нужных нам качеств. Мы работаем над выведением новой породы овец, но пока она не будет проверена в условиях суровой зимы и в условиях выпаса в песках, мы от последнего, решающего слова воздержимся. Мы только просим помочь провести это испытание.

**Б е к.** Я целиком поддерживаю товарища Балашова. Считаю целесообразным не расплытаться, а сосредоточить все внимание на работе Балашова и оказать ему всемерную поддержку. Пусть он выведет новую породу. А что он ее выведет, я в том уверен.

**Б е к т е н о в.** Мне кажется, что эта ваша уверенность не находит подкрепления в данных ваших опытов.

**Б а л а ш о в.** Вы берете на себя смелость упрекать нас в проведении опытов, не будучи осведомлены в их результатах?

**Б е к т е н о в.** Если опыты бесплодны и к тому же обходятся слишком дорого, то за них можно не только упрекать, но и обвинять.

**Б а л а ш о в.** Этим хотите доказать необходимость возврата к казахской овце? Я сторонник внедрения культурного овцеводства, а вы тянете назад. Попробуйте отрицать это.

**Б е к т е н о в.** Дорогой профессор, вы это говорите только за то, что я осмеливаюсь отстаивать казахскую овцу. Не правда ли? А эту овцу, между прочим, изучают и Всесоюзная Академия и Московский Зоотехнический Институт. Как по-вашему, они тоже тянут назад?

**Б а л а ш о в.** Они изучают как материал, только для ознакомления с ней.

**Б е к т е н о в.** Вы – ученик академика Иванова. Не он ли изучал казахскую овцу всех наших районов?

Б а л а ш о в. Изучал. Разбил на крупных, средних и мелких три группы. Но какой же вы хотите сделать вывод из этого?

Б е к т е н о в. Вывод такой, что он не смотрел на казахскую овцу только как на материал. Не поверхностно, а глубоко изучал, потому он установил наличие 22 географических вариантов местных овец. Разве это все говорит об отрицании им исконной породы?

Б а л а ш о в. Академик Иванов изучал эту овцу для того, чтобы сделать огромный научный вывод. Он установил все замечательные качества породы и доказал, что в выведении ее играл роль лишь естественный отбор, что селекция не играла никакой роли. А можем мы организовать культурное овцеводство без селекции? Нет, конечно. Мы с вами деятели науки только в том случае, если применяем селекцию. Кем же мы станем, если будем отстаивать полудикий кочевой быт с его древними породами?

Б е к т е н о в. Но что же дала ваша селекция? Чего достигла? Кто признал эти достижения? Не говоря о других, признали хоть чабаны, работающие десять лет рядом с вами?

Б е к. За чабанов пусть говорит тот, кто трудится вместе с ними, а у вас этого нет.

Д а у р е н о в (*чабанам*). Мы теперь попросим ваших советов. Что вы одобряете, что осуждаете из опытов базы? Я прошу вас поделиться с нами своими мыслями на этот счет.

Б е к б о л. Говорят: “У старой овцы годы велики, у молодой овцы голова велика”. А среди нас велика голова у того, кто со знаниями. Мы верим, что наука не ошибается. Но одно должен сказать — пасем мы овец разной породы, есть среди них и новые, и очень мы огорчаемся по поводу того, что новая порода сильно подвержена падежу. Эти овцы мрут не только зимой, но и весной, и летом. Если спросите меня, то я целиком на стороне Сапара. Для отгонного животноводства его планы самые подходящие.

Е с и р к е п. Добирался ты до горы Балкан, да и та гора нами исхожена. А, Бекбол, и ты — чабан, и я — чабан. Мы оба отлично знаем, каково жилось, когда у нас одни казахские овцы водились. Прежде говорили, что всякую тварь

господь создал. А теперь я убедился, что наука без божьей помощи может создавать такое, что прежде никому и не снилось. Одни хотят овец салом обложить, другие — шерстью облепить. И ведь выполняют задуманное. Верю я, что и Балашов добьется своего. Два основания имею я для своей твердой уверенности. Первое — это сам Балашов. Он — и специалист, и чабан. Зимой рыщет в песках, летом — на поляне, круглый год возле отары крутится. Вместе со мной на голой земле спит, вместе со мной айран пьет. Следом за отарой с места на место передвигается, и жар, и холод терпит. Я человек старый и еще ни разу не видел, чтобы такой упорный труд зря пропал. А второе основание — наши подопытные овцы, мы называем их белыми овцами. Не могу взять в толк, почему Балашов ни словом о них не обмолвился. А я одно могу сказать — доверьтесь белым овцам Балашова. Толк будет.

Д а у р е н о в. Есеке, Сапар настаивает на том, чтобы подвергнуть этих белых овец испытанию — пасти их всю зиму в песках, где нет ни загонов, ни заготовленных кормов. Вы согласны с этим? Или же, по-вашему, они без того достаточно проверены?

Е с и р к е п. Я не говорю, что мы окончили проверку, нет. Наоборот, я тоже настаиваю на самой тщательной проверке.

Д а у р е н о в. А что скажет Асия?

А с и я. Я присоединяюсь к мнению Балашова и Жеке.

М о л т а й. Каждый хочет видеть свою родную гору самой высокой в мире. Я вожусь с чистокровными прекосами и наблюдаю, как из года в год снижается отход. Готов и дальше пасти их. Разве плохо, товарищи, приспособить прекосов к природным условиям Ала-Тау? Если мы добьемся этого, то о большем и мечтать нечего. Потрудиться, конечно, придется, но ведь без труда счастье не дается.

П е р ш и н. Правильно. Именно так. И следует добиваться цели: ценным опытом владеют вот такие деловые, инициативные чабаны.

Е с е н о в. Я также считаю, что мы не имеем права отмахиваться от многовекового опыта. Достойная оценка его еще не есть преклонение перед старинкой. Но не бу-

дем довольствоваться только им. Современная биология вооружила нас знаниями, могущими преобразовать природу. Каждый из нас ссылается в своих высказываниях и на Мичурина, и на Лысенко. А Лысенко утверждает, что достигнутое в природе путем тысячелетнего отбора мы должны и можем внедрить за несколько лет. Товарищ Бектенов! Научная мысль должна стремиться вперед. Она должна быть крылата. Если есть мечта — так пусть станет этими крыльями. Мечтайте, но побеждайте делом, а не словом, достижением, а не обещанием. Без этого нет заботы о будущем, а есть только оболъщение прошлым. А что касается вас, Василий Иванович, то должен сказать, что в данное время мы ждем конкретных результатов именно от ваших опытов. Вам предоставлено широкое поле деятельности. Вы можете экспериментировать и на степных просторах, и на горных склонах. И база, и институт, и научный центр, и товарищ министр возлагают на вас большую надежду.

Д а у р е н о в. Нам нужны новые породы овец. Создайте на первых порах хотя бы такую, которая годилась бы для размножения в четырех областях республики. И это будет уже немалым достижением. Итак, делаем пока два вывода. Во-первых, пусть профессор Балашов бонитировкой и отбивкой этого года подготовит новую породу на испытание предстоящей зимы. Во-вторых, мы поднимаем вопрос перед всесоюзными органами, представляем для их испытаний новую породу. Вот наше решение. Пусть каждый из вас делает свой вывод из этого решения. *(На этом официальная часть заседания заканчивается. На стол подается ужин. Начинается оживленная беседа: Есиркеп и Бекбол, Бектенов и Сара, Молтай и Асия — три пары.)*

Е с и р к е п. Беке, ты это что выдумал начинать с годов и головы овец?

Б е к б о л. А ты что, несуразный, не позволяешь мне говорить даже пословицу?

Е с и р к е п. Ведь люди подумают, что у овцеводов и пословицы только об овцах. Ну хоть бы вспомнил верблюдов.

Б е к б о л. Ну разве ты оставил бы тогда в покое, ты сказал бы тогда: “У верблюда только колючка на уме”.

Е с и р к е п. Сказал бы, так ты, конечно бы, ответил: “Падать, так с высокого верблюда”. И ты был бы силен в споре.

Б е к б о л. Силен или слаб, а ты все хочешь, чтобы я говорил о себе, как о побежденном и упавшем.

Е с и р к е п. Упавшего земля поднимает, говорят, ничего страшного. И неужели думаешь, что твое положение лучше положения упавшего?

Б е к б о л. А значит, даже сидя за этим столом, на покойном ровном месте и то ищешь яму, куда бы меня столкнуть. Идти за тобой, так только добро наживать мне, да? (*Проходят, смеясь и перешучиваясь.*)

Б е к т е н о в (*Сара*). Сара, говорили все, а воздержались только вы. Балашов ваш учитель. Я сверстник. По каким соображениям умолчали вы? Нельзя ли мне узнать хоть теперь?

С а р а. Хотите узнать, скажу. Только не обессудьте за откровенный разговор. От ваших речей и вашего поведения мне было стыдно и я сидела в гневе.

Б е к т е н о в. Ага, оказалось, все благоразумное и благородное вы собрали в своем единственном лице.

С а р а. Да, благоразумное... приличное... такт, и все это не такие черты, чтобы вы могли говорить о них насмешливо. Наоборот, в них такая нужда у вас.

Б е к т е н о в. Хотите дать наставление, так нельзя ли сказать более понятно.

С а р а. У некоторых молодых людей у нас появляется заносчивость уже тогда, когда они сами еще недоучки. Нет у вас ни труда, ни опыта, но зато если схватите за шиворот Балашова, на таком собрании произведете впечатление. Не правда ли?

Б е к т е н о в. Ну, допустим. Пусть это одна крайность отрицательного поведения. А вы подумали о другой крайности того же отрицательного поведения?

С а р а. Если это известно вам, скажите.

Б е к т е н о в. Скажу. И это в вашем поведении. Рассти, остерегаясь от всякого подобия критической мысли относительно опытов своего учителя, зато расти, только молясь на него, и в таком подчинении и покорности, превра-

тившись лишь в его тень. Вот такое “благородство” преподнесите рецептом мне?

С а р а. Пока сам не познал, не открыл нового, какой же иной путь может быть для молодых работников?

Б е к т е н о в. Да, есть растущие таким легким путем. Но есть и такие, которые в споре обретают новое.

С а р а. Споры без собственных результатов труда — дело дилетантов.

Б е к т е н о в. Скажите об этом в тот день, когда победит ваше дело.

С а р а. А что, если я непоколебимо верю в эту победу?

Б е к т е н о в. Посмотрим на эту вашу уверенность в следующую зиму. Как бы в Моенкумах, как пески, не рассыпались ваши надежда и уверенность.

С а р а. А если оправдаются?

Б е к т е н о в. Так вы поберегите ваше обвинение меня к тому времени. Поняли?..

С а р а. Поняла и поберегу... *(Они проходят.)*

М о л т а й. Жаркая схватка была сегодня. наших овец разбирали по косточкам, как на конкурсе. Сайлыбека не было, уж он бы погорячился.

А с и я. Критиковали овец, а посрамленными чувствуете себя вы?

М о л т а й. Как ловко, оказывается, победить отсутствующего человека. Вы прямо заявили, что опередили Сайлыбека.

А с и я. Да, заявила. Но почему бы мне не похвастаться? Уж если на то пошло, я могу даже съехидничать, видя, что ты чванишься, хотя, отстав, надо было бы быть поскромнее.

М о л т а й. Вот оно что. Если ты стала брыкаться, не успеешь отогнать своих овец в пески, то, выиграв приз, пожалуй, и по холке погладить не позволишь.

А с и я. Ты — толковый джигит, можешь поднять свое положение, наберись ума, попросись в чабаны в мою отару.

М о л т а й. Значит, не можешь быть равным, будь подчиненным?

А с и я. Если мы не равны в работе, почему я должна оказать тебе снисхождение и предложить равное положение?

М о л т а й. Да разве я не мужчина — подумай, что говоришь?

А с и я. Хвастовство побереги на случай, когда в деле возьмешь первенство. Сегодня на тебя спросу нет. А у неудачника и веское слово легче метелки перекаати-поле.

М о л т а й. Твое слово я приму за дружеский совет.

А с и я. Пожалуйста. Да сопутствует тебе удача. (*Подходят Дауренов, Бектенов и Балашов.*)

Б а л а ш о в. Откочевка в пески для моего старика — дело очень хлопотное. Но кроме него и его семьи я никому не могу довериться.

Д а у р е н о в. Есеке, вот стоит твой близкий друг Балашов. Вот твоя сноха Асия, которая в работе не уступит джигиту. Слышал, есть у тебя дочь Канипа. Не согласитесь ли вы собрать стариковские силы и провести зимнее испытание с овцами? Сами видите, от вашего согласия зависит многое. Что скажете?

Е с и р к е п. Дорогие мои! В большом горе нахожусь я. Оно подточило мои силы.

Д а у р е н о в. Что случилось, аксакал? В чем дело? Какое горе?

Е с и р к е п. Есть у меня единственный сын, Сайлыбек. Три года исполнилось — нет от него ни слуха, ни духа. И сам не пишет, и о нем никто не сообщает. Вы говорите, что на меня возлагается важное дело. Понимая это, я и взялся бы за него, но в песках, в одиночестве, горе еще пуще одолеет и не смогу я справиться с работой, только загублю все дело.

Д а у р е н о в. Вот оно что. Ну, а если я и Селим возьмемся доставить вам сведения о сыне, тогда что скажете?

Е с и р к е п. Голубчик, дай мне узнать, что жив он, пусть хоть и ранен, и не отыщешь той тяжести, которую бы не поднял.

Д а у р е н о в. Хорошо, мы доставим сведения. Пошлем запрос куда следует.

Е с и р к е п. До откочевки овец в пески срок немалый. Добудьте за это время весточку о сыне, обрадуйте меня и после этого начинайте разговор об отправке в пески, на испытание. Товарищ Сталин говорит, что не золото — золо-

то, а люди — золото. И если я один из этих людей, и если я в большой беде, то ведь нужно же мне помочь, не так ли?

Д а у р е н о в (*задумчиво Есену и Балашову*). Для дела необходима Есекену весть от сына. Только бы жив был Сайлыбек.

Б а л а ш о в (*в один голос*). Только бы был жив.

Е с е н о в . Только бы был жив.

### З а н а в е с

## *Вторая картина*

Лето. Ушконец — летовка экспериментальной базы среди гор Ала-Тау. Вдали — снежные вершины. Сцена частью изображает скалистый берег горной речки Шынбулак.

Балашов и Сара Сеитова только что закончили хлопотливую отбивку отар. Они вдвоем медленно поднимаются на возвышенность у края сцены.

Б а л а ш о в . Трудились немало дней, но закончили отбивку. Результаты — налицо. Они удовлетворяют вас, Сара?

С а р а . Мне кажется, Василий Иванович, что белые овцы удовлетворяют не только меня, но и вас.

Б а л а ш о в . Упитанность хорошая. Шерсть хорошая. Ягнята растут нормально. По весу перегнали казахских овец. Летнее испытание подтвердило их отличные качества и неприхотливость к еде.

С а р а . Семью Есекена не так премия прельщает, сколь радуют выдающиеся качества белых овец.

Б а л а ш о в . А меня радуют достижения Есиркепа. Но только настоящая проверка впереди, в далеких песках, в студеную зиму.

С а р а . Вам не кажется, что провести эту проверку может только один Есекен?

Б а л а ш о в . Несомненно, только его отара, под наблюдением его самого и его семьи. Но мы, Сара, столкнулись с большим затруднением — пропал без вести Сайлыбек. Есиркеп стар, а страх за судьбу сына совсем согнул его. В семье помощниками остались одни женщины. И их-то всего трое.

А ведь для зимовки и в песках требуется мужская энергия. Там частенько придется целые дни проводить в седле. Отара большая — вместе с ягнятами тысяча голов, испытанию подвергнем всю отару целиком.

С а р а. Василий Иванович! В результате тринадцатилетних опытов вы создали новую породу овец. На всем земном шаре имеется одна-единственная тысяча овец этой породы. И если они погибнут от джута, то для развода ничего не останется. Почему бы не разделить отару и половину ее продержать зиму где-нибудь поблизости, где в случае крайней необходимости можно будет использовать заготовленные корма.

Б а л а ш о в. Давайте, Сара, договоримся раз и навсегда: вначале мы выделили для опыта по десятку овец, потом дошли до сотни. Десять лет тому назад я был моложе на десять лет и, возможно, был тогда большим фантазером, так как мечтал о том годе, когда смогут послать на зимний выпас тысячу овец. Этот год настал, год, который подытожит работу многих лет.

С а р а. А если все чаяния, весь затраченный труд погибнут в одну зиму? Если голые кости рассыпятся по хмурым пескам?

Б а л а ш о в. Это будет значить, что все мои мечты, все мои стремления развеялись прахом. Пережить такое крушение, может быть, возможно только в молодости. А мою молодость поглотили пески Сартаукум, Моенкум. Но иного пути нет. Нужно решиться и дерзать. Без широкого опыта нет уверенности. Если мы проведем его с малым количеством овец, то общественность оценит это, как лабораторный опыт. У казахов существует поговорка: “Коли разделся — нырять”. И мы, Сара, должны без трепета нырнуть в ледяной поток Шынбулака. *(Задумывается. Оба молча стоят на вершине холма. После паузы.)* Мы стоим на высоте трех тысяч метров. Как прозрачен воздух! Какая тишина!

С а р а. Чем выше, тем полнее безмолвие. Вершины высоких гор всегда погружены в тишину.

Б а л а ш о в. Правильные слова. Чем выше, тем полнее безмолвие, тем богаче тишина, напоенная сдержанностью.

Природа учит мудрости. И в природе, и в жизни вершины и величие обходятся без крика и гама.

С а р а. Вы, Василий Иванович, подражая природе, сказали веское слово. Но, мне кажется, что вы не вспомнили одну истину, не обратили на нее должного внимания. Что такое вот этот гремящий Шынбулак? Мне кажется, что в нем слышится шум непрерывной жизни безмолвных гор, доносится дыхание скал, утесов и стремнин. Разве шум потока не кажется вам напевным?

Б а л а ш о в. Вы находите меня задумчивым, но сами вы обладаете поэтическим мышлением.

С а р а. Вот мы и обменялись комплиментами, хотя обычно ваш глубокий ум и моя фантазия не отходили далеко от белых овец. Посмотрите вон там, во впадине, пасется отара Есекена. И уже по тому, как она пасется, можно заметить отличительные свойства овец. Они пасутся тесной кучкой и, раз уткнувшись носом в землю, стоят не шелохнувшись. Это свидетельствует о том, что они энергично борются за существование.

Б а л а ш о в. Правильное наблюдение. Огромный опыт Есиркепа и его семьи есть результат тонкой наблюдательности. И утром, и днем, и вечером он глаз не сводит с овец, особенно в зимнюю пору. По повадкам Есиркепа я изучаю лучшие стороны многовесного народного опыта.

С а р а. Я тоже учусь у него.

Б а л а ш о в. Поэтому я, доверившись Есиркепу и Асии, посылаю отару в глубь песков. (*Переговариваясь, приближаются чабаны: Есиркеп, Бекбол, Молтай, Улбала и Дамели.*)

М о л т а й. Так кто же из чабанов опередил всех?

Б е к б о л. Тот, кто получил премию. Разве ты не в их числе?

М о л т а й. Вы дразните нас, старина. Если бы я был первым, не спрашивал бы.

У л б а л а. Ты наказан за ягнят, побитых градом. Натерпелся ты греха с ними, даже от меня отстал, а я одна управляюсь с отарой, муж-то в армии.

М о л т а й. У тебя нет мужа, у меня — жены. Одинокий я. Скажи спасибо, что хоть так пасу.

У л б а л а. Тоже — оправдание. Любишь ты хвастаться, так и ждешь, чтобы после каждого чиха здоровья тебе желали.

Б е к б о л. Хотя и маловато получил, пусть все жертвую за твое благополучие. Сегодня по правилам Молтаю следует угадать всю нашу группу.

Е с и р к е п. Это опять Бекбол говорит о правилах. Кто знает правила, тому не следовало говорить, а надо было взять да показать пример лучше.

Б е к б о л. “Не следовало говорить” — как же следовало, почему же сказано: спроси совета у шестидесятилетнего?

Е с и р к е п. Да, ты уж постарайся все пословицы всех своих предков употребить в свою пользу. И думаешь, что тебе кстати тут пустить в ход свои шестьдесят лет. Но, по-моему, ты и тут потерпишь поражение.

Б е к б о л. Каким же образом?

Е с и р к е п. Расскажу. Прежде всего, что говорит наше новое время? Оно говорит — пусть старшие подают пример молодым своим делом. Это одно, а еще в древней поговорке сказано или нет: “Шубу одевают с ворота, поучительный пример берут от старших”. (Смех.)

Б е к б о л. Эх, несуразный, там же сказано о том, что берут, а не о том, что дают.

Е с и р к е п. То-то скользишь. Думаешь, все поговорки только для выгоды Бекбола выдуманы. И твое имя Бекбол — “будь крепок” — тоже ведь дано, чтобы ты не давал людям ничего. Недаром Бекболом назван.

Б е к б о л. Нет, я Бекболом прозван, чтобы тебе пути не давать.

Е с и р к е п. Не пути, а угощений не давать, сказал бы лучше. Уж, ладно, будет тебе ершить усы как у каракурта. Спорить не будем. Желаю тебе удачи. А вас всех прошу ко мне. Будьте моими гостями.

С а р а. Спасибо, Есеке, мы и без того каждый день ваши гости.

Е с и р к е п. Ну так что ж? Ежедневным гостям я ежедневно радуюсь, особенно тебе и Балашову. Балжан с утра ждет вас. А Бекбола я в шутку задеваю. Сегодня моя старуха видела во сне Сайлыбека. Кто знает, какие мученья выпали

на долю бедняги. Увидела мать во сне сына и подумала, что, может, он вспоминает родителей и близких, так пригласила вас к себе, чтобы откушали вы за его здоровье. Идемте. *(Все следуют за Есиркепом. Сара и Молтай остаются.)*

С а р а. Бедный Есекен, все время сына поминает.

М о л т а й. Что же ему делать, Сара? Как соберутся всей семьей, так слезами исходят. И то сказать — отличным джигитом был Сайлыбек. А уж как мы дружили с ним. Теперь старики совсем покой потеряли, сна лишились. Вы собираетесь отправить их на зиму с отарой в пески. Если к тому времени придет весточка от Сайлыбека, то им можно будет поручить не одну, а две тысячи овец. И с одиночеством справятся, и тяжелый груз подымут, как пушнину. Но если не будет известья, боюсь, смогут ли одолеть зимние трудности...

С а р а. И меня это тревожит. Но Василий Иванович никому другому довериться не может. Не может он поручить другому столь важное дело. *(Входит Бектенов.)*

С а р а *(встает, здоровается)*. Из города приехали, Сапар? Почему опоздали? Ведь вы собирались быть утром.

С а п а р. Да, я собирался приехать утром, но неожиданное известие задержало. Пришлось ждать решения министра. Он совещался по этому вопросу с Сакеном.

М о л т а й, С а р а. Какое известие? О чем?

С а п а р. Известие о Сайлыбеке.

С а р а. Скажите скорее, он жив?

С а п а р. Министр и Салим исполнили обещание, данное весной Есекену, запросили все, какие только возможно, инстанции. И вот получили ответ. В наступлении от Москвы до Смоленска Сайлыбек сражался с примерным мужеством. Был представлен к награждению орденом Ленина. В своем подразделении он считался одним из лучших бойцов. Об этом сообщил из госпиталя его раненый командир майор Сафронов, которому командование фронтом поручило это сделать. Сайлыбек пал смертью храбрых. Командир присутствовал на его похоронах и даже процитировал в письме надпись, сделанную на могиле Сайлыбека.

М о л т а й. О, мой бесценный друг, мой дорогой Сайлыбек. Неужели ты больше не вернешься? *(Плачет, молчание.)*

С а р а. Что поделаться теперь... Подтвердилось. Еще в прошлом году Асия получила такую весть. Но не говорила и скрывала от родителей. *(Пауза.)* Ну, а к вам, Сапар, я имею просьбу. Только вы не говорите об этом Есекену. Вы поняли меня?

Б е к т е н о в. Зачем вы говорите это? А что, если скажу?

С а р а. Скажете, так вы повредите нашему делу этого года, всей отаре повредите. Асия имеет свое решение. Какая бы ни была тяжелая весть, она хочет скрыть от Есекена. Об этом она предупредила через Балашова и Салима, вы поняли?

Б е к т е н о в. Сара, с чего вы так предупреждаете все меня?

С а р а. Думайте, как хотите, Сапар. А напомнить вам об этом — моя обязанность.

Б е к т е н о в. Ах, значит, вы думаете, что из-за своих споров с Балашовым я могу решиться на что угодно? Вы этим задеваете, конечно, мою честь. Но запомните, что мои научные споры никогда не позволят забыть мой долг человека, гражданина. Вы поспешили и так легкомысленно. Дослушайте меня... Узнав эту печальную новость, министр и Сакен долго обсуждали создавшееся положение. Они поручили мне переговорить с вами, Сара, и с Балашовым. Смерть сына свалит Есекена. Не будем ничего говорить ему. Он и так подозревает что-то неладное. Постепенно свыкнется с этой мыслью. Время залечит тяжелую рану. Правду нужно открыть только Асие и Канипе, а старикам сказать, что достоверных известий нет, что Сайлыбек после одного боя не вернулся в свою часть и, по всей вероятности, лежит в каком-то далеком госпитале, а командиры в его подразделении сменились и поэтому точных сведений получить не удастся. Балашову и вам, Сара, надо будет переговорить со стариками, утешить, убедить их в том, что вы не допускаете мысли о гибели Сайлыбека. Вот, Сара, что вы скажете теперь?

С а р а. Ой, Сапар, прежде всего вы так устыдили меня. Я так заблуждалась. Простите меня. А относительно Сайлыбека — пожалуй, как не ломай голову, лучше ничего не придумаешь.

М о л т а й. Проклятые фашисты — такого джигита погубили. Во всем мире не сыщешь более оголтелого врага, чем эти немцы. О, мой друг, о, мой родной. *(Плачет. Подходят Асия и Канипа.)*

А с и я. Сара, и гости и Жаке ждут вас. Идемте.  
К а н и п а. И Сапар агай приехал. Идемте же все вме-  
сте. Будьте нашими гостями.

С а р а. Все пойдем, только повремените немножко, Асия и Канипа.

К а н и п а. Что такое? Что случилось? Сара? Или из го-  
рода бумага пришла?

А с и я. Бумага? Уж не известие ли?

С а р а. Известие. Да, известие.

А с и я. От Сайлыбека?

К а н и п а. Неужели? От брата?

А с и я. Молтай. Молтай, погляди-ка сюда. Боже, у него  
на глазах слезы. Значит, правда, та недобрая весть. Значит,  
несчастье. (*Канипа и Асия плачут.*)

З а н а в е с

## ВТОРОЙ АКТ

### *Третья картина*

Пять юрт поставлены дверь в дверь, вплотную друг к другу.

Круглая площадка, окруженная ими, закрыта сверху и от  
этого она похожа на просторный шатер. Кругом все празднично  
убрано. Двери каждой юрты выходят на площадку,  
заполненную гостями. Заметно, что часть гостей расположилась  
в юртах. Со всех сторон доносятся песни, отрывки айтыса,  
шутки, звуки домбры, баяна, скрипки. На площадке,  
на почетном месте сидят Балашов, Есиркеп, Бекбол,  
Бек, Сапар, Сара, Молтай, Асия.

Б е к. Дорогие гости! По поручению вот этих молодых  
товарищей (*указывает на Молтая и Канипу*) я хочу обратиться  
к вам с одной просьбой. Разрешите?

Б е к т е н о в. Говори. Давай, директор, директор. Ты  
прекрасный оратор.

Б е к. Ишь как рифмует. Так и запомним — среди нас  
присутствует акын.

Г о л о с а. Говорите, Бек, Бек.

Б е к. Должен сказать, друзья, что сегодня у нас очень радостное торжество. Летняя пора прошла в труде. Приближается суровая зима. Она несет большие испытания. Скоро мы разведемся в разные стороны, чабаны погонят скот на зимние выпасы. И вот сегодня мы отмечаем их проводы. Зима, она остается зимой. Но зиме можно противопоставить труд, а там, где настойчив труд, не страшен джут. (*Молтаю.*) Слышишь, как я рифмую. Итак, к отарам вернутся чабаны, к опытам — ученые мужи. Я, кажется, опять срифмовал. (*Молодежь громко смеется.*) Уходя в пески, не бойся тоски... Опять рифма? Чувствую я, дорогие гости, что рифма неспроста срывается с языка. Короче говоря, молодежь хочет петь, хочет слышать айтыс. Как вы к этому относитесь?

Г о л о с а. Вот это речь так речь. Правильно. Давай песню, музыку, айтыс.

Б е к. Вы согласны? В таком случае — старшему по чину полагается почин. (*Молтаю.*) Как, Молтай, это тоже рифма?

М о л т а й. Нет другой, сойдет и эта. Может, вы сами начнете айтыс?

Б е к. Нет. “Из рук старшего и воротник дороже шубы”.

М о л т а й (*подхватывает*). Матерый волк пусть скалит зубы.

Б е к. Хорошо... Итак, начинает Бекен.

Б е к б о л. Нет. Пусть начинает наш родной брат, сын великого русского народа — Балашов.

Б а л а ш о в. Увольте, Беке.

Б е к б о л. Отары на склоне рядом пасем, головы рядом на подушку кладем. Неужели пару слов спеть не можешь?

Б а л а ш о в. Нужно ли отступать от традиций? Тебе, Бекбол, начинать.

Е с и р к е п. Правильно. Ты, Бекбол, потерпел поражение. Начинай.

Б е к б о л. Уж очень внимательно ты подсчитываешь мои поражения. Чем принуждать меня, старика, выступать перед молодежью, ты бы лучше защитил меня.

Е с и р к е п. Или враг не напал, что значит просишь? Наш Джамбул перед всем миром выступает, разве он когда-нибудь ссылается на старость? Начинай, говорю.

Г о л о с а. Верно. Хорошо сказано. Начинай, Беке.

Б е к. Принесите домбру. (*Подает домбру Бекболу.*) “Если слово найдет дорогу, домбра найдет хозяина”. Вы только начните.

М о л т а й. Да, мы жаждем услышать ваши золотые слова.

Б е к б о л (*запевает*).

Уай, золотой Жаке.

Мой прекрасный старший брат,

Песня – верный друг тебе,

Нам ее ты уделил.

Вот, послушайте меня,

Собравшиеся друзья,

Работники КИЖа,

Сыны, дочери, чабаны.

Слушайте слова мои,

Они вам посвящены.

Лучший из лучших

Дед, Сталину подобный,

На испытание ты идешь,

Тебе удачи я желаю.

К весне в беду не попади,

Твою работу мы охаим,

Уай, последние слова мои –

Повесели нас сейчас,

Без песни не останься.

Ты среди сотни скакунов,

Среди тысячи будь тулпаром.

Ну же, с силой соберись.

Выложи песню свою,

Хоть и стар ты,

Испытаем силу твою.

(*Одобрительный гул.*) Уважаемые гости принудили меня выступить. Я выступил от лица стариков. Теперь очередь за молодыми.

Б е к т е н о в. Кажется, Сара хотела заменить Балашова. Послушаем ее.

С а р а. Вы думаете, после меня не настанет ваш черед, Сапар?

Б е к т е н о в. Вместе с вами я готов на что угодно.

С а р а. Это не похоже на ваши обычные речи. Разве вы сами не замечаете противоречие между вашими словами и делом?

Б е к т е н о в. А разве мое дело направлено против вас?

С а р а. Было критическое отношение... Не так ли?

Б е к т е н о в. Разве критика не рождает подлинную дружбу?

С а р а. Критика – условная дружба.

Б е к т е н о в. А не подлинная?

С а р а. Уж если быть дружбе, так только полной, такой, когда все переживания общие.

Б е к т е н о в. Оказывается, не я один критикую, но и меня критикуют.

С а р а. А вы как думали? Разве не случается, что критикуемый критикует критику?

Б е к т е н о в. Запомню, Сара.

Б е к. Ждем, ждем.

С а р а. Кого? Чего?

Б е к. Конца ваших пререканий.

С а р а. Что же еще делать?

Б е к. Спеть.

Б е к т е н о в. А я присоединяюсь.

Б е к. Ты присоединяешься, когда испытываешь стеснение, и отходишь, когда становится привольно. На что ты такой нужен?

М о л т а й. Вместе ли, порознь ли, только пусть поет.

Б е к. Кто?

М о л т а й. Вы.

Б е к. Начинайте, Сара.

С а р а (*запевает вместе с Сапаром*).

Просторной Каргалинку я называю,

Трудолюбивым чабана я называю.

Когда скажут: “Крылья распластай”,

Пусть сомненья вас не одолевают.

Счастливый путь, друзья, в песках вам, и в горах,

Народ сумеет труд ваш оценить,

И где бы вы ни были, куда бы ни ушли,

Оставшиеся друзья вас здесь не забывают.

М о л т а й. Живо, Сара. Прекрасные слова. Вы слышали? Где вы, чабаны-акыны? Чего же вы молчите, Улбала, Дамели?

Б е к б о л. Пойте. Спойте им приветствие от чабанов.  
Г о л о с а. У л б а л а. Д а м е л и.  
(Улбала, Дамели – поют вместе).

Балашов и Сара – наши друзья,  
Зимой и летом они вместе с нами,  
Вместе трудности преодолеваем,  
На досуге песни вместе распоеваем,  
И есть Сапар – он тоже друг,  
Порой он с нами, порой – вдалеке.  
Хранит он тайну о лошади и верблюде,  
Ни молодым, ни старикам она не по душе.

Б е к. Ну, критик Сапар, как тебе нравится критика на-  
рода?

Б е к т е н о в. Не поддевай. Подумай, не случилось ли  
тебе самому испытывать то же самое.

У л б а л а и Д а м е л и.

Удовлетворитесь песней нашей.  
Мы тех благодарим, кто нам позволил петь.  
Сидит среди нас Молтай, многих обогнавший,  
Он горло прочищает, чтобы спеть.

Б е к. Теперь очередь за Молтаем.

Ч а б а н. А кто будет петь в паре с ним? Где женщина,  
которая будет состязаться?

У л б а л а. Асию надо выставить против него.

Д а м е л и. Она мастерица, но только после отъезда Сай-  
лыбека совсем перестала петь.

Ч а б а н. Хочется послушать Асию.

М о л т а й. Я попытаюсь втянуть ее в айтыс.

Б е к. Как?

М о л т а й. Насмешкой.

У л б а л а. Не надо.

М о л т а й. Но ведь я задену не ее.

Б е к. Кого же?

М о л т а й. Канипу... Ее свояченицу.

У л б а л а (со смехом). Ну, и хитрый ты. Нашел-таки  
уловку. Канипа петь не умеет, он ее и прижмет.

Д а м е л и. А когда Канипа растеряется, Асия вступится  
за нее. Ловко.

Ч а б а н. Сообразил, Молтай. Значит, и услышим  
Асию.

Б е к (*Молтаю*). Запевай. Дорогие гости. Нам Молтай хочет начать айтыс.

М о л т а й. Мои песни о моей работе. Поэтому в айтысе я хочу состязаться с тем, с кем соревнуюсь в работе.

К а н и п а. Вот тоже нашел кого вышучивать.

М о л т а й.

Не сердись, Канипа, о тебе я спою,

Давно сбереженное слово скажу.

Скоро ты далеко откочуешь от нас,

И песню свою я пропеть не смогу.

Темой возьми социалистическое соревнование

И в айтыс вступи без опоздания.

Ныне весной я начал соревнование с тобой,

На словах — впереди, на деле — плетешься за мной.

Е с и р к е п. Уай, разве в песне врут?

К а н и п а. Он знает, что не могу выступать в айтысе.

Е с и р к е п. Почему не можешь? Не сдавайся.

Б е к. Отвечай, не давай спуску.

К а н и п а. Нет, Жеке, не умею я.

М о л т а й.

Ты из осторожности не выступаешь,

Незнанием только оправдываешься,

Победой своей ты хвасталась,

Но победа твоя — пустое хвастовство.

Е с и р к е п. Уай, Асия, голубушка, выступай скорее.

К а н и п а. Проучи его как следует, Асия.

А с и я. Да я уж разучилась. Только ехидничание про-  
стить не могу.

Б е к. Правильно. Эй, уймите сидячих в юртах.

У л б а л а. Тише. Замолчите. Идите сюда. Начинается айтыс Молтая и Асии.

Г о л о с а. Замечательно. Послушаем Асию. Стосковались.

Пой, Асия. Молтай, постарайся. Начинай, Молтай, жарь.

М о л т а й.

Песня работе дает красоту,

Усадила ты рядом свою Канипу.

Везде похвалилась победой своей,

Но побежденный принес им и мзду.

Отары пасли и

У тебя достижения, они есть у меня:

Мне премию дали Балашов и Бекбол,  
Почему и на здоровую голову валишь вину?  
Ч а б а н. Вот как сказал. Вали дальше.  
У л б а л а. Зацепил медный крючок.  
Д а м е л и. Ну, и у нее небо медное.  
А с и я.

Эй, Молтай, ты вправду пас овец,  
Разве я когда обвиняю зря?  
Кукушка сама называет себя.  
Куда подевал ты десяток ягнят?  
Я бы не выдала тайну твою,  
Тебе б не совать в капканы ногу свою,  
Видно, ты забыл свое поражение,  
Что выступил здесь на посрамление.

Г о л о с а. Ловко. Живо. Дальше. Отвечай Молтаю.  
Б е к. А ну, бедняга Молтай, попробуй оправдаться.  
М о л т а й.

Не скрою, десять овец погибли сразу,  
Была гроза, их побил градом,  
Смерть придет, и человек умрет.  
От смерти живого ничего не спасет.

А с и я.

Значит, град нагрянул вдруг,  
Значит, от градинок ягнята мрут,  
Но знай, тот град был и у нас,  
Но ягнята у нас не погибли.  
Перед дорогими гостями признайся, Молтай,  
Ты бросил ягнят, а себя спас.  
Побежденный, ты просишь пощады у нас,  
Но поражение в бегстве таится твоим.

*(Все смеются.)*

М о л т а й.

Мужество еще не покинуло меня,  
Награды я не прошу у тебя.  
В день несчастья, свидетели есть,  
Подле отары не было мест.

А с и я.

Счастливым день несчастным не зови,  
Отдав ягнят, себя ты спас,  
Золотую голову свою ты сохранил.  
Не стыдись, завидуют трусы тебе,

Гости не знают предлога тоя,  
Я говорю им словами Молтая.  
Десять ягнят он в дар принес,  
Голова джигита золотая, хоть он трус.  
На нашем тое славу поем,  
От иных забав отказавшись,  
Празднуем и почет воздаем

Непревзойденной храбрости Молтая. (*Снова смех.*

*Возгласы одобрения. Молтаю не дают говорить.*)

Г о л о с а. Молтай убит. Слетел как шапка. Замолчи.

Б е к. Решение вынесет Беке. Пусть он рассудит.

Б е к б о л. Уай, что тут можно сказать. Молтай разбит по всем правилам. Хорошего отца ты дочь, Асия, светик.

М о л т а й. Признаю себя побежденным. Вот моя дань (*кладет домбру к ногам Азии*). Только прошу позволения сказать еще одно слово.

А с и я. Пусть говорит. Говори.

М о л т а й.

Молтай при народе препирался,  
И оказался побежденным,  
Но все же я в выигрыше остался —  
За много лет впервые услышали мы Асию,  
Конечно, не будет забыто поражение,  
Тяжелее его нет удара.  
Но песню спела Асия —  
И Молтаю мученья нипочем.

(*Все смеются, одобряют.*)

Е с и р к е п. Молодец, хоть и потерпел поражение, но сумел сохранить достоинство.

Б е к б о л. Истинно так. Всегда сторонись того, кто даже после падения пытается продолжать драку.

Е с и р к е п. Правильно, нет хуже того, кто не понимает своего поражения.

(*Старички начинают расходиться.*)

С а р а. Молтай, я очень вами довольна.

М о л т а й. Я это отлично понимаю, Сара. Разве могло бы вам понравиться, если бы кто-нибудь оказался впереди Азии?

С а р а. Как было бы хорошо, если бы каждый побежденный умел вовремя останавливаться.

Б е к т е н о в. С этим я не согласен, Сара. (*Оба со смехом отходят.*)

М о л т а й (*поворачивается к Азии. Площадка пустеет. Из некоторых юрт доносятся тихие спокойные песни*). Скажи, пожалуйста, Асия, почему все так хвалят меня, будто я вышел из айтыса победителем?

А с и я. Не только все, но даже я хвалю тебя.

М о л т а й. За песню я уже поблагодарил, можно за насмешку поблагодарить.

А с и я. А я думала, что вся шутка покажется обидной.

М о л т а й. Разве обида исправит дело?

А с и я. Зачем еще обижать тебя?

М о л т а й. Ведь мы сверстники и обидимся друг на друга. Что может быть лучше взаимного понимания без споров и ссор?

А с и я. Может ли быть удачлив тот, кто не умеет ценить уважения?

М о л т а й. Мы давно не беседовали с тобой по душам. Скажи откровенно – ты по-прежнему страдаешь в одиночестве и только песне доверяешь тайны?

А с и я. Да, я пою и песню мою слушают скалы и горы и откликаются эхом.

М о л т а й. Ты ни разу не поделилась со своими тайнами. За что такое пренебрежение?

А с и я. Какие тайны могут быть у меня?

М о л т а й. О себе не рассказываешь, обо мне не спрашиваешь.

А с и я. Тайна открывается сама, а не по просьбе.

М о л т а й. В таком случае, Асия, не сердись и выслушай меня.

А с и я. Разве я напрашиваюсь на откровенность?

М о л т а й. Нет, но я больше не могу таить то, что наполняет мое сердце. Дни идут, проходят годы. Разве жизнь не диктует своих желаний? То не пустое желание, Асия. Мы оба одиноки. Друг друга знаем давно. Позволь мне оберегать тебя, соединив свою жизнь с моей. Ведь в моей просьбе нет ничего неучтывого. Не отвергай ее.

А с и я. О, Молтай, о чем ты просишь? Разве не разделяют нас трудные перевалы?

М о л т а й. Какие перевалы, Асия?

А с и я. Мы – современные люди и трезво смотрим на будущее, не так ли? Идет война. Ты молод, здоров. Для чего нужно оставлять за собой страдание? Это одно.

М о л т а й. Я не уклоняюсь от почетной обязанности оборонять Родину, но меня не отпускают, говорят, что нужен здесь.

А с и я. И я не готова к этому.

М о л т а й. Почему?

А с и я. Ведь идут разговоры об отправке нашей отары белых овец в пески, на испытание. А разве я могла отправить деда одного? Я и сама трудилась над ними целых семь лет. Пусть трудный, но самый важный год наступает только теперь. Как я могу бросить все без результатов?

М о л т а й. Асия, тут ты во всем права. Но подумай-ка об одном моем совете. Белые овцы действительно пойдут в пески. А пески-то суровые. Есекен старик, а вы женщины. Там нужны мужские силы, молодые силы. Есекен ведь очень боится и колеблется, думая обо всем этом. Что до меня — я одинок. Родителей нет. У него нет сына. Он близок мне по труду. Я помощник его на деле. Почему нам с тобой не стать детьми его — крыльями? Почему бы совместно не помочь ему в этом испытании?

А с и я. А ты разве сможешь освободиться от своей отары?

М о л т а й. Кого не освободят ради белых овец и особенно в этом году? Не одного Балашова, а всех нас ведь касается это, как дело чести.

А с и я. Эти твои слова убедили меня, Молтай. Так я скажу обо всем этом Канипе.

М о л т а й. А она не будет против?

А с и я. Она не только золовка мне. Мы вместе учились и дружба наша была выше всего. Сегодня же, в первую очередь, посоветуюсь только с нею. И она одобрит все.

М о л т а й. Одобрит она, так пусть до кочевков в пески будет назначена наша свадьба, верно?

А с и я. Верно, Молтай.

М о л т а й. Родная Асия. Ты была мечтой моего сердечка. Шутя начал я состязание, может на счастье свое потерпел поражение я ...

А с и я. Может, и у меня, как эта лунная ночь, засветится угасшее счастье мое...

З а н а в е с

## Четвертая картина

Кабинет Есенова. Есенов и Балашов.

Е с е н о в. Итак, Василий Иванович, зима у порога. Я хочу услышать ваше последнее решающее слово. Что скажете? Нет ли сомнений?

Б а л а ш о в. Салим Есенович. У меня все готово, но вот вопрос — кому поручить овец, кому их доверить? Кроме Есиркепа я никого другого не знаю. Но и его, в таком состоянии, принуждать не берусь. Старик много думает о сыне, много плачет.

Е с е н о в. Есть ли какой-нибудь выход из этого положения?

Б а л а ш о в. Был как будто выход... Но...

Е с е н о в. Какой же?

Б а л а ш о в. Асия решила выйти замуж за Молтая. А Молтай был готов итти в пески, помогая Есиркепу.

Е с е н о в. Ну правильно, хорошо же.

Б а л а ш о в. Правильно-то правильно. Но когда Асия уже вышла замуж за него и оставалось сообщить Есиркепу, справиться той — пришла повестка, и Молтай ушел в армию.

Е с е н о в. А дальше?

Б а л а ш о в. Что же дальше? Опять скрыли смерть Сайлыбека от Есиркепа. Скрыли также женитьбу Молтая на Асии. Что поделаться. Но старики умные, опытные люди, чуют что-то недоброе и все горюют.

Е с е н о в. Значит, вся загвоздка в одном Есиркепе?

Б а л а ш о в. Да, в нем одном.

Е с е н о в. Он сейчас здесь?

Б а л а ш о в. Вчера вместе со мной приехал в город. Обещался сегодня зайти сюда. *(Входит секретарь.)*

Е с е н о в. Есекен пришел?

С е к р е т а р ь. Да, только что зашел, Салим Есеныч.

Е с е н о в. Попросите сюда. *(Входит Есиркеп. Идет навстречу.)* Ассалаумугалейкум. *(Здоровается за руку.)* Есекен и я хотели посоветоваться с вами, для того и вызвали вас. Спасибо, что приехали. Я сейчас сообщу министру о вашем приезде. К нему поедем. *(Берет трубку и говорит с*

*Дауреновым.*) Исеке. Балашов и Есиркеп находятся у меня. *(Слушает.)* Да, Есекен тоже приехал. Жив-здоров, семья благополучно. Мы к вам собираемся, вы свободны? *(Слушает.)* А, это еще лучше. Хорошо, хорошо, ждем. *(Балашову, Есиркепу.)* Министр скоро будет. Говорит, сам хочу приветствовать Есекена. Просил подождать.

Е с и р к е п. Спасибо, дорогой.

Е с е н о в. Мне кажется, Есеке, что за последнее время большинство чабанов отвыкают от зимовок в песках, не так ли? Конечно, и пески, да еще зимой, изнуряют человека.

Е с и р к е п. Они и сами, эти чабаны, несколько распустились. Мы-то с малых лет в песках жили. В шкуре родились, среди барханов резвились. Может быть, потому пески нас и не страшат. Запугают ли пески и зима человека, если есть в нем сила, если спокойно у него на душе? Плохи пески, но того хуже немощная старость. Где ни живи, где ни ставь юрту, забота за тобой следует.

Е с е н о в. Правду говорите. Если человека томит горе, мучает тоска, тогда ему везде одинаково плохо кажется. И все же среди скупых песков измученному сердцу особенно тяжело.

Е с и р к е п. Или ты бывал в песках?

Е с е н о в. Бывал, Есеке. И в моей жизни была тяжелая пора. Было мне тогда одиннадцать лет. Я рано потерял отца и меня воспитывал мой старший брат Алим. Шла гражданская война. Брат мой был большевик. Выходец из рабочей среды, он был одним из первых большевиков Казахстана. Когда Колчак занял Сибирь, мой брат ушел в подполье. Случилось так, что его обнаружили белогвардейцы Алаш-ординцы, поймали Алима. Посадили его в вагон смертников и увезли в Сибирь. Но мой брат сумел сбежать по дороге и вернулся домой. Едва добрался до аула, как его основа схватили — по его следам шел целый отряд в двенадцать человек. У моего брата были друзья среди бедняков-крестьян соседнего с нами русского поселка. Я ночью пробрался к ним — сообщил о случившемся. Кроме матери — брата, у меня других родных не было. Брата забрали, мать слезами исходит. Вот и прибежал я к русским и говорю им, что угоняют Алима. Тогда вышли из поселка человек двадцать вооруженных людей, нагнали отряд и отбили брата. Ос-

таваться ему после этого в тех краях было невозможно. Брат и говорит мне, что в Туркестане организована советская власть, что там мы найдем свою родину, а пробираться туда будем через пески Бетпакадала. Он взял меня с собой, хотел устроить в Туркестане на учебу. Пошли мы. Наступила зима. Шли мы среди песков, пока не набрели у устья Чу на людей. А там еще предстоял долгий путь. Мы решили отдохнуть в поселке, но столкнулись с новой бедой – Алима свалил тиф. Представляете наше положение? Я – несмышленный мальчишка, брат – беспомощный больной. Вот тогда-то я и понял, что значит пески. Дома лежит брат, бредит, стонет, горит как в огне. Мучается единственно близкий человек. Все окружающее перестало для меня существовать. Мне не было дела ни до людей, ни до природы. Я не замечал просторов. Мне казалось, что даже небо плачет вместе со мной, печалится о судьбе моего брата. Выйду из юрты – кругом одни пески, сумрачные, голые пески да бедный серый день. Мне – одиннадцать лет. Нет ни опыта, ни сил, ни знаний. И удручающее одиночество. Нет не только близкого человека, но даже простого знакомого. Когда у брата жар спадал, мы брели дальше, пока он опять не сваливался. Он спешил в Туркестан, хотел хотя на шаг в день приблизиться к месту, где существовала советская власть. Эта земля вздымалась перед нашим взором, как величественная, высокая вершина. И если мы доберемся до нее, то впереди нас ждет радость – блаженство. Там, на этой вершине, взойдет солнце над нашими головами. Мы были уверены в этом. Но пока нас окружали голые пески. Песчаные барханы, глубокие шукуры, редкая, сухая поросль, да острые стебли курая. Медленно чередовались тягучие, однообразные дни. Мы еле передвигались, и дорога не сокращалась. А кругом все пески, пески. Мой брат, изнуренный болезнью, замученный постоянными переходами, не выдержал мучений и скончался. Перед смертью он говорил только обо мне: “Ты остался сиротой. Хотел заменить тебе отца, но тебя снова ждет сиротство. Ты должен наполнить свое маленькое сердце большим мужеством. Ты не погибнешь, не бойся ни песков, ни ожидающих тебя трудностей, иди. Иди вперед. Впереди – Туркестан, там большевики. Возьми это письмо. И когда

добрешься до города, все равно какого, пойдешь в Комитет партии и отдашь его”. Так сказал мне брат. С того дня началась самая тяжелая пора моего одинокого детства. Вы сами только что сказали, Есеке, что в песках не трудно тому, у кого спокойная душа. В те дни, когда брату будто становилось лучше и в сердце вселялась радость, песчаные барханы и шукуры, скот, пасшийся между ними, и люди, изредка встречавшиеся на пути, начинали казаться мне необыкновенно хорошими.

Но стоило состоянию ухудшиться, песчаное море превращалось в волосяную петлю, стягивающую мое горло в железный обруч, из охвата которого невозможно вырваться. И я еще тогда понял, что не пески тяжелы человеку, а состояние души. Если твоими спутниками будет надежда, радость и энергия, если опорой тебе будет разумное мужество, то и пески — скалы будут для тебя одинаковы.

Е с и р к е п. Ой, Секе, не знал я, что тебе пришлось столько пережить смолоду. Было от чего погнуться ребрам. Поучительную историю рассказал ты мне. *(Входит Дауренов, здоровается с Есиркепом. Вместе с ним заходят Бектенов и Бек.)*

Д а у р е н о в. Есеке. Прежде чем начать беседу с вами, позвольте сделать товарищам одно сообщение. После того нашего совещания весной по разрешению Центрального Комитета нашей партии и Совета Министров я поставил вопрос перед Москвой, перед союзными органами. Сделал представление новой породы. Просил провести в зимний период испытание новой породы с тем, чтобы весной, в период окота, закончить всю проверку и высказать свое суждение. И вот сегодня я получил ответ. В Москве утверждена специальная комиссия по испытанию породы. От нас в эту комиссию вошли Першин и Бектенов. Такова подготовка Москвы к сдаче заключения по проделанной нами работе. Ну, а как обстоит дело у вас?

Е с е н о в. Разве мы уже не говорили, что выдержим испытание и покажем комиссии все, что имеем?

Д а у р е н о в. Так почему же в таком случае ко мне явился директор института Бек и заявил, что не знает, как обернется дело, так как еще до сих пор неизвестно, уйдет ли отара в пески или останется здесь?

Е с е н о в. Да, именно об этом мы хотели потолковать с Есеке.

Д а у р е н о в. Но разве мыслимо оттягивать дело еще на год и не уводить отару в пески? Какое же это будет испытание? Можем ли мы придти к определенному заключению, не прозимовав в песках и не проведя там окота? Ваше мнение, Бектенов?

Б е к т е н о в. Не прозимовав в песках, мы не можем дать заключение. Даже заикнуться не можем о том, что создали новую породу. Ведь мы утверждаем, что наши овцы резко отличаются от овец других пород, что они приспособлены к жизни в песках и в горах. А чем мы это докажем? Думаю, что и профессор Балашов согласен со мной.

Б а л а ш о в. Пока овцы не проведут зиму в песках, я не скажу, что новая порода прошла последнее испытание.

Б е к т е н о в. Короче говоря, новую породу овец необходимо отправить в пески. Без этого их не примет и московская комиссия, о которой только что говорил товарищ министр. Я являюсь одним из членов этой комиссии и предупреждаю заранее: пока не будет скота в песках, пока собственными глазами не увижу результатов этого, не пощупаю ягнят собственными руками — я первый не приму новую породу.

Б а л а ш о в. Не принимайте. И я не стану об этом просить вас. У меня вся отара, до последней овцы, готова. Я хочу поставить на испытание всего тысячу голов, все наличие новой породы.

Д а у р е н о в. Теперь ты, Бек, скажи, какие пути сковывают твои движения? Почему ты за последние шесть месяцев, при приближении зимы, начал отступать и выражать сомнения?

Б е к. Если бы сомнения одолевали меня одного, то в этом большой беды не было бы. Профессор Балашов, который хочет поставить на испытание всю отару, считает все подготовленным. Но только он готов с одной стороны, а с другой — его и самого обуревают сомнения.

Д а у р е н о в. Вот и договорились до сути. Значит, кружимся вокруг одного стержня — нашего старого Есикена. Вспомни поговорку: “Если слово найдет направление, скот найдет хозяина”.

Е с е н о в. В таком случае дадим слово хозяину, послушаем Есикена.

Е с и р к е п. Ручейки стекают в одно русло. Вижу я, что и все ваши слова сливаются в одну струю. Стоит ли говорить о том, что у меня есть свои помыслы, свои заботы. Но не о них речь. Кроме них и мне не дает покоя одна забота — от всей души хочется, чтобы тринадцатилетний труд Балашова не пропал даром, а дал достойные плоды. Правда, что помощники мои хорошие, но ведь все-таки они женщины, а сам я стар становлюсь, немощи меня одолевают. И Балашова жалко, и скот жалко. Потому-то и прошу освободить от непосильной работы.

Д а у р е н о в. Ваши слова, Есеке, не пустая отговорка, а правдивое мнение. Но кто возьмет на себя смелость утверждать, что новую породу, стойкое племя способен вырастить только пастух сказочной силы, одетый в броню, опоясанный мечом? Скажу больше — если порода действительно хороша, она и при ваших малых силах должна проявить свои качества, оправдать возложенные на нее надежды. А не то грош ей цена.

Б а л а ш о в. Совершенно верно. Если на тысячу овец требуется сто пастухов, тогда, значит, новую породу не вывел.

Е с е н о в. Есеке, и для нас, и для вас самое лучшее договориться обо всем до конца. Мы не требуем от вас необычайной энергии, для нас вполне достаточно, чтобы вы работали так, как можете.

Е с и р к е п. Ой, создатель. Уйду я в пески, загублю там овец, и вы думаете, никто мне за это слова не скажет?

Д а у р е н о в. Даем обещание — если случится джут, если овцы, находящиеся под вашим присмотром, не акклиматизируются в песках, — вы не будете в ответе.

Е с и р к е п. Ну тогда ни возражать, ни торговаться дальше я не намерен. Значит, таков приказ страны, значит, веле-но мне, хоть и стар я становлюсь, выйти на поединок. Нынче на фронте лучшая наша молодежь рискует своей жизнью, мне ли в такую пору жалеть самого себя? Хорошо, я согласен. Мне ли желать чего-нибудь от Балашова?

Б а л а ш о в *(вместе с остальными, выражающими свое одобрение)*. Спасибо, Есеке. Я подвожу итог половины сво-

ей сознательной жизни. Поэтому и заявил, что доверяю только тебе, что только в твои руки могу передать все, что имею. Будет успех — он будет не только моим, но и твоим. Твое участие в работе дало многое. Счастливого тебе пути, мой друг, дорогой мой старик! (*Они обнимаются и обмениваются крепкими рукопожатиями.*)

З а н а в е с

## ТРЕТИЙ АКТ

### *Пятая картина*

Зима. Пески. В шукыре среди барханов одинокая юрта.  
Это жилище Есиркепа. В юрте Асия и Канипа.

К а н и п а (*входит*). Сегодня овцы опять беспокоятся. Так и разбегаются. Так и разбегаются.

А с и я. Здесь не осталось ни одной травинки. Когда есть пища, овцы стоят спокойно.

К а н и п а. Овцы спали с тела; есть среди них и голодающие.

А с и я. А ведь еще и до середины зимы не дотянули. Что будет, если с этого времени начнут худеть?

К а н и п а. Без откочевки в глубь песков не обойдемся. В одиночестве мы остались, от людей совсем отбились.

А с и я. Хорошо, если отец найдет подходящую стоянку с хорошей травой.

К а н и п а. А что будем делать, если не найдет? Это меня очень беспокоит.

А с и я. В такие трудные дни... когда трудности растут с часу на час... И мое положение...

К а н и п а. И у меня мысли разбегаются. О доверенных нам овцах думаю, а о тебе — вдвойне. Что будет, когда Жаке узнает?

А с и я. Куда ни погляди, везде плохо.

К а н и п а. Почему же мы не сказали о вашей женитьбе старикам этой осенью?

А с и я. Что поделаешь. Не уезжал бы Молтай, сказали бы. Но он ушел в армию. Пока не жить с ним. Не захотели же заранее печалить стариков. Пожалели ведь их. Хоть на одну эту зиму скрыть хотели. Ведь сама же советовала так.

К а н и п а. Советовала, да. Но какая это была ошибка.

А с и я. Не было бы моего теперешнего положения, это не было бы ошибкой. Что сказала мама? Как она, плачет? Когда ты ей рассказала?

К а н и п а. Сегодня утром. Разве не понимаешь, почему она подле отары замешкалась? Это она хочет скрыть свои слезы.

А с и я. Дорогая моя, она мне ближе родной матери. Как она отнеслась к новости?

К а н и п а. Сначала плакала от обиды за Сайлыбека.

А с и я. А потом? Ты ей и про Молтая сказала?

К а н и п а. Да. Откровенно призналась, что с самого начала обо всем я знала сама. Рассказала и о том, что вы хотели пожениться. После этого она как будто немного успокоилась.

А с и я. Великодушная мать.

К а н и п а. Потом попеняла, дескать, надо было бы до конца зимы сохранить тайну. Я говорю — невозможно, ребенок уже шевелится, отец все равно догадается. А тогда как? Тут она снова заплакала, говорит: “Вот когда пришла беда. Значит, умер мой Сайлыбек. Сколь бед свалилось сразу на мою голову. Вы скрываете от меня, но я догадываюсь, что умер мой единственный”. И разрыдалась. Легко ли сердцу матери?

А с и я. Он был ее опорой, ее надеждой...

К а н и п а. Я думаю, не лучше ли откровенно сказать ей о смерти Сайлыбека? Тогда бы и твое положение изменилось. Ты бы предстала перед стариками не преступницей, а честным человеком. А так как же будешь ходить, как виновная.

А с и я. Нет, Канипа, не говори. Если старики сейчас узнают о гибели сына, им здесь, в одиночестве, будет вдвойне тяжело пережить утрату. Пока каждый сон, всякая ворожба дает им надежду. Этим ничему не поможешь.

К а н и п а. А если они не примирятся, если проклянут, что будешь делать? Сама в таком положении, и Молтая нет.

Без вины виноватой будешь ходить. Не за что ни про что на медленном огне гореть.

А с и я. Я молода, выдержу. Думаешь, умру? Нет. Не тревожь стариков. Нет моего на то согласия.

К а н и п а. Всю тяжесть на свои плечи взвалить хочешь?

А с и я. Ничего, эта тяжесть — не какое-нибудь беспутство. Живу честно. И труд мой честен. Только бы не вздумал Жаке в гневе выгонять меня из дому.

К а н и п а. Может и на то пойдет старый человек.

А с и я. Пусть даже вздумает выгонять, а я разве могу покинуть отару до конца испытаний? Как могу бежать, когда отвечаю за все.

К а н и п а. Конечно, ясно. Но Жакем такой сердитый и крутой в гневе. Не могу догадаться, что он может сказать и что выкинет. Не знаю даже, как можно унять его.

А с и я. И я, точно ты, только чувствую, что трудно, а ничего на ум не приходит.

К а н и п а. Хоть бы Молтай знал все, что тут творится, то бы, кажется, легче было.

А с и я. Он еще не успел получить моего последнего письма. Перед этим он прислал хорошее письмо и песню сочинил, “бесценной супругой” назвал. Когда мое сердце полно любви, когда есть у меня опора, меня не сломит никакое горе. Только стариков не тревожь, иначе и им больно будет, а отара погибнет.

К а н и п а. Значит, до весны отцу ничего не скажем?

А с и я. Это невозможно. Все равно не скроешь. Скажи, но только ты.

Е с и р к е п (*входит*). Доченьки. Знаете ли вы, что я нашел, рыская в песках?

К а н и п а. Что, отец?

А с и я. Не измучились ли вы, Жаке? Неужели все три ночи в песках?

Е с и р к е п. А где же иначе? Кто там мне юрту поставит? Еду я взял с собой, конь у меня выносливый. Уж раз углубился в пески, изъездил их во всех направлениях, отыскивая стоянки для овец. Зима теснить начинает, надо быть начеку.

К а н и п а. Значит, в пески подадимся?

А с и я. А там хорошо? Здесь тощуют овцы.

Е с и р к е п. Да. Я по дороге осмотрел отару. Надо, не теряя дня, уходить в пески. Поблизости они не важные, зато несколько поодаль очень хорошие. Нынче травы уродились густые, высокие. С вами хочу посоветоваться, доченьки. Нам оказали большое доверие. К нам, как к батырам относятся, хотя из нас четверых мы с Балжан — стары, а вы — женщины. Если мы хотим сохранить белых овец, то оглядываться назад не приходится и от близкого соседства с людьми уклоняться надо. Подошло самое суровое время зимы. Будем уходить в глубь песков, искать сытных пастбищ. Я осмотрел шукуры — в одних кормов на десять дней хватит, в других и две недели продержаться можно. Топливо тоже найдется. Для первой откочевки я уже наметил шукур и веху поставил. Слово за вами — под силу ли вам будут постоянные переходы с одного места на другое?

А с и я. О, Жеке. *(Стремительно покидает юрту.)*

Е с и р к е п. *(быстро оборачивается подозрительно)*. Что это значит? Кажется, мои слова не понравились Асии? Но я ничего иного предложить не могу. Я опирался на вас, как на каменную стену. Разве не на вас я надеялся? Не на Асию? Ей не понравилось? *(Входит Балжан.)* Как же прикажете уберечь овец? Что случилось? Что тут происходит? Канипа? Почему Асия не пожелала выслушать меня? Или ей не хочется уходить в пески? Объясни, Канипа. *(Канипа молчит.)* Почему ты молчишь? Что все это значит? Асия изменилась, совсем не похожа на прежнюю.

К а н и п а. Ты прав, отец. Асия не прежняя Асия.

Е с и р к е п. Что ты говоришь? Она на меня обиделась?

К а н и п а. Не обиделась она, а стыдится, не может в глаза тебе посмотреть.

Б а л ж а н. От стыда сквозь землю готова провалиться, бедняжка. Даже меня стесняется.

Е с и р к е п. Что случилось? В чем провинилась?

К а н и п а. Асия беременна. Вот в чем ее вина. Четырехмесячного ребенка под сердцем носит.

Е с и р к е п. Что-о? Что несуразное ты мелешь? Какая напасть, какое бесчестье обрушилось на мой дом, где я оберегал вас, будто на ладонях унося от беды? Правда ли это? Ты, ты скажи.

Б а л ж а н. Мне сказать нечего. Худая молва не бывает ложной.

Е с и р к е п. Лучше исчезнуть, умереть, чем слышать это. Так-то она надругалась над Сайлыбеком? Как же она смеет после этого показываться мне на глаза? Мог ли я предполагать в ней столько лжи, притворства? А я ей верил, надеялся на нее, дал народу обещанье. Теперь я людям на глаза показаться не могу. Она меня живым в могилу согнала. Как она смеет оставаться в моем доме? Пусть уходит немедленно, сейчас же. Умру, но ее подле себя не потерплю. Я не хочу ее больше видеть. Пусть сгинет с моих глаз. *(Входит Асия.)*

К а н и п а. Прояви сдержанность, отец. Подумай о нашем положении.

Е с и р к е п. Мне не о чем думать. Погубили вы меня. Асия погубила. И уму, и сердцу рану нанесла. Тут отара. Зима. Джут грозит схватить за горло. Почему она осенью не сгинула? Завела меня в пустыню, в безлюдье, а теперь хочет глаза выколоть? Зачем она последовала за мной?

К а н и п а. Отец, будь резок, но справедлив.

Е с и р к е п. Я сказал хоть одно слово неправды?

К а н и п а. Она не за тобой следовала. Она службу исполнила. Ее, как и тебя, сюда послало государство.

Е с и р к е п. Она пришла как член моей семьи, как моя дочь.

К а н и п а. А я говорю — не оскорбляй ее. Ей и так нелегко.

Е с и р к е п. А, так ты на ее стороне?

К а н и п а. Ты высказал все, что хотел, отец? Теперь говори, подумавши.

Е с и р к е п. Ты ей потакаешь.

К а н и п а. Я за нее заступаюсь.

Е с и р к е п. Ах, так. Вы объединились и выживаете меня. Ладно, я уйду, хорошая собака перед смертью покидает дом. Неужели я хуже собаки? Лучше умереть, чем живому терпеть позор.

А с и я. Жеке, Жекетай! Почему вы уходите? Вы не ответчик за другого. Не вам уходить. Я уйду, не буду мозолить вам глаза.

Е с и р к е п. И то верно. Раз ваши пути с Сайлыбеком разошлись, тебе не к чему оставаться в моем доме. Ступай.

А с и я. Хорошо, я уйду. Сейчас же. *(Собирает вещи, направляется к выходу.)*

К а н и п а. Постой, Асия.

А с и я. Не задерживай.

К а н и п а. Ты это серьезно, отец?

Е с и р к е п. Опомнись, не зли меня, Канипа.

К а н и п а. В таком случае — оставайся один. Оставайся. Я тоже уйду. Асия, я не могу отпустить тебя одну в таком положении, не допущу, чтобы ты одна-одинешенька брела среди песков. Идем вместе.

Б а л ж а н *(удерживая обеих)*. Господи, да что это такое, в самом деле? Обо мне-то вы подумали? С отцом поругались, я чем виновата? Я — мать, как можете вы покинуть меня?

Е с и р к е п. Пусть уходят. Пусть. Видеть их не желаю.

К а н и п а. Мы уходим. Пусти.

Б а л ж а н. Не пушу. Не уйдете. *(Снаружи доносится конский топот.)* Вы мне сердце разрываете. Суждено же такое испытание. *(Входят Балашов и Бек. Приветствуют хозяев, но не получают ответа.)*

Б а л а ш о в. Вы здоровы? Как дела, старик?

Б е к. Асия, Канипа, здравствуйте. Скот здоров? Как поживаете, матушка?

Б а л а ш о в. Иль овцы тощуют, тебя мучают, Есиркеп?

Е с и р к е п. Да, овцы мучают. Замучали, Балашов.

Б а л а ш о в. Видели сейчас отару. Многие овцы в теле сдали. В пески-то не удастся что-ли откочевать?

Е с и р к е п. У меня крыло обломалось.

Б е к. Что случилось? *(Смотрит на Асию. Та уходит.)* Иль потери велики?

Е с и р к е п. Потеря, действительно, велика. Но только не в скоте потеря, а в людях. Умерла сноха, которую я любил, как дочь.

Б а л а ш о в. Что ты говоришь? Что за загадки?

Е с и р к е п. Загадки нет никакой. Вовремя ты приехал. Со снохой мы расходимся. Уезжает она.

Б а л а ш о в. Как это? Как же без Асии останешься?

Б е к. Без нее что станется с отарой?

Е с и р к е п. Ей не до отары. Забеременела она без мужа, вот что. Привела меня, старика, в пески, да и убила. Только что я узнал об этом и решил, либо ей уходить отсюда, либо мне. Вместе со снохой и пожаловали вы к нам.

Б е к. Канипа, голубушка, верно ли все это?

К а н и п а. Верно. Отец прогнал Асию. Она собралась уходить. Человек я или свирепый волк, чтобы отпустить ее одну? Кругом-то ведь пустышь. Ну, оступилась она по-молодости. Но ведь она никогда не была плохой женщиной. Четыре года безропотно мужа ждала. Разве люди не ошибаются? Должны люди понимать друг друга или нет? Она и без того готова умереть со стыда. Что мне делать?

Е с и р к е п. Э, Балашов. Во всякую трудную минуту я только с тобой советовался, изо всех людей, русских ли, казахов ли, близких или далеких, к тебе прислушивался. Скажи, какой отец потерпит такое дело? Даже смерть мою никто осудить не решится.

К а н и п а. Одно знает — либо уйду, либо умру. Вы мне за отца родного, помогите, дайте совет.

Б а л а ш о в. Ты, Есиркеп, просишь у меня совета. Хорошо, я дам его, хотя ты сам можешь любому дать самый мудрый совет. Смири возмущение, подумай хорошенько — плохие у тебя дочь и сноха? Ни в чем плохом они не замечены. В молодости кто не ошибается? И ты, и я должны это понимать, ведь не зря прожили мы долгую жизнь. Тебе не кажется, что в данном случае Канипа оказалась умнее всех? Хорошенько подумай, старик.

Е с и р к е п. Нет, и не говори, Балашов. Уволь. Освободи меня от снохи.

Б а л а ш о в. Другого решения нет у тебя, Есиркеп?

Е с и р к е п. Не освободишь меня от нее, всех овец загубишь. Она была моим главным помощником, а какая работа, когда в доме раздоры? Как я с нее работу требовать буду? Слово мое одно — увезите ее вместе с собой, обязательно увезите.

Б е к. Без нее намучаешься ты, Есеке.

Е с и р к е п. Пусть. Работа не будет страдать от ее отсутствия, в этом я ручаюсь. Умру, но отару сохраню.

Б а л а ш о в. С этим мы согласиться не можем. Мы не можем поручить тебе дело, с которым ты явно не справишься, а без Асии ты беспомощен. Губить тебя я не хочу.

Б е к. Потерпите хотя бы до нашего возвращения в город. Мы пришлем вам оттуда помощника.

Е с и р к е п. Нет, я и с этим не согласен. Один день жизни с ней состарит меня на год. Верите ли мне, голубчики?

Б е к. Есеке. Поручение, возложенное на вас, возложено и на Асию. Она тоже несет ответственность перед государством и, не подумав об этом, вы совершаете ошибку. Вы можете отказаться от нее, но мы сегодня сделать этого не можем. Скажите, вы знаете, что происходит в отарах, зимующих позади вас?

К а н и п а. А что?

Б е к. Мы-то знаем. Вплоть до песков везде лежит глубокий снег. Морозы крепчают. Отарам угрожает джут. Кормов недостаточно. Помощь в полной мере также не может быть оказана. Нам показалось, что из всех отар может уцелеть только твоя.

Б а л а ш о в. И только в том случае, если ты немедленно уйдешь в пески.

Е с и р к е п. И я сам собирался сегодня в путь.

Б е к. Вот и отлично. Мы поможем. А в песках не только четыре человека, но в четыре раза больше людей тоже не были бы лишними.

Б а л а ш о в. Прошу — потерпи, пока не пришлем человека из города. Иначе все-все погибнет. Пропадет весь труд... Весь скот. Собственными руками все загубим.

Е с и р к е п. Ой-пырмай, как трудно мне. В огне я горю, бьюсь, как в тенетах. Чем сидеть тут и мучиться, подобно мирному человеку, чей дом разбомбил враг, лучше было бы взять винтовку и послать врагу пулю, отлитую из проклятья ему.

## З а н а в е с

### *Шестая картина*

Юрта Есиркепа в шукыре, который занимает часть сцены.

Остальная сцена представляет собой песчаную равнину с буграми барханов. Несколько позади впадина, в которой пасутся овцы. Ночь. Небо задернуто тяжелыми черными тучами.

Асия охраняет отару.

А с и я *(тихонько напевает)*.

Думает ли дорогая супруга о любимом,  
С кем близка, как близка двойня ягнят.  
Ее труд, меня фронт проверяет,  
Стремление друг к другу не иссякнет во век.  
Милая супруга, да сопутствует тебе удача,  
Украшает тебя мужество.  
Испепелив врага, муж вернется домой —  
Пусть эта мысль тебя не покидает.

*(Из юрты выходит Канипа, прислушивается.)*

Тоскую,  
Любимый супруг,  
Видеть тебя  
Страстно мечтаю.  
Дорогая супруга, верный друг, надежный товарищ.  
Слово приветя шлю я тебе.  
Польхает пламя радости,  
Встречи часа жду.  
Тоскую,  
Любимый супруг,  
О встрече с тобой  
Страстно мечтаю.

К а н и п а. Ты поешь песню, которую прислал с фронта Молтай?

А с и я. Она стала моим другом, который не даст мне заблудиться даже в ненастную ночь.

К а н и п а. Помнится, в письме припева не было. Хорошо придумала. *(Напевает. Асия подхватывает.)*

Тоскую,  
Любимый супруг,  
О встрече с тобой страстно мечтаю.

А с и я. Нет ни письма, ни весточки. Пугает меня долгое молчание. Вот и утешаюсь песней.

К а н и п а. Я и сама надеялась получить сегодня весточку от Молтая, да только не оправдалась надежда.

А с и я. Давно нет писем от Молтая... Кто знает, что случилось... Может, его дитя что и чувствует — беспокоится.

К а н и п а. Не гадай, как мама. Сама знаешь, письма часто задерживаются в пути.

А с и я. Скоро родится ребенок. Он придет в мир и увидит только чужих людей.

К а н и п а. Мать заменяет младенцу весь мир.

А с и я. Отец с того дня ни единым словом со мной не обмолвился.

К а н и п а. Не в нем одном мир сосредоточен.

А с и я. А кто еще есть у меня?

К а н и п а. Мало ли людей вокруг?

А с и я. Что им до меня? И как еще отнесутся после всего происшедшего? Или гадала? Иначе откуда узнала их отношение?

К а н и п а. Хотела обрадовать тебя утром, но, так и быть, скажу сейчас. Читала я газету. В ней подробно описана наша работа. Хвалят, особенно тебя и отца. Даже портреты ваши напечатали.

А с и я. Что ты говоришь? Неужели обо мне пишут?

К а н и п а. Еще как. А портрет какой большой. Ничуть ни меньше, чем отцов.

А с и я. Неспроста значит Балашов и Бек фотографировали нас в последний приезд.

К а н и п а. Кроме того, сам министр прислал отцу письмо.

А с и я. Какое?

К а н и п а. Еще не читала, отец заснул после ужина. Мне не хотелось будить его. Сейчас буду читать. Зайди, послушай.

А с и я. Уж очень ночь неприглядная. Видишь, какие тучи. И ветрено. А темень какая. Боюсь, как бы буран не разыгрался. Не оставлю я отару. Как прочитаешь, придешь, расскажешь. Ну, ступай. *(Канипа уходит. Асия, напевая, тоже удаляется.)*

Е с и р к е п *(в юрте)*. Куда девалась Канипа? Почему письмо не читает?

Б а л ж а н. Пошла Асию проведать. *(Входит Канипа.)*

Е с и р к е п. Видишь, и про Асию в газете напечатано. Конечно, откуда им знать, какая она.

К а н и п а. Думаешь, иначе не стали бы писать?

Е с и р к е п. Если бы и написали, то осуждая, а не хваля.

К а н и п а. Разве Асия работает хуже тебя?

Е с и р к е п. А я это говорил?

К а н и п а. А остальное их не касается.

Е с и р к е п. Еще как.

К а н и п а. Ни чуточки.

Е с и р к е п. А где нравственность?

К а н и п а. Не все понимают ее так, как ты.

Е с и р к е п. С каких это пор я не по-людски думать начал?

К а н и п а. От старых взглядов на жизнь все давно отжились. Устарели они.

Е с и р к е п. И плохое плохим не признается?

К а н и п а. Разве все, что тебе кажется плохим, так плохо в действительности?

Е с и р к е п. Не оправдывай. Не к чему.

К а н и п а. Позволь задать только один вопрос. Что бы ты сказал, если бы этот поступок совершила не Асия, а Сайлыбек?

Е с и р к е п. Какой поступок?

К а н и п а. Представь, что Сайлыбек вернулся бы домой с новой женой. Ты бы прогнал его? Приказал бы на глаза не показываться? (*Есиркеп молчит.*) Не прогнал бы! Свадьбу бы еще справил. А наша общественность в таких вопросах и к мужчине, и к женщине относится одинаково. А вы о “снохе”, о “вдове” толкуете.

Е с и р к е п. Хватит, не заступайся. Лучше прочти письмо. Не ты утешаешь мое сердце, а вот этот листок бумаги.

К а н и п а (*читает*). “Уважаемый Есеке. Слышал я, что ты оторвался от соседей и ушел в пески. Твой поступок не уступает по храбрости подвигам наших воинов на фронте. Мы называем тебя батыром, вступившим в поединок с джутом. Желаем удачи. Знаю и то, что в далеком одиночестве одолевают тебя печальные мысли. Профессор Балашов обо всем мне рассказал. Убедительно прошу — не считай себя заброшенным, забытым. О тебе помнит и заботится весь народ. Хочется мне по этому случаю рассказать притчу. Орлица кладет яйца зимой в самую холодную пору года. А гнездится она на голых вершинах. И вот что удивительно — она их не согревает, начинает только весной, когда воздух теплеет. Говорят, что таким образом орлица делает своего птенца бо-

лее выносливым, способным перенести любую непогоду. Ведь слабое яйцо на морозе лопается. И только отобрав лучшее, она отогревает его своим телом. Как вы сами знаете, орлица любит своих птенцов, защищает их, заботится о них и никогда не оставляет в беспомощном состоянии. Вся общественность республики тебя и твою семью отождествляет с орлиным выводком, закаленным и мужественным. Не думайте, что мы закинули вас так далеко и обрекли на долгое одиночество по невниманию к вам. Отнюдь нет. И я прошу помнить об этом всегда. Ведь на смену суровой зиме идет приветливая весна. И ласковая родина-мать, как мать-орлица, сумеет согреть тебя на своей груди. Об этом я и хотел написать. До свидания, Есеке. Твой младший брат Иса.

Е с и р к е п. Так может написать только тот, кто болеет за тебя душой. Это слова близкого, родного человека. Рассказ Салима заставил меня решиться идти в пески. А теперь, вдогонку мне, послано ласковое письмо. Оно — проявление большой заботы. Я думал, что не осталось для меня на свете никакого утешения, а друг не дает мне отчаяться, напоминает о себе.

А с и я (*снаружи*). Канипа, ой, Канипа.

К а н и п а. Что, Асия?

Б а л ж а н. Пойди, посмотри, не случилось ли чего.

Е с и р к е п. Бурана, что ли, испугалась? Пойди, узнай. (*Канипа одевается и уходит.*)

Б а л ж а н. Асия, светик мой. Замерзла, поди. Зайди, отогрейся.

А с и я (*снаружи*). Нет, не замерзла я. Только ветер крепчает, барханы дымятся. Овцы всполошились, ни одна не лежит, все на ноги повскакали. Как бы не ушли. И волки воют.

Е с и р к е п. Сейчас оденусь, выйду.

К а н и п а (*снаружи*). В какой стороне вой?

А с и я. Не понять. Временами кажется, что все пески полны волками. Со всех сторон вой доносится. Пойдем, встанем на разные концы отары. (*Обе уходят.*)

Б а л ж а н. Айналайын, ой, ни одна ночь спокойно не проходит. И ей-то трудно, тяжелеет она.

Е с и р к е п. А тебе какое до этого дело?

Б а л ж а н. Чудной ты стал, право. О ребенке нисколько не беспокоишься.

Е с и р к е п. Была забота — о безотцовском ребенке думать.

Б а л ж а н. Как это так безотцовский?

Е с и р к е п. А ты знаешь отца?

Б а л ж а н. Знаю.

Е с и р к е п. Кто?

Б а л ж а н. Молтай.

Е с и р к е п. Да ты что говоришь?.. Молтай?..

Б а л ж а н. Он самый. Они пожениться собрались, да его на фронт взяли.

Е с и р к е п. Значит, есть и отец и муж? И это Молтай?

К а н и п а (*торопливо*). Жеке, Жеке. Мама.

Е с и р к е п, Б а л ж а н. Что такое? Что случилось?

К а н и п а. С овцами не управимся. Волки весь шукыр окружили. Воют. Уж вплотную придвинулись. Выходите скорей.

Б а л ж а н. Спешу. Торопись.

Е с и р к е п. Сейчас, сейчас. Япырай, до сего дня и от джута и от хищника сумел сберечь, себя не жалел, только бы овцы целы были. Иди и ты. Встанешь с одного края. (*Уходит.*)

(*Выходит. Со всех сторон доносятся крики чабанов.*)

К а н и п а (*бежит*). Волки! Волки!

Б а л ж а н. Волки? Проклятый хищник! Айтак... Айтак... Прорвались, окаянные. Раздвоили отару. Бедная скотина, гляди, как переполошилась. Асия, милая. Асия! Волк... Прокрался таки. Вот он... Ох, и страшилище... Настоящий дьявол... Асия... Ой... Светик ты мой... Голубушка, Асия... Доченька... Так... так... бей его, бей. Уложила.

А с и я (*появляется с дубинкой в одной руке, другой волочит убитого волка*). Вот, мама. Это матерый — вожак всей стаи.

Б а л ж а н. Ох, ненаглядная ты моя. Да ты храбрее мужчины оказалась.

А с и я. Он сам подошел. На овец кинулся, забыл об осторожности.

Б а л ж а н. Неужели не испугалась, светик ты мой? Отдышишься... Пусть скот пропадает.

А с и я. Нет, не говорите. Мне кажется, волки раскололи отару и отогнали часть овец. Стукни волка разок по башке, как бы он не ожил, а я пойду следом за оставшимися овцами. Жеке скажи, чтобы поскорее разыскал коня, догнал меня.

Б а л ж а н. Постой. Это невозможно... Ты не можешь бежать... и не слушает... Убежала... Вот тебе, проклятый, вот. (*Бьет волка.*) Другого места не нашел, что в наш шукур полез.

Е с и р к е п (*прибегает*). Что случилось? Где Асия?

Б а л ж а н. Асия? Асия подарок заслужила. Гляди.

Е с и р к е п. Да что ты говоришь?

Б а л ж а н. Собственными руками уложила. Она собой не дорожит. Сейчас убежала за отбившимися овцами, только и успела сказать, чтобы ты догонял ее.

Е с и р к е п. То-то овцы успокоились. Вожак убит, а остальные, видать, молодые волчата.

Б а л ж а н. Ступай, ступай скорее за Асией.

Е с и р к е п. Сейчас верхом поскачу. Ай да Асия! Ай да молодец! Верный товарищ мой. (*Уходит.*)

Б а л ж а н. Айтак-ау. Айтак.

З а н а в е с

## ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

### *Седьмая картина*

Стоянка Есиркепа. Зеленеет земля. Виден бок юрты. Вдали обрисовываются контуры землянок, в которых держат новорожденных ягнят. Подле юрты навес, натянутый на шестах. Пол устлан кошмами и войлоком.

Б а л ж а н. Что же будешь делать?

К а н и п а. Ума не приложу. Девать некуда, гибнут все.

Б а л ж а н. Ночи холодные. Нынче зимы конца не видно. Зачем Улбала приехала?

К а н и п а. На смену Асии. Разве отец не потребовал, чтобы Асия покинула наш дом, как только приедет смена?

Б а л ж а н. Асия только что после родов встала. Неужели же мы будем гнать ее, не дав оправиться?

К а н и п а. Жеке упрямится, никак не желает сменить гнев на милость.

Б а л ж а н. После рождения ребенка он в дом даже не заглядывает.

К а н и п а. Ну вот, Улбала приехала, и теперь нет повода Асии задерживаться. А Асия думает больше, чем о себе, об успехах дела отца. Бедная Асия.

Б а л ж а н (*выходит Асия*). Ты зачем вышла? Ступай, ложись сейчас же, отдохни.

А с и я. Не до отдыха мне.

К а н и п а. Тебе поправляться надо. Иди, полежи. Ягнят много стало, некуда их девать, что ли? Мрут они?

Б а л ж а н. Деваться некуда.

А с и я. Беда. Много ягнят пало?

Б а л ж а н. Пока нет, но падеж неминуем. Старик взволнован, совсем больным стал. Ну и зима выдалась ныне. Не лучше немца.

А с и я. Балашов что говорит?

К а н и п а. Ничего не говорит, с утра занят взвешиванием ягнят.

А с и я. Если только он скажет, что ягнята слабые и их выпускать из землянок нельзя, то мы погибли.

К а н и п а. Даже в день родов нет тебе покою, милая. Ступай домой.

А с и я. Стойте. Идут. (*Входят Балашов, Сара, Есиркен.*)

К а н и п а. Ну, Сара, как ягнята? Куда помещать их будем?

С а р а. Василий Иванович все объяснит.

Б а л а ш о в. Мы всех ягнят взвесили. Давайте-ка ваши записи, Сара (*просматривает их*). У меня такие же данные. Ягнята очень жизнеспособные и это результат зимовки овец в суровых условиях.

С а р а. Решающий результат. Вес ягнят отличный, нет ни одного случая падежа. А это значит не меньше, чем спасение белых овец от джута.

Б а л а ш о в. Правильно, Сара. А вам, Канипа, можем сказать, что ваши опасения напрасны.

А с и я. Как же так?

Е с и р к е п. Можно ли выпустить ягнят из теплых землянок?

К а н и п а. Конечно, нет, они замерзнут.

Б а л а ш о в. Неверно, Канипа. Никто не собирается нежить ягнят, растить их на ватных перинках. Опыт в этом и заключается. Десять лет мы улучшали породу и выносливость стала ее отличительным качеством. Выпустите ягнят.

Е с и р к е п. Не рано ли, Балашов?

С а р а. Ведь в прошлом году мы сделали то же самое.

Е с и р к е п. Нынче погода другая. Холода еще не отошли.

К а н и п а. В прошлом году ягнят было меньше.

А с и я. И были случаи гибели их от ночных заморозков.

Б а л а ш о в. Не бойтесь. Нынешний приплод отличается от прошлогоднего. Нынешние новорожденные ягнята весят больше прошлогодних.

С а р а. То же самое мы видим у трех- и пятидневных ягнят.

Б а л а ш о в. И это результат зимовки в песках.

С а р а. Нынче они иные и по качеству.

Б а л а ш о в. Зимовщики мои, герои, не возражайте. Выпускайте ягнят.

С а р а. Забудь опасения, Канипа.

Б а л а ш о в. Пусть приезжает комиссия, поглядит на отару, вызвавшую столько споров.

Е с и р к е п. А Бектенов тоже в комиссии?

Б а л а ш о в. Да. И многие другие. Они хотят приехать в дни окота, чтобы посмотреть на новорожденных ягнят. Они дадут оценку нашей четырнадцатилетней работе.

Е с и р к е п. А другие отары они видали?

Б а л а ш о в. Да. Им показывают и другие отары, чтобы было с чем сравнить.

А с и я. Только бы комиссия была справедливой.

Б а л а ш о в. Есть люди, которые не допустят никакой несправедливости.

Е с и р к е п. Например?

Б а л а ш о в. Сюда едут министр и Салим.

Е с и р к е п. Вот как. Значит сегодня решающий день

подведения итогов.

К а н и п а. Едут. Едут. (*Входят Дауренов, Есенов, Бек, Бектенов, Першин.*)

Д а у р е н о в (*здоровается со всей семьей Есиркена*). Все же не удалось побывать на зимовке, так решили хоть сейчас навестить вас. Неучтиво было бы не повидаться после возвращения из песков.

Е с и р к е п. Спасибо, Есеке. Тронут вниманием.

Е с е н о в. Есеке, шесть месяцев испытывали тебя пески и джут, зима и волки. И вот не успел шагу ступить, только что стал к обитаемым местам приближаться, как снова с испытанием столкнулся. Не сердись ли? Ведь мы для проверки приехали.

Е с и р к е п. Ты все сказал, Секе. Мне прибавить нечего.

Е с е н о в. Сочтем это за согласие Есекена. Итак, уважаемая комиссия, прошу приступить к делу. (*Балашов, Бектенов, Першин, Сара, Бек, Канипа и Асия уходят.*)

Е с и р к е п. Пусть смотрят, проверяют сколько душе угодно.

Е с е н о в. Овцы сами по себе скажут, не так ли?

Е с и р к е п. Совершенно верно.

Д а у р е н о в. Едва ли комиссия превзойдет в суровости нынешнюю зиму.

Е с и р к е п. Зима, действительно, была суровая, но я решил, что первым моим словом при встрече с вами будет слово благодарности. (*Балжан разливает чай.*)

Д а у р е н о в. О, Есеке, мы приготовились услышать жалобу, а не благодарность.

Е с и р к е п. Что человеку в жизни дороже всего? Человеку душа дорога. А знаешь ли ты, Есеке, что значило для меня твое письмо в то время, когда моя душа на части разрывалась? Кроме твоего письма большой поддержкой был мне рассказ Салима о горестях, пережитых им в детстве. Оба они, письмо и рассказ, силу дали мне справиться с трудностями.

Е с е н о в. Не предполагали мы, что наши слова будут иметь столь большое значение.

Е с и р к е п. Как же иначе, Беке? Хорошее слово — пища души. Сказано, когда царь во главе — народ в лени и невежестве. Знания приобретаются трудом и лишениями. Вы приказали мне овладеть ими и для того послали на испытание. Но

послали любя. Я получил твое письмо, Есеке, в тот день, когда волки напали на отару. Большим утешением послужило оно в тяжелую минуту, много бодрости придало мне.

Д а у р е н о в. Приятно слышать, Есеке. Упорный труд — прекрасное воспитание для каждого. Ваш труд, ваш характер, проявившийся при этом, послужат примером для многих. Вы говорите, что мы дали вам утешение. А я, слушая вас, чувствую себя учеником, внимающим учителю.

Е с и р к е п. Пусть сказанное будет к хорошему. Как-то оценит комиссия мой труд? Что скажут Бектенов и другие? Я сижу с вами, болтаю языком, а сердце, забыв свои годы, прыгает, как малышка на коне. Если старик не сможет похвастаться выхоженным им скотом, не будет ли это равносильно признанию в поражении? Эта мысль не дает покоя не только мне, но и всей моей семье.

Е с е н о в. Разве труд, которому отданы все силы, может пропасть даром?

Е с и р к е п. Кто знает? Об этом скажет комиссия.

Д а у р е н о в. Пускай она тщательно все проверит. От снисходительного отношения к самому себе толку бывает мало. Похвала легковерных людей дешево стоит, и признание легкомысленных людей никому не нужно.

Е с е н о в. Они возвращаются. Послушаем, что скажут. *(Входят члены комиссии.)*

Д а у р е н о в. Достаточный материал собрала комиссия?

П е р ш и н. Мы располагаем материалами по многим отарам. По этой собрали все нужные данные и теперь сопоставим их.

Е с е н о в. Товарищ министр, не кажется ли вам, что сегодня идет продолжение заседания, состоявшегося год тому назад в вашем кабинете? Объявите на урочище Кантенгель, у отары Есекена, заседание, посвященное вопросу о белых овцах, открытым.

Д а у р е н о в. И впрямь — состав тот же. Если вы такие любители заседаний, продолжим. Прошу ознакомить нас с собранным материалом.

Б а л а ш о в. Как вам известно, Сара и Есиркеп дали обещание вырастить овец с шелковистой шерстью. Начнем же проверку с этого качества белых овец. Тонина шерсти овец

этой породы по классификации Бадфорда относится к 64 качеству и равна 21,9 микрона, а баранов — к 60 качеству и равна 24,4 микрона. Я правильно говорю, товарищи члены комиссии?

П е р ш и н. Правильно.

Е с и р к е п. Зимовка в песках, несомненно, способствовала улучшению качества шерсти.

К а н и п а. Отец, пусть комиссия хвалит.

Б а л а ш о в. Две зимы из трех были особенно суровыми. Был сильный джунт. Падеж овец породы “прекос” достигал тогда в среднем 10,4 процента, казахских овец — 3 процента, а для белых овец он был равен 2,5 процента.

Е с и р к е п. Да и то пять овец волки задрали.

К а н и п а. Отец...

Е с и р к е п. Молчу, молчу.

Д а у р е н о в. Точные цифры?

П е р ш и н. Абсолютно.

Б а л а ш о в. Возьмем прирост. По данным за три года, казахские овцы дали на 100 овцематок 105 ягнят, а белые овцы по плодовитости оказались выше прекосов — мы получили 135 ягнят на 100 овцематок, причем двойнями родились 122 ягненка, а у прекосов только 114.

П е р ш и н. И это верно.

Д а у р е н о в. Дают ли эти качества право утверждать, что создана новая порода овец?

Б е к т е н о в. Все указанные свойства белых овец соответствуют действительности. Но здесь фенотипические особенности известны как следствия. Однако необходимы убедительные доказательства биологические. Их может дать только химический анализ. Можете ли вы назвать нам анатомические и физиологические изменения новой породы?

Б а л а ш о в. В данное время назвать их не могу.

Б е к т е н о в. Считаете ли вы эти данные необходимыми с научной точки зрения?

Б а л а ш о в. Да, считаю.

Б е к т е н о в. Чем же, в таком случае, можно объяснить их отсутствие?

Б а л а ш о в. Чего нет, того нет. Вы правильно указали на задачу, стоящую перед нами.

Бектенов. Есеке, позвольте задать вам один вопрос? Скажите, если бы в песках Бозоя и Моенкумов одновременно с белыми овцами паслись чуйские, едильбаевские овцы, то которые из них оказались бы лучшими? Вы можете ответить?

Есиркеп. Отвечу. Я – старый казах и перевидал на своем веку все виды казахских овец, в том числе и чуйских. Я знаю всю местность, которая простирается между Арыстанбадом, Азретсултаном, Алаколем, Акоу и Ала-Тау. В этой местности есть и горы, и песчаные пустыни. И я, и предки мои, извечные скотоводы, никогда не пасли здесь овец, подобных этим овцам. Попробуй воскресни Карынбая, Карабая, Шыгайбая, отары которых славились лучшими овцами. И я ручаюсь – они отрекутся от своих непревзойденных овец, кинутся к нашим белым овцам, прижмут их к груди и не захотят с ними расстаться. Есеке. Распространи этих овец по всему Казахстану – не раскаешься.

Сара. Мы рекомендуем их для разведения не по всему Казахстану, а хотя бы только для южных и восточных его областей, в которых сосредоточено 50 процентов овцеводства республики.

Бек. Сделает ли комиссия выводы по имеющимся данным?

Дауренов. Ну, Бектенов, как вы полагаете?

Бектенов. Я думаю, что после ответов профессора Балашова на наши вопросы стало ясно, что для комиссии недостаточно данных для выводов. По-моему, будет поспешно выносить решение сейчас.

Дауренов. Как по-вашему, Першин?

Першин. Товарищ Бектенов за то, чтобы не спешить, и я полагаю, что это будет самое правильное.

Дауренов. Та-ак. Следовательно, комиссия воздерживается от выводов?

Бектенов. Выходит так. *(Пауза.)*

Сара *(Балашову)*. Василий Иванович! Вы будете высказываться против такого отношения?

Балашов. Нет, Сара. Комиссия вправде. Что я могу сказать?

Сара. Так позвольте, товарищ министр, воздерживается Василий Иванович, скажу я. Выскажусь против того, что комиссия не хочет сделать выводов сегодня. Можно?

Дауренов. Можно, Сара, говорите.

С а р а. Товарищ Бектенов, я имею вопрос к вам. Скажите, пожалуйста, можно, по-вашему, по фенотипическим признакам судить о наследственных и измененных свойствах, о новых породных признаках вообще?

Б е к т е н о в. Можно, если эти признаки устойчивые.

С а р а. А если в течение 13 лет эти признаки сохраняются, все укрепляясь? Это устойчиво или нет?

Б е к т е н о в. А вы можете утверждать на основе тринадцатилетних проявлений об устойчивости или вечной неизменяемости признаков?

С а р а. А разве академик Иванов не тринадцатилетним, а даже десятилетним своим опытом не вывел асканийскую породу?

Б е к т е н о в. Вывел, правильно.

С а р а. Правильно? Конечно, есть и такие точки зрения, что нельзя вывести искусственно новую породу, что все решают гены. Немало утверждали об этом менделисты, морганисты, также Бетсон и Чермак. Но разве это путь нашей советской науки?

Б е к т е н о в. Нет, конечно, это путь формальной генетики. Но разве незаконно наше требование точно проведенных научных данных?

С а р а. Да, вы правы в том, что нужно узнать об анатомических, физиологических особенностях. Но задача исследования наперед. Не сможете ли вы, видя такие явные изменения у этих овец, утверждать, что этих особенностей нет в них?

Б е к т е н о в. Утверждать этого, конечно, не смогу.

С а р а. Так какое вы имеете право не сказать, что новая порода есть, что породные признаки явны? (*Бектенов молчит.*)

Е с е н о в. Абсолютно права Сара. Мы считаем это нашим достижением. Применение опыта Балашова ко всем видам скота является обязанностью нашего института животноводства. Это — одно. Второе — мы просим вас, Есеке, войти в Совет Министров с ходатайством о вынесении постановления об обязательном увеличении поголовья белых овец в колхозах и совхозах с тем, чтобы в 1948 году их стало не менее 70 тысяч. Мы располагаем точной выкладкой и знаем, что в настоящее время можем передать наших овец в четыре области,

а позднее — в шесть. От имени нашего научного центра я представляю товарищей, создавших новую породу овец, к высшей награде — Сталинской премии.

**Дауренов.** Салим сказал свое заключение. После окончания войны над нашей Родиной снова взвывается знамя Сталинской пятилетки. Страна вернется к мирному труду. Сейчас, здесь мы обсуждаем ту отрасль народного хозяйства, развитие которой будет возложено в предстоящей пятилетке на несколько областей нашей республики. И еще одна задача стоит перед нами — это забота о людях, которые заняты выращиванием скота, которые круглый год кочуют со своими стадами по степи и по пустыням. Земли, являющиеся раем для животных, не должны быть местом ада для людей. Пойдемте, познакомимся с условиями жизни Есекена, его семьи, Азии, только что разрешившейся от бремени.

**Балашов.** Вы своевременно подняли этот вопрос, товарищ министр.

*(Дауренов, Есенов, Балашов уходят.)*

**Бектенов.** Сара, я прошу вашего позволения, чтобы я мог признаться в одной правде. Промолчать, скрыть было бы упрямством, мелочным самолюбием. Вы крепко осадили меня. Ведь победил ваш труд.

**Сара.** Сапар! Как это хорошо с вашей стороны, Сапар. Так скажите сами об этом Василию Ивановичу.

**Бектенов.** Это испытание?

**Сара.** Разве не было у нас уговора об этом? Как кончаются испытания наших трудов, так испытания переходят на вас — не так ли мы говорили?

**Бектенов.** Я буду учиться на ваших опытах.

**Сара.** Достоинства вашего характера заслужат мое искреннее уважение, Сапар.

**Бектенов.** У меня большие стремления, но я еще не достиг их. Вся работа впереди. Я о многом мечтаю. Вы знаете о моей научной мечте. Я хочу вывести не одну, а несколько пород, чтобы одна была лучше другой, чтобы они расселились и в Арке, и на Иртыше, и на Яике и на Сыр-Дарье.

**Сара.** За эту вашу мечту я уважаю вас.

Бектенов. Но еще не закончены даже первые шаги.  
Сара. Это не беда. Всего достигнете, было бы желание.  
Путь хоть и долог, но радостен и светел.

Бектенов. А вы согласились бы быть помощницей мне на этом пути?

Сара. Я с вами готова идти на край земли.

Бектенов. Какую радость даете вы мне, Сара. (*Возвращаются ушедшие.*) Василий Иванович. Вы давеча сказали, что изучение биологических особенностей новой породы считаете для себя обязательным. Это ответ настоящего ученого. Я многое обдумал за это короткое время, я хочу принести вам искреннее поздравление. Разрешите присоединиться к заверению в том, что буду учиться у вас, брать пример с вашей работы. (*Целуются.*)

Балашов. Поздравьте также нашего старика, и Асию поздравьте.

Бектенов. Я буду учиться у вас, Есеке.

Есиркеп. Пусть твое учение будет заключаться в том, что ты выведешь такую породу овец, которую я смогу пасти в песках. И ты ее выведешь.

Бектенов. Непременно, Есеке. Это — цель моей жизни. Пусть быстрее наступит тот день, когда ты, твоя жена, вся милая семья уведет в пески овец выведенной мною породы.

Есиркеп. Да сбудется твое желание.

Асия. Желаю вам удачи. Только я уже не увижу ее.

Есенов. Почему? Что ты говоришь, Асия?

Сара. Посмотрите, она и ребенка вынесла. В дорогу, что ли, собралась?

Асия. Мне нужно уходить.

Канипа. Ты и впрямь собралась, Асия?

Бек. Зачем? Куда она уходит?

Балжан. Не значит ли это, что ты хочешь покинуть меня? Разве не люблю я тебя, как родную дочь? Разве обижала я тебя когда-нибудь?.. Ты уходишь, чтобы исполнить волю Жеке? Думаешь, что если на смену тебе пришла Улбала, так ты должна уйти? Ты хочешь отобрать у меня ребенка?

Есенов. Что такое? Это правда, Есеке?

Е с и р к е п. Вижу, слово осталось за мной, Секе, Исеке. И я его выскажу. Младенец еще даже именем не наречен. Я ни разу даже не взглянул на него. Не отогрелось еще мое сердце. Но, Асия, выслушай меня. Видишь — пришла весна. Все кругом, кроме черного камня, зазеленело, зацвело. Везде воцарилась радость. Весеннее солнце растопило лед. Неужели я холоднее льда, бездушнее камня? Молтай — мой товарищ по работе. Не чужой человек. Я буду растить его ребенка, как своего. Даю в том слово. Вернется, возьмет — его дело. Но я сделал свое старческое упрямство. Да уже понял я, что не вернется ко мне Сайлыбек. Этот ягненок родился накануне Великой победы над заклятым врагом. Он победил и меня. Пусть же носит он имя Женисбек — сын победы. *(Берет ребенка на руки.)* Ягненок, сладкий ты мой Женисбек. И никуда ты не уйдешь. Будешь расти на моей груди. Будешь ждать отца. А ты, доченька, прости старого Жеке. *(Целует Асию и жену.)*

З а н а в е с

**Ғылыми  
түсініктемелер**





## **“Манас” – киргизская народная героическая поэма”**

Ташкенттегі Орта Азия университетінің еркін тындаушысы ретінде оқып жүрген кезінде (1922–1923 жж.) М. Әуезов қырғыздың батырлық жыры “Манасқа” алғаш көңіл аударып, зерттемек болады, бірақ оның сәті бертінде, 1928 жылы осы университеттің аспиранты болып жүргенде ғана түседі. Осы жылы және 1930 жылдың жазында ел аралап, жырды орындаушылармен кездесіп, көп мағлұмат, деректерді жазып алады. “Манастың айтушылары Бөлек, мұнан 121 жыл бұрын Асық руынан Келдібек 50 жастағы кезінде айтады екен. Келдібектің туғанына 171 жыл болды. Ел аузынан жинаған бір топ деректер де Бөлек құраған сөздер” – дейді (182-бума).

Сол 1930 жылдың 18 наурызында жазған ғылыми есебінде “Манас” жырына қатысты арналып жазған еңбектеріне көбірек тоқталып, қазақ-қырғыз эпосын жанрлық тұрғыдан қарастырып, оның тарихи ерекшелігі мен мұра салмағына қатты көңіл аударғанын, бұдан былай осыларға қатысты ел айтуындағы нұсқалар мен деректерді жинай беретінін, бірнеше тарауға бөлінетін монографияға айналдырмақ ойы бар екендігі жөнінде айрықша бөліп айтады: “За истекший год мною окончена 1 глава о сказителях и слушательской среде “Манаса”, эта глава прочитана мною в н.ч. на одном из собраний научно-исследовательского кружка при Вост. фак.-е САГУ, и была в свое время представлена на отзыв моему руководителю М.Ф. Гаврилову” (Гос. архив в Ташкенте. Ф.Р. 38, оп. 1, д. 336, п. 7, об. 8).

Осы жылдың жазында М. Әуезовтің Фрунзе қаласына ғылыми іссапарға баратындығы жөнінде құжат сақталған (САГУ, оп. 2, ед. хр. № 217, сверка №30, начала 1930 года. С. 138.) және 29 маусымда Қырғызстанның ғылыми-зерттеу институтымен отырған келісім-шарттың екінші тармағында 1 қарашаға дейін еңбекті аяқтайтындығы көрсетілген. Әрине, ойға алғанының, жоспарла-

ғанының барлығы орындала бермейді. Белгіленген уақытта уәдеден табылмауына тағдыр талқысы кедергі болып, ол ойының жүзеге асуына тек 1934 жылы ғана мүмкіндік туды.

Осы еңбегінде автордың өзі мына сияқты атаулар мен ұғымдарға сілтеме жасап, түсініктер берген:

**“Сказители. Сюжет. Стиль.**

1. 5-б. **“...от сказителей “Манаса” Сагымбая Оразбакова и Саякбая Каралаева”** – Последняя запись еще не закончена.

**Сказители эпоса.**

1. 14-б. **“...рискованным утверждение академика Радлова”** – Радлов. Предисловие к 3-т. “Образцов”.

**Тема “казатов” (походов).**

1. 37-б. **“...описательно можно представить в следующем виде”** – Здесь мы имеем в виду сагимбаевский вариант. Об особенностях дополняющих или расходящихся с данным вариантом у Каралаева, будет сказано ниже.

**Тема “аш” (поминок).**

1. 46-б. **“...в изобилии сопровождающие песню об отвязывании верблюда”** – По прежнему обычаю на таких торжествах, как “аш”, одной из необходимых игр является отвязывание верблюда. Сущность ее заключается и в том, что совершенно голая женщина, отбиваясь от нападающих на нее мужчин, в то же время должна зубами развязать привязанного к колу верблюда, за что получает этого верблюда себе.

**Тема женитьбы героя.**

1. 47-б. **“...наслышавшись о высоких достоинствах Каныкей, дочери хана Шатемира”** – По сообщению Абдрахманова, Сагимбай не выдает своего Шатемира за Амир-Темира. Он хорошо знает о последнем и считает его появившимся в эпосе гораздо позже Манаса.

**Другие самостоятельные темы.**

1. 53-б. **“...эпизод о “Заговоре семи ханов”** – Этот эпизод в заголовках песни, а иногда и в самом тексте именуется заговором шести ханов. Числа шесть и семь чередуются, но в речи Манаса указывается число семь.

2. 55-б. **“...в целом представляет несколько видоизмененную версию странствующего сюжета”** – Вернее не сюжета в целом, а мотивов, по определению А.Н. Веселовского. В данном случае – мотив встречи героев с циклопами – людоедами.

3. 57-б. **“О завоевателе уйгурского царства известно только, что он умер в 847 г.”** – Это утверждение, относящееся к 1940 г., не отвечает действительности. См. статью А.Н. Бернштама “Эпоха возникновения эпоса “Манас” в этом же сборнике.

#### **Характеры в поэме.**

1. 68-б. **“...положения героев и былинную обстановку”** – Соколов Ю. Былины. Литературная энциклопедия. Т. 2. С. 10.

2. 68-б. **“...два описания реки Орхон”** – Название, широко известное тюркологам по знаменитым орхонским надписям, включенное в поэтический контекст данной поэмы без изменения. Это название реки относится, очевидно, к числу позднейших наслоений.

3. 74-б. **“...как содержание и форма”** – В этом отношении большой интерес имеет начатая Наркомпросом Кирг. ССР и продолжающаяся сейчас запись всех сохранившихся напевов к стихам “Манаса” из уст самых жомокчу.

4. 76-б. **“На них жекен”** – Жекен – болотное растение.

5. 77-б. **“...именуемые Калдан и Ширен”** – Эти имена, между прочим, не всегда сходны с действительно имеющимися именами определенных народностей. Характерны имена Конурбай, Эсен-хан, данные китайцам, или Марди Калян, имя не то калмыка, не то китайца, на самом деле это – персидские слова – “большой человек”. Но есть много имен не киргизских и не мусульманских.

6. 78-б. **“В руках у меня золотой бакан”** – Бакан – шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты.

7. 78-б. **“Пусть придет сель”** – Сель – поток.

8. 80-б. **“как, например, Афрасияб, Кейкау-Сийяуш”** – Это Сийяуш, очевидно, искаженное имя сына иранского шаха Кейхаус, из-за которого и велись непрерывные войны между Рустамом и Афрасиябом, между войсками Ирана и Турана.

9. 82-б. **“...своеобразном (тоже отмеченном печатью известного героизма) спорте”** – Почти все эффектные события “аша” составляют эти игры состязания: стрельба из лука, борьба, саиш (нечто вроде боя гладиаторов), скачки, отвязывание верблюда и др. Каждая из этих игр составляет целую песню, а скачки занимают даже две песни.

10. 82-б. **“...увеселительные игры занимают так много места”** – Исключение составляют гомеровские поэмы.

11. 86-б. **“А что такое “периште”?** – Периште – ангел.

Осы секілді өзге нұсқаларының да өзіндік ерекшелік, өзіндік айырмашылықтары барлығы, ауқым-аумағының қандай дәрежедеңгейде екендігі бірімен бірін қатар қойып қарастырғанда, салыстырғанда айқын көрінеді. Оны соңғы нұсқада ғана сөз етуге болады. Жалпы бұл басылымға 1944 жылы жазылған нұсқасы (179-бума, 1–134-бб.) ұсынылды.

*Т. Әкім*

## **“Абай – великий казахский поэт”**

М. Әуезовтің Б. Кенжебаевпен бірігіп жазған еңбегі. Абай Құнанбайұлының 100 жылдық мерейтойына орай, 1945 жылы КазОГИЗ баспасынан жеке кітапша болып шыққан. Өмірбаяндық, шығармашылық очерк түрінде, қазақ, орыс тілдерінде жазылған. Мазмұндарында елеулі айырмашылықтар жоқ. Ақын мерейтойы шараларының басы-қасында жүрген, жетекшілік рөл атқарған М. Әуезовке арнаулы түрде тапсырылған жұмыстардың бірі – осы мақала. 1945 жылға дейін де, мерейтой кезінде де Абай тұлғасы мен шығармашылығына қатысты көптеген еңбектер жазған М. Әуезовтің бұл мақаласы бағдарлама жоспарына енген, тірек сипаттағы жұмыстардың бірі болғандықтан, айқын, қатаң ғылыми сипатымен ерекшеленеді. Абайтану ғылымының негізін қалаған М. Әуезов пен әдебиетші-ғалым Б. Кенжебаев бұл еңбекке әртүрлі зерттеулердің нәтижесінде анықталған даусыз ой-тұжырымдар мен деректерді кіргізген. Ақынның шығармашылық өмірбаяны рет-ретімен, жүйелі түрде беріліп, бай шығармашылық мұрасының салалары, кезеңдері бірдей дерлік деңгейде, көлемде талданған.

1945 жылға дейінгі абайтану ғылымының жетістіктері өзіндік орын алған бұл мақала мағынасы, ғылыми деңгейі жағынан салмақты еңбек болып табылады. Қазақша нұсқасы жеке кітапша болып шығумен қатар, мерзімді баспасөз беттерінде де жарияланған. Қажетті түсініктерді еңбектің қазақша нұсқасына берілген ғылыми түсініктемеден қараңыз.

М. Әуезовтің академиялық шығармалар жинағының бұл томына кітап болып шыққан мәтін толығымен берілді.

***Р. Әбдіғұлов***

## **“Ыбырай Алтынсарин – қазақ мәдениетінің зор қайраткері”**

М. Әуезовтің Ыбырай Алтынсарин жөнінде жазған ойлары ең әуелі Қызылордада басылып шыққан “Қазақ әдебиетінің тарихы” (1927 ж.) кітабында көрініс берген. Одан кейін 1933–1938 жылдары жарық көрген әдебиет хрестоматияларында да айтылады (Алтынсарыұлы Ыбырай // Әуезов М., Жолдыбаев М., Қоңыратбаев Ә. XIX ғасыр мен XX ғасыр басындағы қазақ әдебиетінің оқу кітабы: 7-кл. Алматы: Қазкөркемәдеббас., 1933. 72–79-бб.; Әдебиет хрестоматиясы: 6-кл. арн. Алматы: Қазмембас., 1938. 151–153-бб.).

Жалпы, қазақ әдебиеті мен мәдениеті тарихында Ы. Алтынсариннің алар орны қаншалықты екендігін толғайтын бұл мақала алғаш рет “Социалистік Қазақстан” газетінің 1950 жылғы 11 сәуірдегі №74 санында жарияланған. Газеттің 3-бетіндегі мақаланың басында “Қазақ ССР Ғылым академиясының Ы. Алтынсаринге арналған ғылыми сессиясына” деген аңдатпа берілген. Міне, осы айдардың аясында жазылған аталмыш мақала бұдан кейін жазушының “Уақыт және әдебиет” (Алматы: Қазмемкөркемәдеббас., 1962. 313–317-бб.) жинағына, он екі томдықтың 12-томына (Алматы: Жазушы, 1969. 55–59-бб.), жиырма томдықтың 19-томына (Алматы: Жазушы, 1985. 242–247-бб.) енді.

Жоғарыда көрсетілген, әр жылдарда жарық көрген басылымдарға өзара текстологиялық салыстырулар жүргізілді. Салыстыру барысында айтарлықтай айырмашылықтар көрінбеді. Тек “Социалистік Қазақстан” газетінен бастап, барлық басылымдарда “Ыбырай” есімі “Ыбрай” болып берілген. Біз қазіргі орфографиялық ережеге сай “Ыбрай” емес, “Ыбырай” болып түзетілуін жөн көрдік. Екінші, мақаланың ең соңғы абзацындағы “Совет үкіметі, Сталиндік заман” деген сөз 12, 20 томдықтарда саяси түзетулерге түсіп, “Совет үкіметі, Совет заманы” болып кеткен.

Бұны да газеттегі алғашқы нұсқасы негізінде, “Совет заманы” емес, “Сталиндік заман” болып қайта қалпына келуін дұрыс деп таптық.

Жазушының академиялық шығармалар жинағына, мақаланың қолжазба нұсқасы сақталмағандықтан, алғашқы жарияланым ретінде “Социалистік Қазақстан” газетіндегі басылымы ешбір түзетулерсіз, толық күйінде негіз болды.

***Е. Қаныкейұлы***

## “Әбділда Тәжібаев”

Бұл зерттеу алғаш рет “Қазақ совет әдебиеті тарихының очерктері” атты кітапқа (Алматы: ҚМКӘБ, 1949. 261–257-бб.) жеке монографиялық тарау ретінде жазылып, кейінірек “Уақыт және әдебиет” мақала-зерттеулер жинағында (Алматы: ҚМКӘБ, 1962. 93–112-бб.) басылды. М. Әуезовтің 12 томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1962. 12-том. 35–54-бб.) ішінара түзетулер мен қысқартулар жасалған нұсқасы, 20 томдық шығармалар жинағының 18-томында (Алматы: Жазушы, 1985. 307–328-бб.) өзгеріссіз, сол қалпында шығарылды.

Бұл томға алғашқы басылымдардағы материалдармен өзара текстологиялық салыстырулар жасалып, ішінара түзетулерден кейін, мәтіні толық өзгеріссіз жіберіліп отыр. Мұндағы өзгеріске түсіп, қысқарған тұстар: “кілемшілер туралы жыр” (93-б.) – “кілемшілер туралы ертеке” (307-б.); “ақындылық” (95-б.) – “ақындықтың” (309-б.); “Қазақ әдебиетіне сіңірген елеулі еңбегі үшін” (99-б.) – “Қазақ әдебиетіне сіңірген еңбегі үшін” (313-б.); “Ол шөл кешу, еңбек елі үшін шөлейлікте болған” (104-б.) – “Ол шөл кешу, еңбек елі үшін өгейлікте болған” (116-б.); “өлеңдерден басқаша шыққан” (103-б.) – “өлеңдерден шыққан” (318-б.); “дарашыл сезім ішінде” (103-б.) – “драмашыл сезім ішінде” (329-б.); “Әбділда лирикасының” (105-б.) – “Әбділда шығармасының” (320-б.); “Кавказ тұтқындарының үлгісіне жақын өрнек алу” (108-б.) – “Кавказ тұтқындарының үлгісіне жақын өнеге алу” (324-б.); “Әбділда поэмасында сол дәрежеге, бар халықтарға бұл да сондай қасиетті күй өнері болады” (324-б.) – “...Әбділда поэмасында сол дәрежелес, бар халықтарға бұл да сондай қасиетті күй өнері болады. Бар халықтың жас-кәрісіне қадірлі әсері, қуаты бар көркем өнер қатал жаулықтарды жұмсатып, тұтқын елге азаттық әпереді” (108-б.); “Аққу” атты драмалық дастан да

ақынның сырлы, күйлі етіп шығармақ болған қысқа шығармаларының бірі” (324-б.) – “Аққу” атты драмалық дастан да ақынның сырлы, күйлі етіп шығармақ болған қысқа шығармасының бірі. Мұнда кегі қатал, зілі қатты хан өнерпазға адамдық құбылған жүз көрсетіп, аярланады” (108-б.).

1. 116-б. “**Инша жазу**” – араб сөзі, шығарма жазу.

2. 123-б. “**Шахметпен**” – Шахмет Құсайыновпен.

*С. Майлыбай*

## “Гениальные творения”

М. Әуезовтің бұл мақаласы 1949 жылы “Культура и жизнь” газетінің 31 мамырдағы санында шыққан. Содан кейін басқа мерзімді баспасөз беттерінде, жазушының шығармалар жинақтарында жарияланбаған. Мақаланың қолжазбасы сақталмаған.

1949 жылы орыстың ұлы ақыны А.С. Пушкиннің туғанына (1799 ж. 6 маусым) 150 жыл толуына орай Кеңестер Одағында үлкен мерейтойлық шаралар атқарылған. Ақынның бұл мерейтойы Қазақстанда да тойланған. Одақтық, республикалық мерзімді баспасөз беттерінде көптеген материалдар жарияланды. Ақынның әртүрлі сипаттағы шығармалар жинақтары шықты, ұлы ақын шығармашылығына арналған ғылыми-зерттеу, танымдық еңбектер, өмірбаяндық-публицистикалық шығармалар жазылды. Ақынның адами, шығармашылық тұлғасына арналған көркем шығармалар жарияланды. Осындай жұмыстар театр, музыка, сурет өнері, т.б. салаларда да атқарылды.

Қазақстанда өткен мерейтойлық шаралардың басы-қасында жүрген М. Әуезов “Вдохновенный учитель” (Каз. правда. 1949. 6 маусым), “Пушкин и братские литературы Советского Востока” (Правда. 1949. 5 маусым) мақалаларын жазды. “Гениальные творения” мақаласы шыққан “Культура и жизнь” газетінің бұл санында Пушкин мерейтойына қатысты материалдар жарияланған. “Гений русского народа” атты бас мақаламен қатар, “Любимый поэт народов СССР” атты ортақ атаумен А. Сурков, А. Корнейчук, С. Вургун, Р. Глиердің мақалалары берілген.

М. Әуезовтің шағын мерейтойлық мақаласында А.С. Пушкин шығармашылығына қатысты қысқа, нақты бағалар берілген. Мақалада орыс оқырмандарына таныс емес деректер бар. Пушкин шығармаларының қазақ тіліндегі алғашқы аудармалары, Абай арқылы қазақтар арасына Пушкин, Лермонтов шығармала-

рының тарауы туралы сол кез үшін қызықты мәліметтер кездеседі. Пушкин мен Абай арқылы халықтар арасындағы әдеби-мәдени байланыстың, рухани сабақтастықтың мысалдарын көрсеткен. Тұрмысқа шыққан Абай аулы қыздарының жасауының ішінде Абайдың қолжазба жинағының болуы, оның ішінде Пушкин, Лермонтов еңбектерінің жүруі бүкілодақтық оқырман үшін қызықты деректер еді.

Бұл томға мақала газеттегі нұсқасы бойынша берілді.

***Р. Әбдігүлов***

## “После декады”

Мақала алғаш рет 1949 жылы “Театр” журналының №7 санында (25–28-бб.) жарияланған. Бұдан кейінгі уақытта жазушының жеке шығармалар жинағында, көп томдық кітаптарында жарық көрмеген. Қолжазба нұсқасы сақталмаған.

Қазақ тіліндегі драмалық шығармалардың орыс тіліне аударылуында, ол аударма пьесалардың Ресейдің орталық театрларында қойылу мәселесінде бірқатар кемшіліктер орын алғаны туралы жазушы осы мақалада орынды сын пікірлер білдіреді. М. Әуезов орыс, шетел классиктерінің бай мұрасынан үйреніп, заман талабына сай өсіп отырған ұлттық драматургия туындыларының қай сахнаның болсын көркін ашуға лайық екенін айтып, жоғары бағалаған.

Бұл мақала М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық басылымына осы журналдағы нұсқасы бойынша өзгеріссіз, сол қалпында ұсынылып отыр.

*А. Пірімбетова*

## **“Основа нашей жизни”**

Мақаланың 1949 жылы 24 желтоқсанда “Литературная газетада” жарияланған жалғыз нұсқасы ұсынылып отыр.

Жанр жағынан бұл шағын туынды публицистикаға жақын. Көтерілетін мәселе – әдебиет пен руханият тақырыбы. Әрине, мақаланың тапсырыспен жазылғаны көрініп тұр. М. Әуезовтің кеңестік дәуірдегі жетістіктер қатарына ру, тайпааралық, ұлтаралық жауласу мен нәсілдік кемсітушіліктің жоғала бастауын жатқызуын тарихи деректен ауытқу деп санауға болмайды. Сөз жүзінде болса да, мұндай идеология орын алғанын мүлде жоққа шығару үшін көп дәлел қажет. Ұлы жазушының Жамбыл жыры жеткен биікті ұлттық мақтаныш етуі де сенімді жағдай.

***Б. Майтанов***

## “Қазақ халқының зор ғалымы”

Мақала 1949 жылы Қаныш Сәтбаевтың туғанына елу жыл толу мерекесіне байланысты жазылған. Алғаш рет “Әдебиет және искусство” журналының (1949. № 5) 63–68-беттерінде, “ҚазКСР ҒА Хабаршысы” басылымының (1949. №4) 18–23-беттерінде жарық көрген. Бұдан кейін М. Әуезовтің он екі томдық шығармалар жинағы (Алматы: Жазушы, 1967) 11-томының 5–7-беттерінде, жиырма томдық шығармалар жинағы (Алматы: Жазушы, 1985) 18-томының 328–338-беттерінде жарияланған.

Мақалада жазушы геолог-ғалым Қаныш Имантайұлы Сәтбаевтың өмірі мен қызметін жұртшылыққа кеңінен таныстырып өтеді. Қазақ халқының зор ғалымы, көрнекті мемлекет қайраткері Қаныш Сәтбаевтың бағалы қызметі республика көлемінде мәдени шара ретінде аталып өтуі іргелі елдіктің белгісі деп түйеді.

Мақала М. Әуезовтің елу томдық академиялық толық жинағына бұрынғы басылымдар бойынша өзгеріссіз жіберілді.

1. 150-б. **Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945)** – ботаник және географ, академик (1920), КСРО ҒА вице-президенті (1930–1936) және президенті (1936–1945).

2. 150-б. **Вавилов Сергей Иванович (1891–1951)** – көрнекті физик, КСРО ҒА академигі және президенті (1945–1951).

*К. Рахымжанов*

## “Самое большое счастье”

М. Әуезовтің бұл мақаласы 1949 жылы “Литературная газетаның” 24 желтоқсандағы санында жарияланды. Мақаланың қолжазбасы сақталмаған.

М. Әуезовтің елу томдық шығармалар жинағының осы томына газеттегі нұсқасы еш өзгеріссіз беріліп отыр.

Жазушы мақалада Орта Азия халықтарының өнер, білім, ғылым саласында жаңа сатыға көтерілгендігі жайында айтып өткен. Қазан төңкерісіне дейінгі қазақ, қырғыз, өзбек, түрікмен, тәжіктердің ән-жырлары мұнды-зарлы жоқтаулар түрінде болып келсе, ендігі жерде олар жаңа дәуірді, яғни партия басшыларын, жұмысшы және колхозшылардың еңбектерін, Ұлы Отан соғысы батырларының ерліктерін жырлады.

Сонымен қатар Орта Азия көлеміндегі республикаларда, Қазақстан мен Өзбекстанда Ұлттық ғылым академиялары ашылып, ғылыми-зерттеу жұмыстары жүргізіле бастады. Жоғары оқу орындары бой көтерді. Әр республикада симфониялық оркестр, опера театрлары құрылды, әдебиет пен өнерде жаңа дәуір, социалистік дәуірдің жетістіктері жырланды. Бұның өзі әр халық үшін, әр адам үшін үлкен бақыт болды.

*А. Болсынбаева*

## “Вдохновенный учитель”

М. Әуезовтің бұл мақаласы 1949 жылы “Казахстанская правда” газетінің 5 маусымдағы санында жарияланды. Мақаланың қолжазбасы сақталмаған. Жазушының елу томдық академиялық басылымының осы томына газеттегі нұсқасы еш өзгеріссіз беріліп отыр.

Мақала А.С. Пушкиннің туғанына 150 жыл толуына орай жазылған. Орыстың ұлы ақыны А.С. Пушкин орыс әдебиетінің шамшырағы ғана емес, басқа да халық ақындарының рухани ұстазы бола алды. Пушкин әсері қазақ ақыны Абай, татар ақыны Ғабдолла Тоқай, әзірбайжан ақыны Ахундов және қырғыз, тәжік ақындарының шығармашылығынан көрініс тауып, ел арасында кеңінен таралды.

Абай Пушкинді басқа орыс классиктерінен гөрі сирек аударған. Бірақ Пушкин әсері Абай шығармашылығынан әрі терең, әрі айқын көрініс тапты. Оның табиғат суретін реалистікпен беруінде, лирикалық ойға шомуларында, махаббат сезімін терең түсінуінде, әлеуметтік сарындарының адамгершілік үнінде Пушкиннің көптеген сипат, белгілері бар.

Сондай-ақ Ғабдолла Тоқайдың татардың халық ақыны атанып, шындықты жырлауына Пушкин реализмі мол әсерін тигізді. Көптеген халықтар орыс мәдениеті мен Пушкин мұрасына қызығушылықпен қарады. А. Пушкин шығармашылығына зер салу – оның ұлылығын, даналығын тану, оның бай мұрасына терең үңілу болып табылады.

*А. Болсынбаева*

## “Тяжелая утрата”

Белгілі орыс актері Василий Иванович Качаловтың қазасына орай жазылған М. Әуезовтің бұл шағын мақаласы “Литературная газетаның” 1948 жылғы 2 қазандағы санында жарық көрді. Мақала бұрын-соңды томдарға енбеген. Газеттегі нұсқа бойынша тұңғыш беріліп отыр.

М. Әуезовтің мақаласымен қатар Л. Никулиннің “Бессмертный талант”, К. Фединнің “Голос Качалова”, В. Инбердің “Памятью сердца” сынды қазанамалары да газеттің осы санында жарияланды.

Качалов (шын фамилиясы – Швербович) Василий Иванович 1875 жылдың 11 ақпанында Вильнюс қаласында дүниеге келіп, 1948 жылдың 30 қыркүйегінде Мәскеуде қайтыс болады.

1900 жылы Мәскеу көркем театрына қабылданып, өмірінің соңына дейін сонда еңбек етеді. Сахнада көптеген рольдерді сомдаумен қатар, радиода көркем сөз оқудың шебері атанған.

1943 жылы КСРО Мемлекеттік сыйлығының лауреаты атанып, 2 рет Ленин ордені және Еңбек Қызыл Ту орденімен марапатталады. 1948 жылы Қазандағы Үлкен драма театрына В.И. Качалов есімі беріледі.

М. Әуезов өз мақаласында В.И. Качаловтың қазақ актерлеріне ұстаздық рөлін атап өтеді.

*М. Ахетов*

## **“Как создавалась эта книга”**

М. Әуезовтің “Казахстанская правда” газетінің тілшісіне берген сұхбаты осы газеттің 1949 жылғы 17 сәуірдегі санында шыққан. Мұнда жазушы “Абай” романының бірінші кітабына бірінші дәрежелі Мемлекеттік (Сталиндік) сыйлық алуына орай газет осы кітаптың жазылуы туралы әңгімелейді.

Газеттің бұл санында осы сыйлыққа қатысты материалдарға арнайы бет беріліп, А. Брагиннің “От “Агаш-аяк” до “Абая” атты көлемді мақаласы, А. Фадеевтің, К. Симоновтың, Б. Горбатовтың, К. Фединнің, В. Ермиловтың, Вс. Ивановтың пікірлері жарияланған. Осы нөмірінде С. Бородиннің роман туралы “Выдающееся художественное произведение” атты мақаласы басылған.

М. Әуезовтің академиялық шығармалар жинағының бұл томына сұхбаттың газеттік нұсқасы толығымен берілді.

*Д. Қонаев*

## “Традиции русского реализма и казахская дореволюционная литература”

Мақала “Дружба народов” журналының 1949 жылғы 2-санында (123–139-бб.) шыққан. Қазақ әдебиетінің орыстың реалистік әдебиетімен байланысын жүйелі түрде талдаған көлемді мақала кейін көптеген басылымдарда (Ученые записки КазГУ. Алма-Ата, 1950. Т. 13. Вып. 5. С. 3–21; Ауэзов М.О. Мысли разных лет. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1959. С. 434–452; Сборник статей о казахской литературе. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1957. С. 5–30; Ауэзов М.О. Абай Кунанбаев: Статьи и исследования. / Под. ред. И.Т. Дюсембаева. Алма-Ата: Наука, 1967. С. 357–376; Ауэзов М.О. Собр. соч.: В 5 т. М., 1975. Т. 5. С. 250–273; Әуезов М.О. 20 томдық шығармалар жинағы. Алматы: Жазушы, 1985. 19-т. 164–186-бб.; Әуезов М.О. Таңдамалы. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1997. 381–392-бб.) жарық көрді.

“Әуезов үйі” ҒМО архивінде мақаланың қолжазбасы сақталған (246-бума, 1–45-бб.). Қолжазба машинкада басылған. Қызыл, қара қарындашпен түзетілген жерлері бар. Түзетулер автордың және бөтен адамның қолымен жасалған.

М. Әуезовтің академиялық шығармалар жинағының бұл томына мақаланың газеттегі нұсқасы қолжазбамен салыстырылып барып берілді.

1.167-б. **Ахундов мырза Фатали (1812–1878)** – көрнекті әзірбайжан жазушысы, ағартушы-демократ, қоғам қайраткері, әзірбайжан реалистік әдебиетінің негізін қалаушы.

2.171-б. **Петрашевы** – М.В. Буташевич-Петрашевский басқарған ұйым, XIX ғ. 40-жылдарындағы қоғамдық-әдеби қозғалыс орталықтарының бірі. В.Г. Белинский мен А.И. Герцен жетекшілік еткен демократиялық, крепостнойлық билікке қарсы қозғалыс орыс қоғамдық ойының барлық салаларына, оның ішінде петрашевшілдер үйірмесіне де әсер еткен.

3.171-б. **Дуров Сергей Федорович (1816–1869)** – орыс ақыны. Дуров 1847 жылдан бастап М.В. Петрашевскийдің

үйірмесіне мүше болып, 1849 жылы тұтқындалып, Сібірге жер аударылған. Дуров поэзиясы демократиялық идеяларды көтеріп, элегиялық сипатта жазылған.

4. 172-б. **“Современник”** – 1847–1866 жылдары Петербургте шығып тұрған орыс журналы. Ай сайын шығатын журналдың басында Н.А. Некрасов пен А.И. Панаев тұрған. Журналға А.И. Герцен, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, т.б. атсалысқан. “Современник” либералдық, консервативтік журналистикамен қатты айқасқа түсіп, 60-жылдардағы революционер-ағартушылардың трибунасына айналды. Негізгі сыни ойлар Чернышевский мен Добролюбовтың мақалалары мен рецензияларында айтылды.

*Д. Қонаев*

## **“Как я работал над романом”**

Мақала “Ленинская смена” газетінің 1949 жылғы 24 наурыздағы санында жарық көрген. Осы газеттің үшінші бетінде қазақ әдебиетінің Мәскеудегі онкүндігіне арналған айдармен берілген бірнеше мақалалар топтамасы бар. “Роман о великом Абае” деген ортақ тақырыппен шыққан осы арнайы бетте М. Әуезовтің “Как я работал над романом” атты мақаласы, Е. Лизунованың “Творческая победа Мухтара Ауэзова” атты жаңа кітап жайлы көлемді пікірі, “Абай” романының екінші кітабынан үзінді берілген.

Мақала М. Әуезов шығармаларының 50 томдық академиялық басылымына газеттегі нұсқасы бойынша әзірленді.

***Р. Қайшыбаева***

## “Степной батыр”

М.О. Әуезов “Степной батыр” атты әдеби сценарийді В.И. Кадочников және В.И. Филипповтермен бірігіп жазды. Бұл сценарийдің жазушы мұражайында сақталған машинкелік нұсқасының (653-бума) алғы бетінде: “Алма-Ата. Киностудия худ. фильмов. Фонд 1708, опись 1, по ед. хр. 181. “Степной батыр” (По народной казахской легенде “Сказание о Козы-Корпече и Баян-Слу”). Литературный сценарий. 2-ой вариант. Центральная объединенная киностудия худ. фильмов. г. Алма-Ата. 1944 г. октябрь” деген андатпа жазулар бар.

Міне, осыдан сценарийдің алғашқы нұсқасы 1942 жылы жазылса, ал екінші нұсқа келесі әдеби кеңесте толықтай дайындалып, өндіріске 1944 жылы жіберілгенін көреміз. Ал негізінде кино түсіруге дайындық басталып кеткенімен, В.И. Кадочниковтың мезгілсіз қайтыс болуы бұл жұмысты аяқсыз қалдырды.

Жазушының әдеби сценарийінің екінші нұсқасы ақ өлеңмен жазылған. Жалпы, М. Әуезовтің “Қозы Көрпеш – Баян сұлуға” деген қызығушылығы сонау 1925 жылдан басталып, жырдан үзіндіні “Таң” журналында (1925. №2. 70–72-бб.) бастырған.

М. Әуезов мұқият түрде жинаған Жанақ нұсқасы басқа нұсқалардың жақсы қырларын еш кемітпейді. М. Әуезов 1936 жылы жарияланған Жанақ вариантына жазған алғы сөзінде: “Қозы Көрпештегі” жырдың арнасы жүрген топырақтар – әр дәуірдің таптық, қоғамдық топырағы”, – дейді. Кейін бұл нұсқаны В. Потапова орыс тіліне аударып, 1968 жылы Алматыда бастырды. Кейінірек Ғ. Мүсірепов жазған “Қозы Көрпеш – Баян сұлу” трагедиясында есейіп қалған Қозы мен Баян суреттеледі. Өкінішке қарай, М. Әуезовтің “Степной батыр” әдеби киносценарийі кинотанушылардың зерттеу объектісіне айналмады. Тек белгілі кинотанушы Б. Нөгербек “Кино Казахстана” атты моно-

графиясында киномұрадағы “Экран және экрандық-фольклорлық байланыстар” мәселесін көтергенмен, М. Әуезовтің әдеби сценарийі жайында сөз етпеген . М. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресіндегі деректерде сценариймен жұмыс істеген уақыт жайында мәліметтер берілген.

*Р. Қайшыбаева*

## “Асыл нәсілдер”

### (екінші нұсқасы)

Жазушының бұл әңгімесінің үш түрлі жазбасы (47, 48, 49-бумалар) сақтаулы тұр, бәрі де машинкада басылған, бәрінің де өңделіп, жөнделген тұстары көп. Мұндағы еңбектенуінің түрлері де бір-біріне ұқсамайды және енгізген толықтырулары бірін-бірі қайталамайды, әрқайсысының өзіндік бітімдегі ерекшеліктері бар:

“Түн ортасы боп қалды, бірақ Әсияда ұйқы жоқ. Күзет қамы да емес, ой ұйықтатпайды. Бұл ой бір бүгін емес, соңғы екі жұмадан бері ішінде жүр” (49-бума, 1-б.); “Түн ортасы боп қалды, бірақ Әсияда ұйқы жоқ. Күзеттің жауаптылығынан да емес, Әсияны ой ұйықтатпайды. Бұл ой бір бүгін емес, соңғы екі жұма бойында ішіне терең орнап, үнемі өкіндіріп, қайнап, кеміріп жүр” (48-бума, 1-б.). Өзгешелік алғашқы беттің бірінші сөйлемдерінен бастап көрінсе, бұлар бара-бара аумақтанып, күрделеніп кете барады.

Осындай бірінде бар көріністер екіншісінде қайталанбайды, жазушы көп тұстарын өңдейді, өзгертіп жетілдіреді, енді бір тұстарын мүлде алып тастайды да, жаңадан толықтырулар қосады. Осылардың қатарында мыналар сияқты ешқайсысына енбей, қысқарып қалғандары да кездеседі: “...қазір Әсия есіне түсірейін десе, бастан кешкен анық халдің барлығы бұған айқын суреттей бірде-бір оралмайды. Тек жадында қалған жалғыз бір кез бар. Молтай екеуі күлкі-дырдуы, айтыс-әні көп үйден тысқа шыққан шақта толық ай әлі де сүттей жарық еді. Желі жоқ тып-тынық түн екен. Өзен жақтан шалғынды, жасыл шилі сызаттан келген болымсыз салқын буалдыр тартып, мұнартып тұр екен. Сәл ғана салқын леп бұларға ымдағандай боп, өзен жағасына жетелеп тартқандай болғаны бар. Шилеуіт далдасы көп, жасырыны мол түн Әсияның есін алды...

Таң ата жалғыз өзі жай басып, әппақ сұр боп қуарып қайтты. Өз үйіне қарай жөнелгенде, Әсия жүрегіне үлкен қылмыс артынан лезде оянған, ең алғаш сол таңда оянған өкініш келген еді. Мұның артында қалған қалың ши мен терең жар жасырған өкінішті сырды әлем білгендей, Әсияның қарсы алдынан шығып: “Бәрің білдім. Аздың ғой!..” дегендей боп ардақты, арманды жары Сайлыбек кінәлап, тосып тұрғандай боп еді. Сол кекшіл таңның өзінде жас жүрегі осы бүгінгі болар уайымды сезгендей болатын. Әсия ата-енесінің үйіне кіре алмай, күн шыққанша үй сыртында отырып, үнсіз жаспен ұзақ егіліп жылаған-ды... Бүгін, міне, сондағы Әсия күнәсінің себепшісі болған Молтай да жоқ. Ол шақта әскерден жас жігіт қалатын сияқты дәлелі де, үміті де бар еді. Бірақ ондағы сенімнің бәрі текке кетті. Молтайды да Отан әмірі жауға қарсы жұлқысып жатқан майданға апкетті” (47-бума, 10-б.). Бұлар қысқарып қалғандарының бір алуаны болса, жарық көрген басылымына және қазіргі ұсынылып отырған нұсқасына енбей қалған қосымшалары кездеседі:

“Үй ішінде Есіркеп пен Балжан бұл кезде ояу жатыр. Балжан түн суығын, уайым өкінішін сезіне сала Әсияны аяп:

– Айналайын-ай, жаурап бітті-ау! – деп қынжыла бастады. Есіркеп “несіне мүсіркейді” дегендей ұнатпай қырыстана түскен еді. Соны сезген Балжан:

– Аяғы ауырлап барады, – деді.

Бұған Есіркеп тіпті шыдай алмай:

– Кімнің баласы екені белгісіз ұрықты айтқаны несі? – деді.

– Белгісіз емес... Ол баланың әкесі бар, ол – Молтай. Әсия соған тиген... тиген екен. Тек мезгілінде айта алмапты. Сен өзің қыңырая бермей, құлақ ассаңшы бір... Молтай – баланың әкесі... – деп тағы айтты.

– Молтай?! – деп Есіргеп үндемей қалды. Молтайды қарт жақсы көруші еді. Әсия әлдекім емес, Молтайды сүйеді екен. Оған тиген екен. Тіпті атсыз баланың әкесі емес. Бұл Есіргеп ойына шұғыл бір өзгеріс кіргізгендей. Қазір қой шетіндегі жас келін күйіне ішінен өзі де үлкен қамқорлықпен қарайтын шалға мынау сөз ой салды.

Балжан болса, жаңағы өзі айтқан хабарды соңғы күндер Қанипадан білген. Әсияның іші өсе бастаған соң Қанипа өз шешесінен енді Молтайды жасыруды мақұл көрмеген-ді. Дауылды түнде тыныштығы кетіп жатқан күйді Есіргеп Балжаннан білді. Әсия дәл осы кезде үйге тақап еді” (47-бума, 38-б.).

Әңгіменің машинкада басылған үш түрлі жазбасы болса, олардың әрқайсысының өзіндік өзгеліктері мен ерекшеліктері бар; ол бөлектік қосымшалары мен түзетіп, өңдеулерінен авторға тән ізденістің үлгі өрнектері көрінеді. Бұлардың көлемдік жағына көз салса, бұл ретте олар бір-бірінен айтарлықтай қара үзіп кете қоймаған.

Қаламгердің көзі тірі кезінде “Әдебиет және искусство” журналы мен “Өркен” (А., 1947 ж.) жинағында әңгіменің алты бөліктен тұратын нұсқасы жарияланды. Соңынан он екі томдық, жиырма томдық шығармалар жинағындағы басылымдарына осылар негізге алынды. Жоғарыда аталған бумаларда осы жарияланымдардың толық екі нұсқасының бар екендігі белгілі болды, осылардың екеуі де жеті бөліктен тұрады; көлемі, жазылуы жағынан бұл нұсқаларда айтарлықтай алшақтықтар болмағанмен, сөйлем құрылыстары мен абзацтарында, жекелеген көріністерінде едәуір айырмашылықтар бар. Енді бұл басылымына жаңағы айтылған өзгеліктерден басқа, жаңадан бір, яғни ең соңғы жетінші бөлік қосылды.

*Т. Әкім*

## “Шыңғыстау”

Латын әрпінде жазылған қолжазба (автограф) мұражай қорында (59-бума, 31–42-бб.) сақтаулы. Шығарманың жазылған мерзіміне келсек, 1943 жылы жазушы “Абай” романына материал жинау үшін ақын еліне барған сапарында жазды-ау деп топшылауға болады. Өйткені әңгіме сол тұстың оқиғасын суреттейді.

Әңгімеге ат қойылмаған. Қолжазбаның соңғы бетінің сыртына көк бояулы қарындашпен “Шыңғыстау” (жаңа әңгіме) деп жазылған. Әңгіме осы атпен мұражай қорынан алынып, алғаш рет “Қазақ әдебиетінің” 1967 жылғы 15 желтоқсан күнгі санында жарияланды. Шығарманы баспаға әзірлеген – М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының байырғы қызметкерлері М. Бөжеев пен Б. Сахариев.

Әңгіменің газетте жарияланған нұсқасы жиырма томдық шығармалар жинағының екінші томында (Алматы: Жазушы, 1979. 2-т. 359–369-бб.) басылды.

Бұл томға қолжазба (автограф) кейінгі басылымдарда жарық көрген мәтіндерімен өзара текстологиялық салыстырулар жасалыну арқылы, төмендегідей ішінара түзетулер енгізіліп, толық жіберіліп отыр: “Бірақ бұл күнде ешкімнің ойында жоқ” – “Бірақ бұл күнде ол ешкімнің ойында жоқ”; “Өйткені” – “Үйткені”; “деуші еді” – деушіед”; “Ескі Иннан” – “Ескі Юннан”; “қой қатынан” – “қой санынан”; “Шолақ әңгімеде де осы өңірді” – “Шолақ әңгімеде осы өңірді де”; “қадалып жатты” – “қадалып қапты”; “жер сияқтанып” – “жез сияқтанып”; “жарқырай қарап” – “жарқырай қарады”; “жас шопан” – “жас шабан”; “жиын жұртқа сөйлеген еді” – “жиын жұртқа шешіле сөйлеген еді”; “Түнерген қалың таулармен” (363-б.) – “Түнерген қалың биік таулармен”; “жер иесі ерінді, жер үстіндегі малыңды беріп қоймай” (364-б.) –

“жер ерінді, жер үстіндегі малыңды беріп қоймай”; “ферманың барлық шопандарына” (364-б.) – “фермасының барлық шабандарына”; “Содан бері кеш бойы” (364-б.) – “Содан бәрі кеш бойы”; “Базар екеуі ұзақ даурықтың артынан” (365-б.) – “Базар екеуі көп даурықтың артынан”; “Сол кенерде” (368-б.) – “Сол кенереде”.

*С. Майлыбай*

## “Стойкое племя”

Бұл шығарма – “Асыл нәсілдер” пьесасының орыс тіліне қазақшадан жолма-жол аударылған нұсқасы. Пьеса бұдан бұрын баспасөз бетінде жарық көрмеген. Баспаға ұсынуға әзірленіп, машинкаға басылған нұсқасы “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорында (114-бума, 80–154-бб.) сақталған. Пьесаны “Арқалық” деген девизбен конкурсқа арнайы дайындағаны байқалады. Ол туралы мәліметтер қолжазбаның алғашқы бетінде көрсетілген. Жазушы пьесаны орыс тіліне аудару барысында тыңнан ешнәрсе қоспай, “Асыл нәсілдердегі” белгілі оқиғаларды негізге алады. Ондай қой тұқымын асылдандыру ісімен айналысатын ғалымдардың осы саладағы жемісті ізденістері мен ауыл еңбеккерлерінің бұл нәтижелерді жүзеге асырудағы қажырлы еңбегі суреттеледі.

Аударма М. Әуезовтің 50 томдық толық шығармалар жинағына қолжазбадағы нұсқасы бойынша әзірленді.

*К. Рахымжанов*

## М А З М Ұ Н Ы

<b>I. МАҚАЛАЛАР, ЗЕРТТЕУЛЕР</b> .....	3
“Манас” – киргизская народная героическая поэма .....	5
Абай – великий казахский поэт .....	89
Ыбырай Алтынсарин – қазақ мәдениетінің зор қайраткері ...	106
Әбділда Тәжібаев .....	112
Гениальные творения .....	135
После декады .....	137
Основа нашей жизни .....	142
Қазақ халқының зор ғалымы .....	144
Самое большое счастье .....	153
Вдохновенный учитель .....	156
Тяжелая утрата .....	161
Как создавалась эта книга .....	163
Традиции русского реализма и казахская дореволюционная литература .....	167
Как я работал над романом .....	191
<b>II. ӘДЕБИ СЦЕНАРИЙ</b> .....	193
Степной батыр (литературный сценарий) .....	195
<b>III. ӘНГІМЕЛЕР</b> .....	267
Асыл нәсілдер (екінші нұсқасы) .....	269
Шыңғыстау .....	326
<b>IV. ПЬЕСА</b> .....	337
Стойкое племя (пьеса) .....	339
<b>V. ЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР</b> .....	399

**ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ**

**Шығармаларының елу томдық толық жинағы**

**29-том**

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының  
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:  
*С. Назарбаева, Б. Қанапиянов*

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан, А. Шаихова*  
Көркемдеуші редакторы *С. Оспанова*  
Техникалық редакторы *Н. Ромахова*  
Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 10.07.2014 ж. қол қойылды.  
Пішімі 84x108 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Офсеттік қағаз.  
Қаріп түрі “Таймс”.  
Шартты баспа табағы 22,7.  
Таралымы 4000 дана.  
Тапсырыс № 345.



ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,  
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.  
E-mail: rpik-daur81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі  
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.  
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-171-5



9

7 8 6 0 1 2 9 4 1 7 1 5